

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ВЛАДИМИР АРСЕНЬЕВ

ДЕРСУ УЗАЛА

ПОВЕСТИ

Annotation

«Настоящий труд, предлагаемый мной читателям, есть популярный обзор путешествия, предпринятого мной в горную область Сихотэ-Алинь в 1906 году. Он заключает в себе географическое описание пройденных маршрутов и путевой дневник.

В моей книге читатель найдет картины из природы страны и ее населения. Многие из этого уже в прошлом и приобрело интерес исторический».

- Владимир Арсеньев

-

- Глава 1

- Глава 2

- Глава 3

- Глава 4

- Глава 5

- Глава 6

- Глава 7

- Глава 8

- Глава 9

- Глава 10

- Глава 11

- Глава 12

- Глава 13

- Глава 14

- Глава 15

- Глава 16

- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)

- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)

- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)

- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)

- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)

- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)

- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)

- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)

- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)

- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)

- [203](#)
 - [204](#)
 - [205](#)
-

Владимир Арсеньев

По Уссурийскому краю

Настоящий труд, предлагаемый мной читателям, есть популярный обзор путешествия, предпринятого мной в горную область Сихотэ-Алинь в 1906 году. Он включает в себе географическое описание пройденных маршрутов и путевой дневник.

В моей книге читатель найдет картины из природы страны и ее населения. Многие из этого уже в прошлом и приобрело интерес

исторический. За последние двадцать лет Уссурийский край сильно изменился.

Первобытные девственные леса в большей части страны выгорели, и на смену им появились леса, состоящие из лиственницы, березы и осины. Там, где раньше ревел тигр, ныне свистит паровоз, где были редкие жилища одиноких звероловов, появились большие русские селения, туземцы отошли на север, и количество зверя в тайге сильно уменьшилось.

Край начал утрачивать свою оригинальность и претерпевать то превращение, которое неизбежно несет за собой цивилизация.

Изменения произошли главным образом в южной части страны и в низовьях правых притоков реки Уссури, горная же область Сихотэ-Алинь к северу от 45° широты и поныне осталась такой же лесной пустыней, как и во времена Будищева и Венюкова (1857–1869).

Вначале я считаю своим долгом принести благодарность тем лицам, которые так или иначе способствовали моим начинаниям в деле исследования Уссурийского края.

Три мои экспедиции в Сихотэ-Алинь были снаряжены на средства Приамурского отдела Русского географического общества и на

особые ассигнования из сумм военного ведомства.

На Дальнем Востоке среди моряков я нашел доброжелателей и друзей. В 1906 году они устроили для меня на берегу моря питательные базы и на каждый пункт, кроме моих ящиков, добавили от себя еще по ящичку с красным вином, консервами, галетами, бисквитами и т.д.

Если во время путешествия я и достиг хороших результатов, то этим я в значительной степени обязан своим спутникам.

Большую часть своего успеха я отношу к примерной самоотверженности и честной службе сибирских стрелков и

уссурийских казаков, бывших со мной в путешествиях.

Мне не только не приходилось их подбадривать, а, наоборот, приходилось останавливать из опасения, что они надорвут свое здоровье. Несмотря на лишения, эти скромные труженики терпеливо несли тяготы походной жизни, и я ни разу не слышал от них ни единой жалобы. Многие из них погибли в войну 1914–1917 годов, с остальными же я и по сие время нахожусь в переписке.

Во время путешествия капитаны пароходов, учителя, врачи и многие частные лица нередко оказывали мне различные услуги и советами и

делом, неоднократно содействовали и облегчали мои предприятия. Шлю им дружеский привет и благодарю за радушие и гостеприимство.

Каждый раз, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю прошлое, передо мной встает фигура верхнеуссурийского гольда Дерсу Узала, ныне покойного. Сердце мое надрывается от тоски, как только я вспоминаю его и нашу совместную странническую жизнь.

Если мы взглянем на этнографическую карту Уссурийского края и отыщем на ней гольдов, то увидим, что туземцы эти распределились узкой полосой по долине реки Уссури до устья

Даубихе. Часть гольдов обитала ранее по реке Улахе и ее притокам. Нас интересуют именно эти последние.

Было бы ошибочно относить этих людей к какой-либо особой народности и отделять их от прочих гольдов. В антропологическом отношении они нисколько не отличались от своих соседей — рыболовов, расселившихся по Уссури. Отличительной особенностью их была страсть к охоте.

Живя в таких местах, где рыбы было мало, а тайга изобиловала зверем, они на охоту обратили все свое внимание. В погоне за соболем, на охоте за дорогими пантами и в

поисках за целебным
могущественным женьшенем гольды
эти далеко проникали на север и не
раз заходили в самые отдаленные
уголки Сихотэ-Алиня. Это были
отличные охотники и
удивительнейшие следопыты.
Путешествуя с Дерсу и
приглядываясь к его приемам, я
неоднократно поражался, до какой
степени были развиты в нем эти
способности. Гольд положительно
читал следы, как книгу, и в строгой
последовательности восстанавливал
все события.

Трудно перечислить все те
услуги, которые этот человек оказал
мне и моим спутникам. Не раз,

рискуя своей жизнью, он смело бросался на выручку погибающему, и многие обязаны ему жизнью, в том числе и я лично.

Ввиду той выдающейся роли, которую играл Дерсу в моих путешествиях, я опишу сначала маршрут 1902 года по рекам Цимухе и Лефу, когда произошла моя первая с ним встреча, а затем уже перейду к экспедиции 1906 года.

Первые свои три путешествия я закончил в 1910 году. Следующие три года мной были посвящены обработке собранных материалов при любезном содействии известных специалистов Л.С. Берга, И.В. Полибина, С.А. Бутурлина и Я.С.

Эдельштейна.

К 1917 году рукописи были готовы. Еще в черновом виде они ходили по рукам моих друзей и знакомых, в числе которых было немало педагогов.

Их отзывы утвердили меня в том смысле, что появление такого научно-популярного описания края, из которого учащаяся молодежь почерпнула бы немало интересных сведений, было бы полезным делом.

В. Арсеньев

Глава 1

Стеклянная падь

Бухта Майтун. — Село Шкотово. — Река Бейца. -Встреча с пантерой. — Да-дянь-шань. — Изюбр

В 1902 году во время одной из командировок с охотничьей командой я пробирался вверх по реке Цимухе, впадающей в Уссурийский залив около села Шкотова. Мой отряд состоял из 6 человек сибирских стрелков и четырех лошадей с вьюками. Цель моей командировки заключалась в обследовании Шкотовского района в

военном отношении и в изучении перевалов в горном узле Да-дянь-шань^[1], откуда берут начало четыре реки: Циму, Майхе, Даубихе^[2] и Лефу. Затем я должен был осмотреть все тропы около озера Ханка и вблизи Уссурийской железной дороги.

Горный хребет, о котором здесь идет речь, начинается около Имана и идет к югу параллельно реке Уссури в направлении от северо-северо-востока к юго-юго-западу так, что на запад от него будет река Сунгача и озеро Ханка, а на восток — река Даубихе. Далее он разделяется на две ветви. Одна идет к юго-западу и образует хребет Богатую Гриву, протянувшийся вдоль всего

полуострова Муравьева-Амурского, а другая ветвь направляется к югу и сливается с высокой грядой, служащей водоразделом между реками Даубихе и Сучаном^[3].

Верхняя часть Уссурийского залива называется бухтой Майтун. Бухта эта раньше значительно глубже вдавалась в материк. Это бросается в глаза с первого взгляда. Береговые обрывы ныне отодвинуты в глубь страны на 5 км. Устье реки Тангоузы^[4] раньше было на месте нынешних озер Сан^[5] и Эль-Поуза^[6], а устье реки Майхе^[7] находилось немного выше того места, где теперь пересекает ее железная дорога. Вся эта площадь в 22 км² представляет

собой болотистую низину, заполненную наносами рек Майхе и Тангоузы. Среди болот сохранились еще кое-где озерки с водой; они указывают, где были места наиболее глубокие. Этот медленный процесс отступления моря и нарастания суши происходит еще и теперь. Эта же участь постигнет и бухту Майтун. Она и теперь уже достаточно мелководна. Западные берега ее слагаются из порфиров, а восточные из третичных отложений: в долине Майхе развиты граниты и сиениты, а к востоку от нее — базальты.

Село Шкотово находится около устья реки Цимухе, на правом берегу. Основание его относится к 1864 году.

В 1868 году его сожгли хунхузы, но на другой год оно возродилось снова^[8]. Пржевальский в 1870 году в нем насчитал 6 дворов и 34 души обоего пола^[9]. Я застал Шкотово довольно большим селом^[10].

Здесь мы провели двое суток, осматривали окрестности и снаряжались в далекий путь. Река Цимухе, длиной в 30 км, течет в широтном направлении и имеет с правой стороны один только приток – Бейцу. Долину, по которой протекает река, здешние переселенцы называют Стеклопанной падью. Такое название она получила от китайской зверовой фанзы, в окне которой был вставлен небольшой

кусочек стекла. Надо заметить, что тогда в Уссурийском крае не было ни одного стекольного завода, и потому в глухих местах стекло ценилось особенно высоко. В глубине гор и лесов оно было своего рода меновой единицей. Пустую бутылку можно было выменять на муку, соль, чумизу и даже на пушнину. Старожилы рассказывают, что во время ссор враги старались проникнуть друг к другу в дом и перебить стеклянную посуду. Немудрено поэтому, что кусочек стекла в окне китайской фанзы^[11] был роскошью. Это обратило внимание первых переселенцев, и они называли Стеклянной не только фанзу и речку,

но и всю прилегающую местность.

От Шкотова вверх по долине Цимухе сначала идет проселочная дорога, которая после села Новороссийского сразу переходит в тропу. По этой тропе можно выйти и на Сучан, и на реку Кангоузу^[12], к селу Новонежину. Дорога несколько раз переходит с одного берега реки на другой, и это является причиной, почему во время половодья сообщение по ней прекращается.

Из Шкотова мы выступили рано, в тот же день дошли до Стеклопанной долины и свернули в нее. Река Бейца течет на запад-юго-запад почти по прямому направлению и только около устья поворачивает на запад.

Ширина Стекло́йной пади не везде одинакова: то она суживается до 100 м, то расширяется более чем на 1 км. Как и большинство долин в Уссурийском крае, она отличается удивительной равнинностью. Окаймляющие ее горы, поросшие корявым дубняком, имеют очень крутые склоны. Границы, где равнина соприкасается с горами, обозначены чрезвычайно резко. Это свидетельствует о том, что здесь были большие денудационные процессы. Долина раньше была гораздо глубже и только впоследствии выполнилась наносами реки.

По мере того как мы углублялись

в горы, растительность становилась лучше. Дубовое редколесье сменилось густыми смешанными лесами, среди которых было много кедра. Путеводной нитью нам служила маленькая тропинка, проложенная китайскими охотниками и искателями женьшеня. Через 2 дня мы достигли того места, где была Стеклянная фанза, но нашли здесь только ее развалины. С каждым днем тропинка становилась все хуже и хуже. Видно было, что по ней давно уже не ходили люди. Она заросла травой и во многих местах была завалена буреломом. Вскоре мы ее совсем потеряли. Встречались нам и зверовые тропы; мы пользовались

ими, пока они тянулись в желательном для нас направлении, но больше шли целиной. На третий день к вечеру мы подошли к хребту Да-дянь-шань, который идет здесь в меридиональном направлении и имеет высоту в среднем около 700 м. Оставив людей внизу, я поднялся на одну из соседних вершин, чтобы оттуда посмотреть, далеко ли еще осталось до перевала. Сверху хорошо были видны все горы. Оказалось, что водораздел был в 2 или 3 км от нас. Стало ясно, что к вечеру нам не дойти до него, а если бы мы и дошли, то рисковали заночевать без воды, потому что в это время года горные ключи в истоках почти совсем

иссякают. Я решил встать на бивак там, где остались лошади, а завтра идти к перевалу.

Обыкновенно свой маршрут я никогда не затягивал до сумерек и останавливался на бивак так, чтобы засветло можно было поставить палатки и заготовить дрова на ночь. Пока стрелки возились на биваке, я пользовался свободным временем и отправлялся осматривать ближайшие окрестности. Постоянным моим спутником в такого рода экскурсиях был Поликарп Олентьев – отличный человек и прекрасный охотник. Ему было тогда 26 лет. Он был среднего роста и хорошо сложен. Русые волосы, крупные черты лица и

небольшие усы дадут читателю некоторое представление о его лице. Олентьев был оптимист. Даже в тех случаях, когда мы попадали в неприятные положения, он не терял хорошего настроения и старался убедить меня, что «все к лучшему в этом лучшем из миров». Сделав нужные распоряжения, мы взяли с ним ружья и пошли на разведку.

Солнце только что успело скрыться за горизонтом, и в то время, когда лучи его золотили верхушки гор, в долинах появились сумеречные тени. На фоне бледного неба резко выделялись вершины деревьев с пожелтевшими листьями. Среди птиц, насекомых, в сухой траве —

словом, всюду, даже в воздухе, чувствовалось приближение осени.

Перейдя через невысокий хребет, мы попали в соседнюю долину, поросшую густым лесом. Широкое и сухое ложе горного ручья пересекало ее поперек. Тут мы разошлись. Я пошел по галечниковой отмели налево, а Олентьев – направо. Не прошло и 2 минут, как вдруг в его стороне грянул выстрел. Я обернулся и в это мгновение увидел, как что-то гибкое и пестрое мелькнуло в воздухе. Я бросился к Олентьеву. Он поспешно заряжал винтовку, но, как на грех, один патрон застрял в магазинной коробке, и затвор не закрывался.

— Кого ты стрелял? — спросил я его.

— Кажется, тигра, — отвечал он. — Зверь сидел на дереве. Я хорошо прицелился и, наверное, попал.

Наконец застрявший патрон был вынут. Олентьев вновь зарядил ружье, и мы осторожно двинулись к тому месту, где скрылось животное. Кровь на сухой траве указывала, что зверь действительно был ранен. Вдруг Олентьев остановился и стал прислушиваться. Впереди, немного вправо от нас, слышался храп. Сквозь заросли папоротников ничего нельзя было видеть. Большое дерево, поваленное на землю, преграждало нам путь. Олентьев хотел было уже

перелезть валежник, но раненое животное предупредило его и стремительно бросилось навстречу. Олентьев второпях выстрелил в упор, даже не приставляя приклада ружья к плечу, — и очень удачно. Пуля попала прямо в голову зверя. Он упал на дерево и повис на нем так, что голова и передние лапы свесились по одну сторону, а задняя часть тела — по другую.

Убитое животное сделало еще несколько конвульсивных движений и начало грызть землю. В это время центр тяжести переместился, оно медленно подалось вперед и грузно свалилось к ногам охотника.

С первого же взгляда я узнал

маньчжурскую пантеру, называемую местными жителями барсом. Этот великолепный представитель кошачьих был из числа крупных. Длина его тела от носа до корня хвоста равнялась 1,4 м. Шкура пантеры, ржаво-желтая по бокам и на спине и белая на брюхе, была покрыта черными пятнами, причем пятна эти располагались рядами, как полосы у тигра. С боков, на лапах и на голове они были сплошные и мелкие, а на шее, спине и хвосте — крупные, кольцевые.

В Уссурийском крае пантера держится только в южной части страны и главным образом в Суйфунском, Посъетском и

Барабашевском районах. Главной пищей ей служат пятнистые олени, дикие козули и фазаны. Животное это крайне хитрое и осторожное. Спасаясь от человека, пантера влезает на дерево и выбирает такой сук, который приходится против ее следов на земле и, следовательно, как раз против луча зрения охотника. Растянувшись вдоль него, она кладет голову на передние лапы и в этом положении замирает. Пантера отлично понимает, что со стороны головы ее тело, прижатое к суку, менее заметно, чем сбоку.

Снимание шкуры с убитого животного отняло у нас более часа. Когда мы тронулись в обратный путь,

были уже глубокие сумерки. Мы шли долго и наконец увидели огни бивака. Скоро между деревьями можно было различить силуэты людей. Они двигались и часто заслоняли собой огонь. На биваке собаки встретили нас дружным лаем. Стрелки окружили пантеру, рассматривали ее и вслух высказывали свои суждения. Разговоры затянулись до самой ночи.

На другой день мы продолжали наш путь. Долина суживалась, и идти становилось труднее. Мы шли целиной и только заботились о том, чтобы поменьше кружить.

В полдень мы подошли к самому гребню. Подъем был крутой и

трудный. Лошади карабкались на кручу изо всех сил; от напряжения у них дрожали ноги, они падали и, широко раскрыв ноздри, тяжело и порывисто дышали. Чтобы облегчить путь, пришлось идти зигзагами, часто останавливаться и поправлять вьюки. Наконец мы взобрались на хребет. Здесь дан был получасовой отдых. По хребту, поросшему лесом, надо идти всегда осторожно, надо часто останавливаться, осматриваться, иначе легко сбиться с пути, в особенности во время тумана. Помню, раньше я несколько раз таким образом блуждал. Чтобы не повторить ошибки, я приказал людям остановиться и, выбрав

высокий кедр, не без труда взобрался на самую его вершину.

Сверху я увидел весь горный хребет Да-дянь-шань как на ладони. Он шел на север с легким изгибом к востоку. Здесь он имел характер расплывчатый, неясный, а далее на восток, вероятно в верховьях Даубихе и Улахе^[13], был высок и величествен. Западные его склоны казались крутыми и обрывистыми, восточные – более пологими. Слева вдали виднелись Майхе и Цимухе, справа – сложный бассейн Сучана. С этой стороны местность была так пересечена, что я долго не мог сообразить, куда текут речки и к какому они принадлежат бассейну.

Впереди, в 5 км, высилась какая-то куполообразная гора. Ее-то я и наметил пунктом, где следовало второй раз ориентироваться.

На вершине хребта Да-дянь-шань растет лес крупный, чистый, вследствие чего наше передвижение с вьюками происходило довольно быстро. В одном месте мы спугнули двух изюбров – самца и самку. Олени отбежали немного и остановились как вкопанные, повернув головы в нашу сторону. Один из казаков хотел было стрелять, но я остановил его. Продовольствия мы имели достаточно, а лошади были перегружены настолько, что захватить с собой убитых оленей мы

все равно не могли бы. Я несколько минут любовался изюбрами. Наконец самец не выдержал. Он издал короткий крик и, положив рога на спину, сильными прыжками пошел наискось под гору.

Благородный олень, обитающий в Приамурском крае, называется изюбром. Это стройное и красивое животное имеет в длину 1,9 м, а в высоту – 1,4 м. Вес тела достигает 197 кг. Шерсть изюбра летом светло-коричневая, зимой – серовато-бурая с бело-желтым зеркалом сзади. На длинной и сильной шее, украшенной у самцов гривой, помещается красивая голова с большими трубчатыми и подвижными ушами.

Вилообразно расходящиеся рога имеют впереди два прямых бивня и несколько верхних отростков. Рога эти зимой спадают и весной вырастают вновь, и притом каждый раз одним отростком больше. Поэтому по числу отростков можно судить о возрасте оленя, считая один лишний год, когда он ходит безрогим (саек). Однако количеству отростков есть предел. Обыкновенно взрослый самец имеет их не более семи. В дальнейшем идет только увеличение веса рогов, их размеров и толщины. Молодые весенние рога, наполненные кровью и еще не затвердевшие, называются пантами.

В Уссурийском крае

благородный олень обитает в южной части страны, по всей долине реки Уссури и ее притокам, не заходя за границу хвойных насаждений Сихотэ-Алиня. На побережье моря он встречается до мыса Олимпиады.

Летом изюбр держится по тенивым склонам лесистых гор, а зимой — по солнцепекам и в долинах, среди равнинной тайги, где полянки чередуются с перелесками. Любимый летний корм изюбра составляет леспедца, а зимой — молодые побеги осины, тополя и низкорослой березы.

В полдень мы сделали большой привал. По моим соображениям, теперь мы должны были находиться

недалеко от куполообразной горы.

В походе надо сообразоваться не столько с силами людей, сколько с силами вьючных животных. И в самом деле, они несут большие тяжести, поэтому при всякой более или менее продолжительной остановке надо облегчить их спины от груза.

Как только лошади были расседланы, их тотчас пустили на свободу. Внизу, под листьями, трава была еще зеленая, и это давало возможность пользоваться кое-каким подножным кормом.

Глава 2

Встреча с Дерсу

*Бивак в лесу. – Ночной гость. –
Бессонная ночь. – Рассвет*

После отдыха отряд наш снова тронулся в путь. На этот раз мы попали в бурелом и потому подвигались очень медленно. К 4 часам мы подошли к какой-то вершине. Оставив людей и лошадей на месте, я сам пошел наверх, чтобы еще раз осмотреться.

Влезать на дерево непременно надо самому. Поручать это стрелкам нельзя. Тут нужны личные

наблюдения. Как бы толково и хорошо стрелок ни рассказывал о том, что он заметил, на основании его слов трудно ориентироваться.

То, что я увидел сверху, сразу рассеяло мои сомнения. Куполообразная гора, где мы находились в эту минуту, — был тот самый горный узел, который мы искали. От него к западу тянулась высокая гряда, падавшая на север крутыми обрывами. По ту сторону водораздела общее направление долин шло к северо-западу. Вероятно, это были истоки реки Лефу.

Спустившись с дерева, я присоединился к отряду. Солнце уже

стояло низко над горизонтом, и надо было торопиться разыскать воду, в которой и люди и лошади очень нуждались. Спуск с куполообразной горы был сначала пологий, но потом сделался крутым. Лошади спускались, присев на задние ноги. Вьюки лезли вперед, и, если бы при седлах не было шлей, они съехали бы им на голову. Пришлось делать длинные зигзаги, что при буреломе, который валялся здесь во множестве, было делом далеко не легким.

За перевалом мы сразу попали в овраги. Местность была чрезвычайно пересеченная. Глубокие распадки, заваленные корчами, водотоки и скалы, обросшие мхом, — все это

создавало обстановку, которая живо напоминала мне картину Вальпургиевой ночи. Трудно представить себе местность более дикую и неприветливую, чем это ущелье.

Иногда случается, что горы и лес имеют привлекательный и веселый вид. Так, кажется, и остался бы среди них навсегда. Иногда, наоборот, горы кажутся угрюмыми, дикими. И странное дело! Чувство это не бывает личным, субъективным, оно всегда является общим для всех людей в отряде. Я много раз проверял себя и всегда убеждался, что это так. То же было и теперь. В окружающей нас обстановке чувствовалась какая-то

тоска, было что-то жуткое и неприятное, и это жуткое и тоскливое понималось всеми одинаково.

— Ничего, — говорили стрелки, — как-нибудь переночуем. Нам не год тут стоять. Завтра найдем место повеселее.

Не хотелось мне здесь останавливаться, но делать было нечего. Сумерки приближались, и надо было торопиться. На дне ущелья шумел поток, я направился к нему и, выбрав место поровнее, приказал ставить палатки.

Величавая тишина леса сразу огласилась звуками топоров и голосами людей. Стрелки стали

таскать дрова, расседлывать коней и готовить ужин.

Бедные лошади. Среди камней и бурелома они должны были остаться голодными. Зато завтра, если нам удастся дойти до земельных фанз, мы их накормим как следует.

Сумерки в лесу всегда наступают рано. На западе сквозь густую хвою еще виднелись кое-где клочки бледного неба, а внизу, на земле, уже ложились ночные тени. По мере того как разгорался костер, ярче освещались выступавшие из темноты кусты и стволы деревьев. Разбуженная в осыпях пищуха подняла было пронзительный крик, но вдруг испугалась чего-то,

проворно спряталась в норку и больше не показывалась.

Наконец на нашем биваке стало все понемногу успокаиваться. После чая люди занялись каждый своим делом: кто чистил винтовку, кто поправлял седло или починял разорванную одежду. Такой работы всегда бывает много. Покончив со своими делами, стрелки стали ложиться спать. Они плотно прижались друг к другу и, прикрывшись шинелями, заснули как убитые. Не найдя корма в лесу, лошади подошли к биваку и, опустив головы, погрузились в дремоту. Не спали только я и Олентьев. Я записывал в дневник пройденный

маршрут, а он починал свою обувь. В 10 часов вечера я закрыл тетрадь и, завернувшись в бурку, лег к огню. От жара, подымавшегося вместе с дымом кверху, качались ветки старой ели, у подножия которой мы расположились, и то закрывали, то открывали темное небо, усеянное звездами. Стволы деревьев казались длинной колоннадой, уходившей в глубь леса и незаметно сливавшейся там с ночным мраком.

Вдруг лошади подняли головы и насторожили уши, потом они успокоились и опять стали дремать. Сначала мы не обратили на это особого внимания и продолжали разговаривать. Прошло несколько

минут. Я что-то спросил Олентьева и, не получив ответа, повернулся в его сторону. Он стоял на ногах в выжидательной позе и, заслонив рукой свет костра, смотрел куда-то в сторону.

— Что случилось? — спросил я его.

— Кто-то спускается с горы, — отвечал он шепотом.

Мы оба стали прислушиваться, но кругом было тихо, так тихо, как только бывает в лесу в холодную осеннюю ночь. Вдруг сверху посыпались мелкие камни.

— Это, вероятно, медведь, — сказал Олентьев и стал заряжать винтовку.

– Стреляй не надо! Моя люди!.. –
послышался из темноты голос, и
через несколько минут к нашему
огню подошел человек.

Одет он был в куртку из
выделанной оленьей кожи и такие же
штаны. На голове у него была какая-
то повязка, на ногах унты^[14], за
спиной большая котомка, а в руках
сошки и старая длинная берданка.

– Здравствуй, капитан^[15], –
сказал пришедший, обратясь ко мне.

Затем он поставил к дереву свою
винтовку, снял со спины котомку и,
обтерев потное лицо рукавом
рубашки, подсел к огню. Теперь я
мог хорошо его рассмотреть. На вид
ему было лет сорок пять. Это был

человек невысокого роста, коренастый и, видимо, обладавший достаточной физической силой. Грудь у него была выпуклая, руки — крепкие, мускулистые, ноги немного кривые. Загорелое лицо его было типично для туземцев: выдающиеся скулы, маленький нос, глаза с монгольской складкой век и широкий рот с крепкими зубами. Небольшие русые усы окаймляли его верхнюю губу, и рыжеватая бородка украшала подбородок. Но всего замечательнее были его глаза. Темно-серые, а не карие, они смотрели спокойно и немного наивно. В них сквозили решительность, прямота характера и добродушие.

Незнакомец не рассматривал нас так, как рассматривали мы его. Он достал из-за пазухи кисет с табаком, набил им свою трубку и молча стал курить. Не спрашивая его, кто он и откуда, я предложил ему поесть. Так принято делать в тайге.

— Спасибо, капитан, — сказал он. — Моя шибко хочу кушай, моя сегодня кушай нету.

Пока он ел, я продолжал его рассматривать. У его пояса висел охотничий нож. Очевидно, это был охотник. Руки его были загрубелые, исцарапанные. Такие же, но еще более глубокие царапины лежали на лице: одна на лбу, а другая на щеке около уха. Незнакомец снял повязку,

и я увидел, что голова его покрыта густыми русыми волосами; они росли в беспорядке и свешивались по сторонам длинными прядями.

Наш гость был из молчаливых. Наконец Олентьев не выдержал и спросил пришельца прямо:

— Ты кто будешь?

— Моя гольд, — ответил он коротко.

— Ты, должно быть, охотник? — спросили его опять.

— Да, — отвечал он. — Моя постоянно охота ходи, другой работы нету, рыба лови понимай тоже нету, только один охота понимай.

— А где ты живешь? — продолжал допрашивать его Олентьев.

— Моя дома нету. Моя постоянно сопка живи. Огонь клади, палатка делай — спи. Постоянно охота ходи, как дома живи?

Потом он рассказал, что сегодня охотился за изюбрами, ранил одну матку, но слабо. Идя по подранку, он наткнулся на наши следы. Они завели его в овраг. Когда стемнело, он увидел огонь и пошел прямо на него.

— Моя тихонько ходи, — говорил он. — Думай, какой люди далеко сопках ходи? Посмотри — капитан есть, казак есть. Моя тогда прямо ходи.

— Тебя как зовут? — спросил я незнакомца.

— Дерсу Узала, — отвечал он.

Меня заинтересовал этот человек. Что-то в нем было особенное, оригинальное. Говорил он просто, тихо, держал себя скромно, не заискивающе. Мы разговорились. Он долго рассказывал мне про свою жизнь, и чем больше он говорил, тем становился симпатичнее. Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге и чужд был тех пороков, которые вместе с собой несет городская цивилизация. Из его слов я узнал, что средства к жизни он добывал ружьем и потом выменивал предметы своей охоты на табак, свинец и порох и что винтовка ему досталась в наследство от отца.

Потом он рассказал мне, что ему теперь 53 года, что у него никогда не было дома, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья или бересты. Первые проблески его детских воспоминаний были: река, шалаш, огонь, отец, мать и сестренка.

— Все давно помирай, — закончил он свой рассказ и задумался. Он помолчал немного и продолжал снова: — У меня раньше тоже жена была, сын и девчонка. Оспа все люди кончай. Теперь моя один остался...

Лицо его стало грустным от переживаемых воспоминаний. Я пробовал было его утешить, но что

были мои утешения для этого одинокого человека, у которого смерть отняла семью, это единственное утешение в старости? Он ничего мне не отвечал и только еще более поник головой. Хотелось мне как-нибудь выразить ему свое сочувствие, что-нибудь для него сделать, и я не знал, что именно. Наконец я надумал: я предложил ему обменять его старое ружье на новое, но он отказался, сказав, что берданка ему дорога как память об отце, что он к ней привык и что она бьет очень хорошо. Он потянулся к дереву, взял свое ружье и стал гладить рукой по ложу.

Звезды на небе переместились и

показывали далеко за полночь. Часы летели за часами, а мы все сидели у костра и разговаривали. Говорил больше Дерсу, а я его слушал, и слушал с удовольствием. Он рассказывал мне про свою охоту, про то, как раз он попал в плен к хунхузам, но убежал от них. Рассказывал про свои встречи с тиграми, говорил о том, что стрелять их нельзя, потому что это боги, охраняющие женьшень от человека, говорил о злых духах, о наводнениях и т.д. Один раз на него напал тигр и сильно изранил. Жена искала его несколько дней подряд и по следам нашла, обессиленного от потери крови. Пока он болел, она ходила на

охоту.

Потом я стал его расспрашивать о том месте, где мы находимся. Он сказал, что это истоки реки Лефу и что завтра мы дойдем до первого жилища звероловов.

Один из спящих стрелков проснулся, удивленно посмотрел на нас обоих, пробормотал что-то про себя и заснул снова.

На земле и на небе было еще темно, только в той стороне, откуда подымались все новые звезды, чувствовалось приближение рассвета. На землю пала обильная роса – верный признак, что завтра будет хорошая погода. Кругом царила торжественная тишина. Казалось,

природа отдыхала тоже.

Через час восток начал алеть. Я посмотрел на часы, было 6 часов утра. Пора было будить очередного артельщика. Я стал трясти его за плечо. Стрелок сел и начал потягиваться. Яркий свет костра резал ему глаза – он морщился. Затем, увидев Дерсу, проговорил, усмехнувшись:

– Вот диво, человек какой-то!.. – и начал обуваться.

Небо из черного сделалось синим, а потом серым, мутным. Ночные тени стали жаться в кусты и овраги. Вскоре бивак наш опять ожил; заговорили люди, очнулись от оцепенения лошади, заверещала в

стороне пищуха, ниже по оврагу ей стала вторить другая; послышался крик дятла и трещоточная музыка желны. Тайга просыпалась. С каждой минутой становилось все светлее, и вдруг яркие солнечные лучи снопом вырвались из-за гор и озарили весь лес. Наш бивак принял теперь другой вид. На месте яркого костра лежала груда золы; огня почти не было видно; на земле валялись порожные банки из-под консервов; там, где стояла палатка, торчали одни жерди и лежала примятая трава.

Глава 3

Охота на кабанов

Изучение следов. – Забота о путнике. – Зверовая фанза. – Гора Тудинза и верховья реки Лефу. – Кабаны. – Анимизм Дерсу. – Сон

После чая стрелки начали вьючить коней. Дерсу тоже стал собираться. Он надел свою котомку, взял в руки сошки и берданку. Через несколько минут отряд наш тронулся в путь. Дерсу пошел с нами.

Ущелье, по которому мы шли, было длинное и извилистое. Справа и слева к нему подходили другие

такие же ущелья. Из них с шумом бежала вода. Распадок^[16] становился шире и постепенно превращался в долину. Здесь на деревьях были старые затески, они привели нас на тропинку. Гольд шел впереди и все время внимательно смотрел под ноги. Порой он нагибался к земле и разбирал листву руками.

– Что такое? – спросил я его.

Дерсу остановился и сказал, что тропа эта не конная, а пешеходная, что идет она по соболиным ловушкам, что несколько дней тому назад по ней прошел один человек и что, по всей вероятности, это был китаец.

Слова гольда нас всех поразили.

Заметив, что мы отнеслись к нему с недоверием, он воскликнул:

— Как ваша понимай нету?
Посмотри сам!

После этого он привел такие доказательства, что все мои сомнения отпали разом. Все было так ясно и так просто, что я удивился, как этого раньше я не заметил. Во-первых, на тропе нигде не было видно конских следов, во-вторых, по сторонам она не была очищена от ветвей; наши лошади пробирались с трудом и все время задевали вьюками за деревья. Повороты были так круты, что кони не могли повернуться и должны были делать обходы; через ручьи

следы шли по бревну, и нигде тропа не спускалась в воду; бурелом, преграждавший путь, не был прорублен; люди шли свободно, а лошадей обводили стороной. Все это доказывало, что тропа не была приспособлена для путешествий с вьюками.

— Давно один люди ходи, — говорил Дерсу как бы про себя. — Люди ходи кончай, дождь ходи. — И он стал высчитывать, когда был последний дождь.

Часа два шли мы по этой тропе. Мало-помалу хвойный лес начал заменяться смешанным. Все чаще и чаще стали попадаться тополь, клен, осина, береза и липа. Я хотел было

сделать второй привал, но Дерсу посоветовал пройти еще немного.

— Наша скоро балаган найти есть, — сказал он и указал на деревья, с которых была снята кора.

Я сразу понял его. Значит, поблизости должно быть то, для чего это корье предназначалось. Мы прибавили шаг и через 10 минут на берегу ручья увидели небольшой односкатный балаган, поставленный охотниками или искателями женьшеня. Осмотрев его кругом, наш новый знакомый опять подтвердил, что несколько дней тому назад по тропе прошел китаец и что он ночевал в этом балагане. Прибитая дождем зола, одинокое ложе из травы

и брошенные старые наколенники из дабы^[17] свидетельствовали об этом.

Теперь я понял, что Дерсу не простой человек. Передо мной был следопыт, и невольно мне вспомнились герои Купера и Майн-Рида.

Надо было покормить лошадей. Я решил воспользоваться этим, лег в тени кедра и тотчас же уснул. Через 2 часа меня разбудил Олентьев. Проснувшись, я увидел, что Дерсу наколол дров, собрал бересты и все это сложил в балаган.

Я думал, что он хочет его спалить, и начал отговаривать от этой затеи. Но вместо ответа он попросил у меня щепотку соли и

горсть рису. Меня заинтересовало, что он хочет с ними делать, и я приказал дать просимое. Гольд тщательно обернул берестой спички, отдельно в бересту завернул соль и рис и повесил все это в балагане. Затем он поправил снаружи корье и стал собираться.

— Вероятно, ты думаешь вернуться сюда? — спросил я гольда.

Он отрицательно покачал головой. Тогда я спросил его, для кого он оставил рис, соль и спички.

— Какой-нибудь другой люди ходи, — отвечал Дерсу, — балаган найди, сухие дрова найди, спички найди, кушай найди — пропади нету!

Помню, меня глубоко поразило

это. Я задумался... Гольд заботился о неизвестном ему человеке, которого он никогда не увидит и который тоже не узнает, кто приготовил ему дрова и продовольствие. Я вспомнил, что мои люди, уходя с биваков, всегда жгли корье на кострах. Делали они это не из озорства, а так просто, ради забавы, и я никогда их не останавливал. Этот дикарь был гораздо человеколюбивее, чем я. Забота о путнике!.. Отчего же у людей, живущих в городах, это хорошее чувство, это внимание к чужим интересам заглохло, а оно, несомненно, было ранее.

— Лошади готовы! Надо бы идти, — сказал подошедший ко мне

Олентьев.

Я очнулся.

– Да, надо идти... Трогай! – сказал я стрелкам и пошел вперед по тропинке.

К вечеру мы дошли до того места, где две речки сливаются вместе, откуда, собственно, и начинается Лефу^[18]. Здесь она шириной 6–8 м и имеет быстроту течения 120–140 м в минуту. Глубина реки неравномерная и колеблется от 30 до 60 см.

После ужина я рано лег спать и тотчас уснул.

На другой день, когда я проснулся, все люди были уже на ногах. Я отдал приказание седлать

лошадей и, пока стрелки возились с вьюками, успел приготовить планшет и пошел вперед вместе с гольдом.

От места нашего ночлега долина стала понемногу поворачивать на запад. Левые склоны ее были крутые, правые — пологие. С каждым километром тропа становилась шире и лучше. В одном месте лежало срубленное топором дерево. Дерсу подошел, осмотрел его и сказал:

— Весной рубили; два люди работали: один люди высокий — его топор тупой, другой люди маленький — его топор острый.

Для этого удивительного человека не существовало тайн. Как ясновидящий, он знал все, что здесь

происходило. Тогда я решил быть внимательнее и попытаться самому разобраться в следах. Вскоре я увидел еще один порубленный пень. Кругом валялось множество щепок, пропитанных смолой. Я понял, что кто-то добывал растопку. Ну, а дальше? А дальше я ничего не мог придумать.

— Фанза близко, — сказал гольд как бы в ответ на мои размышления.

Действительно, скоро опять стали попадаться деревья, оголенные от коры (я уже знал, что это значит), а в 200 м от них на самом берегу реки среди небольшой полянки стояла зверовая фанза. Это была небольшая постройка с

глинобитными стенами, крытая корьем. Она оказалась пустой. Это можно было заключить из того, что вход в нее был приперт колом снаружи. Около фанзы находился маленький огородик, изрытый дикими свиньями, и слева — небольшая деревянная кумирня, обращенная как всегда лицом к югу.

Внутренняя обстановка фанзы была грубая. Железный котел, вмазанный в низенькую печь, от которой шли дымовые ходы, согревающие каны (нары), 2—3 долбленых корытца, деревянный ковш для воды, железный кухонный резак, металлическая ложка, метелочка для промывки котла, 2

запыленные бутылки, кое-какие брошенные тряпки, 1 или 2 скамеечки, масляная лампа и обрывки звериных шкур, разбросанные по полу, составляли все ее убранство.

Отсюда вверх по Лефу шли 3 тропы. Одна была та, по которой мы пришли, другая вела в горы на восток, и третья направлялась на запад. Эта последняя была многохоженная, конная. По ней мы пошли дальше. Люди закинули лошадям поводья на шею и предоставили им самим выбирать дорогу. Умные животные шли хорошо и всячески старались не зацеплять вьюками за деревья. В местах

болотистых и на каменистых россыпях они не прыгали, а ступали осторожно, каждый раз пробуя почву ногой, прежде чем поставить ее как следует. Этой сноровкой отличаются именно местные лошади, привыкшие к путешествиям в тайге с вьюками.

От зверовой фанзы река Лефу начала понемногу загибать к северо-востоку. Пройдя еще 6 км, мы подошли к земледельческим фанзам, расположенным на правом берегу реки, у подножия высокой горы, которую китайцы называют Тудинза^{[\[19\]](#)}.

Неожиданное появление военного отряда смутило китайцев. Я велел Дерсу сказать им, чтобы они не

боялись нас и продолжали свои работы.

Мне хотелось посмотреть, как живут в тайге китайцы и чем они занимаются.

Зверинные шкуры, растянутые для просушки, изюбровые рога, сложенные грудой в амбаре, панты, подвешенные для просушки, мешочки с медвежьей желчью^[20], олени выпоротки^[21], рысьи, куньи, собольи и беличьи меха и инструменты для ловушек — все это указывало на то, что местные китайцы занимаются не столько земледелием, сколько охотой и звероловством. Около фанз были небольшие участки обработанной

земли. Китайцы сеяли пшеницу, чумизу и кукурузу. Они жаловались на кабанов и говорили, что недавно целые стада их спускались с гор в долины и начали травить поля. Поэтому пришлось собирать овощи, не успевшие дозреть, но теперь на землю осыпались желуди, и дикие свиньи удалились в дубняки.

Солнце стояло еще высоко, и я решил подняться на гору Тудинзу, чтобы оттуда осмотреть окрестности. Вместе со мной пошел и Дерсу. Мы отправились налегке и захватили с собой только винтовки.

Гора Тудинза представляет собой массив, круто падающий в долину реки Лефу и изрезанный

глубокими падами с северной стороны. Пожелтевшая листва деревьев стала уже осыпаться на землю. Лес повсюду начинал сквозить, и только дубняки стояли еще одетые в свой наряд, поблекший и полужасохший.

Гора была крутая. Раза два мы сажались и отдыхали, потом опять лезли вверх.

Кругом вся земля была изрыта. Дерсу часто останавливался и разбирал следы. По ним он угадывал возраст животных, пол их, видел следы хромого кабана, нашел место, где два кабана дрались и один гонял другого. С его слов все это я представил себе ясно. Мне казалось

странным, как это раньше я не замечал следов, а если видел их, то, кроме направления, в котором уходили животные, они мне ничего не говорили.

Через час мы достигли вершины горы, покрытой осыпями.

Здесь мы сели на камни и стали осматриваться.

На востоке высился высокий водораздел между бассейном Лефу и водами, текущими в Даубихе. Другой горный хребет тянулся с востока на запад и служил границей между Лефу и рекой Майхе. На юго-востоке, там, где оба эти хребта сходились вместе, высилась куполообразная гора Да-дянь-шань.

Отсюда, с вершины Тудинзы, нам хорошо был виден весь бассейн верхнего течения Лефу, слагающийся из трех речек одинаковой величины. Две из них сливаются раньше и текут от востока-северо-востока, третья, та, по которой мы шли, имела направление меридиональное. Истоки каждой из них состоят из нескольких горных ручьев, сливающихся в одно место. В топографическом отношении горы верхнего Лефу представляют собой плоские возвышенности с чрезвычайно крутыми склонами, покрытые густым смешанным лесом с большим преобладанием хвой.

Близ земледельческих фанз река

Лефу делает небольшую излучину, чему причиной является отрог, выдвинувшийся из южного массива. Затем она склоняется к югу и, обогнув гору Тудинзу, опять поворачивает к северо-востоку, какое направление и сохраняет уже до самого своего впадения в озеро Ханка. Как раз против Тудинзы река Лефу принимает в себя еще один приток – реку Отрадную. По этой последней идет выючная тропа на Майхе.

– Посмотри, капитан, – сказал мне Дерсу, указывая на противоположный склон пади. – Что это такое?

Я взглянул в указанном

направлении и увидел какое-то темное пятно. Я думал, что это тень от облака, и высказал Дерсу свое предположение. Он засмеялся и указал на небо. Я посмотрел вверх. Небо было совершенно безоблачным: на беспредельной его синеве не было ни одного облачка. Через несколько минут пятно изменило свою форму и немного передвинулось в сторону.

— Что это такое? — спросил я гольда, в свою очередь.

— Тебе понимай нету, — отвечал он. — Надо ходи посмотри.

Мы стали спускаться вниз. Скоро я заметил, что пятно тоже двигалось нам навстречу. Через 10 минут гольд остановился, сел на

камень и указал мне знаком, чтобы я сделал то же.

— Наша тут надо дожидай, — сказал он. — Надо тихо сиди, чего-чего ломай не надо, говори тоже не надо.

Мы стали ждать. Вскоре я опять увидел пятно. Оно возросло до больших размеров. Теперь я мог рассмотреть его составные части. Это были какие-то живые существа, постоянно передвигающиеся с места на место.

— Кабаны! — воскликнул я.

Действительно, это были дикие свиньи. Их было тут более сотни. Некоторые животные отходили в сторону, но тотчас опять

возвращались назад. Скоро можно было рассмотреть каждое животное отдельно.

— Один люди шибко большой, — тихонько проговорил Дерсу.

Я не понял, про какого «человека» он говорил, и посмотрел на него недоумевающе.

Посредине стада, как большой бугор, выделялась спина огромного кабана. Он превосходил всех своими размерами и, вероятно, имел около 250 кг веса. Стадо приближалось с каждой минутой. Теперь ясно были слышны шум сухой листвы, взбиваемой сотнями ног, треск сучьев, резкие звуки, издаваемые самцами, хрюканье свиней и визг

поросят.

— Большой люди близко ходи нету, — сказал Дерсу. И я опять его не понял.

Самый крупный кабан был в центре стада, множество животных бродило по сторонам и некоторые отходили довольно далеко от табуна, так что, когда эти одиночные свиньи подошли к нам почти вплотную, большой кабан был еще вне выстрела. Мы сидели и не шевелились. Вдруг один из ближайших к нам кабанов поднял кверху свое рыло. Он что-то жевал. Я как сейчас помню большую голову, настороженные уши, свирепые глаза, подвижную морду с двумя носовыми

отверстиями и белые клыки. Животное замерло в неподвижной позе, перестало есть и уставилось на нас злобными вопрошающими глазами. Наконец оно поняло опасность и издало резкий крик. Вмиг все стадо с шумом и фырканием бросилось в сторону. В это мгновение грянул выстрел. Одно из животных грохнулось на землю. В руках Дерсу дымилась винтовка.

Еще несколько секунд в лесу был слышен треск ломаемых сучьев, затем все стихло.

Кабан, обитающий в Уссурийском крае — вид, близкий к японской дикой свинье, — достигает 295 кг веса и имеет наибольшие

размеры: 2 м в длину и 1 м в высоту. Общая окраска животного бурая; спина и ноги черные, поросята всегда продольно-полосатые. Тело его овальное, несколько сжатое с боков и поддерживается четырьмя крепкими ногами. Шея короткая и очень сильная; голова клиновидная; морда оканчивается довольно твердым и подвижным «пяточком», при помощи которого дикая свинья копает землю. Кабан относится к бугорчато-зубным, но кроме корневых зубов самцы вооружены еще острыми клыками, которые с возрастом увеличиваются, загибаются назад и достигают длины 20 см. Та к как кабан любит тереться

о стволы елей, кедров и пихт, жесткая щетина его бывает часто запачкана смолой. Осенью во время холодов он валяется в грязи. От этого к щетине его примерзает вода; сосульки все увеличиваются и образуют иногда такой толстый слой льда, что он служит помехой его движениям.

Область распространения диких свиней в Уссурийском крае тесно связана с распространением кедра, ореха, лещины и дуба. Северная граница этой области проходит от низов Хунгари, через среднее течение Анюя, верхнее — Хора и истоки Бикина, а оттуда идет через Сихотэ-Алинь на север к мысу

Успения. Одиночные кабаны попадают и на реках Копи, Хади и Тумнину. Животное это чрезвычайно подвижное и сильное. Оно прекрасно видит, отлично слышит и имеет хорошее обоняние. Будучи ранен, кабан становится весьма опасен.

Беда неразумному охотнику, который без мер предосторожности вздумает пойти по подранку. В этих случаях кабан ложится на свой след, головой навстречу преследователю. Завидев человека, он с такой стремительностью бросается на него, что последний нередко не успевает даже приставить приклад ружья к плечу и выстрелить.

Кабан, убитый гольдом, оказался

двухгодовой свиньей.

Я спросил старика, почему он не стрелял секача.

— Его старый люди, — сказал он про кабана с клыками. — Его худо кушай, мясо мало-мало пахнет.

Меня поразило, что Дерсу кабанов называет «людьми». Я спросил его об этом.

— Его все равно люди, — подтвердил он, — только рубашка другой. Обмани понимай, сердись понимай, кругом понимай! Все равно люди...

Для меня стало ясно. Воззрение на природу этого первобытного человека было анимистическое, и потому все окружающее он

очеловечивал.

На горе мы пробыли довольно долго. Незаметно кончился день. У облаков, столпившихся на западе, края светились так, точно они были из расплавленного металла. Сквозь них прорывались солнечные лучи и веерообразно расходились по небу.

Дерсу наскоро освежевал убитого кабана, взвалил его к себе на плечи, и мы пошли к дому. Через час мы были уже на биваке.

В китайских фанзах было тесно и дымно, поэтому я решил лечь спать на открытом воздухе вместе с Дерсу.

— Моя думай, — сказал он, поглядывая на небо, — ночью тепло будет, завтра вечером — дождь...

Я долго не мог уснуть. Всю ночь мне мерещилась кабанья морда с раздутыми ноздрями. Ничего другого, кроме этих ноздрей, я не видел. Они казались мне маленькими точками. Потом вдруг увеличивались в размерах. Это была уже не голова кабана, а гора и ноздри – пещеры, и будто в пещерах опять кабаны с такими же дыроватыми мордами.

Странно устроен человеческий мозг. Из впечатлений целого дня, из множества разнородных явлений и тысячи предметов, которые всюду попадают на глаза, что-нибудь одно, часто даже не главное, а случайное, второстепенное, запоминается сильнее, чем все

остальное! Некоторые места, где у меня не было никаких приключений, я помню гораздо лучше, чем те, где что-нибудь случилось. Почему-то запомнились одно дерево, которое ничем не отличалось от других деревьев, муравейник, пожелтевший лист, один вид мха и т.д. Я думаю, что я мог бы вещи эти нарисовать подробно со всеми деталями.

Глава 4

В деревне Казакевичево

*Приметы Дерсу о погоде. –
Перестрелка. – Равнодушие
корейцев. – Деревня Казакевичево. –
Экскурсия на речные террасы. –
Дерсу устраивается на ночь. – Тропа
до деревни Ляличи*

Утром я проснулся позже других. Первое, что мне бросилось в глаза, – отсутствие солнца. Все небо было в тучах. Заметив, что стрелки укладывают вещи так, чтобы их не

промочил дождь, Дерсу сказал:

— Торопиться не надо. Наша днем хорошо ходи, вечером будет дождь.

Я спросил его, почему он так думает.

— Тебе сам посмотри, — ответил гольд. — Видишь, маленькие птицы туда-сюда ходи, играй, кушай. Дождь скоро — его тогда тихонько сиди, все равно спи.

Действительно, я вспомнил, что перед дождем всегда бывает тихо и сумрачно, а теперь — наоборот: лес жил полной жизнью; всюду перекликались дятлы, сойки и кедровки и весело посвистывали суетливые поползни.

Расспросив китайца о дороге, мы тронулись в путь.

После горы Тудинзы долина реки Лефу сразу расширяется (от 1 до 3 км). Отсюда начинались жилые места.

Часам к двум мы дошли до деревни Николаевки, в которой насчитывалось тогда 36 дворов. Отдохнув немного, я велел Олентьеву купить овса и накормить хорошенько лошадей, а сам вместе с Дерсу пошел вперед. Мне хотелось поскорей дойти до ближайшей деревни Казакевичево и устроить своих спутников на ночь под крышу.

Осенью в пасмурный день всегда смеркается рано. Часов в пять

начал накрапывать дождь. Мы прибавили шаг. Скоро дорога разделилась надвое. Одна шла за реку, другая как будто бы направлялась в горы. Мы выбрали последнюю. Потом стали попадаться другие дороги, пересекающие нашу в разных направлениях. Когда мы подходили к деревне, было уже совсем темно.

В это время стрелки дошли до перекрестка дорог и, не зная, куда идти, дали 2 выстрела. Опасаясь, что они могут заблудиться, я ответил им тем же. Вдруг в ближайшей фанзе раздался крик, и вслед за тем из окна ее грянул выстрел, потом другой, третий, и через несколько минут

стрельба поднялась по всей деревне. Я ничего не мог понять: дождь, крики, ружейная пальба... Что случилось, почему поднялся такой переполох? Вдруг из-за одной фанзы показался свет. Какой-то кореец нес в одной руке керосиновый факел, а в другой берданку. Он бежал и кричал что-то по-своему. Мы бросились к нему навстречу. Неровный красноватый свет факела прыгал по лужам и освещал его искаженное страхом лицо. Увидев нас, кореец бросил факел на землю, выстрелил в упор в Дерсу и убежал. Разлившийся по земле керосин вспыхнул и загорелся дымным пламенем.

— Ты не ранен? — спросил я

Дерсу.

— Нет, — сказал он и стал поднимать факел.

Я видел, что в него стреляют, а он стоял во весь свой рост, махал рукой и что-то кричал корейцам.

Услышав стрельбу, Олентьев решил, что мы подверглись нападению хунхузов. Оставив при лошадях 2 коноводов, он с остальными людьми бросился к нам на выручку. Наконец стрельба из ближайшей к нам фанзы прекратилась. Тогда Дерсу вступил с корейцами в переговоры. Они ни за что не хотели открывать дверей. Никакие увещевания не помогли. Корейцы ругались и грозили

возобновить пальбу из ружей.

Нечего делать, надо было становиться биваком. Мы разложили костры на берегу реки и начали ставить палатки. В стороне стояла старая развалившаяся фанза, а рядом с ней были сложены груды дров, заготовленных корейцами на зиму. В деревне стрельба долго еще не прекращалась. Те фанзы, что были в стороне, отстреливались всю ночь. От кого? Корейцы и сами не знали этого. Стрелки и ругались и смеялись.

На другой день была назначена дневка. Я велел людям осмотреть седла, просушить то, что промокло, и почистить винтовки. Дождь

перестал; свежий северо-западный ветер разогнал тучи; выглянуло солнце.

Я оделся и пошел осматривать деревню.

Казалось бы, что после вчерашней перепалки корейцы должны были прийти на наш бивак и посмотреть людей, в которых они стреляли. Ничего подобного. Из соседней фанзы вышло двое мужчин. Они были одеты в белые куртки с широкими рукавами, в белые ватные шаровары и имели плетеную веревочную обувь на ногах. Они даже не взглянули на нас и прошли мимо. Около другой фанзы сидел старик и крутил нитки. Когда я подошел к

нему, он поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых нельзя было прочесть ни любопытства, ни удивления. По дороге навстречу нам шла женщина, одетая в белую юбку и белую кофту; грудь ее была открыта. Она несла на голове глиняный кувшин с водой и шла прямо, ровной походкой, глядя вниз на землю. Поравнявшись с нами, кореянка не посторонилась и, не поднимая глаз, прошла мимо. И всюду, куда я ни приходил, я видел то удивительное равнодушие, которым так отличаются корейцы. «Страна утреннего спокойствия», — вспомнилось мне название, данное Корее. Это спокойствие очень похоже

на тупость. Казалось, здесь не было жизни, а были только одни механические движения.

Корейцы живут хуторами. Фанзы их разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, и каждая находится в середине своих полей и огородов. Вот почему небольшая корейская деревня сплошь и рядом занимает пространство в несколько квадратных километров.

Возвращаясь назад к биваку, я вошел в одну из фанз. Тонкие стены ее были обмазаны глиной изнутри и снаружи. В фанзе имелось трое дверей с решетчатыми окнами, оклеенными бумагой. Соломенная четырехскатная крыша была покрыта

сетью, сплетенной из сухой травы.

Корейские фанзы все одинаковы. Внутри их имеется глиняный кан. Он занимает больше половины помещения. Под каном проходят печные трубы, согревающие полы в комнатах и распространяющие тепло по всему дому. Дымовые ходы выведены наружу в большое дуплистое дерево, заменяющее трубу. В одной половине фанзы, где находятся каны, помещаются люди, в другой, с земляным полом, — куры, лошади и рогатый скот. Жилая половина дощатыми перегородками разделяется еще на отдельные комнаты, устланные чистыми циновками. В одной комнате

помещаются женщины с детьми, в других – мужчины и гости.

В фанзе я увидел ту самую женщину, которая переходила нам дорогу с кувшином на голове. Она сидела на корточках и деревянным ковшом наливала в котел воду. Делала она это медленно, высоко поднимала ковш кверху и лила воду как-то странно – через руку в правую сторону. Она равнодушно взглянула на меня и молча продолжала свое дело. На кане сидел мужчина 50 лет и курил трубку. Он не шевельнулся и ничего не ответил на мое приветствие. Я посидел с минуту, затем вышел на улицу и направился к своим спутникам. После обеда я

отправился экскурсировать по окрестностям. Переправившись на другую сторону реки, я поднялся на возвышенность. Это была древняя речная терраса, высотой в 20 м. Нижние слои ее состоят из песчаников, верхний – из пористой лавы. Большие пустоты в лаве свидетельствовали о том, что в момент извержения она была сильно насыщена газами. Многие пустоты выполнены каким-то минералом черного и серо-синего цвета.

С высоты террасы мне открывался чудный вид на долину реки Лефу. Правый берег, где расположилась деревня Казакевичево, был низменный. В

этих местах Лефу принимает в себя 4 притока: Малую Лефу и Пичинзу – с левой стороны и Ивановку и Лубянку – с правой. Между устьями двух последних, на такой же древней речной террасе, расположилось большое село Ивановское, насчитывающее около 200 дворов^[22]. Дальше долина Лефу становится расплывчатой. Пологие холмы, мало возвышающиеся над общим уровнем, покрыты дубовым и чернопольным редколесьем.

Часа два я бродил по окрестностям и наконец опять подошел к обрыву.

День склонялся к вечеру. По небу медленно ползли легкие

розовые облачка. Дальние горы, освещенные последними лучами заходящего солнца, казались фиолетовыми. Оголенные от листвы деревья приняли однотонную серую окраску. В нашей деревне по-прежнему царило полное спокойствие. Из длинных труб фанз вились белые дымки. Они быстро таяли в прохладном вечернем воздухе. По дорожкам кое-где мелькали белые фигуры корейцев. Внизу, у самой реки, горел огонь. Это был наш бивак.

Когда я возвращался назад, уже смеркалось. Вода в реке казалась черной, и на спокойной поверхности ее отражались пламя костра и

мигающие на небе звезды. Около огня сидели стрелки: один что-то рассказывал, другие смеялись.

— Ужинать! — крикнул артельщик.

Смех и шутки сразу прекратились.

После чая я сел у огня и стал записывать в дневнике свои наблюдения. Дерсу разбирал свою котомку и поправлял костер.

— Мало-мало холодно, — сказал он, пожимая плечами.

— Иди спать в фанзу, — посоветовал я ему.

— Не хочу, — ответил он, — моя всегда так спи.

Затем он натыкал позади себя

несколько ивовых прутьев и обтянул их полотнищами палатки, потом постелил на землю козью шкуру, сел на нее и, накинув себе на плечи кожаную куртку, закурил трубку. Через несколько минут я услышал легкий храп. Он спал. Голова его свесилась на грудь, руки опустились, погасшая трубка выпала изо рта и лежала на коленях... «И так всю жизнь, — подумал я. — Каким тяжелым трудом, ценой каких лишений добывал себе этот человек средства к жизни!» Но тотчас я поймал себя на другой мысли: едва ли бы этот зверолов согласился променять свою свободу. Дерсу по-своему был счастлив.

В стороне глухо шумела река; где-то за деревней лаяла собака; в одной из фанз плакал ребенок. Я завернулся в бурку, лег спиной к костру и сладко уснул.

На другой день чуть свет мы все были уже на ногах. Ночью наши лошади, не найдя корма на корейских пашнях, ушли к горам на отаву. Пока их разыскивали, артельщик приготовил чай и сварил кашу. Когда стрелки вернулись с конями, я успел закончить свои работы. В 8 часов утра мы выступили в путь.

От описанного села Казакевичево [\[23\]](#) по долине реки Лефу есть 2 дороги. Одна из них, кружная, идет на село Ивановское,

другая, малохоженная и местами болотистая, идет по левому берегу реки. Мы выбрали последнюю. Чем дальше, тем долина все более и более принимала характер луговой.

По всем признакам видно было, что горы кончаются. Они отодвинулись куда-то в сторону, и на место их выступили широкие и пологие увалы, покрытые кустарниковой порослью. Дуб и липа дровяного характера с отмерзшими вершинами растут здесь кое-где группами и в одиночку. Около самой реки — частые насаждения ивы, ольхи и черемухи. Наша тропа стала принимать влево, в горы, и увела нас от реки километра на четыре.

В этот день мы немного не дошли до деревни Ляличи^[24] и заночевали в 6 км от нее.

Вечером я сидел с Дерсу у костра и беседовал с ним о дальнейшем маршруте по реке Лефу. Гольд говорил, что далее пойдут обширные болота и бездорожье, и советовал плыть на лодке, а лошадей и часть команды оставить в Ляличах. Совет его был вполне благоразумный. Я последовал ему и только изменил местопребывание команды.

Глава 5

Нижнее течение реки Лефу

*Ночевка около деревни Ляличи. –
Море травы. – Осенний перелет
птиц. – Стрельба Дерсу. – Село
Халкидон. – Живая вода и живой
огонь. – Пернатое население
болот. – Теневой сегмент земли. –
Тяжелое состояние после сна. –
Перемена погоды*

На другое утро я взял с собой
Олентьева и стрелка Марченко, а
остальных отправил в село

Черниговку с приказанием дожидаться там моего возвращения. При содействии старосты нам очень скоро удалось заполучить довольно сносную плоскодонку. За нее мы отдали 12 рублей деньгами и 2 бутылки водки. Весь день был употреблен на оборудование лодки. Дерсу сам приспособлял весла, устраивал из колышков уключины, налаживал сиденья и готовил шесты. Я любовался, как работа у него в руках спорилась и кипела. Он никогда не суетился, все действия его были обдуманно, последовательны, и ни в чем не было проволочек. Видно было, что он в жизни прошел такую школу, которая приучила его быть

энергичным, деятельным и не тратить времени понапрасну. Случайно в одной избе нашлись готовые сухари. А больше нам ничего не надо было. Все остальное — чай, сахар, соль, крупу и консервы — мы имели в достаточном количестве. В тот же вечер по совету гольда все имущество было перенесено в лодку, а сами мы остались ночевать на берегу.

Ночь выпала ветреная и холодная. За недостатком дров огня большого развести было нельзя, и потому все зябли и почти не спали. Как я ни старался завернуться в бурку, но холодный ветер находил где-нибудь лазейку и знобил то

плечо, то бок, то спину. Дрова были плохие, они трещали и бросали во все стороны искры. У Дерсу прогорело одеяло. Сквозь дремоту я слышал, как он ругал полено, называя его по-своему — «худой люди».

— Его постоянно так гори — все равно кричи, — говорил он кому-то и при этом изобразил своим голосом, как трещат дрова. — Его надо гоняй.

После этого я слышал всплеск по реке и шипение головешки. Очевидно, старик бросил ее в воду. Потом мне удалось как-то согреться, и я уснул.

Ночью я проснулся и увидел Дерсу, сидящего у костра. Он

поправлял огонь. Ветер раздувал пламя во все стороны. Поверх бурки на мне лежало одеяло гольда. Значит, это он прикрыл меня, вот почему я и согрелся. Стрелки тоже были прикрыты его палаткой. Я предлагал Дерсу лечь на мое место, но он отказался.

— Не надо, капитан, — сказал он. — Тебе спи, моя буду караулить огонь. Его шибко вредный, — он указал на дрова.

Чем ближе я присматривался к этому человеку, тем больше он мне нравился. С каждым днем я открывал в нем новые достоинства. Раньше я думал, что эгоизм особенно свойствен дикому человеку, а чувство

гуманности, человеколюбия и внимания к чужому интересу присуще только европейцам. Не ошибся ли я? Под эти мысли я опять задремал и проспал до утра.

Когда совсем рассвело, Дерсу разбудил нас. Он согрел чай и изжарил мясо. После завтрака я отправил команду с лошадьми в Черниговку, затем мы спустили лодку в воду и тронулись в путь.

Подгоняемая шестью, лодка наша хорошо шла по течению. Через 5 км мы достигли железнодорожного моста и остановились на отдых. Дерсу рассказал, что в этих местах он бывал еще мальчиком с отцом, они приходили сюда на охоту за

козами. Про железную дорогу он слышал от китайцев, но никогда ее раньше не видел.

После краткого отдыха мы поплыли дальше. Около железнодорожного моста горы кончились. Я вышел из лодки и поднялся на ближайшую сопку, чтобы в последний раз осмотреться во все стороны. Красивая панорама развернулась перед моими глазами. Сзади, на востоке, толпились горы: на юге были пологие холмы, поросшие лиственным редколесьем; на севере, насколько хватал глаз, расстилалось бесконечное низменное пространство, покрытое травой. Сколько я ни напрягал

зрение, я не мог увидеть конца этой низины. Она уходила вдаль и скрывалась где-то за горизонтом. Порой по ней пробегал ветер. Трава колыхалась и волновалась, как море. Кое-где группами и в одиночку росли чахлые березки и другие какие-то деревья. С горы, на которой я стоял, реку Лефу далеко можно было проследить по ольшаникам и ивнякам, растущим по ее берегам в изобилии. Вначале она сохраняет свое северо-восточное направление, но, не доходя сопок, видневшихся на западе километрах в восьми, поворачивает на север и немного склоняется к востоку. Бесчисленное множество протоков, слепых

рукавов, заводов и озерков окаймляет ее с обеих сторон. Низина эта казалась безжизненной и пустынной. Ярko блестящие на солнце в разных местах лужи свидетельствовали о том, что долина Лефу в дождливый период года легко затопляется водой.

На всем этом пространстве Лефу принимает в себя с левой стороны два притока: Сандуган^[25] и Хунухезу^[26]. Последняя протекает по такой же низменной и болотистой долине, как и сама Лефу.

К полудню мы доехали еще до одной возвышенности, расположенной на самом берегу реки, с левой стороны. Сопка эта высотой 120—140 м покрыта

редколесьем из дуба, березы, липы, клена, ореха и акаций. Отсюда шла тропинка, вероятно, к селу Вознесенскому, находящемуся западнее, километрах в двенадцати.

Во 2 половину дня мы проехали еще столько же и стали биваком довольно рано.

Долгое сидение в лодке наскучило, и потому всем хотелось выйти и размять онемевшие члены. Меня тянуло в поле. Олентьев и Марченко принялись устраивать бивак, а мы с Дерсу пошли на охоту. С первого же шага буйные травы охватили нас со всех сторон. Они были так высоки и так густы, что человек в них казался утонувшим.

Внизу, под ногами, – трава, спереди и сзади – трава, с боков – тоже трава и только вверху – голубое небо. Казалось, что мы шли по дну травяного моря. Это впечатление становилось еще сильнее, когда, взобравшись на какую-нибудь кочку, я видел, как степь волновалась. С робостью и опаской я опять погружался в траву и шел дальше. В этих местах так же легко заблудиться, как и в лесу. Мы несколько раз сбивались с дороги, но тотчас же спешили исправить свои ошибки. Найдя какую-нибудь кочку, я взбирался на нее и старался рассмотреть что-нибудь впереди. Дерсу хватал вейник и полынь

руками и пригибал их к земле. Я смотрел вперед, в стороны, и всюду передо мной расстиралось бесконечное волнующееся травяное море.

Главными представителями этих трав будут: тростники высотой до 3 метров, вейник – 1,5 м, полынь – 2 м и др. Из древесных пород, растущих по берегам протоков, можно отметить кустарниковую лозу, осину, белую березу, ольху и др.

Население этих болотистых степей главным образом пернатое. Кто не бывал в низовьях Лефу во время перелета, тот не может себе представить, что там происходит. Тысячи тысяч птиц большими и

малыми стаями тянулись к югу. Некоторые шли в обратном направлении, другие — наискось в сторону. Вереницы их то подымались кверху, то опускались вниз, и все разом, ближние и дальние, проектировались на фоне неба, в особенности внизу, около горизонта, который вследствие этого казался как бы затянутым паутиной. Я смотрел, как очарованный. Выше всех были орлы. Распластав свои могучие крылья, они парили, описывая большие круги. Что для них расстояния? Некоторые из них кружились так высоко, что едва были заметны. Ниже их, но все же высоко над землей, летели гуси. Эти

осторожные птицы шли
правильными косяками и, тяжело
вразброд махая крыльями, оглашали
воздух своими сильными криками.
Рядом с ними летели казарки и
лебеди. Внизу, ближе к земле, с
шумом неслись торопливые утки. Тут
были стаи грузной кряквы, которую
легко можно было узнать по
свистящему шуму, издаваемому ее
крыльями, и совсем над водой
тысячами летели чирки и другие
мелкие утки. Там и сям в воздухе
виднелись канюки и пустельга. Эти
представители соколов описывали
красивые круги, подолгу
останавливались на одном месте и,
трепеща крыльями, зорко

высматривали на земле добычу. Порой они отлетали в сторону, опять описывали круги и вдруг, сложив крылья, стремглав бросались книзу, но, едва коснувшись травы, снова быстро взмывали вверх. Грациозные и подвижные чайки и изящные проворные крачки своей снежной белизной мелькали в синеве лазурного неба. Кроншнепы летели легко, плавно и при полете своим делали удивительно красивые повороты. Остроклювые крохали на лету посматривали по сторонам, точно выискивая место, где бы им можно было остановиться. Сивки-моряки держались болотистых низин. Лужи стоячей воды, видимо,

служили для них вехами, по которым они и держали направление. И вся масса птиц неслась к югу. Величественная картина!

Вдруг совершенно неожиданно откуда-то взялись 2 козули. Они были от нас в 60 шагах. В густой траве их почти не было видно — мелькали только головы с растопыренными ушами и белые пятна около задних ног. Отбежав шагов полтораста, козули остановились. Я выпалил из ружья и промахнулся. Раскатистое эхо подхватило звук выстрела и далеко разнесло его по реке. Тысячи птиц поднялись от воды и с криком полетели во все стороны. Испуганные козули сорвались с

места и снова пошли большими прыжками. Тогда прицелился Дерсу. И в тот момент, когда голова одной из них показалась над травой, он спустил курок. Когда дым рассеялся, животных уже не было видно. Гольд снова зарядил свою винтовку и не торопясь пошел вперед. Я молча последовал за ним. Дерсу огляделся, потом повернул назад, пошел в сторону и опять вернулся обратно. Видно было, что он что-то искал.

— Кого ты ищешь? — спросил я его.

— Козулю, — отвечал он.

— Да ведь она ушла.

— Нет, — сказал он уверенно. —

Моя в голову его попади.

Я принялся тоже искать убитое животное, хотя и не совсем верил гольду. Мне казалось, что он ошибся. Минут через десять мы нашли козулю. Голова ее оказалась действительно простреленной. Дерсу взвалил ее себе на плечи и тихонько пошел обратно. На бивак мы возвратились уже в сумерки.

Вечерняя заря еще пыталась было бороться с надвигающейся тьмой, но не могла ее осилить, уступила и ушла за горизонт. Тотчас на небе замигали звезды, словно и они обрадовались тому, что наконец-то солнце дало им свободу. Около протоки темнела какая-то роща. Деревьев теперь разобрать было

нельзя: они все стали похожи друг на друга. Сквозь них виднелся свет нашего костра. Вечер был тихий и прохладный. Слышно было, как где-то неподалеку от нас с шумом опустилась в воду стая уток. По полету можно было узнать, что это были чирки.

После ужина Дерсу и Олентьев принялись свежевать козулю, а я занялся своей работой. Покончив с дневником, я лег, но долго не мог уснуть. Едва я закрывал глаза, как передо мной тотчас появлялась качающаяся паутина: это было волнующееся травяное море и бесчисленные стаи гусей и уток. Наконец под утро я уснул.

На следующий день мы встали довольно рано, наскоро напились чаю, уложили свои пожитки в лодку и поплыли по Лефу.

Чем дальше, тем извилистее становилась река. Кривуны ее (так местные жители называют извилины) описывают почти полные окружности и вдруг поворачивают назад, опять загибаются, и нет места, где река хоть бы немного текла прямо.

В нижнем течении Лефу принимает в себя с правой стороны два небольших притока: Монастырку и Черниговку. Множество протоков и длинных слепых рукавов идет перпендикулярно к реке, наискось и

параллельно ей и образует весьма сложную водную систему. На 8 км ниже Монастырки горы подходят к Лефу и оканчиваются здесь безымянной сопкой в 290 м высоты. У подножия ее расположилась деревня Халкидон. Это было последнее в здешних местах селение. Дальше к северу до самого озера Ханка жилых мест не было.

Взятые с собой запасы продовольствия подходили к концу. Надо было их пополнить. Мы вытащили лодку на берег и пошли в деревню. Посредине ее проходила широкая улица, дома стояли далеко друг от друга. Почти все крестьяне были старожилами и имели надел в

сто десятин. Я вошел в первую попавшуюся избу. Нельзя сказать, чтобы на дворе было чисто, нельзя сказать, чтобы чисто было и в доме. Мусор, разбросанные вещи, покачнувшийся забор, сорванная с петель дверь, почерневший от времени и грязи рукомоЙник свидетельствовали о том, что обитатели этого дома не особенно любили порядок. Когда мы зашли во двор, навстречу нам вышла женщина с ребенком на руках. Она испуганно посторонилась и робко ответила на мое приветствие.

Я невольно обратил внимание на окна. Они были с двойными рамами в 4 стекла. Пространство же

между ними почти до половины нижних стекол было заполнено чем-то серовато-желтоватым. Сначала я думал, что это опилки, и спросил хозяйку, зачем их туда насыпали.

— Какие это опилки, — сказала женщина, — это комары.

Я подошел поближе. Действительно, это были сухие комары. Их тут было по крайней мере с 0,5 кг.

— Мы только и спасаемся от них двумя рамами в окнах, — продолжала она. — Они залезают между стекол и там пропадают. А в избе мы раскладываем дымокуры и спим в комарниках.

— А вы бы выжигали траву в

болотах, — сказал ей стрелок Марченко.

— Мы выжигали, да ничего не помогает. Комары-то из воды выходят. Что им огонь! Летом трава сырая, не горит.

В это время подошел Олентьев и сообщил, что хлеб куплен. Обойдя всю деревню, мы вернулись к лодке. Тем временем Дерсу изжарил на огне козлятину и согрел чай. На берег за нами прибежали деревенские ребяташки. Они стояли в стороне и поглядывали на нас с любопытством.

Через полчаса мы тронулись дальше. Я оглянулся назад. Ребята по-прежнему толпились на берегу и провожали нас глазами.

Река сделала поворот, и деревня скрылась из виду.

Трудно проследить русло Лефу в лабиринте его проток. Ширина реки здесь колеблется от 15 до 80 м. При этом она отделяет от себя в сторону большие слепые рукава, от которых идут длинные, узкие и глубокие каналы, сообщающиеся с озерами и болотами или с такими речками, которые также впадают в Лефу значительно ниже. По мере того как мы подвигались к озеру Ханка, течение становилось медленнее. Шесты, которыми стрелки проталкивали лодку вперед, упираясь в дно реки, часто завязали, и настолько крепко, что вырывались из

рук. Глубина Лефу в этих местах весьма неровная. То лодка наша натыкалась на мели, то проходила по глубоким местам, так что без малого весь шест погружался в воду.

Почва около берегов более или менее твердая, но стоит только отойти немного в сторону, как сразу попадешь в болото. Среди зарослей скрываются длинные озерки. Эти озерки и кусты ивняков и ольшаников, растущие рядами, свидетельствуют о том, что река Лефу раньше текла иначе и несколько раз меняла свое русло.

К вечеру мы немного не дошли до реки Черниговки и стали биваком на узком перешейке между ней и

небольшой протокой.

Сегодня был особенно сильный перелет. Олентьев убил несколько уток, которые и составили нам превосходный ужин. Когда стемнело, все птицы прекратили свой лет. Кругом сразу воцарилась тишина. Можно было подумать, что степи эти совершенно безжизненны, а между тем не было ни одного озера, ни одной заводи, ни одной протоки, где не ночевали бы стада лебедей, гусей, крохалей, уток и другой водяной птицы.

Вечером Марченко и Олентьев улеглись спать раньше нас, а мы с Дерсу, по обыкновению, сидели и разговаривали. Забытый на огне

чайник настойчиво напоминал о себе шипением. Дерсу отставил его немного, но чайник продолжал гудеть. Дерсу отставил его еще дальше. Тогда чайник запел тоненьким голоском.

— Как его кричи! — сказал Дерсу. — Худой люди! — Он вскочил и вылил горячую воду на землю.

— Как «люди»? — спросил я его в недоумении.

— Вода, — отвечал он просто. — Ему могу кричи, могу плакать, могу тоже играй.

Долго мне говорил этот первобытный человек о своем мировоззрении. Он видел живую силу в воде, видел ее тихое течение и

слышал ее рев во время наводнений.

— Посмотри, — сказал Дерсу, указывая на огонь, — его тоже все равно люди.

Я взглянул на костер. Дрова искрились и трещали. Огонь вспыхивал то длинными, то короткими языками, то становился ярким, то тусклым; из угольев слагались замки, гроты, потом все это разрушалось и создавалось вновь. Дерсу умолк, а я долго еще сидел и смотрел на «живой огонь».

В реке шумно всплеснула рыба. Я вздрогнул и посмотрел на Дерсу. Он сидел и дремал. В степи по-прежнему было тихо. Звезды на небе показывали полночь. Подбросив дров

в костер, я разбудил гольда, и мы оба стали укладываться на ночь.

На следующий день мы все проснулись очень рано. Вышло это как-то случайно, само собой.

Как только начала заниматься заря, пернатое царство поднялось на воздух и с шумом и гамом снова понеслось к югу. Первыми снялись гуси, за ними пошли лебеди, потом утки, и уже последними тронулись остальные перелетные птицы. Сначала они низко летели над землей, но по мере того как становилось светлее, поднимались все выше и выше.

До восхода солнца мы успели отплыть от бивака километров

восемь и дошли до горы Чайдинзы^[27], покрытой ильмом и осиной. У подножия ее протекает небольшая речка Сяохеза^[28]. Здесь долина реки Лефу становится шириной более 40 км. С левой стороны ее на огромном протяжении тянутся сплошные болота. Лефу разбивается на множество рукавов, которые имеют десятки километров длины. Рукава разбиваются на протоки и, в свою очередь, дают ответвления. Эти протоки тянутся широкой полосой по обе стороны реки и образуют такой лабиринт, в котором очень легко заблудиться, если не держаться главного русла и польститься на какой-нибудь рукав в

надежде сократить расстояние. Кроме упомянутой Сяхезы, в Лефу впадают еще 2 речки: Люганка – с правой стороны и Саузгу^[29] – с левой. Дальше до самого озера Ханка никаких притоков нет.

Мы плыли по главному руслу и только в случае крайней нужды сворачивали в сторону, с тем чтобы при первой же возможности выйти на реку снова. Протоки эти, заросшие лозой и камышами, совершенно скрывали нашу лодку. Мы плыли тихо и нередко подходили к птицам ближе, чем на ружейный выстрел. Иногда мы задерживались нарочно и подолгу рассматривали их.

Прежде всего я заметил белую

цаплю с черными ногами и желто-зеленым клювом. Она чинно расхаживала около берега, покачивала в такт головой и внимательно рассматривала дно реки. Заметив лодку, птица подпрыгнула 2 раза, грузно поднялась на воздух и, отлетев немного, снова спустилась на соседней протоке. Потом мы увидели выпь. Серовато-желтая окраска перьев, грязно-желтый клюв, желтые глаза и такие же желтые ноги делают ее удивительно непривлекательной. Эта угрюмая птица ходила сгорбившись по песку и все время преследовала подвижного и хлопотливого кулика-сороку. Кулик

отлетал немного, и, как только сажился на землю, выпь тотчас же направлялась туда шагом и, когда подходила близко, бросалась бегом и старалась ударить его своим острым клювом. Заметив лодку, выпь забила в траву, вытянула шею и, подняв голову кверху, замерла на месте. Когда лодка проходила мимо, Марченко выстрелил в нее, но не попал, хотя пуля прошла так близко, что задела рядом с ней камышины. Выпь не шелохнулась. Дерсу рассмеялся.

— Его шибко хитрый люди. Постоянно так обмани, — сказал он.

Действительно, теперь выпь нельзя уже было заметить, окраска ее

оперения и поднятый кверху клюв совершенно затерялись в траве.

Дальше мы увидели новую картину. Низко над водой около берега на ветке лозняка уединенно сидел зимородок. Эта маленькая птичка с большой головой и с большим клювом, казалось, дремала. Вдруг она ринулась в воду, нырнула и снова показалась на поверхности, держа в клюве маленькую рыбку. Проглотив добычу, зимородок сел на ветку и опять погрузился в дремоту, но, услышав шум приближающейся лодки, с криком понесся вдоль реки. Яркой синевой мелькнуло его оперенье. Отлетев немного, он уселся на куст, потом отлетел еще дальше и

наконец совсем скрылся за поворотом.

Раза два мы встречали болотных курочек-лысух — черных ныряющих птичек с большими ногами, легко и свободно ходивших по листьям водяных растений. Но в воздухе они казались беспомощными. Видно было, что это не их родная стихия. При полете они как-то странно болтали ногами. Создавалось впечатление, будто они недавно вышли из гнезда и еще не научились летать как следует.

Кое-где в стоячих водах держались поганки с торчащими в сторону ушами и с воротничками из цветных перьев. Они не улетали, а

спешили спрятаться в траве или нырнуть в воду.

Погода нам благоприятствовала. Был один из тех теплых осенних дней, которые так часто бывают в ЮжноУссурийском крае в октябре. Небо было совершенно безоблачное, ясное; легкий ветерок тянул с запада. Такая погода часто обманчива, и нередко после нее начинают дуть холодные северо-западные ветры, и чем дольше стоит такая тишь, тем резче будет перемена.

В 11 часов утра мы сделали большой привал около реки Люганки. После обеда люди легли отдыхать, а я пошел побродить по берегу. Куда я ни обращал свой взор,

я всюду видел только траву и болото. Далеко на западе чуть-чуть виднелись туманные горы. По безлесным равнинам кое-где, как оазисы, темнели пятна мелкой кустарниковой поросли.

Пробираясь к ним, я спугнул большую болотную сову – «ночную птицу открытых пространств», которая днем всегда прячется в траве. Она испуганно шарахнулась в сторону от меня и, отлетев немного, опять опустилась в болото. Около кустов я сел отдохнуть и вдруг услышал слабый шорох. Я вздрогнул и оглянулся. Но страх мой оказался напрасным. Это были камышовки. Они порхали по тростникам,

поминутно подергивая хвостиком. Затем я увидел 2 крапивников. Миловидные рыжевато-пестрые птички эти все время прятались в зарослях, потом выскакивали вдруг где-нибудь с другой стороны и скрывались снова под сухой травой. Вместе с ними была одна камышовка-овсянка. Она все время лазала по тростникам, нагибала голову в сторону и вопрошающе на меня посматривала. Я видел здесь еще много других мелких птиц, названия которых мне были неизвестны.

Через час я вернулся к своим. Марченко уже согрел чай и ожидал моего возвращения. Утолив жажду,

мы сели в лодку и поплыли дальше. Желая пополнить свой дневник, я спросил Дерсу, следы каких животных он видел в долине Лефу с тех пор, как мы вышли из гор и начались болота. Он отвечал, что в этих местах держатся козули, енотовидные собаки, барсуки, волки, лисицы, зайцы, хорьки, выдры, водяные крысы, мыши и землеройки.

Во вторую половину дня мы прошли еще 12 км и стали биваком на одном из многочисленных островов.

Сегодня мы имели случай наблюдать на востоке теневой сегмент земли. Вечерняя заря переливалась особенно яркими

красками. Сначала она была бледная, потом стала изумрудно-зеленой, и по этому зеленому фону, как расходящиеся столбы, поднялись из-за горизонта два светло-желтых луча. Через несколько минут лучи пропали. Зеленый свет зари сделался оранжевым, а потом красным. Самое последнее явление заключалось в том, что багрово-красный горизонт стал темным, словно от дыма. Одновременно с закатом солнца на востоке появился теневой сегмент земли. Одним концом он касался северного горизонта, другим — южного. Внешний край этой тени был пурпуровый, и чем ниже спускалось солнце, тем выше

поднимался теневой сегмент. Скоро пурпуровая полоса слилась с красной зарей на западе, и тогда наступила темная ночь.

Я смотрел и восторгался, но в это время услышал, что Дерсу ворчит:

— Понимай нету!

Я догадался, что это замечание относилось ко мне, и спросил его, в чем дело.

— Это худо, — сказал он, указывая на небо. — Моя думай, будет большой ветер.

Вечером мы долго сидели у огня. Утром встали рано, за день утомились и поэтому, как только поужинали, тотчас же легли спать.

Предрассветный наш сон был какой-то тяжелый. Во всем теле чувствовались истома и слабость, движения были вялые. Та к как это состояние ощущалось всеми одинаково, то я испугался, думая, что мы заболели лихорадкой или чем-нибудь отравились, но Дерсу успокоил меня, что это всегда бывает при перемене погоды. Нехотя мы поехали и нехотя поплыли дальше. Погода была теплая; ветра не было совершенно; камыши стояли неподвижно и как будто дремали. Дальние горы, виденные дотолe ясно, теперь совсем утонули во мгле. По бледному небу протянулись тонкие растянутые облачка, и около солнца

появились венцы. Я заметил, что кругом уже не было такой жизни, как накануне. Куда-то исчезли и гуси, и утки, и все мелкие птицы. Только на небе парили орланы. Вероятно, они находились вне тех атмосферных изменений, которые вызвали среди всех животных на земле общую апатию и сонливость.

— Ничего, — говорил Дерсу. — Моя думай, половина солнца кончай, другой ветер найди есть.

Я спросил его, отчего птицы перестали летать, и он прочел мне длинную лекцию о перелете.

По его словам, птицы любят двигаться против ветра. При полном штиле и во время теплой погоды они

сидят на болотах. Если ветер дует им вслед, они зябнут, потому что холодный воздух проникает под перья. Тогда птицы прячутся в траве. Только неожиданный снегопад может принудить пернатых лететь дальше, невзирая на ветер и стужу.

Чем ближе мы подвигались к озеру Ханка, тем болотистее становилась равнина. Деревья по берегам протоков исчезли, и их место заняли редкие, тощие кустарники. Замедление течения в реке тотчас сказалось на растительности. Появились лилии, кувшинки, курослеп, водяной орех и т.д. Иногда заросли травы были так густы, что лодка не могла пройти сквозь них, и

мы вынуждены были делать большие обходы. В одном месте мы заблудились и попали в какой-то тупик. Олентьев хотел было выйти из лодки, но едва вступил на берег, как провалился и увяз по колено. Тогда мы повернули назад, вошли в какое-то озеро и там случайно нашли свою протоку. Лабиринт, заросший травой, остался теперь позади, и мы могли радоваться, что отделались так дешево. С каждым днем ориентировка становится все труднее и труднее.

Раньше по деревьям можно было далеко проследить реку, теперь же нигде не было даже кустов, вследствие этого на несколько

метров вперед нельзя было сказать, куда свернет протока, влево или вправо.

Предсказание Дерсу сбылось. В полдень начал дуть ветер с юга. Он постепенно усиливался и в то же время менял направление к западу. Гуси и утки снова поднялись в воздух и полетели низко над землей.

В одном месте было много плавникового леса, принесенного сюда во время наводнений. На Лефу этим пренебрегать нельзя, иначе рискуешь заночевать без дров. Через несколько минут стрелки разгружали лодку, а Дерсу раскладывал огонь и ставил палатку.

До озера Ханка оставалось

немного. Я знал, что река здесь отклоняется к северо-востоку и впадает в восточный угол залива Лебяжьего, названного так потому, что во время перелетов здесь всегда держится много лебедей. Этот залив длиной от 6 до 8 и шириной около 1 км. Он очень мелководен и соединяется с озером узкой протокой. Таким образом, для того чтобы достигнуть озера на лодке, нужно было пройти еще 15 км, а напрямик целиной — не более 2,5 или 3. Было решено, что завтра мы вместе с Дерсу пойдем пешком и к сумеркам вернемся назад. Олентьев и Марченко должны были остаться на биваке и ждать нашего

возвращения.

Вечером у всех было много свободного времени. Мы сидели у костра, пили чай и разговаривали между собой. Сухие дрова горели ярким пламенем. Камыши качались и шумели, и от этого шума ветер казался сильнее, чем он был на самом деле. На небе лежала мгла, и сквозь нее чуть-чуть виднелись только крупные звезды. С озера до нас доносился шум прибоя. К утру небо покрылось слоистыми облаками. Теперь ветер дул с северо-запада. Погода немного ухудшилась, но не настолько, чтобы помешать нашей экскурсии.

Глава 6

Пурга на озере Ханка

Исторические и географические сведения об озере Ханка. – Торопливый перелет птиц. – Заблудились. – Пурга. – Шалаши из травы. – Возвращение на бивак. – Путь до Дмитриевки. – Дерсу заботится о лодке. – Бивак гольда за деревней. – Планы Дерсу. – Прощание. – Возвращение во Владивосток

Озеро Ханка (по-гольдски Кенка) имеет несколько яйцевидную форму. Оно расположено (между 44°

36' и 45° 2' северной широты) таким образом, что закругленный овал его находится на севере, а острый конец — на юге. С боков этот овал немного сжат. Наибольшая ширина озера равна 60 км, наименьшая — 30. В окружности оно около 260 км и в длину — 85. Это дает площадь в 2400 км².

На севере Ханка имеет еще один придаток — озеро Малое Ханка (по-китайски Сяо-Ху и по-гольдски — Дабуку). Оно длиной в 15, шириной 25 км и отделено от большого озера только песчаной косой, по которой в прежнее время пролегал путь из Маньчжурии в Уссурийский край. Верхняя часть озера Ханка

(приблизительно четвертая) принадлежит Китаю. Граница между обоими государствами проходит здесь по прямой линии от устья реки Тур (по-китайски Байминхе^[30]) к реке Сунгаче (по-китайски Суначан^[31]), берущей начало из озера Ханка в точке, имеющей следующие географические координаты: 45° 27' с. ш. к 150° 10' в. д. от Ферро на высоте 86 м над уровнем моря.

При Ляосской династии озеро Ханка называлось Бэй-цинхай, а в настоящее время – Ханка, Хинкай и Син-кайху, что значит Озеро процветания и благоденствия. Надо полагать, что название озера Ханка произошло от другого слова, именно

от слова «ханхай», что значит «впадина». Этим именем китайцы называют всякое пониженное место, будет ли это сухая или заполненная водой котловина. Та к они называют, например, западную часть пустыни Такла-Макан. Озеро Ханка с окрестными болотами действительно представляет собой впадину, и потому название Ханхай вполне ему соответствует.

Сплошные топи и болота на севере, западе и к югу от озера свидетельствуют о том, что раньше оно было значительно больше. Устье Лефу было где-нибудь около Халкидона, а может быть, и еще южнее. Река Сунгача^[32], вероятно,

тоже не существовала, и озеро соединялось непосредственно с Уссури протокой. В настоящее время озеро Ханка выше уровня моря не более как на 50 м. Средняя высота хребта, отделяющего Суйфунский [\[33\]](#) бассейн от озера, равняется 180 метрам. Этим объясняется обилие болот и топей по долинам рек внутреннего бассейна. Самый древний берег озера Ханка – западный. Здесь в обнажениях видна глина третичной формации. Самыми старыми поселками на озере будут: Турий Рог и Камень-Рыболов. Ханка, как и все озера, через которые проходит река, находится в периоде обмеления.

Наибольшая глубина его равна 10 м. Этот медленный процесс заполнения озера песком и илом продолжается и теперь. Вследствие мелководья оно очень бурное. Небольшое волнение уже достигает дна, поэтому прибой создается не только у берегов, но и посредине.

Сделав нужные распоряжения, мы с Дерсу отправились в путь.

Мы полагали, что к вечеру возвратимся назад, и потому пошли налегке, оставив все лишнее на биваке. На всякий случай под тужурку я надел фуфайку, Дерсу захватил с собой полотнище палатки и 2 пары меховых чулок.

По дороге он часто посматривал

на небо, что-то говорил с собой и затем обратился ко мне с вопросом:

— Как, капитан, наша скоро назад ходи или нет? Моя думай, ночью будет худо.

Я ответил ему, что до Ханки недалеко и что задерживаться мы там не будем.

Дерсу был сговорчив. Его всегда можно было легко уговорить. Он считал своим долгом предупредить об угрожающей опасности и, если видел, что его не слушают, покорялся, шел молча и никогда не спорил.

— Хорошо, капитан, — сказал он мне в ответ. — Тебе сам посмотри, а моя как ладно, так и ладно.

Последняя фраза была обычной формой выражения им своего согласия.

Идти можно было только по берегам протоков и озерков, где почва была немного суше. Мы направились левым берегом той протоки, около которой был расположен наш бивак. Она долгое время шла в желательном для нас направлении, но потом вдруг круто повернула назад. Мы оставили ее и, перейдя через болотце, вышли к другой узкой, но очень глубокой протоке. Перепрыгнув через нее, мы снова пошли камышами. Затем я помню, что еще другая протока появилась у нас слева. Мы направились по правому ее берегу.

Заметив, что она загибается к югу, мы бросили ее и некоторое время шли целиной, обходя лужи стоячей воды и прыгая на кочки. Так, вероятно, прошли мы 3 км. Наконец я остановился, чтобы ориентироваться. Теперь ветер дул с севера, как раз со стороны озера. Тростник сильно качался и шумел. Порой ветер пригибал его к земле, и тогда являлась возможность разглядеть то, что было впереди. Северный горизонт был затянут какой-то мглой, похожей на дым. Сквозь тучи на небе неясно просвечивало солнце, и это казалось мне хорошим предзнаменованием. Наконец мы увидели озеро Ханка.

Оно пенилось и бурлило.

Дерсу обратил мое внимание на птиц. Он заметил у них что-то такое, что стало его беспокоить. Это не был спокойный перелет, это было торопливое бегство. Птица, как говорят охотники, шла валом и в беспорядке. Гуси летели низко, почти над самой землей. Странный вид имели они, когда двигались нам навстречу и находились на линии зрения. В это время они были похожи на древних летучих ящеров. Ни ног, ни хвоста не было видно — виднелось что-то кургузое, махающее длинными крыльями и приближающееся с невероятной быстротой. Увидев нас, гуси сразу

взмывали кверху, но, обойдя опасное место, опять выстраивались в прежний порядок и снова спускались к земле.

Около полудня мы с Дерсу дошли до озера. Грозный вид имело теперь пресное море. Вода в нем кипела, как в котле. После долгого пути по травяным болотам вид свободной водяной стихии доставлял большое удовольствие. Я сел на песок и стал глядеть в воду. Что-то особенно привлекательное есть в прибое. Можно целыми часами смотреть, как бьется вода о берег.

Озеро было пустынным. Нигде ни одного паруса, ни одной лодки. Около часу мы бродили по берегу и

стреляли птиц.

— Утка кончай ходи, — сказал Дерсу вслух.

Действительно, перелет птиц сразу прекратился.

Черная мгла, которая дотопе была у горизонта, вдруг стала подыматься кверху. Солнца теперь уже совсем не было видно. По темному небу, покрытому тучами, точно вперегонки бежали отдельные белесоватые облака. Края их были разорваны и висели клочьями, словно грязная вата.

— Капитан, надо наша скоро ходи назад, — сказал Дерсу. — Моя мало-мало боится.

В самом деле, пора было

подумать о возвращении на бивак. Мы переобулись и пошли обратно. Дойдя до зарослей, я остановился, чтобы в последний раз взглянуть на озеро. Точно разъяренный зверь на привязи, оно металось в своих берегах и вздымало кверху желтоватую пену.

– Вода прибавляй есть, – сказал Дерсу, осматривая протоку.

Он был прав. Сильный ветер гнал воду к устью Лефу, вследствие чего река вышла из берегов и понемногу стала затоплять равнину. Вскоре мы подошли к какой-то большой протоке, преграждавшей нам путь. Место это мне показалось незнакомым. Дерсу тоже не узнал

его. Он остановился, подумал немного и пошел влево. Протока стала заворачиваться и ушла куда-то в сторону. Мы оставили ее и пошли напрямик к югу. Через несколько минут мы попали в топь и должны были возвратиться назад к протоке. Тогда мы повернули направо, наткнулись на новую протоку и перешли ее вброд. Отсюда мы пошли на восток, но попали в трясину. В одном месте мы нашли сухую полосу земли. Как мост, тянулась она через болото. Ощупывая почву ногами, мы осторожно пробирались вперед и, пройдя с полкилометра, очутились на сухом месте, густо заросшем травой. Топь теперь

осталась позади.

Я взглянул на часы. Было около 4 часов пополудни, а казалось, как будто наступили уже сумерки. Тяжелые тучи опустились ниже и быстро неслись к югу. По моим соображениям, до реки оставалось не более 2,5 км. Одинокaя сопка вдали, против которой был наш бивак, служила нам ориентировочным пунктом. Заблудиться мы не могли, могли только запоздать. Вдруг совершенно неожиданно перед нами очутилось довольно большое озеро. Мы решили обойти. Но оно оказалось длинным. Тогда мы пошли влево. Через 150 шагов перед нами появилась новая

протока, идущая к озеру под прямым углом. Мы бросились в другую сторону и вскоре опять подошли к тому же зыбучему болоту. Тогда я решил еще раз попытать счастья в правой стороне. Скоро под ногами стала хлюпать вода; дальше виднелись большие лужи. Стало ясно, что мы заблудились. Дело принимало серьезный оборот. Я предложил гольду вернуться назад и разыскать тот перешеек, который привел нас на этот остров. Дерсу согласился. Мы пошли обратно, но вторично его найти уже не могли.

Вдруг ветер сразу упал. Издали донесся до нас шум озера Ханка. Начало смеркаться, и одновременно с

тем в воздухе закружилось несколько снежинок. Штиль продолжался несколько минут, и вслед за тем налетел вихрь. Снег пошел сильнее.

«Придется ночевать», — подумал я и вдруг вспомнил, что на этом острове нет дров: ни единого деревца, ни единого кустика, ничего, кроме воды и травы. Я испугался.

— Что будем делать? — спросил я Дерсу.

— Моя шибко боится, — отвечал он.

Тут я только понял весь ужас нашего положения. Ночью во время пурги нам приходилось оставаться среди болот без огня и теплой одежды. Единственная моя надежда

была на Дерсу. В нем одном я видел свое спасение.

— Слушай, капитан! — сказал он. — Хорошо слушай! Надо наша скоро работай. Хорошо работай нету — наша пропал. Надо скоро резать траву.

Я не спрашивал его, зачем это было нужно. Для меня было только одно понятно — «надо скорее резать траву». Мы быстро сняли с себя все снаряжение и с лихорадочной поспешностью принялись за работу. Пока я собирал такую охапку травы, что ее можно было взять в одну руку, Дерсу успевал нарезать столько, что еле обхватывал двумя руками. Ветер дул порывами и с такой силой, что

стоять на ногах было почти невозможно. Моя одежда стала смерзаться. Едва успевали мы положить на землю срезанную траву, как сверху ее тотчас заносило снегом. В некоторых местах Дерсу не велел резать траву. Он очень сердился, когда я его не слушал.

— Тебе понимай нету! — кричал он. — Тебе надо слушай и работай. Моя понимай.

Дерсу взял ремни от ружей, взял свой пояс, у меня в кармане нашлась веревочка. Все это он свернул и сунул к себе за пазуху. Становилось все темнее и холоднее. Благодаря выпавшему снегу можно было кое-что рассмотреть на земле. Дерсу

двигался с поразительной энергией. Как только я прекращал работу, он кричал мне, что надо торопиться. В голосе его слышались нотки страха и негодования. Тогда я снова брался за нож и работал до изнеможения. На рубашку мне навалилось много снега. Он стал таять, и я почувствовал, как холодные струйки воды потекли по спине. Я думаю, мы собирали траву более часа. Пронзительный ветер и колючий снег нестерпимо резали лицо. У меня озябли руки. Я стал согревать их дыханием и в это время обронил нож. Заметив, что я перестал работать, Дерсу вновь крикнул мне:

— Капитан, работай! Моя шибко

боится! Скоро совсем пропади!

Я сказал, что потерял нож.

– Рви траву руками, – крикнул он, стараясь пересилить шум ветра.

Автоматически, почти бессознательно я ломал камыши, порезал руки, но боялся оставить работу и продолжал рвать траву до тех пор, пока окончательно не обессилел. В глазах у меня стали ходить круги, зубы стучали, как в лихорадке. Намокшая одежда коробилась и трещала. На меня напала дремота. «Так вот замерзают», – мелькнуло у меня в голове, и вслед за тем я впал в какое-то забытие. Сколько времени продолжалось это обморочное

состояние — я не знаю. Вдруг я почувствовал, что меня кто-то трясет за плечо. Я очнулся. Надо мной, наклонившись, стоял Дерсу.

— Становись на колени, — сказал он мне.

Я повиновался и уперся руками в землю. Дерсу накрыл меня своей палаткой, а затем сверху стал заваливать травой. Сразу стало теплее. Закапала вода. Дерсу долго ходил вокруг, подгребал снег и утаптывал его ногами.

Я стал согреваться и затем впал в тяжелое дремотное состояние. Вдруг я услышал голос Дерсу:

— Капитан, подвинься!

Я сделал над собой усилие и

прижался в сторону. Гольд вполз под палатку, лег рядом со мной и стал покрывать нас обоих своей кожаной курткой. Я протянул руку и нащупал на ногах у себя знакомую мне меховую обувь.

– Спасибо, Дерсу, – говорил я ему. – Покрывайся сам.

– Ничего, ничего, капитан, – отвечал он. – Теперь бояться не надо. Моя крепко трава вяжи. Ветер ломай не могу.

Чем больше засыпало нас снегом, тем теплее становилось в нашем импровизированном шалаше. Капанье сверху прекратилось. Снаружи доносилось завывание ветра. Точно где-то гудели гудки,

звонили в колокола и отпевали покойников. Потом мне стали грезиться какие-то пляски, куда-то я медленно падал, все ниже и ниже, и наконец погрузился в долгий и глубокий сон... Так, вероятно, мы проспали 12 часов.

Когда я проснулся, было темно и тихо. Вдруг я заметил, что лежу один.

— Дерсу! — крикнул я испуганно.

— Медведи! — услышал я голос его снаружи. — Медведи! Вылезай. Надо своя берлога ходи, как чужой берлога долго спи.

Я поспешно вылез наружу и невольно закрыл глаза рукой. Кругом все белело от снега. Воздух был свежий, прозрачный. Морозило. По

небу плыли разорванные облака; кое-где виднелось синее небо. Хотя кругом было еще хмуро и сумрачно, но уже чувствовалось, что скоро выглянет солнце. Прибитая снегом трава лежала полосами. Дерсу собрал немного сухой ветоши, развел небольшой огонек и сушил на нем мои бутки.

Теперь я понял, почему Дерсу в некоторых местах не велел резать траву. Он скрутил ее и при помощи ремней и веревок перетянул поверх шалаша, чтобы его не разметало ветром. Первое, что я сделал, — поблагодарил Дерсу за спасение.

— Наша вместе ходи, вместе работай. Спасибо не надо.

И, как бы желая перевести разговор на другую тему, он сказал:

– Сегодня ночью много люди пропади.

Я понял, что «люди», о которых говорил Дерсу, были пернатые.

После этого мы разобрали травяной шатер, взяли свои ружья и пошли искать перешеек. Оказалось, что наш бивак был очень близко от него. Перейдя через болото, мы прошли немного по направлению к озеру Ханка, а потом свернули на восток к реке Лефу.

После пурги степь казалась безжизненной и пустынной. Гуси, утки, чайки, крохали – все куда-то исчезли. По буро-желтому фону

большими пятнами белели болота, покрытые снегом. Идти было славно, мокрая земля подмерзла и выдерживала тяжесть ноги человека. Скоро мы вышли на реку и через час были на биваке.

Олентьев и Марченко не беспокоились о нас. Они думали, что около озера Ханка мы нашли жилье и остались там ночевать. Я переобулся, напился чаю, лег у костра и крепко заснул. Мне грезилось, что я опять попал в болото и кругом бушует снежная буря. Я вскрикнул и сбросил с себя одеяло. Был вечер. На небе горели яркие звезды; длинной полосой протянулся Млечный Путь. Поднявшийся ночью ветер раздувал

пламя костра и разносил искры по полю. По другую сторону огня спал Дерсу.

На другой день утром ударил крепкий мороз. Вода всюду замерзла, по реке шла шуга. Переправа через протоки Лефу отняла у нас целый день. Мы часто попадали в слепые рукава и должны были возвращаться назад. Пройдя 2 км два нашей протокой, мы свернули в соседнюю — узкую и извилистую. Там, где она соединялась с главным руслом, высилась отдельная коническая сопка, покрытая порослью дубняка. Здесь мы и заночевали. Это был последний наш бивак. Отсюда следовало идти походным порядком в

Черниговку, где нас ожидали остальные стрелки с конями. Уходя с бивака, Дерсу просил Олентьева помочь ему вытащить лодку на берег. Он старательно очистил ее от песка и обтер травой, затем перевернул вверх дном и поставил на катки. Я уже знал, что это делается для того, чтобы какой-нибудь «люди» мог в случае нужды ею воспользоваться.

Утром мы распрощались с Лефу и в тот же день после полудня пришли в деревню Дмитровку, расположенную по ту сторону Уссурийской железной дороги. Переходя через полотно дороги, Дерсу остановился, потрогал рельсы рукой, посмотрел в обе стороны и

сказал:

— Гм! Моя это слышал. Кругом люди говорили. Теперь понимай есть.

В деревне мы встали по квартирам, но гольд не хотел идти в избу и, по обыкновению, остался ночевать под открытым небом. Вечером я соскучился по нему и пошел его искать.

Ночь была хотя и темная, но благодаря выпавшему снегу можно было кое-что рассмотреть. Во всех избах топились печи. Беловатый дым струйками выходил из труб и спокойно подымался кверху. Вся деревня курилась. Из окон домов свет выходил на улицу и освещал

сугробы. В другой стороне, «на задах», около ручья, виднелся огонь. Я догадался, что это бивак Дерсу, и направился прямо туда. Гольд сидел у костра и о чем-то думал.

— Пойдем в избу чай пить, — сказал я ему.

Он не ответил мне и в свою очередь задал вопрос:

— Куда завтра ходи?

Я ответил, что пойдем в Черниговку, а оттуда — во Владивосток, и стал приглашать его с собой. Я обещал в скором времени опять пойти в тайгу, предлагал жалованье... Мы оба задумались. Не знаю, что думал он, но я почувствовал, что в сердце мое

закралась тоска. Я стал снова рассказывать ему про удобства и преимущества жизни в городе. Дерсу слушал молча. Наконец он вздохнул и проговорил:

– Нет, спасибо, капитан. Моя Владивосток не могу ходи. Чего моя там работай? Охота ходи нету, соболя гоняй тоже не могу, город живи – моя скоро пропади.

«В самом деле, – подумал я, – житель лесов не выживет в городе, и не делаю ли я худо, что сбиваю его с того пути, на который он встал с детства?»

Дерсу замолчал. Он, видимо, обдумывал, что делать ему дальше. Потом, как бы отвечая на свои

мысли, сказал:

— Завтра моя прямо ходи. — Он указал рукой на восток. — Четыре солнца ходи, Даубихе найди есть, потом Улахе ходи, потом — Фудин, Дзуб-Гын^[34] и море. Моя слышал, там на морской стороне чего-чего много: соболь есть, олень тоже есть.

Долго мы еще с ним сидели у огня и разговаривали. Ночь была тихая и морозная. Изредка набегающий ветерок чуть-чуть шелестел дубовой листвой, еще не опавшей на землю. В деревне давно уже все спали, только в том доме, где поместился я со своими спутниками, светился огонек. Созвездие Ориона показывало полночь. Наконец я

встал, попрощался с гольдом, пошел к себе в избу и лег спать. Какая-то неприятная тоска овладела мной. За это короткое время я успел привязаться к Дерсу. Теперь мне жаль было с ним расставаться. С этими мыслями я и задремал.

На следующее утро первое, что я вспомнил, — это то, что Дерсу должен уйти от нас. Напившись чаю, я поблагодарил хозяев и вышел на улицу.

Стрелки были уже готовы к выступлению. Дерсу был тоже с нами.

С первого же взгляда я увидел, что он снарядился в далекий путь. Котомка его была плотно уложена,

пояс затянут, унты хорошо надеты.

Отойдя от Дмитровки с километр, Дерсу остановился. Настал тяжелый момент расставания.

– Прощай, Дерсу, – сказал я ему, пожимая руку. – Дай бог тебе всего хорошего. Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал. Прощай! Быть может, когда-нибудь увидимся.

Дерсу попрощался со стрелками, затем кивнул мне головой и пошел в кусты налево. Мы остались на месте и смотрели ему вслед. В 200 м от нас высилась небольшая горка, поросшая мелким кустарником. Через 5 минут он дошел до нее. На светлом фоне неба отчетливо вырисовывалась его

фигура с котомкой за плечами, с сошками и с ружьем в руках. В этот момент яркое солнце взошло из-за гор и осветило гольда. Поднявшись на гривку, он остановился, повернулся к нам лицом, помахал рукой и скрылся за гребнем. Словно что оторвалось у меня в груди. Я почувствовал, что потерял близкого мне человека.

— Хороший он человек, — сказал Марченко.

— Да, таких людей мало, — ответил ему Олентьев.

«Прощай, Дерсу, — подумал я. — Ты спас мне жизнь. Я никогда не забуду этого».

В сумерки мы дошли до

Черниговки и присоединились к отряду. Вечером в тот же день я выехал во Владивосток, к месту своей постоянной службы.

Глава 7

Сборы в дорогу и снаряжение экспедиции (1906 год)

Новая экспедиция. – Состав отряда. – Вьючный обоз. – Научное снаряжение. – Одежда и обувь. – Продовольствие. – Работа путешественника. – Отъезд. – Река Усури. – Растительность около станции Шмаковка. – Пресмыкающиеся. – Грызуны. – Птицы. – Порядок дня в походе. –

*Село Успенка. — Даубихе и Улахе. —
Болото. — Охота за пчелами. Борьба
пчел с муравьями*

Прошло 4 года. За это время произошли некоторые перемены в моем служебном положении. Я переехал в Хабаровск, где Приамурский отдел Русского географического общества предложил мне организовать экспедицию для обследования хребта Сихотэ-Алинь и береговой полосы в Уссурийском крае: от залива Ольги на север, насколько позволит время, а также верховьев рек Уссури и Имана. Моими помощниками были назначены Гранатман, Анофриев и

Мерзляков. Кроме того, в состав экспедиционного отряда вошли 6 сибирских стрелков (Дьяков, Егоров, Загурский, Мелян, Туртыгин, Бочкарев) и 4 уссурийских казака (Белоножкин, Эпов, Мурзин, Кожевников).

Кроме лиц, перечисленных в приказе, в экспедиции приняли еще участие: бывший в это время начальником штаба округа генерал-лейтенант П.К. Рутковский и в качестве флориста – лесничий Н.А. Пальчевский. Цель экспедиции – естественно-историческая.

Маршруты были намечены по рекам Уссури, Улахе и Фудзину по десятиверстной и в прибрежном

районе – по сорокаверстной картам издания 1889 года.

В то время все сведения о центральной части Сихотэ-Алиня были крайне скудны и не заходили за пределы случайных рекогносцировок. Что же касается побережья моря к северу от залива Ольги, то о нем имелись лишь отрывочные сведения от морских офицеров, посещавших эти места для промеров бухт и заливов.

Наши сборы в экспедицию начались в половине марта и длились около двух месяцев. Мне предоставлено было право выбора стрелков из всех частей округа, кроме войск инженерных и

крепостной артиллерии. Благодаря этому в экспедиционный отряд попали лучшие люди, преимущественно сибиряки Тобольской и Енисейской губерний. Правда, это был народ немного угрюмый и малообщительный, но зато с детства привыкший переносить всякие невзгоды.

В путешествие просилось много людей. Я записывал всех, а затем наводил справки у ротных командиров и исключал жителей городов и занимавшихся торговлей. В конце концов в отряде остались только охотники и рыболовы. При выборе обращалось внимание на то, чтобы все умели плавать и знали

какое-нибудь ремесло.

Кроме стрелков, в экспедицию всегда просится много посторонних лиц. Все эти «господа» представляют себе путешествие как легкую и веселую прогулку. Они никак не могут понять, что это тяжелый труд. В их представлении рисуются: караваны, палатки, костры, хороший обед и отличная погода.

Но они забывают про дожди, гнус^[35], голодовки и множество других лишений, которым постоянно подвергается всякий путешественник, как только он минует селения и углубится в лесную пустыню.

Собираются ехать всегда

многие, а выезжают на сборный пункт 2 или 3 человека. Уже накануне отъезда начинаешь получать письма примерно такого содержания: «Вследствие изменившихся обстоятельств ехать не могу. Желаю счастливого пути...» и т.д. На сборном пункте получаешь такие же телеграммы. Наконец прибывают двое. Один из них имеет вид воскресшего охотника, другой – скромный, серьезный, ко всему присматривающийся. Первый много говорит, все зло критикует и с видом бывалого человека гордо едет впереди отряда, едет до тех пор, пока не надоест ему безделье и пока погода благоприятствует. Но лишь

только спрыснет дождь или появятся комары, он тотчас поворачивает назад, проклиная тот день и час, когда задумал идти в путешествие. Второй участник экспедиции, которого я назвал «скромный», идет молча и работает. К нему вскоре все привыкают. Такие люди всегда оставляют по себе хорошие воспоминания. Та к было и в данном случае: собирались ехать многие, а поехали только те, кто был перечислен выше.

Теперь необходимо сказать несколько слов о том, как был организован вьючный обоз экспедиции. В отряде было 12 лошадей. Очень важно, чтобы люди

изучили коней и чтобы лошади, в свою очередь, привыкли к людям. Заблаговременно надо познакомить стрелков с уходом за лошадьё, познакомить с седловкой и с конским снаряжением, надо приучить лошадей к носке вьюков и т.д. Для этого команда собрана была за 30 дней до похода.

Вьючные седла с нагрудниками и шлеями были хорошо пригнаны к лошадям и приспособлены как для перевозки тяжестей, так и для верховой езды. Впрочем, все участники экспедиции шли пешком, и лошадьми никто не пользовался. Особое внимание было обращено на седельные ленчики. Дужки их были

сделаны высокими, полочки правильно разогнутыми и потники из лучшего войлока — толстые и мягкие. В таких случаях никогда не надо скупиться на расходы. Надо помнить, что раз упущено на месте сборов, того уже нельзя будет исправить в дороге. Крепкие недоуздки с железными кольцами, торбы и путы, ковочный инструмент и гвозди, запас подков (по три пары на каждого коня) и колокольчик для передовой лошади, которая на пастбище водит весь табун за собой, дополняли конское снаряжение. Кроме того, для каждой лошади были сшиты головные покрывала с наушниками. Без этих

приспособлений кони сильно страдают от мошки. Она набивается в уши и разъедает их до крови.

Вьюками были брезентовые мешки и походные ящики, обитые кожей и окрашенные масляной краской. Такие ящики удобно переносимы на конских вьюках, помещаются хорошо в лодках и на нартах. Они служили нам и для сидений и столами. Если не мешать имуществу в ящиках и не перекладывать его с одного места на другое, то очень скоро запоминаешь, где что лежит, и в случае нужды расседливаешь ту лошадь, которая несет искомый груз.

Из животных, кроме лошадей, в

отряде еще были две собаки: одна моя — Альпа, другая командная — Леший, крупная зверовая, по складу и по окраске напоминающая волка.

Научное снаряжение экспедиции состояло из следующих инструментов^[36]: буссоли Шмалькальдера, шагомера, секундомера, 2 барометров-анероидов, гипсотермометров, термометров для измерения температуры воздуха и воды, анемометра, геологического молотка, горного компаса, рулетки, фотографического аппарата, тетрадей, карандашей и бумаги. Затем были ящики для собирания насекомых, препарировочные

инструменты, пресс, бумага для сушки растений, банки с формалином и т.д.

Кроме упомянутых инструментов, в отряде набралось еще много походного инвентаря, как то: котлы, чайники, топоры, поперечная пила, саперная лопата, паяльник, струг, напильники и пр. Все стрелки были вооружены трехлинейными винтовками (без штыков) кавалерийского образца, приспособленными для носки на ремне. На каждого было взято по 300 патронов, из которых по 50 патронов находилось при себе, остальные были отправлены на питательные базы, устроенные на берегу моря.

Кроме этого оружия, в экспедиции были 2 винтовки системы Маузера и Винчестера, малокалиберное ружье Франкота и двухствольный дробовик Зауэра.

Снаряжение стрелков состояло из следующих предметов: финские ножи, патронташи, носившиеся вместо поясов, крученые веревки длиной в 2 м с кольцами и небольшие кожаные сумки для разной мелочи (иголки, нитки, крючки, гвозди и т.д.). Холщовые мешки с бельем стрелки приспособили для носки на спине, сообразно чему перешили лямки. Вес вьюка каждого участника экспедиции равнялся 12–15 кг.

Летняя одежда стрелков состояла из рубах и шаровар защитного цвета и легких фуражек. Нарукавники, стягивающие рукава около кистей рук, летом служили для защиты от комаров и мошек, а зимой для того, чтобы холодный ветер не задувал под одежду. Вместо сапог были сшиты унты по туземному образцу. Эта обувь оказалась наиболее пригодной. Правда, она скоро промокала, но зато скоро и высыхала. Ноги от колена до ступни обматывались суконными лентами. Сначала это не ладилось, ленты спадали с ног, закатанные туго — давили икры, но потом сукно вытянулось, люди приспособились и уже всю дорогу шли не оправляясь.

На зиму были запасены шинели, теплые куртки, фуфайки, шаровары, шитые из верблюжьего сукна, шерстяные чулки, башлыки, рукавицы и папахи. Зимняя обувь — те же унты, только большего размера, для того чтобы можно было набивать их сухой травой и надевать на теплую портянку.

Из опыта прежних лет выяснилось, что только тогда можно хорошо работать, когда ночью выспишься как следует. Днем от комаров еще можно найти защиту, но вечером от мелких мошек уже нет спасения. Эти отвратительные насекомые всю ночь не дают сомкнуть глаз. Люди нервничают и с

нетерпением ждут рассвета. Единственной защитой является комарник; он сшивается из белой дрели, через которую воздух легко проникает. Он устроен таким образом, что когда в нем вставляли поперечные распорки и за кольца привязывали к деревьям, то получалось нечто вроде футляра, в котором можно было лежать, сидеть и работать. На случай дождя над комарником растягивался тент в виде двускатной крыши. Вместо постели у каждого имелись тонкие войлоки, обшитые с одной стороны непромокаемым брезентом, под которые подвертывались края пологов. Таким образом, комарники

спасали людей от дождя, от холодного ветра и от докучливых насекомых. Участники экспедиции, ведшие научные работы, имели каждый по особому комарнику, а стрелки по 1 на 2 человека, для чего их положили шились больше размерами. Осенью, с исчезновением насекомых, когда ночи делаются холоднее, из комарников ставятся односкатные палатки. Перед ними раскладываются длинные костры, дающие много тепла и света.

Теперь относительно продовольствия. Общий запас его был рассчитан на 6 месяцев и состоял из муки, галет, риса, чумизы, экспортного масла, сухой

прессованной зелени, соли, перца, горохового порошка, клюквенного экстракта, сахара и чая. Ящики с продовольствием были отправлены на питательные базы заблаговременно и выгружены при устьях рек Тадушу, Тютихе, в заливе Джигит и в бухте Терней. Там, где поблизости жили люди, ящики оставили близ их жилья, там же, где берег был пустынный, их просто сложили в кучу и прикрыли брезентом, обозначив место вехой.

Хлебные сухари брались только в сухое время года, осенью и зимой. Летом они жадно впитывают в себя влагу из воздуха, и чем больше их прикрывать брезентами, тем скорее

они портятся. То же самое и мясной порошок. Через 24 часа после вскрытия банки он уже слипается в комки, а еще через сутки начинает цвести и издавать запах. Мы сушили мясо тонкими ломтями. Правда, оно занимало много места и это не спасало его от плесени, но все же его можно было употреблять в пищу. Перед тем как класть мясо в котел, его надо опалить на огне; тогда плесень сгорает и мясо становится мягким и съедобным. Сухой яичный белок и шоколад, предназначенные на случай голодовок, везлись как неприкосновенный запас в особых цинковых коробках. Гораздо легче сохранять белую муку. Для этого

следует кулек с мукой снаружи смочить. Вода, проникшая сквозь холст, смешивается с мукой и образует слой теста в палец толщиной. Таким образом получается корка, совершенно непроницаемая для сырости; вместе с тем мешок становится твердым и не рвется в дороге.

В отряде имелась хорошо подобранная походная аптечка, набор хирургических инструментов (бритва, ножницы, пинцеты, ланцеты, иглы, шелк, иглодержатель, ушной баллон, глазная ванночка, шприц Праватца) и значительное количество перевязочного материала.

14 мая все было готово, 15-го

числа была отправлена по железной дороге команда с лошадьми, а 16-го выехали из Хабаровска и все остальные участники экспедиции. Сборным пунктом была назначена станция Шмаковка, находящаяся несколько южнее того места, где железная дорога пересекает реку Уссури.

К путешественнику предъявляются следующие требования: он должен уметь организовать экспедицию и исполнить все подготовительные работы на месте еще задолго до выступления; должен уметь собрать коллекции; уметь вести дневник; знать, на что обратить внимание:

отличить ценное от рухляди; уметь доставить коллекции и обработать собранные материалы.

Что значит путешествие, в чем заключается работа исследователя? К сожалению, для этого какого-нибудь катехизиса дать нельзя. Многое зависит от личности самого путешественника и от того, насколько он подготовлен к такого рода деятельности.

Первый период, период подготовительный, для нас прошел. Теперь на очереди было само путешествие. Накануне отъезда всегда много забот и хлопот. Надо все обдумать, вспомнить, не забыли ли что-нибудь, надо послать

телеграммы, уложить свои вещи, известить то или иное лицо по телефону и т.д. Целый день бегаешь по городу, являешься к начальнику и делаешь последние распоряжения. Вечер уходит на писание писем. Ночью почти не спишь. Все время беспокоит одна и та же мысль: все ли сделано и все ли взято. На другой день чуть свет вы уже на ногах. Последние ваши хлопоты на вокзале около кассы. Наконец ударил станционный колокол, раздался свисток, и поезд тронулся. В эту минуту чувствуешь, как какая-то неимоверная тяжесть свалилась с плеч. Все беспокойства остались позади. Сознание, что ровно год

будешь вне сферы канцелярских влияний и ровно год тебя не будут беспокоить предписаниями и телефонами, создает душевное равновесие. Чувствуешь себя свободным; за работу принимаешься с удовольствием и сам себе удивляешься, откуда берется энергия.

Мы имели отдельный вагон, прицепленный к концу поезда. Нас никто не стеснял, и мы расположились как дома. День мы провели в дружеской беседе, рассматривали карты и строили планы на будущее.

Погода была пасмурная. Дождь шел не переставая. По обе стороны полотна железной дороги тянулись

большие кочковатые болота, залитые водой и окаймленные чахлой растительностью. В окнах мелькали отдельные деревья, телеграфные столбы, выемки. Все это было однообразно. День тянулся долго, тоскливо. Наконец стало смеркаться. В вагоне зажгли свечи.

Утомленные хлопотами последних дней, убаюкиваемые покачиванием вагона и ритмическим стуком колес, все очень скоро уснули.

На другой день мы доехали до станции Шмаковка. Отсюда должно было начаться путешествие. Ночью дождь перестал, и погода немного разгулялась. Солнце ярко светило. Смоченная водой листва блестела,

как лакированная. От земли подымался пар... Стрелки встретили нас и указали нам квартиру.

Остаток дня прошел в разборке имущества и в укладке вьюков.

Следующий день, 18 мая, был дан стрелкам в их распоряжение. Они переделывали себе унты, шили наколенники, приготавливали патронташи — вообще последний раз снаряжали себя в дорогу. Вначале сразу всего не доглядишь. Личный опыт в таких случаях — прежде всего. Важно, чтобы в главном не было упущений, а мелочи сами сгладятся.

Пользуясь свободным временем, мы вместе с П.К. Рутковским пошли осматривать окрестности.

В этом месте течение реки Уссури чрезвычайно извилистое. Если ее вытянуть на карте, она, вероятно, заняла бы вдвое более места. Нельзя сказать, чтобы река имела много притоков: кружевной вид ей придают излучины. Почти все реки Уссурийского края имеют течение довольно прямое до тех пор, пока текут по продольным межскладочным долинам. Но как только они выходят из гор на низины, начинают делать меандры^[37]. Тем более это удивительно, что состав берегов всюду один и тот же: под дерном лежит небольшой слой чернозема, ниже — супесок, а еще ниже — толщи ила попеременно с

галькой. Я думаю, это можно объяснить так: пока река течет в горах, она может уклоняться в сторону только до известных пределов. Благодаря крутому падению тальвега [\[38\]](#) вода в реке движется быстро, смывает все, что попадает ей на пути, и выпрямляет течение. Река действует в одно и то же время и как пила и как напильник. Совсем иное дело на равнине. Здесь быстрота течения значительно уменьшается, глубина становится ровнее, берега однообразнее. При этих условиях немного нужно, чтобы заставить реку изменить направление, например случайное скопление в одном месте

глины или гальки, тогда как рядом находятся рыхлые пески. Вот почему такие «кривуны» непостоянны: после каждого наводнения они изменяются, река образует новые колена и заносит песком место своего прежнего течения. Очень часто входы в старые русла закупориваются, образуются длинные слепые рукава, как в данном случае мы видим это на Уссури. Среди наносов реки много глины. Этим объясняется заболоченность долины.

Лето 1906 года было дождливое. Всюду по низинам стояла вода, и если бы не деревья, торчащие из луж, их можно было бы принять за озера.

От поселка Нижне-Михайловского до речки Кабарги болота тянутся с правой стороны Уссури, а выше к селу Нижне-Романовскому (Успенка) – с той и другой стороны, но больше с левой. Здесь посреди равнины поднимаются две сопки со старыми тригонометрическими знаками: северная (высотой в 370 м), называемая Медвежьей горой, и южная (в 250 м), имеющая китайское название Хандодинза-сы^[39]. Между этими сопками находятся минеральные Шмаковские ключи. На северо-востоке гора Медвежья раньше, видимо, соединялась с хребтом Тырыдинза^[40], но впоследствии их разобщила Уссури.

Среди уссурийских болот есть много релок^[41] с хорошей, плодородной землей, которыми и воспользовались крестьяне для распашек. В 5 км от реки на восток начинаются горы. 10 лет тому назад они были покрыты лесами, от которых ныне не осталось и следов. Ту древесную растительность, которую мы видим теперь в долине Уссури, лесом назвать нельзя. Эта жалкая поросль состоит главным образом из липы, черной и белой березы и растущих полукустарниками ольхи, ивняка и, наконец, раскидистого кустарника, похожего на леспедецу.

Почерневшие стволы деревьев,

обуглившиеся пни и отсутствие молодняка указывают на частые палы. Около железной дороги и быть иначе не может.

Цветковые растения растут такой однообразной массой, что кажется, будто здесь вовсе нет онкологических сообществ.

То встречаются целые площади, покрытые только одной полынью, то белым ползучим клевером, то тростниками, то ирисом, ландышами и т.д.

Благодаря тому, что кругом было очень сыро, релки сделались местом пристанища для различного рода мелких животных. На одной из них я видел 2 ужей и 1 копьеголовую

ядовитую змею. На другой релке, точно сговорившись, собрались грызуны и насекомоядные: красные полевки, мышки-экономки и уссурийские землеройки.

В стороне от дороги находился большой водоем. Около него сидело несколько серых скворцов. Эти крикливые птицы были теперь молчаливы; они садились в лужу и купались, стараясь крылышками обдать себя водой. Вблизи возделанных полей встречались ошейниковые овсянки. Они прыгали по тропе и близко допускали к себе человека, но, когда подбегали к ним собаки, с шумом поднимались с земли и садились на ближайшие

кусты и деревья. На опушке леса я увидел еще какую-то маленькую серенькую птицу. П.К. Рутковский убил ее из ружья. Это оказалась восточноазиатская совка, та самая, которую китайцы называют «ли-у» и которая якобы уводит искателей женьшеня от того места, где скрывается дорогой корень.

Несколько голубовато-серых амурских кобчиков гонялись за насекомыми, делая в воздухе резкие повороты. Некоторые птицы сидели на кочках и равнодушно посматривали на людей, проходивших мимо них.

Когда мы возвратились на станцию, был уже вечер. В теплом

весеннем воздухе стоял
неумолкаемый гомон. Со стороны
болот неслись лягушечьи концерты, в
деревне лаяли собаки, где-то в поле
звенел колокольчик.

Завтра в поход. Что-то ожидает
нас впереди?

Работа между участниками
экспедиции распределялась
следующим образом. На Г.И.
Гранатмана было возложено
заведование хозяйством и фуражное
довольствие лошадей. А.И.
Мерзлякову давались отдельные
поручения в сторону от главного
пути. Этнографические
исследования и маршрутные съемки
я взял на себя, а Н.А. Пальчевский

направился прямо в залив Ольги, где в ожидании отряда решил заняться сбором растений, а затем уже присоединиться к экспедиции и следовать с ней дальше по побережью моря.

Самый порядок дня в походе распределялся следующим образом. Очередной артельщик, выбранный сроком на 2 недели, вставал раньше других. Он варил какую-нибудь кашу, грел чай и, когда завтрак был готов, будил остальных людей. На утренние сборы уходило около часа. Приблизительно между 7 и 8 часами мы выступали в поход. Около полудня делался большой привал. Лошадей развьючивали и пускали на

подножный корм. Горячая пища варилась 2 раза в сутки, утром и вечером, а днем на привалах пили чай с сухарями или ели мучные лепешки, испеченные накануне. В час дня выступали дальше и шли примерно до 4 часов.

За день мы успевали пройти от 15 до 25 км, смотря по местности, погоде и той работе, которая производилась в пути. Место для бивака всегда выбирали где-нибудь около речки. Пока варился обед и ставили палатки, я успевал вычертить свой маршрут. В это время товарищи сушили растения, препарировали птиц, укладывали насекомых в ящики и нумеровали

геологический материал. В 5 часов обедали и ужинали в одно и то же время. После этого с ружьем в руках я уходил экскурсировать по окрестностям и заходил иногда так далеко, что не всегда успевал возвратиться назад к сумеркам. Темнота застигала меня в дороге, и эти переходы в лунную ночь по лесу оставили по себе неизгладимые воспоминания. В девять часов вечера последний раз мы пили чай, затем стрелки занимались своими делами: чистили ружья, починяли одежду и обувь, исправляли седла... В это время я заносил в дневник свои наблюдения.

Во время путешествия скучать

не приходится. За день так уходишься, что еле-еле дотащишься до бивака. Палатка, костер и теплое одеяло кажутся тогда лучшими благами, какие только даны людям на земле; никакая городская гостиница не может сравниться с ними. Выпьешь поскорее горячего чаю, залезешь в свой спальный мешок и уснешь таким сном, каким спят только усталые.

В походе мы были ежедневно. Дневки были только случайные: например, заболела лошадь, сломалось седло и т.д. Если окрестности были интересны, мы останавливались в этом месте на двое суток, а то и более. Из опыта

выяснилось, что во время сильных дождей быть в дороге невыгодно, потому что пройти удастся немного, люди и лошади скоро устают, седла портятся, планшет мокнет и т.д. В результате выходит так, что в ненастье идешь, а в солнечный день сидишь в палатке, приводишь в порядок съемки, доканчиваешь дневник, делаешь вычисления — одним словом, исполняешь ту работу, которую не успел сделать раньше.

В день выступления, 19 мая, мы все встали рано, но выступили поздно. Это вполне естественно. Первые сборы всегда затягиваются. Дальше в пути все привыкают к известному порядку, каждый знает

своего коня, свой выюк, какие у него должны быть вещи, что сперва надо укладывать, что после, какие предметы бывают нужны в дороге и какие на биваке.

В первый день все участники экспедиции выступили бодрыми и веселыми.

День был жаркий, солнечный. На небе не было ни одного облачка, но в воздухе чувствовался избыток влаги.

Грязная проселочная дорога между селениями Шмаковкой и Успенкой пролегает по увалам горы Хандо-дин-за-сы. Все мосты на ней уничтожены весенними палами, и потому переправа через

встречающиеся на пути реки, превратившиеся теперь в стремительные потоки, была делом далеко не легким.

На возвышенных местах характер растительности был тот же самый, что и около железной дороги. Это было редколесье из липы, дубняка и березы.

При окружающих пустырях редколесье это казалось уже густым лесом.

К трем часам дня отряд наш стал подходить к реке Уссури. Опытный глаз сразу заметил бы, что это первый поход. Лошади сильно растянулись, с них то и дело съезжали седла, расстегивались

подпруги, люди часто
останавливались и переобувались.
Кому много приходилось
путешествовать, тот знает, что это в
порядке вещей. С каждым днем эти
остановки делаются реже,
постепенно все налаживается, и
дальнейшие передвижения
происходят уже ровно и без заминок.
Тут тоже нужен опыт каждого
человека в отдельности.

Когда идешь в далекое
путешествие, то никогда не надо в
первые дни совершать больших
переходов. Наоборот, надо идти
понемногу и чаще давать отдых.
Когда все приспособятся, то люди и
лошади сами пойдут скорее и без

понукания.

Вступление экспедиции в село Успенку для деревенской жизни было целым событием. Ребятишки побросали свои игры и высыпали за ворота: из окон выглядывали испуганные женские лица; крестьяне оставляли свои работы и подолгу смотрели на проходивший мимо них отряд.

Село Успенка расположено на высоких террасах с левой стороны реки Уссури. Основано оно в 1891 году и теперь имело около 180 дворов.

Было каникулярное время, и потому нас поместили в школе, лошадей оставили на дворе, а все

имущество и седла сложили под навесом.

Вечером приходили крестьяне-старожилы. Они рассказывали о своей жизни в этих местах, говорили о дороге и давали советы.

На другой день мы продолжали свой путь. За деревней дорога привела нас к реке Уссури. Вся долина была затоплена водой. Возвышенные места казались островками. Среди этой массы воды русло реки отмечалось быстрым течением и деревьями, росшими по берегам ее. При обыкновенном уровне река Уссури имеет около 200 м ширины, около 4 м глубины и быстроту течения $3\frac{1}{2}$ км/ч.

Сопровождавшие нас крестьяне говорили, что во время наводнений сообщение с соседними деревнями по дороге совсем прекращается и тогда они пробираются к ним только на лодках.

Посоветовавшись, мы решили идти вверх по реке до такого места, где она идет одним руслом, и там попробовать переправиться вплавь с конями.

С рассветом казалось, что день будет пасмурный и дождливый, но к 10 часам утра погода разгулялась. Тогда мы увидели то, что искали. В 5 км от нас река собирала в себя все протоки. Множество сухих релок давало возможность подойти к ней

вплотную. Но для этого надо было обойти болота и спуститься в долину около горы Кабарги.

Лошади уже отабунились, они не лягались и не кусали друг друга. В поводу надо было вести только первого коня, а прочие шли следом сами. Каждый из стрелков по очереди шел сзади и подгонял тех лошадей, которые сворачивали в сторону или отставали.

Поравнявшись с горой Кабаргой, мы повернули на восток к фанзе Хаудиен^[42], расположенной на другой стороне Уссури, около устья реки Ситухе^[43]. Перебираясь с одной релки на другую и обходя болотины, мы вскоре достигли леса, растущего

на берегу реки. На наше счастье, в фанзе у китайцев оказалась лодка. Она цедила, как решето, но все же это была посудина, которая в значительной степени облегчала нашу переправу. Около часа было потрачено на ее починку. Щели лодки мы кое-как законопатили, доски сбили гвоздями, а вместо уключин вбили деревянные колышки, к которым привязали веревочные петли. Когда все было готово, приступили к переправе. Сначала перевезли седла, потом переправили людей. Осталась очередь за конями. Сами лошади в воду идти не хотели, и надо было, чтобы кто-нибудь плыл вместе с ними. На это опасное дело

вызвался казак Кожевников. Он разделся донага, сел верхом на наиболее ходового белого коня и смело вошел в реку. Стрелки тотчас же всех остальных лошадей погнали за ним в воду. Как только лошадь Кожевникова потеряла дно под ногами, он тотчас же соскочил с нее и, ухватившись рукой за гриву, поплыл рядом. Вслед за ним поплыли и другие лошади. С берега видно было, как Кожевников ободрял коня и гладил рукой по шее. Лошади плыли фыркая, раздув ноздри и оскалив зубы. Несмотря на то, что течение сносило их, они все же подвигались вперед довольно быстро.

Удастся ли Кожевникову
выплыть с конями к намеченному
месту?

Ниже росли кусты и деревья,
берег становился обрывистым и был
завален буреломом. Через 10 минут
его лошадь достала до дна ногами.
Из воды появились ее плечи, затем
спина, круп и ноги. С гривы и хвоста
вода текла ручьями. Казак тотчас же
влез на коня и верхом выехал на
берег.

Та к как одни лошади были
сильнее, другие слабее и плыли
медленнее, то естественно, что весь
табун растянулся по реке. Когда конь
Кожевникова достиг
противоположного берега, последняя

лошадь была еще на середине реки. Стало ясно, что ее снесет водой. Она напрягала все свои силы и держалась против воды, стараясь преодолеть течение, а течение увлекало ее все дальше и дальше. Кожевников видел это. Дождавшись остальных коней, он в карьер бросился вдоль берега вниз по течению. Выбрав место, где не было бурелома, казак сквозь кусты пробрался к реке, остановился в виду у плывущей лошади и начал ее окликать; но шум реки заглушал его голос. Белый конь, на котором сидел Кожевников, насторожился и, высоко подняв голову, смотрел на воду. Вдруг громкое ржание пронеслось по реке. Плывущая лошадь слышала этот

крик и начала менять направление. Через несколько минут она выходила на берег. Дав ей отдышаться, казак надел на нее недоуздок и повел в табун. Тем временем лодка перевезла остальных людей и их грузы.

После переправы у фанзы Хаудиен экспедиция направилась вверх по реке Ситухе, стараясь обойти болота и поскорее выйти к горам.

Река Ситухе течет в широтном направлении. Она длиной около 50 км. Большинство притоков ее находится с левой стороны. Сама по себе Ситухе маленькая речка, но, не доходя 3 км до Уссури, она превращается в широкий и глубокий

канал.

Здесь происходит слияние реки Даубихе с рекой Улахе ($44^{\circ} 58'$ с. ш., $133^{\circ} 34'$ в. д. от Гринвича – по Гамову). Отсюда начинается собственно река Уссури, которая на участке до реки Сунгачи принимает в себя справа 2 небольшие речки – Гирма-Биру и Курма-Биру.

Река Улахе течет некоторое время в направлении от юга к северу. Истоки ее находятся в горах Да-дянь-шань с перевалами на реки Сучан и Лефу. В верховьях она слагается из 3 рек: Тудагоу^[44], Эрлдагоу^[45] и Сандагоу^[46], затем принимает в себя притоки: справа – Сыдагоу^[47], Ханихезу^[48], Яньцзиньгоу^[49],

Чаятангоузу^[50], а слева – Хамахезу^[51],
Даубихезу^[52], Шитухе и Угыдынзу^[53].
Длиной Даубихе более 250 км,
глубиной 1,5–1,8 м, при быстроте
течения около 5 км в час.

Река Улахе течет некоторое
время в направлении от юга к северу,
но потом вдруг на высоте фанзы
Линда-Пау круто поворачивает на
запад. Здесь улахинская вода с такой
силой вливается в даубихинскую, что
прижимает ее к левому берегу.
Вследствие этого как раз против
устья реки Улахе образовалась
длинная заводь. Эта заводь и обе
реки (Даубихе и Улахе) вместе с
Уссури расположились таким
образом, что получилась

крестообразная фигура. Во время наводнения здесь скопится много воды. Отсюда, собственно, и начинается затопляться долина Уссури. От того места, где Улахе поворачивает на запад, параллельно Уссури, среди болот, цепью друг за другом, тянется длинный ряд озерков, кончающихся около канала Ситухе, о котором говорилось выше. Озера эти и канал Ситухе указывают место прежнего течения Улахе. Слияние ее с рекой Даубихе раньше происходило значительно ниже, чем теперь.

Почувствовав твердую почву под ногами, люди и лошади пошли бодрее. К полудню мы миновали

старообрядческую деревню Подгорную, состоящую из 25 дворов. Время было раннее, и потому решено было не задерживаться здесь. Дорога шла вверх по реке Ситухе. Слева был лес, справа — луговая низина, залитая водой. По пути нам снова пришлось переходить еще одну небольшую речушку, протекающую по узенькой, но чрезвычайно заболоченной долине. Люди перебирались с кочки на кочку, но лошадям пришлось трудно. На них жалко было смотреть: они проваливались по брюхо и часто падали. Некоторые кони так увязали, что не могли уже подняться без посторонней помощи. Пришлось их расседлывать и переносить грузы на

руках.

Когда последняя лошадь перешла через болото, день уже был на исходе. Мы прошли еще немного и стали биваком около ручья с чистой проточной водой.

Вечером стрелки и казаки сидели у костра и пели песни. Откуда-то взялась у них гармоника. Глядя на их беззаботные лица, никто бы не поверил, что только 2 часа тому назад они бились в болоте, измученные и усталые. Видно было, что они совершенно не думали о завтрашнем дне и жили только настоящим. А в стороне, у другого костра, другая группа людей рассматривала карты и обсуждала

дальнейшие маршруты.

На следующий день решено было сделать дневку. Надо было посушить имущество, почистить седла и дать лошадям отдых. Стрелки с утра взялись за работу. Каждый из них знал, у кого что неладно и что надо исправить.

Сегодня мы имели случай наблюдать, как казаки охотятся за пчелами. Когда мы пили чай, кто-то из них взял чашку, в которой были остатки меда. Немедленно на биваке появились пчелы — одна, другая, третья, и так несколько штук. Одни пчелы прилетали, а другие с ношей торопились вернуться и вновь набрать меду. Разыскать мед взялся

казак Мурзин. Заметив направление, в котором летели пчелы, он встал в ту сторону лицом, имея в руках чашку с медом. Через минуту появилась пчела. Когда она полетела назад, Мурзин стал следить за ней до тех пор, пока не потерял из виду.

Тогда он перешел на новое место, дождался второй пчелы, перешел опять, выследил третью и т.д. Таким образом он медленно, но верно шел к улью. Пчелы сами указали ему дорогу. Для такой охоты нужно запастись терпением.

Через 1,5 часа Мурзин возвратился назад и доложил, что нашел пчел и около их улья увидел такую картину, что поспешил

вернуться обратно за товарищами. У пчел шла война с муравьями. Через несколько минут мы были уже в пути, захватив с собой пилу, топор, котелки и спички. Мурзин шел впереди и указывал дорогу. Скоро мы увидели большую липу, растущую под углом в 45° . Вокруг нее вились пчелы. Почти весь рой находился снаружи. Вход в улей (леток) был внизу, около корней. С солнечной стороны они переплелись между собой и образовали пологий скат. Около входного отверстия в улей густо столпились пчелы. Как раз против них, тоже густой массой, стояло полчище черных муравьев. Интересно было видеть, как эти 2

враждебных отряда стояли друг против друга, не решаясь на нападение. Разведчики-муравьи бегали по сторонам. Пчелы нападали на них сверху. Тогда муравьи садились на брюшко и, широко раскрыв челюсти, яростно оборонялись. Иногда муравьи принимали обходное движение и старались напасть на пчел сзади, но воздушные разведчики открывали их, часть пчел перелетала туда и вновь преграждала муравьям дорогу.

С интересом мы наблюдали эту борьбу. Кто кого одолеет? Удастся ли муравьям проникнуть в улей? Кто первый уступит? Быть может, с заходом солнца враги разойдутся по

своим местам для того, чтобы утром начать борьбу снова; быть может, эта осада пчелиного улья длится уже не первый день.

Неизвестно, чем кончилась бы эта борьба, если бы на помощь пчелам не пришли казаки. Они успели согреть воду и стали кипятком обливать муравьев. Муравьи корчились, суетились и гибли на месте тысячами. Пчелы были возбуждены до крайности. В это время по ошибке кто-то плеснул на пчел горячей водой. Мигом весь рой поднялся на воздух. Надо было видеть, в какое бегство обратились казаки! Пчелы догоняли их и жалили в затылок и шею. Через минуту около

дерева никого не было. Люди стояли в отдалении, ругались, смеялись и острили над товарищами, но вдруг лица их делались испуганными, они принимались отмахиваться руками и убегали еще дальше.

Решено было дать пчелам успокоиться. Перед вечером два казака вновь пошли к улью, но уже ни меда, ни пчел не нашли. Улей был разграблен медведями. Так неудачно кончился наш поход за диким медом.

В ночь с 25 на 26 июня шел сильный дождь, который прекратился только к рассвету. Утром небо было хмурое; тяжелые дождевые тучи низко ползли над землей и, как саваном, окутывали

вершины гор. Надо было ждать дождя снова.

Когда идешь в дальнюю дорогу, то уже не разбираешь погоды. Сегодня вымокнешь, завтра высохнешь, потом опять вымокнешь и т.д. В самом деле, если все дождливые дни сидеть на месте, то, пожалуй, недалеко уйдешь за лето. Мы решили попытать счастья и хорошо сделали. Часам к 10 утра стало видно, что погода разгуливается. Действительно, в течение дня она сменялась несколько раз: то светило солнце, то шел дождь. Подсохшая была дорога размокла, и опять появились лужи.

Перейдя реку Ситухе, мы

подошли к деревне Крыловке, состоящей из 66 дворов. Следующая деревня, Межгорная (семнадцать дворов), была так бедна, что мы не могли купить в ней даже 4 кг хлеба. Крестьяне вздыхали и жаловались на свою судьбу. Последнее наводнение их сильно напугало.

Глава 8

Вверх по Уссури

*Маньчжурский заяц. – Гольды
рода Юкомика. – Сухая мгла. –
Перемена погоды. – Полоз Шренка. –
Гроза. – Река Вангоу. – Деревня
Загорная. – Старовер Паначев*

Дальнейший путь экспедиции лежал через горы. На этом пути нам предстояло еще одно испытание. Нужно было перейти 5 сильно заболоченных распадков^[54]. Первый распадок находился сейчас же за деревней, а последний, самый большой, – недалеко от реки Улахе.

Дорога, проложенная самими крестьянами, не имела ни канав, ни мостов, ни гатей. Грязь на ней была непролазная. Казаки пробовали было вести лошадей целиной, но оказалось еще хуже. Чтобы закрепить зыбуны, стрелки рубили ивняк и бросали его коням под ноги. Правда, это немного облегчало переправу людей, но мало помогало лошадям. Такая непрочная гать только обманывала их, они оступались и падали. Приходилось опять их расседлывать и переносить на себе вьюки. Наконец эти болота были пройдены.

По сведениям, полученным от крестьян, дальше дорога шла лесом.

Выйдя на твердую почву, отряд остановился на отдых.

В это время вдруг совершенно неожиданно откуда-то из кустов выскочил заяц. В одно мгновение люди бросились за ним в погоню. Надо было видеть, какой поднялся переполох в отряде. Кто свистел, кто гикал, кто бросал в убегающего зайца палкой, камнем и всем, что попадало под руку. Несчастный зверек бежал зигзагами и хотел укрыться в кустарниках. Это, вероятно, ему удалось бы сделать, если бы Загурский не выстрелил из ружья. Пуля ударила в землю как раз около головы зайца и оглушила его. В это время другой стрелок подбежал и

схватил его руками. Заяц метнулся, заверещал и, прижав к спине уши, притаился. Бедный зверек был страшно напуган. Его раздвоенная верхняя губа быстро двигалась, сердце усиленно билось. Он сидел на руках у Туртыгина, прислушивался и озирался.

Пойманный заяц был маленький, серо-бурого цвета. Такую окраску он сохраняет все время — и летом и зимой. Областью распространения этого зайца в Приамурье является долина реки Усури с притоками и побережье моря до мыса Белкина. Кроме этого зайца, в Уссурийском крае водится еще заяц-беляк и черный заяц — вид,

до сих пор еще не описанный. Он совершенно черного цвета и встречается редко. Быть может, это просто отклонение зайца-беляка. Ведь есть же черно-бурые лисицы, черные волки, даже черные зайцы-русаки.

Любит русский человек погонять зайца, любит травить его только потому, что он труслив и беззащитен. Это не злоба, это жестокая забава.

Заяц внес в отряд большое оживление. Дожди, болота, усталость — все это было забыто. Стрелки кричали и наперерыв старались рассказать друг другу, кто и как увидел зайца, как он бежал и каким

образом его поймали. Никакое другое животное не дало бы столько тем для разговоров. Вокруг Туртыгина столпились люди. Каждому хотелось как-нибудь выказать зверьку свое внимание: кто гладил его по спине, кто тянул за хвостик, кто тыкал ему папиросой в нос и дергал за ухо. Уж как только стрелки не крестили зайца, как только не острили над ним и в 10 раз рассказывали друг другу о его поимке! Не только у русских, но и у китайцев и амурских туземцев слово «заяц» означает насмешку над человеком трусливым, делающим от страха всякие глупости.

Приказ седлать коней заставил

стрелков заняться делом. После короткого совещания решено было дать зайцу свободу. Едва только спустили его на землю, как он тотчас же бросился бежать. Свист и крики понеслись ему вдогонку. Шум и смех сопровождали его до тех пор, пока он не скрылся из виду.

Когда лошади были заседланы, отряд двинулся дальше. Теперь тропа пошла косогорами, обходя горные ключи и медленно взбираясь на перевал. Дубовое редколесье сменилось лесонасаждениями из клена, липы и даурской березы; кое-где мелькали одиночные кедры и остроконечные вершины елей и пихт.

Через 1,5 часа мы достигли

перевала. Здесь у подножия большого дуба стояла маленькая кумирня, сложенная из плитнякового камня. Кумирня эта была поставлена, вероятно, охотниками и искателями женьшеня. Лицевая ее сторона была украшена красной тряпичей с иероглифической надписью: «Сан-лин-чжи-чжу», то есть «Владыке гор и лесов» (тигру).

С вершины перевала нам открылся великолепный вид на реку Улахе. Солнце только что скрылось за горизонтом. Кучевые облака на небе и дальние горы приняли неясно-пурпуровую окраску. Справа от дороги светлой полосой змеилась река. Вдали виднелись какие-то

фанзы. Дым от них не подымался кверху, а стлался по земле и казался неподвижным. В стороне виднелось небольшое озерко. Около него мы стали биваком.

Как и всегда, сначала около огней было оживление, разговоры, смех и шутки. Потом все стало успокаиваться. После ужина стрелки легли спать, а мы долго сидели у огня, делились впечатлениями последних дней и строили планы на будущее. Вечер был удивительно тихий. Слышно было, как паслись кони; где-то в горах ухал филин, и несмолкаемым гомоном с болот доносилось кваканье лягушек.

На другой день мы встали рано и

рано выступили в дорогу. Фанзы, которые вчера мы видели с перевала, оказались гольдскими. Местность эта называется Чжумтайза[\[55\]](#), что по-китайски означает – Горный ручей. Живущие здесь гольды принадлежали к роду Юкомика, ныне почти совершенно уничтоженному оспенными эпидемиями. Стойбища их были на Амуре, на том месте, где теперь стоит Хабаровск.

Потесненные русскими, они ушли на Уссури, а оттуда, под давлением казаков, перекочевали на реку Улахе. Теперь их осталось только 12 человек: 3 мужчин, 5 женщин и 4 детей.

Мужчины были одеты по-китайски. Они носили куртку, сшитую из синей дабы, и такие же штаны. Костюм женщин более сохранил свой национальный характер. Одежда их пестрела вышивками по борту и по краям подола была обвешана побрякушками. Выбежавшие из фанз грязные ребяташки испуганно смотрели на нас. Трудно сказать, какого цвета была у них кожа: на ней были и загар, и грязь, и копоть. Гольды эти еще знали свой язык, но предпочитали объясняться по-китайски. Дети же ни 1 слова не понимали по-гольдски.

Покончив с осмотром фанз,

отряд наш пошел дальше. Тропа стала прижиматься к горам. Это будет как раз в том месте, где Улахе начинает менять свое широтное направление на северо-западное. Здесь она шириной около 170 м и в среднем имеет скорость течения около 5 км/ч.

Из притоков ее замечательны: с правой стороны – известная уже нам Ситухе, затем Чжумтайза, Тяпигоу^[56], Ното^[57], Вамбахеза^[58] и Фудзин^[59], а с левой стороны – Хуанихеза^[60] и Вангоу^[61].

От гольдских фанз шли 2 пути. Один был кружной, по левому берегу Улахе, и вел на Ното, другой шел в юго-восточном направлении, мимо

гор Хуанихеза и Игыдинза. Мы выбрали последний. Решено было все грузы отправить на лодках с гольдами вверх по Улахе, а самим переправиться через реку и по долине Хуанихезы выйти к поселку Загорному, а оттуда с легкими вьюками пройти напрямик в деревню Кокшаровку.

Уже с половины дня можно было предсказать, что завтрашний день будет дождливый. В Уссурийском крае так называемая «сухая мгла» часто является предвестником непогоды. Первые признаки ее замечались еще накануне вечером. На другой день к утру она значительно сгустилась, а в

полдень стала заметной даже вблизи. Контуры дальних гор тогда можно было рассмотреть, если наблюдатель наперед знал их очертание. Казалось, будто весь воздух наполнился дымом. Небо сделалось белесоватым; вокруг желтого солнца появились венцы; тонкая паутина слоистых облаков приняла грязно-серый оттенок. Потом вдруг воздух сделался чистым и прозрачным. Дальние горы приняли цвет темно-синий и стали хмурыми. О том, что зашло солнце, мы узнали только по надвинувшимся сумеркам. В природе все замерло, притаилось. Одни только лягушки как будто радовались непогоде и наперерыв старались перекричать

друг друга.

Мы думали, что к утру дождь прекратится, но ошиблись. С рассветом он пошел еще сильнее. Чтобы вода не залила огонь, пришлось подкладывать в костры побольше дров. Дрова горели плохо и сильно дымили. Люди забились в комарники и не показывались наружу. Время тянулось томительно долго.

В Уссурийском крае дожди выпадают сразу на очень большой площади и идут с удивительным постоянством. Они захватывают сразу несколько бассейнов, иногда даже всю область. Этим и объясняются большие наводнения.

У Дерсу была следующая примета: если во время дождя в горах появится туман и он будет лежать неподвижно — это значит, что дождь скоро прекратится. Но если туман быстро двигается — это признак затяжного дождя и, может быть, тайфуна^[62].

Утром перед восходом солнца дождь перестал, но вода в реке начала прибывать, и потому надо было торопиться с переправой. В этом случае значительную помощь оказали нам гольды. Быстро, без проволочек, они перебросили на другую сторону все наши грузы. Слабенькую лошадь переправили в поводу рядом с лодкой, а остальные

переплыли сами.

Часов в 8 утра солнечные лучи прорвались сквозь тучи и стали играть в облаках тумана, освещая их своим золотистым светом. Глядя на эту картину, я мысленно перенесся в глубокое прошлое, когда над горячей поверхностью земли носились еще тяжелые испарения.

Наконец туман начал рассеиваться; природа, оцепеневшая от ненастья, стала оживать; слышалось пение жаворонков, в воздухе опять появились насекомые.

Когда лодка отчалила от берега, мы тоже тронулись в путь. Теперь горы были справа, а река – слева. Болота кончились, но это нас не

избавило от сырости. От последних дождей земля была сильно пропитана водой; ручьи вышли из берегов и разлились по долинам.

Вследствие какой-то задержки в пути лошади отстали, а мы ушли вперед. На опушке леса стояла старая развалившаяся фанза. Тут мы сели на камни и стали ждать коней. Вдруг длинная темная полоса мелькнула в стороне. Стрелки бросились туда. Это было какое-то большое пресмыкающееся. Оно быстро скользило по траве, направляясь к кустарникам. Стрелки бежали по сторонам, не решаясь подойти к нему близко. Их пугали размеры змеи. Через минуту она доползла до

дерева, лежащего на земле, и скрылась в нем. Это был древесный обломок с гнилой сердцевиной около 4 м длиной и 15 см в диаметре. Мерзляков схватил палку и стал тыкать ею в отверстие. В ответ на это в дупле послышалось жужжание, а затем оттуда стали вылезать шмели. Значит, внутри дерева было их гнездо. Но тогда куда же девалась змея? Неужели она залезла к шмелям? Почему в таком случае шмели не подняли тревоги, какую они подняли тогда, когда мы просунули в дупло палку? Это заинтересовало всех. Стрелки стали рубить дерево. Оно было гнилое и легко развалилось на части. Как

только дерево было расколото, мы увидели змею. Она медленно извивалась, стараясь скрыться в рухляке. Однако это ее не спасло. Казак Белоножкин ударил змею топором и отсек ей голову. Вслед за тем змея была вытащена наружу. Это оказался полоз Шренка. Он был длиной 1,9 м при толщине 6 см.

Внутри дерева дупло вначале узкое, а затем к комлю несколько расширялось. Птичий пух, клочки шерсти, мелкая сухая трава и кожа, сброшенная ужом при линянии, свидетельствовали о том, что здесь находилось его гнездо, а ближе к выходу и несколько сбоку было гнездо шмелей.

Когда змея вылезала из дерева или входила в него, она каждый раз проползала мимо шмелей. Очевидно, и шмели и уж уживались вместе и не тяготились друг другом.

Стрелки рассматривали ужа с интересом.

— У него что-то есть внутри, — сказал Белоножкин.

Действительно, живот ужа был сильно вздут. Интересно было посмотреть, чем питаются эти крупные пресмыкающиеся.

Велико было наше удивление, когда в желудке ужа оказался довольно крупный кулик с длинным клювом. Как только он мог проглотить такую птицу и не

подавиться ею?!

Гольды рассказывают, что уссурийский уж вообще большой охотник до пернатых. По их словам, он высоко взбирается на деревья и нападает на птиц в то время, когда они сидят в гнездах. В особенности это ему удастся в том случае, если гнездо находится в дупле. Это понятно. Но как он ухитрился поймать такую птицу, которая бегают и летает, и как он мог проглотить кулика, длинный клюв которого, казалось бы, должен служить ему большой помехой?

— Надо торопиться, гроза будет, — сказал Мерзляков и посмотрел на небо.

Как бы в подтверждение его слов издали донесся глухой удар грома.

Пока ловили ужа, мы и не заметили, как нашла туча.

Туча двигалась очень скоро. Передний край ее был белесовато-серый и точно клубился; отдельные облака бежали по сторонам и, казалось, спорили с тучей в быстроте движения.

Уйти от грозы нам не удалось. Едва только мы тронулись в путь, как пошел дождь. Сначала с неба упало несколько крупных капель, а затем хлынул настоящий ливень. Пока молния сверкала вдали, было ясно видно, где именно происходят

контакты небесного электричества с землей, но когда она стала вспыхивать в непосредственной близости, то утратила свой искровый характер. Вспышки молнии происходили где-то в пространстве, кругом, всюду... Удары грома были настолько сильные, что можно было ощущать, как вздрагивает атмосфера, и от этого сотрясения каждый раз дождь шел еще сильнее.

Обыкновенно такие ливни непродолжительны, но в Уссурийском крае бывает иначе. Часто именно затяжные дожди начинаются грозой. Та к было и теперь. Гроза прошла, но солнце не появлялось. Кругом, вплоть до

самого горизонта, небо покрылось слоистыми тучами, сыпавшими на землю мелкий и частый дождь. Торопиться теперь к фанзам не имело смысла. Это поняли и люди и лошади.

Фанзы находились в стороне за протокой. Чтобы попасть туда, надо было делать большой обход. Поэтому решено было идти прямо к старообрядцам.

Невысокие горы, окаймляющие долину Вангоу, имели большую коническую форму. Между горами образовались глубокие распадки. Вероятно, при солнечном освещении местность эта очень живописна, но теперь она имела

неприветливый вид.

Рассчитывать на перемену погоды к лучшему было нельзя. К дождю присоединился ветер, появился туман. Он то заволакивал вершины гор, то опускался в долину, то вдруг опять подымался кверху, и тогда дождь шел еще сильнее.

Река Вангоу невелика. Она шириной 4–6 м и глубиной 40–60 см, но теперь она разлилась и имела грозный вид. Вода шла через лес. Люди переходили через затопленные места без особых затруднений, лошадям же опять досталось.

Они ступали наугад и проваливались в глубокие ямы.

Но вот лес кончился. Перед

нами открылась большая поляна. На противоположном конце ее, около гор, приютилась деревушка Загорная. Но попасть в нее было нелегко. Мост, выстроенный староверами через реку, был размыт.

Более 2 часов мы провозились над его починкой. На дождь уже никто не обращал внимания. Тут всем пришлось искупаться как следует.

Наконец это препятствие было преодолено, и мы вошли в деревню.

Она состояла из восьми дворов и имела чистенький, опрятный вид. Избы были срублены прочно. Видно было, что староверы строили их не торопясь и работали, как говорится,

не за страх, а за совесть. В одном из окон показалось женское лицо, и вслед за тем на пороге появился мужчина. Это был староста. Узнав, кто мы такие и куда идем, он пригласил нас к себе и предложил остановиться у него в доме. Люди сильно промокли и потому старались поскорее расседлать коней и уйти под крышу.

Наш хозяин был мужчина среднего роста, 45 лет. Карие глаза его глядели умно. Он носил большую бороду и на голове длинные волосы, обретенные в кружок. Одежда его состояла из широкой ситцевой рубахи, слабо подпоясанной тесемчатым пояском, плисовых

штанов и сапог с низкими каблуками.

Внутри избы были 2 комнаты. В одной из них находились большая русская печь и около нее разные полки с посудой, закрытые занавесками, и начищенный медный рукомойник. Вдоль стен стояли 2 длинные скамьи; в углу деревянный стол, покрытый белой скатертью, а над столом божница со старинными образами, изображающими святых с большими головами, темными лицами и тонкими длинными руками.

Семья старовера состояла из его жены и 2 маленьких ребятишек. Женщина была одета в белую

кофточку и пестрый сарафан, стянутый выше талии и поддерживаемый на плечах узкими проймами, располагавшимися на спине крестообразно. На голове у нее был надет платок, завязанный как кокошник. Когда мы вошли, она поклонилась в пояс низко, по-старинному.

Другая комната была просторнее. Тут у стены стояла большая кровать, завешенная ситцевым пологом. Под окнами опять тянулись скамьи. В углу, так же как и в первой комнате, стоял стол, покрытый самодельной скатертью. В простенке между окнами висели часы, а рядом с ними полка с

большими старинными книгами в кожаных переплетах. В другом углу стояла ручная машина Зингера, около дверей на гвозде висела малокалиберная винтовка Маузера и бинокль Цейса. Во всем доме полы были чисто вымыты, потолки хорошо выструганы, стены как следует проконопачены.

Мы стали раздеваться и нагрязнили. Это нас смутило.

— Ничего, ничего, — говорил хозяин. — Бабы подотрут. Вишь, погода какая. Из тайги чистым не придешь.

Через несколько минут на столе появились горячий хлеб, мед, яйца и молоко. Мы с аппетитом, чтобы не

сказать с жадностью, набросились на еду.

Оставшаяся часть дня ушла на расспросы о пути к Кокшаровке. Оказалось, что дальше никакой дороги нет и что из всех здешних староверов только один, Паначев, мог провести нас туда целиной через горы.

Староста послал за ним. Паначев тотчас явился. На вид ему было более 40 лет. Он тоже носил бороду, но так как никогда ее не подстригал, то она росла у него неправильно, клочьями. Получалось впечатление, будто он только что встал со сна и не успел еще причесаться. Видно было, что

человек этот добрый, безобидный. Войдя в избу, Паначев трижды размашисто перекрестился на образа и трижды поклонился так, чтобы достать до земли рукой. Длинные волосы лезли ему на глаза. Он поминутно встряхивал головой и откидывал их назад.

– Здравствуйте, – сказал он тихо, отошел к двери и стал мять свою шапку.

На сделанное ему предложение проводить нас до Кокшаровки он охотно согласился.

– Хорошо, пойду, – сказал он просто, и в этом «пойду» слышалась готовность служить, покорность и сознание, что только он один знает

туда дорогу.

Решено было идти завтра, если дождь перестанет.

На дворе бушевала непогода. Дождь с ветром хлестал по окнам. Из темноты неслись жалобные звуки: точно выла собака или кто-то стонал на чердаке под крышей. Под этот шум мы сладко заснули.

Глава 9

Через горы

Уссурийская тайга. —

Производство съемки в лесу. —

Заблудились. — Подлесье. — Средства

от комаров и мошек. — Деревня

Кокшаровка. — Китайское селение

Нотохоуза. — Река Улахе. — Жара и

духота

На другой день, 31 мая, чуть только стало светать, я бросился к окну. Дождь перестал, но погода была хмурая, сырая. Туман, как саван, окутал горы. Сквозь него слабо виднелись долина, лес и какие-то

постройки на берегу реки.

Раз дождя нет, значит, можно идти дальше. Но одно обстоятельство заставило нас задержаться – не был готов хлеб.

Часов в 8 утра вдруг все петухи разом запели.

– Погода разгуляется, будет вёдро. Ишь петухи как кричат. Это верная примета, – говорили казаки между собой.

Известно, что домашние куры очень чувствительны к перемене погоды. Впрочем, они часто и ошибаются. Достаточно иногда небу немного проясниться, чтобы петухи тотчас начали перекликаться. Но на этот раз они не ошиблись. Вскоре

туман действительно поднялся кверху, кое-где проглянуло синее небо, а вслед за тем появилось и солнышко.

В 10 часов утра отряд наш, во главе с Паначевым, выступил из деревни и направился кверху по реке Вангоу. Нам предстояло перевалить через хребет, отделяющий Даубихе от Улахе, и по реке, не имеющей названия, выйти к устью Фудзина.

Тотчас за деревней дорога превратилась в тропу. Она привела нас к пасеке Паначева.

— Пройдемте кто-нибудь со мной, ребята, — обратился старовер к казакам.

Затем он полез через забор,

открыл кадушку и стал передавать им сотовый мед. Пчелы вились кругом него, садились ему на плечи и забивались в бороду. Паначев разговаривал с ними, называл их ласкательными именами, вынимал из бороды и пускал на свободу. Через несколько минут он возвратился, и мы пошли дальше.

Понемногу погода разгулялась: туман исчез, по земле струйками бежала вода, намокшие цветы подняли свои головки, в воздухе опять замелькали чешуекрылые.

Паначев повел нас целиной «по затескам». Как только мы углубились в лес, тотчас же пришлось пустить в дело топоры.

Читатель ошибается, если представляет себе тайгу в виде рощи. Уссурийская тайга – это девственный и первобытный лес, состоящий из кедра, черной березы, амурской пихты, ильма, тополя, сибирской ели, липы маньчжурской, даурской лиственницы, ясеня, дуба монгольского, пальмового диморфанта, пробкового дерева с листвой, напоминающей ясень, с красивой пробковой корой, бархатистой на ощупь, маньчжурского ореха с крупной листвой, расположенной на концах сучьев пальмообразно, и многих других пород. Подлесье состоит из густых кустарниковых зарослей.

Среди них бросаются в глаза колючий элеутерококк, краснаягодник с острыми листьями, лесная калина с белыми цветами, желтая жимолость с узловатыми ветвями и с морщинистой корой, лесная таволжка с коротко заостренными зубчатыми листьями и вьющийся по дереву персидский паслен. И все это перепуталось виноградником, лианами и кишмишом. Стебли последнего достигают иногда толщины человеческой руки.

Паначев рассказывал, что расстояние от Загорной до Кокшаровки он налегке проходил в один день. Правда, один день он

считал от рассвета до сумерек. А так как мы шли с вьюками довольно медленно, то рассчитывали этот путь сделать в 2 суток, с одной только ночевкой в лесу.

Около полудня мы сделали большой привал. Люди тотчас же стали раздеваться и вынимать друг у друга клещей из тела. Плохо пришлось Паначеву. Он все время чесывался. Клещи набились ему в бороду и в шею. Обобрава клещей с себя, казаки принялись вынимать их у собак. Умные животные отлично понимали, в чем дело, и терпеливо переносили операцию. Совсем не то лошади: они мотали головами и сильно бились. Пришлось

употребить много усилий, чтобы освободить их от паразитов, впившихся в губы и в веки глаз.

После чая опять Паначев пошел вперед, за ним стрелки с топорами, а через четверть часа после их ухода тронулись и вьюки.

— А ведь опять будет дождь, — сказал Мурзин.

— Не надолго! — ответил ему старовер. — К вечеру, бог даст, перестанет.

По его словам, если после большого ненастья нет ветра и сразу появится солнце, то в этот день к вечеру надо снова ждать небольшого дождя. От сырой земли, пригретой солнечными лучами, начинают

подыматься обильные испарения. Достигая верхних слоев атмосферы, пар конденсируется и падает обратно на землю мелким дождем.

Паначев оказался прав. Часов в 5 вечера начало моросить, незадолго до сумерек дождь перестал, и тучи рассеялись. Какой-то особенно нежный свет разлился по всему лесу. Это была последняя улыбка солнца. Начавшаяся было засыпать жизнь в лесу встрепенулась: забегали бурундуки, слышались крики иволги и удода. Но вот свет на небе начал гаснуть; из-под старых елей и кустов поднялись ночные тени. Пламя от костра стало светлее. Около него толпились люди...

Паначев сидел в стороне и молча ел хлеб, подбирая крошки. Казаки разбирали вьюки, ставили комарники и готовили ужин. Некоторые из них разделись донага, собирали с белья клещей и нещадно ругались.

— А что, дядя, сколько будет верст до Кокшаровки? — спросил старовера Белоножкин.

— А кто его знает! Разве кто тайгу мерил? Тайга, так тайга и есть! Завтра надо бы дойти, — отвечал старовер.

В этом «надо бы дойти» слышалась неуверенность.

— Ты хорошо эти места знаешь? — продолжал допрашивать

его казак.

— Да не шибко хорошо. 2 раза ходил и не блудил. Ничего, господь даст, пройдем помаленьку.

Покончив ужин, Паначев, не смущаясь присутствием посторонних, помолился, потом взял свой топор и стал подтачивать его на камне.

Следующий день был 1 июня. Утром, когда взошло солнце, от ночного тумана не осталось и следа. Первым с бивака тронулся Паначев. Он снял шапку, перекрестился и пошел вперед, высматривая затески. 2 стрелка помогали ему расчищать дорогу.

Путешествие по тайге всегда

довольно однообразно. Сегодня – лес, завтра – лес, послезавтра – опять лес. Ручьи, которые приходится переходить вброд, заросшие кустами, заваленные камнями, с чистой прозрачной водой, сухостой, валежник, покрытый мхом, папоротники удивительно похожи друг на друга. Вследствие того что деревья постоянно приходится видеть близко перед собой, глаз утомляется и ищет простора. Чувствуется какая-то неловкость в зрении, является непреодолимое желание смотреть вдаль.

Иногда среди темного леса вдруг появляется просвет. Неопытный путник стремится туда и попадает в

бурелом. Просвет в лесу в большинстве случаев означает болото или место пожарища, ветролома. Не всегда бурелом можно обойти стороной.

Если поваленные деревья невелики, их перерубают топорами, если же дорогу преграждает большое дерево, его стесывают с боков и сверху, чтобы дать возможность перешагнуть лошадям. Все это задерживает вьюки, и потому движение с конями по тайге всегда очень медленно.

Если идти по лесу без работы, то путешествие скоро надоедает.

Странствовать по тайге можно только при условии, если целый день

занят работой. Тогда не замечаешь, как летит время, забываешь невзгоды и миришься с лишениями.

Путевые записки необходимо делать безотлагательно на месте наблюдения. Если этого не сделать, то новые картины, новые впечатления заслоняют старые образы, и виденное забывается. Эти путевые заметки можно делать на краях планшета или в особой записной книжке, которая всегда должна быть под рукой. Вечером сокращенные записки подробно заносятся в дневники. Этого тоже никогда не следует откладывать на завтра. Завтра будет своя работа.

Та к как тропа в лесу часто

кружит и делает мелкие извилины, которые по масштабу не могут быть нанесены на планшет, то съемщику рекомендуется идти сзади на таком расстоянии, чтобы хвост отряда можно было видеть между деревьями. Направление берется по последней лошади. Если же отряд идет быстрее, чем это нужно съемщику, то, чтобы не задерживать коней с вьюками, приходится отпускать их вперед, а с собой брать одного стрелка, которому поручается идти по следам лошадей на таком расстоянии от съемщика, чтобы последний мог постоянно его видеть. В чаще, где ничего не видно, направление приходится брать по

звуку, например по звону колокольчика, ударам палки о дерево, окрикам, свисткам и т.д.

В пути наш отряд разделился на 3 части. Рабочий авангард под начальством Гранатмана, с Паначевым во главе, шел впереди, затем следовали вьюки. Остальные участники экспедиции шли сзади. Вперед мы подвигались очень медленно. Приходилось часто останавливаться и ожидать, когда прорубят дорогу. Около полудня кони вдруг совсем встали.

— Трогай! — кричали нетерпеливые.

— Обожди! Старовер затески потерял, — отвечали передние.

– А где сам-то он?

– Да пошел вперед искать дорогу.

Прошло 20 минут. Наконец Паначев вернулся. Достаточно было взглянуть на него, чтобы догадаться, в чем дело. Лицо его было потное, усталое, взгляд растерянный, волосы растрепанные.

– Ну что, есть затески? – спросил его Гранатман.

– Нету! – отвечал старовер. – Они, должно, левее остались. Нам надо так идти, – сказал он, указывая рукой на северо-восток.

Пошли дальше. Теперь Паначев шел уже не так уверенно, как раньше: то он принимал влево, то бросался в

другую сторону, то заворачивал круто назад, так что солнце, бывшее дотопе у нас перед лицом, оказывалось назади. Видно было, что он шел наугад. Я пробовал его останавливать и расспрашивать, но от этих расспросов он еще более терялся. Собран был маленький совет, на котором Паначев говорил, что он пройдет и без дороги, и как подыметесь на перевал и осмотрится, возьмет верное направление.

Надо было дать вздохнуть лошадям. Их расседлали и пустили на подножный корм. Казаки принялись варить чай, а Паначев и Гранатман полезли на соседнюю сопку. Через полчаса они

возвратились. Гранатман сообщил, что, кроме гор, покрытых лесом, он ничего не видел. Паначев имел смущенный вид, и хотя уверял нас, что место это ему знакомо, но в голосе его звучало сомнение.

Едва мы тронулись с привала, как попали в такой буерак, из которого не могли выбраться до самого вечера. Паначев вел нас как-то странно. То мы карабкались на гору, то шли косогором, то уже опять спускались в долину. Обыкновенно, когда заблудишься, то уже идешь без расчета. Целый день мы были в пути и стали там, где застигла ночь. Невесело было на биваке. Сознание, что мы заблудились, действовало на

всех угнетающим образом. Особенно грустным казался Паначев. Он вздыхал, посматривал на небо, ерошил волосы на голове и хлопал руками по полам своего армяка.

— Ты клещей-то из бороды вытащи, — говорили ему стрелки.

— Вот беда-то! — говорил он сам с собой. — Как на грех потерял затески!..

Надо было выяснить, каковы наши продовольственные запасы. Уходя из Загорной, мы взяли с собой хлеба по расчету на 3 дня. Значит, на завтра продовольствия еще хватит, но что будет, если завтра мы не выйдем к Кокшаровке? На вечернем совещании решено было строго

держаться восточного направления и не слушать более Паначева.

На другой день чуть свет мы были уже на ногах. В том положении, в котором мы находились, поспешность была необходима.

Пройдя 2,5 км от бивака, мы вдруг совершенно неожиданно наткнулись на затески. Они были старые, заплывшие.

— Чьи это затески? — спросил Мерзляков.

— Китайские, — отвечал Паначев.

— Значит, и у вас в тайге есть китайцы? — спросили его казаки.

— Где их нет? — ответил старовер. — В тайге насквозь

китайцы. Куда только ни пойдешь, везде их найдешь.

Затески были наделаны часто и шли в желательном для нас направлении, поэтому мы решили идти по ним, пока возможно. Паначев потому и заблудился, что свои знаки он ставил редко.

Он упустил из виду, что со временем они потускнеют и на большом расстоянии будут видны плохо.

Идя по линии затесок, мы скоро нашли соболиные ловушки. Некоторые из них были старые, другие новые, видимо, только что выстроенные. Одна ловушка преграждала дорогу. Кожевников

поднял бревно и сбросил его в сторону. Под ним что-то лежало. Это оказались кости соболя.

Очевидно, вскоре после того как зверек попал в ловушку, его завалило снегом. Странно, почему зверолов не осмотрел свои ловушки перед тем, как уйти из тайги. Быть может, он обходил их, но разыгравшаяся буря помешала ему дойти до крайних затесок, или он заболел и не мог уже более заниматься охотой. Долго ждал пойманный соболя своего хозяина, а весной, когда стаял снег, вороны расклевали дорогого хищника, и теперь от него остались только клочки шерсти и мелкие кости.

Я вспомнил Дерсу. Если бы он

теперь был с нами, мы узнали бы, почему соболь остался в ловушке. Гольд, наверно, нашел бы дорогу и вывел бы нас из затруднительного положения.

К полудню мы поднялись на лесистый горный хребет, который тянется здесь в направлении от северо-северо-востока на юго-юго-запад и в среднем имеет высоту около 0,5 км. Сквозь деревья можно было видеть другой такой же перевал, а за ним еще какие-то горы. Сверху гребень хребта казался краем громадной чаши, а долина — глубокой ямой, дно которой терялось в тумане.

Обсудив наше положение, мы решили спуститься в долину и идти

по течению воды. Восточный склон хребта был крутой, заваленный буреломом и покрытый осыпями. Пришлось спускаться зигзагами, что отняло много времени. Ручей, которого мы придерживались, скоро стал забирать на юг; тогда мы пошли целиной и пересекли несколько горных отрогов.

Паначев работал молча: он по-прежнему шел впереди, а мы плелись за ним сзади. Теперь уже было все равно. Исправить ошибку нельзя, и оставалось только одно: идти по течению воды до тех пор, пока она не приведет нас к реке Улахе. На большом привале я еще раз проверил запасы продовольствия. Выяснилось,

что сухарей хватит только на сегодняшний ужин, поэтому я посоветовал сократить дневную выдачу.

Густой смешанно-хвойный лес, по которому мы теперь шли, имел красивый декоративный вид. Некоторые деревья поражали своими размерами. Это были настоящие лесные великаны от 20 до 30 м высоты и от 2 до 3 м в обхвате. На земле среди зарослей таволги, лещины и леспедецы валялось много колодника, покрытого цветистыми лишаями и мхами. По сырым местам тысячами разрослись пышные папоротники, вай[63] которых достигают 0,9 м длины. По внешнему

виду растения эти походят на гигантские зеленые лилии.

В уссурийской тайге растет много цветковых растений. Прежде всего в глаза бросается ядовитая чемерица с грубыми остроконечными плейхатыми листьями и белыми цветами, затем — бадьян с овально-ланцетовидными листьями и ярко-розовыми цветами, выделяющими обильные эфирные масла. Синими цветами из травянистых зарослей выделялся борец с зубчатыми листьями, рядом с ним — башмачки с большими ланцетовидными листьями, нежные василистники с характерными яркими цветами, большие огненно-

красные зорки с сидячими овально-ланцетовидными листьями и группы оранжевых троллиусов.

Несмотря на постигшую нас неудачу, мы не могли быть равнодушными к красотам природы. Художники, ботаники или просто любители природы нашли бы здесь неистощимые материалы для своих наблюдений.

Перед вечером первый раз появилась мошка. Местные старожилы называют ее гнусом. Уссурийская мошка — истинный бич тайги. После ее укуса сразу открывается кровоточивая ранка. Она ужасно зудит, и, чем больше расчесывать ее, тем зуд становится

сильнее. Когда мошки много, ни на минуту нельзя снять сетку с лица. Мошка слепит глаза, забивается в волосы, уши, забивается в рукава и нестерпимо кусает шею. Лицо опухает, как при рожистом воспалении.

Через 2 или 3 дня организм вырабатывает иммунитет, и опухоль спадает.

Люди могли защищаться от гнуса сетками, но лошадям пришлось плохо. Мошкарa разъедала им губы и веки глаз. Бедные животные трясли головами, но ничего не могли поделать со своими маленькими мучителями.

Самой рациональной защитой

от мошкеры является сетка. Металлической сетки никогда надевать не следует: она сильно нагревается. Лучше мучиться от мошкеры, чем задыхаться в горячем воздухе, насыщенном еще вдобавок собственными испарениями. Кисейная сетка непрочна, она все время цепляется за сучки и рвется. В образовавшееся отверстие набиваются насекомые, и тогда от них можно освободиться только снятием головного убора. Лучшая сетка — волосяная, она достаточно прочна и не так нагревается от солнца, как металлическая. Некоторые рекомендуют мазаться вазелином. Я пробовал и могу

сказать, что это средство никуда не годится. Во-первых, к вазелину прилипают насекомые. Они шевелятся и щекочут лицо. Другое неудобство заключается в том, что вазелин тает и смывается потом. Разные пахучие масла, вроде гвоздичного, еще хуже. Они проникают в раскрытые поры и жгут, как крапивой. Самое лучшее средство – терпение. Нетерпеливого человека гнус может довести до слез.

Запасшись этим средством, мы шли вперед до тех пор, пока солнце совсем не скрылось за горизонтом. Паначев тотчас же пошел на разведку. Было уже совсем темно, когда он возвратился на бивак и

сообщил, что с горы видел долину Улахе и что завтра к полудню мы выйдем из леса. Люди ободрились, стали шутить и смеяться.

Незатейлив был наш ужин. Оставшиеся от сухарей крошки в виде муки были розданы всем поровну.

Часов в 8 вечера на западе начала сверкать молния, и слышался отдаленный гром. Небо при этом освещении казалось иллюминированным. Ясно и отчетливо было видно каждое отдельное облачко. Иногда молнии вспыхивали в одном месте, и мгновенно получались электрические разряды где-нибудь в другой стороне. Потом

все опять погружалось в глубокий мрак. Стрелки начали было ставить палатки и прикрывать брезентами седла, но тревога оказалась напрасной. Гроза прошла стороной. Вечером зарницы долго еще играли на горизонте.

Утром, как только мы отошли от бивака, тотчас же наткнулись на тропку. Она оказалась зверовой и шла куда-то в горы! Паначев повел по ней. Мы начали было беспокоиться, но оказалось, что на этот раз он был прав. Тропа привела нас к зверовой фанзе. Теперь смешанный лес сменился лиственным редколесьем. Почуввав конец пути, лошади прибавили шаг. Наконец показался

просвет, и вслед за тем мы вышли на опушку леса. Перед нами была долина реки Улахе. Множество признаков указывало на то, что деревня недалеко.

Через несколько минут мы подошли к реке и на другом ее берегу увидели Кокшаровку. Старообрядцы подали нам лодки и перевезли на них седла и вьюки. Понукать лошадей не приходилось. Умные животные отлично понимали, что на той стороне их ждет обильный корм. Они сами вошли в воду и переплыли на другую сторону реки.

После этого перехода люди очень устали, лошади тоже нуждались в отдыхе. Мы решили

простоять в Кокшаровке 3 суток.

Воспользовавшись этим временем, я отправился к деревне Нотохоуза, расположенной недалеко от устья реки. Последняя получила свое название от китайского слова «науту» (ноту), что значит «енот» ($44^{\circ} 39'$ с. ш. и $134^{\circ} 56'$ в. д. от Гринвича – по Гамову). Такое название китайцы дали реке по той причине, что раньше здесь водилось много этих животных.

Деревня Нотохоуза – одно из самых старых китайских поселений в Уссурийском крае. Во времена Венюкова (1857 год) сюда со всех сторон стекались золотопромышленники, искатели

женьшения, охотники и звероловы. Старинный путь, которым уссурийские манзы сообщались с постом Ольги, лежал именно здесь. Вьючные караваны их шли мимо Ното по реке Фудзину через Сихотэ-Алинь к морю. Этой дорогой предстояло теперь пройти и нам.

Выражение «река Улахе» состоит из 3 слов: русского, маньчжурского и китайского, причем каждое из них означает одно и то же – «река». В переводе получается что-то странное – «Река-река-река».

Улахе течет в направлении к северо-северо-востоку по продольной межскладчатой долине. Она шириной около 120 м и

глубиной в среднем 1,8 м. Продолжением ее тектонической долины будут долины нижнего Ното и его притока Себучара^[64], текущих ей навстречу.

Из притоков Улахе самыми большими будут: слева – Табахеза^[65] и Синанца. Название последней показывает направление ее течения (си – запад, нан – юг и ца – разветвление, то есть юго-западный приток). С правой стороны в нее впадает много речек: Янмутъхоуза^[66], Тудагоу, Эрлдагоу, Сандагоу, Сыдагоу. Затем дальше идут Фудзин и Нотохе, о которой говорилось выше. Все эти реки берут начало с Сихотэ-Алиня^[67]. Самым большим притоком

Улахе, бесспорно, будет Янмутьхоуза. Ее, собственно, и следует считать за начало Уссури. По ней можно выйти на берег моря к бухтам Ванчин и Валентина. Горные хребты, окаймляющие долину справа и слева, дают в стороны длинные отроги, поросшие густыми смешанными лесами и оканчивающиеся около реки небольшими сопками в 400–500 м высоты.

Долина Улахе является одной из самых плодородных местностей в крае. По ней растут в одиночку большие старые вязы, липы и дубы. Чтобы они не заслоняли солнца на огородах, с них снимают кору около корней. Деревья подсыхают и затем

идут на топливо.

День был чрезвычайно жаркий. Небесный свод казался голубой хрустальной чашей, которой как будто нарочно прикрыли землю, точно так, как прикрывают молодые всходы, чтобы они скорее росли, — и от этого именно было так душно и жарко. Ни дуновения ветерка внизу, ни одного облачка на небе. Знойный воздух реял над дорогой. Деревья и кусты оцепенели от жары и поникли листвой. Река текла тихо, бесшумно. Солнце отражалось в воде, и казалось, будто светят 2 солнца: одно сверху, а другое откуда-то снизу. Все мелкие животные попрятались в свои норы. Одни только птицы

проявляли признаки жизни. У маньчжурского жаворонка хватало еще сил описывать круги по воздуху и звонким пением приветствовать жаркое лето. В редколесье около дороги я заметил 2 голубых сорок. Осторожные, хитрые птицы эти прыгали по веткам, ловко проскальзывали в листве и пугливо озирались по сторонам. В другом месте, в старой болотистой протоке, я вспугнул северную плиску — маленькую серо-зеленую птичку с желтым брюшком и желтой шеей. Она поднялась на воздух, чтобы улететь, но увидела стрекозу и, нимало не смущаясь моим присутствием, принялась за охоту.

После полудня опять появилось много гнуса. Я прекратил работу и пошел в деревню. По дороге меня догнал табун крестьянских лошадей. Кони брыкались, мотали головами и били себя хвостами. Слепни и оводы гнались за ними тучей. Увидев в стороне кусты, весь табун бросился туда. Ветви хлестали животных по ногам, по брюху. Это было единственное средство согнать крылатых кровопийц. В деревне уже ждали лошадей; около дворов курились дымокуры. Добежав до костров, лошади уткнулись мордами чуть ли не в самый огонь. На них жалко было смотреть. Широко раздув ноздри, они тяжело и порывисто

дышали. Все тело их было покрыто каплями крови – в особенности круп, губы, шея и холка, то есть такие места, которые лошадь не может достать ни хвостом, ни зубами.

Следующий день был еще более томительный и жаркий. Мы никуда не уходили, сидели в избах и расспрашивали староверов о деревне и ее окрестностях. Они рассказывали, что Кокшаровка основана в 1903 году и что в ней 22 двора.

Глава 10

Долина Фудзина

*Китайская земледельческая
фанза. — Варка пантов. — Анофриев в
роли начальника отряда. — Крушение
лодки. — Подлесье в тайге. — Лесные
птицы. — Встреча с
промышленником*

6 июня мы распрощались с Кокшаровкой. Наши лошади отдохнули и теперь шли гораздо бодрее, несмотря на то что слепней и мошек было так же много, как и вчера. Особенно трудно было идти задним. Главная масса мошкары

держится в хвосте отряда. В таких случаях рекомендуется по очереди менять местами людей и лошадей.

От деревни Кокшаровки дорога идет правым берегом Улахе, и только в одном месте, где река подмывает утесы, она удаляется в горы, но вскоре опять выходит в долину. Река Фудзин имеет направление течения широтное, но в низовьях постепенно заворачивает к северу и сливается с Улахе на 2 км ниже левого края своей долины.

Рододендроны были теперь в полном цвету, и от этого скалы, на которых они росли, казались пурпурно-фиолетовыми. Долину Фудзина можно назвать луговой.

Старый дуб, ветвистая липа и узловатый осокорь растут по ней одиночными деревьями. Невысокие горы по сторонам покрыты смешанным лесом с преобладанием пихты и ели.

Дикая красота долины смягчалась присутствием людей.

Точно перепелки, попрятавшиеся от охотника, там и сям между деревьями виднелись серенькие китайские фанзы. Они имели уютный вид. Все вокруг носило характер мира, тишины и трудолюбия. Около фанз широко раскинулись хлебные поля и огороды. Чего только здесь не было: пшеница, кукуруза, чумиза, овес, мак

снотворный, бобы, табак и множество других растений, которых я не знаю. Ближе к фанзам росли: фасоль, картофель, редька, тыква, дыня, капуста, салат, брюква, огурцы, помидоры, лук разных сортов и горошек. В полях всюду виднелись синие фигуры китайцев. Они прекратили работы и долго провожали нас глазами. Появление военного отряда, видимо, их сильно смущало, а наличие вьючных коней указывало, что отряд этот идет издалека и далеко.

Я направился к одной фанзе. Тут на огороде работал глубокий старик. Он полел грядки и каждый раз, нагибаясь, стонал. Видно было, что

ему трудно работать, но он не хотел жить праздно и быть другим в тягость. Рядом с ним работал другой старик – помоложе. Он старался придать овощам красивый вид, оправлял их листья и подрезал те, которые слишком разрослись.

Когда мы подошли, оба старика приветствовали нас по-своему и затем, вытерев лицо грязной тряпицей, поплелись сзади.

Китайская фанза, к которой мы подошли, состояла из 3 построек, расположенных «покоем»: из жилой фанзы – посредине и 2 сараев – по сторонам. Двор между ними, чисто выметенный и прибранный, был обнесен высоким частоколом в

уровень с сараями. Почувяв посторонних людей, собаки подняли неистовый лай и бросились к нам навстречу. На шум из фанзы вышел сам хозяин. Он тотчас распорядился, чтобы рабочие помогли нам расседлать коней.

Китайская фанза – оригинальная постройка. Стены ее сложены из глины; крыша двускатная, тростниковая. Решетчатые окна, оклеенные бумагой, занимают почти весь ее передний фасад, зато сзади и с боков окон не бывает вовсе. Рамы устроены так, что они поднимаются кверху и свободно могут выниматься из своих гнезд. Замков ни у кого нет. Дверь припирается не от людей, а

для того, чтобы туда случайно не зашли собаки.

Внутри фанзы, по обе стороны двери, находятся низенькие печки, сложенные из камня с вмазанными в них железными котлами. Дымовые ходы от этих печей идут вдоль стен под канами и согревают их. Каны сложены из плитнякового камня и служат для спанья. Они шириной около 2 м и покрыты соломенными циновками. Ходы выведены наружу в длинную трубу, тоже сложенную из камня, которая стоит немного в стороне от фанзы и не превышает конька крыши. Спят китайцы всегда голыми, головой внутрь фанзы и ногами к стене.

Деревянной перегородкой фанза делится на 2 половины. В меньшей помещается сам хозяин и его компаньон, в большей – рабочие. Посредине фанзы на треножнике стоит старый надтреснутый котел, наполненный песком и золой. Это жаровня, куда складываются горящие уголья из печей, когда пища сварена и каны достаточно нагреты. Если нужно согреть пищу, манзы разводят огонь прямо в жаровне. Вследствие этого в жилом помещении всегда дымно и пыльно. Потолка в фанзе нет, крыша поставлена непосредственно на стены. Деревянные балки, кедровое корье и даже солома до того прокоптились,

что стали черными и блестящими. Все предметы, находящиеся выше роста человека, тоже закопчены и покрыты толстым слоем пыли.

Хозяин фанзы пригласил нас в свое помещение. Здесь было несколько чище, чем у рабочих. Около стен стояли большие сундуки с наклеенными на них красными бумажками с новогодними иероглифическими письменами. Прямо против входа было устроено нечто вроде кумирни, а около нее на столе стояли подсвечники с красными свечами, какие-то желтые коробочки и запыленные бутылки. Рядом на стенах висели размалеванные картины,

характерные для китайского искусства по отсутствию в них перспективы и изображающие исторические театральные сцены, что легко узнать по костюмам, заученным позам актеров и по их раскрашенным физиономиям.

Хозяин разостлал на кане новое ватное одеяло, поставил маленький столик и налил нам по кружке чаю. Китайский чай дает навар бледно-желтый, слабый, но удивительно ароматный; его надо пить без сахара — сладкий он неприятен.

Первые вопросы, с которыми обратились ко мне китайцы, были такие:

— Сколько у вас людей?

– Сзади еще идут люди или нет?

Сначала я возмущался такими вопросами, усматривая в них злое намерение, но впоследствии убедился, что эта справка нужна им только для того, чтобы знать, на сколько людей надо готовить ужин.

Мы расположились в фанзе, как дома. Китайцы старались предупредить все наши желания и просили только, чтобы не пускать лошадей на волю, дабы они не потравили полей. Они дали коням овса и наносили травы столько, что ее хватило бы до утра на отряд вдвое больший, чем наш. Все исполнялось быстро, дружно и без всяких проволочек.

После сытного обеда из вареной курицы, яиц, жареного картофеля и лепешек, испеченных на бобовом масле, я пошел осматривать сараи.

Половина одной постройки предназначалась для выгонки спирта. Тут были 2 заторные ямы, перегонный куб и посуда. На стеллажах под крышей рядами лежали «сулевые»^[68] кирпичи. По мере надобности их опять укладывают в яму и смачивают водой. От этого они набухают и разваливаются. Затору дают побродить немного и затем лопатами насыпают в котел, над которым ставят деревянный бездонный чан, а поверх его еще другой котел с

холодной водой. Винные пары оседают на холодном днище верхнего котла и по особому приемнику выходят наружу.

В другой половине помещалась мельница, состоявшая из 2 жерновов, из которых нижний был неподвижный. Мельница приводится в движение силой лошади. С завязанными глазами она ходит вокруг и вращает верхний камень. Мука отделяется от отрубей при помощи сита. Оно помещается в особом шкафу и приводится в движение ногами человека. Он же следит за лошадыю и подсыпает зерно к жерновам.

Рядом с мельницей была

кладовая, где хранились зерновые продукты и вообще разное имущество. Здесь были шкуры зверей, оленье панты, медвежья желчь, собольи и беличьи меха, бумажные свечи, свертки с чаем, новые топоры, плотничьи и огородные инструменты, луки, настораживаемые на зверей, охотничье копье, фитильное ружье, приспособления для носки на спине грузов, одежда, посуда, еще не бывшая в употреблении, китайская синяя даба, белая и черная материя, одеяла, новые улы, сухая трава для обуви, веревки и тулузы^[69] с маслом. В таких же, но только маленьких тулузах китайцы в походе носят

бобовое масло. Пробкой
обыкновенно служит кочерыжка
кукурузы, обмотанная тряпицей.
Изготовление маленьких тулузов
явилось следствием недостатка
стеклянной и глиняной посуды.

Постройка с правой стороны двора служила конюшней для лошадей и хлевом для рогатого скота. Изъеденная колода и обгрызенные столбы свидетельствуют о том, что лошадям зимой дают мало сена. Китайцы кормят их резаной соломой вперемешку с бобами. Несмотря на это, лошади у них всегда в хорошем теле.

От фанзы шла маленькая тропинка. Я пошел по ней. Тропинка

привела меня к кумирне, сколоченной из досок и украшенной резьбой. В ней была повешена картина, изображающая бога стихий «Лун Ван-е», окруженного другими богами. Все они имели цветные гневные лица. Перед богами стояли маленькие фарфоровые чашечки, в которые, вероятно, наливался спирт во время жертвоприношения. Впереди кумирни стояли 2 фигурных столба с украшениями. Позади фанзы и несколько в стороне была большая груда дров, аккуратно наколотых, но еще аккуратнее сложенных в круглый штабель, по внешнему виду похожий на стог сена.

В соседней фанзе варили панты.

Я пошел туда посмотреть, как производится эта операция. Варка происходила на открытом воздухе. Над огнем на 3 камнях стоял котел, наполненный водой. Китаец-пантовар внимательно следил за тем, чтобы вода была горячей, но не кипела. В руках у него была деревянная разливалка, к которой бечевками привязаны молодые олени рога. Обмакнув панты в воду, он давал им немного остынуть, сдувая ртом пар, затем опять погружал их в котел и опять остужал дуновением. Варка пантов производится ежедневно до тех пор, пока они не потемнеют и не сделаются твердыми. В этом виде

они могут храниться много лет. Если передержать их в горячей воде дольше 2–3 секунд зараз, они лопнут и потеряют ценность.

Когда я возвращался назад, день уже кончился. Едва солнце коснулось горизонта, как все китайцы, словно по команде, прекратили свои работы и медленно, не торопясь, пошли домой. В поле никого не осталось.

Возвратясь в фанзу, я принялся за дневник. Тотчас ко мне подсели 2 китайца. Они следили за моей рукой и удивлялись скорописи. В это время мне случилось написать что-то машинально, не глядя на бумагу. Крик восторга вырвался из их уст. Тотчас с кана соскочило несколько

человек. Через 5 минут вокруг меня стояли все обитатели фанзы, и каждый просил меня проделать то же самое еще и еще, бесконечное число раз.

Жидкая кукурузная каша, немного соленых овощей и 2 хлебца из темной пшеничной муки – вот все, что составляет вечернюю трапезу рабочих-манз. Сидя на корточках за маленьким столиком, они ели молча. После ужина китайцы разделись и легли на каны. Некоторые курили табак, другие пили чай. Теперь все разговаривали. В фанзе было 2 посторонних человека, пришедших с реки Ното. Они что-то горячо рассказывали, а слушатели время от

времени выражали свое удивление возгласами «айя-хап». Такая беседа длилась около часа. Наконец разговор мало-помалу стал затихать и незаметно перешел в храп. Только в одном углу еще долго горела масляная лампочка. Это старик китаец курил опий.

Видя меня сидящим за работой в то время, когда другие спят, китайцы объяснили это по-своему. Они решили, что я не более как писарь и что главный начальник — Анофриев. Заключение они это по тому, что последний постоянно кричал на них, ругался и гнал из чистой половины в помещение для рабочих. Я вспомнил, что и в других фанзах было то же

самое. Китайцы боялись его как огня. Когда кому-нибудь в отряде не удавалось чего-либо добиться от них, стоило только обратиться к Анофриеву, и тотчас же китайцы становились покорными и без всяких пререканий исполняли приказания. Очевидно, весть о том, кто начальник в отряде, передавалась из фанзы в фанзу. И с этим ничего нельзя было поделать. Когда на другое утро я проснулся и попросил у китайцев чаю, они указали на спящего Анофриева и шепотом сказали мне, что надо подождать, пока не встанет «сам капитан». Я разбудил Анофриева и попросил его сделать распоряжение. Он

прикрикнул на китайцев, те сразу засуетились и тотчас подали мне чай и булочки, испеченные на пару.

Расплатившись с хозяином фанзы, мы отправились дальше вверх по реке Фудзину.

Горы с левой стороны долины состоят из базальтовой лавы, которая в обнажениях, под влиянием атмосферных явлений, принимает красно-бурую окраску. По вершинам их кое-где по склонам виднеются осыпи. Издали они кажутся серыми плешинами. Эти сопки изрезаны распадками и покрыты дубовым редколесьем.

С правой стороны Фудзина тянется массивный горный кряж,

поросший густым хвойно-смешанным лесом.

К полудню отряд наш дошел до того места, где долина делает крутой поворот на север. Пройдя в этом направлении 3 км, она снова поворачивает к востоку.

На другой стороне реки виднелась фанза. Здесь жили 2 китайца. Один из них был хромым, другой слепой.

Вода в реке стояла на прибыли, и потому вброд ее перейти было нельзя. У китайцев нашлась небольшая лодка. Мы перевезли в ней седла и грузы, а коней переправили вплавь.

За последние дни лошади наши

сильно похудели. Днем они были в работе, а ночью страдали от гнуса. Они не хотели пастись на траве и все время жались к дымокурам. Чтобы облегчить их работу, я решил часть грузов отправить в лодке с 2 стрелками. Китайцы охотно уступили ее нам за недорогую цену. Но не суждено было ей совершить это плавание. Как только она вышла на середину реки, один из пассажиров потерял равновесие и упал. Лодка тотчас перевернулась. Стрелки умели плавать и без труда добрались до берега, но ружья, топоры, запасные подковы, пила и ковочный инструмент утонули.

Лодку скоро задержали, но

впопыхах потеряли место, где произошло крушение.

В команде нашлись 2 человека (Мурзин и Мелян), которые умели нырять. До самых сумерек они бродили по воде, щупали шестами, закидывали веревки с крючьями, но все было напрасно.

Следующий день, 8 июня, ушел на поиски в воде ружей. Мы рассчитывали, что при солнце будет видно дно реки, но погода, как на грех, снова испортилась. Небо покрылось тучами, и стало моросить. Тем не менее после полудня Меляну удалось найти 2 ружья, ковочный инструмент, подковы и гвозди.

Удовольствовавшись этим, я приказал собираться в дорогу.

Нет худа без добра. Случилось так, что последние 2 ночи мошки было мало; лошади отдохнули и выкормились. Злополучную лодку мы вернули хозяевам и в 2 часа дня тронулись в путь.

Погода нам благоприятствовала. Было прохладно и морочно^[70]. По небу бежали кучевые облака и заслоняли собой солнце.

Дальше Фудзин делает излучину в виде буквы «П». Отсюда тропа поворачивает направо в горы, что значительно сокращает дорогу. По пути она пересекает 2 невысоких кряжика и обильный водой источник.

В полдень у ручья я приказал остановиться. После чаю я не стал дожидаться, пока завьючат коней, и, сделав нужные распоряжения, пошел вперед по тропинке.

Во вторую половину дня погода не изменилась: по-прежнему было сумрачно, но чувствовалось, что дождя не будет. Такой погодой всегда надо пользоваться. В это время можно много сделать и много пройти. Откуда-то берется энергия, и, главное, совершенно не чувствуешь усталости. Гнус исчез. При ветре мошка не может держаться в воздухе. Зато, если день солнечный и безветренный, мошек появляется чрезвычайно много. Для них не так

нужно солнце, как теплый и насыщенный парами воздух. Вот почему гнус всегда появляется перед дождем и в сумерки.

На втором перевале через горный отрог тропка разделилась.

Одна пошла влево, другая — прямо в лес. Первая мне показалась малохоженой, а вторая — более торной. Я выбрал последнюю.

В течение дня из пернатых в здешних местах я видел уссурийского пестрого дятла. Эта бойкая и подвижная птица с белым, черным и красным оперением все время перелетала с одного дерева на другое, часто постукивала носом по коре и, казалось, прислушивалась, стараясь

по звуку угадать, дуплистое оно или нет. Увидев меня, дятел спрятался за дерево и тотчас показался с другой стороны. Он осторожно выглядывал оттуда одним глазом. Заметив, что я приближаюсь, он с криком перелетел еще дальше и вскоре совсем скрылся в лесу.

В стороне звонко куковала кукушка. Осторожная и пугливая, она не сидела на месте, то и дело шныряла с ветки на ветку и в такт кивала головой, подымая хвост кверху. Не замечая опасности, кукушка бесшумно пролетела совсем близко от меня, села на дерево и начала было опять куковать, но вдруг испугалась, оборвала на половине

свое кукование и торопливо полетела обратно.

Из соседних кустов я выгнал вальдшнепа.

Он подпустил меня очень близко, но потом вдруг сорвался с места и полетел низко над землей, ловко лавируя между деревьями. В тех местах, где заросли были гуще, держались серые сорокопуты. Заметив подходявшего человека, они подняли сильное стрекотание. Небольшие птицы с сердитым взглядом и с клювом, как у хищника, они поминутно то взлетали на ветки деревьев, то опускались на землю, как будто что-то клевали в траве, затем опять взлетали наверх и ловко

прятались в листве. Около воды по опушке держались китайские иволги и сибирские соловьи. Они выдавали себя своим пением. Иволги, красивые оранжево-желтые птицы, величиной с голубя, сидели на высоких деревьях. Несмотря на величину и яркое оперение, увидеть их всегда трудно. Вторые – серые птички с красным горлом – также предпочитали держаться в зарослях около воды. Голос сибирского соловья не такой богатый, как у соловья, обитающего в Европе. После короткого пения сразу наступает щелканье и стрекотанье.

По голосу я сначала даже и не принял его за соловья, но потом

разглядел и признал в нем пернатого музыканта.

Моя тропа заворачивала все больше к югу. Я перешел еще через один ручей и опять стал подыматься в гору. В одном месте я нашел чей-то бивак. Осмотрев его внимательно, я убедился, что люди здесь ночевали давно и что это, по всей вероятности, были охотники.

Лес становился гуще и крупнее, кое-где мелькали тупые вершины кедров и остроконечные ели, всегда придающие лесу угрюмый вид. Незаметно для себя я перевалил еще через один хребетник и спустился в соседнюю долину. По дну ее бежал шумный ручей.

Усталый, я сел отдохнуть под большим кедром и стал рассматривать подлесье. Тут росли: даурская крушина с овально-заостренными листьями и мелкими белыми цветами, многоиглистый шиповник, небольшой кустарник с сильно колючими ветвями и желтая акация с ярко-золотистыми венчиками. Там и сям среди кустарников высились: зонтичная ангелика, вороний глаз с расходящимися во все стороны узкими ланцетовидными листьями и особый вид папоротника с листьями, напоминающими развернутое орлиное крыло, и вследствие этого называемый в просторечии

«орляком».

Вдруг издали донеслись до меня какие-то однообразные и заунывные звуки. Они приближались, и вслед за тем я услышал совсем близко над своей головой шум птичьего полета и глухое воркование. Тихонько я поднял голову и увидел восточносибирскую лесную горлицу. По неосторожности я что-то выронил из рук, горлица испугалась и стремительно скрылась в чаще. Потом я увидел восточного седоголового дятла. Эта лазящая птица с зеленовато-серым оперением и с красным пятном на голове, подвижная и суетливая, выражала особенное беспокойство, видимо, потому, что я сидел неподвижно. Она

перелетала с одного места на другое и так же, как и первый дятел, пряталась за деревья. По другому, резкому крику я узнал кедровку. Вскоре я увидел ее самое — большеголовую, пеструю и неуклюжую. Она проворно лазила по деревьям, лущила еловые шишки и так пронзительно кричала, как будто хотела лесу оповестить, что здесь есть человек.

Наконец мне наскучило сидеть на одном месте: я решил повернуть назад и идти навстречу своему отряду. В это время до слуха моего донесся какой-то шорох. Слышно было, как кто-то осторожно шел по чаще. «Должно быть, зверь», —

подумал я и приготовил винтовку. Шорох приближался.

Притаив дыхание, я старался сквозь чащу леса рассмотреть приближающееся животное. Вдруг сердце мое упало — я увидел промышленника. По опыту прежних лет я знал, как опасны встречи с этими людьми.

В тайге Уссурийского края надо всегда рассчитывать на возможность встречи с дикими зверями. Но самое неприятное — это встреча с человеком. Зверь спасается от человека бегством, если же он и бросается, то только тогда, когда его преследуют. В таких случаях и охотник и зверь — каждый знает, что

надо делать. Другое дело человек. В тайге один бог свидетель, и потому обычай выработал особую сноровку. Человек, завидевший другого человека, прежде всего должен спрятаться и приготовить винтовку.

В тайге все бродят с оружием в руках: туземцы, китайцы, корейцы и зверопромышленники.

Зверопромышленник — это человек, живущий почти исключительно охотой. В большинстве случаев хозяйством его ведаёт отец, брат или кто-либо из близких родственников. Весьма интересно ходить с ним на охоту. У него много интересных приемов, выработанных долголетним опытом: он знает, где держится

зверь, как его обойти, где искать подранка.

Способность ориентироваться, устроиться на ночь во всякую погоду, умение быстро, без шума открывать зверя, подражать крику животных — вот отличительные черты охотника-зверопромышленника.

Но надо отличать зверопромышленника от промышленника. Насколько первый в большинстве случаев отличается порядочностью, настолько надо опасаться встречи со вторым. Промышленник идет в тайгу не для охоты, а вообще «на промысел». Кроме ружья, он имеет при себе саперную лопату и сумочку с

кислотами. Он ищет золото, но при случае не прочь поохотиться за «косачами» (китайцами) и за «лебедями» (корейцами), не прочь угнать чужую лодку, убить корову и продать мясо ее за оленину.

Встреча с таким «промышленником» гораздо опаснее, чем встреча со зверем. Надо всегда быть готовым к обороне. Малейшая оплошность — и неопытный охотник погиб. Старые охотники с первого взгляда разбирают, с кем имеют дело — с порядочным человеком или с разбойником.

Передо мной был именно промышленник. Одет он был в какой-то странный костюм,

наполовину китайский, наполовину русский. Он шел наискось мимо меня, сгорбившись, и все время оглядывался по сторонам. Вдруг он остановился, проворно сдернул с плеча свою винтовку и тоже спрятался за дерево. Я понял, что он меня увидел. В таком положении мы пробыли несколько минут. Наконец, я решил отступать. Тихонько я пополз по кустам назад и через минуту добрался до другого большого дерева. Промышленник тоже отходил и прятался в кустах.

Тогда я понял, что он меня боится. Он никак не мог допустить, что я мог быть один, и думал, что поблизости много людей. Я знал, что

если я выстрелю из винтовки, то пуля пройдет сквозь дерево, за которым спрятался бродяга, и убьет его. Но я тотчас же поймал себя на другой мысли: он уходил, он боится, и если я выстрелю, то совершу убийство. Я отошел еще немного и оглянулся. Чуть-чуть между деревьями мелькала его синяя одежда. У меня отлегло от сердца.

Осторожно, от дерева к дереву, от камня к камню, я стал удаляться от опасного места и, когда почувствовал себя вне выстрелов, вышел на тропинку и спешно пошел назад к своему отряду.

Через полчаса я был на том месте, где расходились дороги.

Я вспомнил уроки Дерсу и стал рассматривать обе тропы. Свежие конские следы шли влево.

Я пошел скорее и через полчаса подходил к Фудзину. За рекой я увидел китайскую фанзу, окруженную частоколом, а около нее на отдыхе наш отряд.

Местность эта называется Иолайза. Это была последняя земледельческая фанза. Дальше шла тайга — дикая и пустынная, оживающая только зимой на время соболевания.

Отряд ожидал моего возвращения. Я приказал расседлывать коней и ставить палатки. Здесь надо было в

последний раз пополнить запасы продовольствия.

Глава 11

Сквозь тайгу

*Тазы. — Ловцы жемчуга. —
Скрытность китайцев. — Лесная
тропа. — Таз-охотник. — Сумерки в
лесу. — Пищуха. — Бурундук. —
Встреча с медведем. — Гнус*

После короткого отдыха я пошел осматривать тазовские фанзы, расположенные по соседству с китайскими. Аборигены Уссурийского края, обитающие в центральной части горной области Сихотэ-Алиня и на побережье моря к северу до мыса Успения, называют

себя «удэ-хе»^[71]. Те, которые жили в южной части страны, со временем окитаились, и теперь уже их совершенно нельзя отличить от манз. Китайцы называют их да-цзы, что значит инородец (не русский, не кореец и не китаец). Отсюда получилось искаженное русскими слово «тазы». Характерны для этих ассимилированных туземцев бедность и неряшливость: бедность в фанзе, бедность в одежде и бедность в еде.

Когда я подходил к их жилищу, навстречу мне вышел таз. Одетый в лохмотья, с больными глазами и с паршой на голове, он приветствовал меня, и в голосе его чувствовались и

страх и робость. Неподалеку от фанзы с собаками играли ребятишки; у них на теле не было никакой одежды.

Фанза была старенькая, покосившаяся; кое-где со стен ее обвалилась глиняная штукатурка; старая, заплатанная и пожелтевшая от времени бумага в окнах во многих местах была прорвана; на пыльных канах лежали обрывки циновок, а на стене висели какие-то выцветшие и закоптелые тряпки. Всюду запустение, грязь и нищета.

Раньше я думал, что это от лени, но потом убедился, что такое обеднение тазов происходит от других причин — именно от того

положения, в котором они очутились среди китайского населения. Из расспросов выяснилось, что китаец, владелец фанзы Иолайза, является цайдуном^[72] (хозяин реки). Все туземцы, живущие на Фудзине, получают от него в кредит опиум, спирт, продовольствие и материал для одежды. За это они обязаны отдавать ему все, что добудут на охоте: соболей, панты, женьшень и т.д. Вследствие этого тазы впали в неоплатные долги. Случалось не раз, что за долги от них отбирали жен и дочерей и нередко самих продавали в другие руки, потом в третьи, и т.д. Иностранцы эти, столкнувшись с китайской культурой, не смогли с

ней справиться и подпали под влияние китайцев. Жить как земледельцы они не умели, а от жизни охотника и зверолова отстали. Китайцы воспользовались их беспомощностью и сумели сделаться для них необходимыми. С этого момента тазы утратили всякую самостоятельность и превратились в рабов.

Возвращаясь от них, я сбился с дороги и попал к Фудзину. Здесь, на реке, я увидел 2 китайцев, занимающихся добыванием жемчуга. Один из них стоял на берегу и изо всей силы упирал шест в дно реки, а другой опускался по нему в воду. Правой рукой он собирал раковины, а

левой держался за палку. Необходимость работать с шестом вызывается быстрым течением реки. Водолаз бывает под водой не более полминуты. Задержанное дыхание позволило бы ему пробыть там и дольше, но низкая температура воды заставляет его скоро всплывать наверх. Вследствие этого китайцы ныряют в одежде.

Я сел на берегу и стал наблюдать за их работой. После короткого пребывания в воде водолаз 5 минут грелся на солнце. Та к как они чередовались, то выходило, что в час каждый из них спускался не более 10 раз. За это время они успели достать всего только 8 раковин, из которых

ни одной не было с жемчугом. На задаваемые вопросы китайцы объяснили, что примерно из 50 раковин одна бывает с жемчугом. За лето они добывают около 200 жемчужин на сумму 500–600 рублей. Китайцы эти не ограничиваются одним Фудзином, ходят по всему краю и выискивают старые тенистые протоки. Самым лучшим местом жемчужного лова считается река Ваку.

Вскоре китайцы приостановили свою работу, надели сухую одежду и выпили немного подогретой водки. Затем они уселись на берегу, стали молотками разбивать раковины и искать в них жемчуг. Я вспомнил, что

раньше по берегам рек мне случилось встречать такие кучи битых раковин. Тогда я не мог найти этому объяснения. Теперь мне все стало понятным. Конечно, искание жемчуга ведется хищнически. Раковины разбиваются и тут же бросаются на месте. Из 80 раковин китайцы отложили 2 драгоценные. Сколько я ни рассматривал их, не мог найти жемчуга до тех пор, пока мне его не указали. Это были небольшие наросты блестящего грязновато-серого цвета. Перламутровый слой был гораздо ярче и красивее, чем сам жемчуг.

После того как раковины просохли, китайцы осторожно

ножами отделили жемчужины от створок и убрали их в маленькие кожаные мешочки. Пока я был у тазов и смотрел, как китайцы ловят жемчуг, незаметно подошел вечер. В нашей фанзе зажгли огонь.

После ужина я расспрашивал китайцев о дороге к морю. Или они не хотели указать места, где находятся зверовые фанзы, или у них были какие-либо другие причины скрывать истину, только я заметил, что они давали уклончивые ответы. Они говорили, что к морю по реке Ли-Фудзину^[73] давно уже никто не ходит, что тропа заросла и завалена буреломом. Китайцы рассчитывали, что мы повернем назад, но, видя

наше настойчивое желание
продолжать путь, стали рассказывать
всевозможные небылицы: пугали
медведями, тиграми, говорили о
хунхузах и т.д. Вечером Гранатман
ходил к тазам и хотел нанять у них
проводника, но китайцы
предупредили его и воспретили
тазам указывать дорогу. Приходилось
нам рассчитывать на собственные
силы и руководствоваться только
расспросными данными, которым
тоже нельзя было особенно доверять.

На следующий день мы
выступили из Йолайзы довольно
рано. Путеводной нитью нам
служила небольшая тропка. Сначала
она шла по горам с левой стороны

Фудзина, а затем, миновав небольшой болотистый лесок, снова спустилась в долину. Размытая почва, галечниковые отмели и ямы — все это указывало на то, что река часто выходит из берегов и затопляет долину.

День выпал томительный, жаркий. Истома чувствовалась во всем. Ни малейшего дуновения ветра. Знойный воздух словно окаменел. Все живое замерло и притаилось. В стороне от дороги сидела какая-то хищная птица, раскрыв рот. Видимо, и ей было жарко.

По мере того как мы удалялись от фанзы, тропа становилась все хуже и хуже. Около леса она

разделилась надвое. Одна, более торная, шла прямо, а другая, слабая, направлялась в тайгу. Мы стали в недоумении. Куда идти?

Вдруг из чащи леса вышел китаец. На вид ему было 40 лет. Его загорелое лицо, изорванная одежда и изношенная обувь свидетельствовали о том, что он шел издалека. За спиной у него была тяжелая котомка. На одном плече он нес винтовку, а в руках имел палку, приспособленную для того, чтобы стрелять с нее, как с упора. Увидев нас, китаец испугался и хотел было убежать, но казаки закричали ему, чтобы он остановился. Китаец с опаской подошел к ним. Скоро он успокоился

и стал отвечать на задаваемые вопросы. Из его слов удалось узнать, что по торной тропе можно выйти на реку Тадушу, которая впадает в море значительно севернее залива Ольги, а та тропа, на которой мы стояли, идет сперва по речке Чау-сун^[74], а затем переваливает через высокий горный хребет и выходит на реку Синанцу, впадающую в Фудзин в верхнем его течении. На Синанце тропа опять разделяется надвое. Конная идет на Янмутьхоузу (приток Улахе), а другая тропа после шестого брода подымается налево в горы.

Это и есть наш путь. Здесь надо хорошо смотреть, чтобы не пройти ее мимо.

Поблагодарив китайца за сведения, мы смело пошли вперед. Жилые фанзы, луга, пашни и открытые долины — все осталось теперь позади.

Всякий раз, когда вступаешь в лес, который тянется на несколько сот километров, невольно испытываешь чувство, похожее на робость. Такой первобытный лес — своего рода стихия, и немудрено, что даже туземцы, эти привычные лесные бродяги, прежде чем переступить границу, отделяющую их от людей и света, молятся богу и просят у него защиты от злых духов, населяющих лесные пустыни.

Чем дальше, тем больше лес был

завален колодником. В горах растительный слой почвы очень незначителен, поэтому корни деревьев не углубляются в землю, а распространяются по поверхности. Вследствие этого деревья стоят непрочно и легко опрокидываются ветрами. Вот почему тайга Уссурийского края так завалена буреломом. Упавшее дерево поднимает кверху свои корни вместе с землей и с застрявшими между ними камнями. Сплошь и рядом такие баррикады достигают высоты до 4—6 м. Вот почему лесные тропы очень извилисты. Приходится все время обходить то одно поваленное дерево, то другое. Всегда надо

принимать во внимание эти извилины и считать все расстояния в полтора раза больше, чем они показаны на картах. Деревья, растущие внизу, в долине, более прочно укрепляются в толще наносной земли.

Здесь можно видеть таких лесных великанов, которые достигают 25–35 м высоты и 3,7–4,5 м в окружности. Нередко старые тополя служат берлогами медведям. Иногда охотники в одном дупле находят 2–3 медвежьи лежки.

Долинный лес иногда бывает так густ, что сквозь ветки его совершенно не видно неба. Внизу всегда царит полумрак, всегда

прохладно и сыро. Утренний рассвет и вечерние сумерки в лесу и в местах открытых не совпадают по времени. Чуть только тучка закроет солнце, лес сразу становится угрюмым, и погода кажется пасмурной. Зато в ясный день освещенные солнцем стволы деревьев, ярко-зеленая листва, блестящая хвоя, цветы, мох и пестрые лишайники принимают декоративный вид.

К сожалению, все, что может дать хорошая погода, отравляется гнусом. Трудно передать мучения, которые испытывает человек в тайге летом. Описать их нельзя — это надо почувствовать.

3 часа мы шли без отдыха, пока

в стороне не слышался шум воды. Вероятно, это была та самая река Чау-сун, о которой говорил китаец-охотник. Солнце достигло своей кульминационной точки на небе и палило вовсю. Лошади шли, тяжело дыша и понутив головы. В воздухе стояла такая жара, что далее в тени могучих кедровников нельзя было найти прохлады. Не слышно было ни зверей, ни птиц; только одни насекомые носились в воздухе, и чем сильнее припекало солнце, тем больше они проявляли жизни.

Я полагал было остановиться на привал, но лошади отказывались от корма и жались к дымокурам. Сидение на месте в таких случаях

тяжелее похода. Я велел опять заседлать коней и идти дальше. Часа в 2 дня тропа привела нас к горам, покрытым осыпями. Отсюда начинался подъем на хребет. Все было так, как говорил охотник-китаец. На самом перевале стояла маленькая кумирня. Читатель, может быть, подумает, что это большая каменная постройка. Если бы не красные тряпицы, повешенные на соседние деревья, то можно было бы пройти мимо нее и не заметить. Представьте себе 2 плоских камня, поставленных на ребро, и третий такой же камень, покрывающий их сверху. Вот вам и кумирня! В глубине ее помещаются лубочные картинки,

изображающие богов, иногда деревянные дощечки с надписями религиозного содержания. При внимательном осмотре около камней можно заметить огарки бумажных свечей, пепел, щепотку риса, кусочек сахару и т.д. Это жертвы «духу гор и лесов», охраняющему прирост богатства.

По другую сторону хребта тропа привела нас к зверовой фанзе, расположенной на левом берегу Синанцы. Хозяин ее находился в отлучке.

Я решил дождаться его возвращения и приказал людям устраивать бивак.

Часов в 5 вечера владелец фанзы

явился. Увидев стрелков, он испугался и тоже хотел было убежать, но казаки задержали его и привели ко мне. Скоро он убедился в том, что мы не хотим причинить ему зла, и стал охотно отвечать на вопросы. Это был таз 30 лет, с лицом, сильно изрытым оспой. Из его слов я понял, что он работает на хозяина фанзы Йолайза, у которого состоит в долгах. Сумму своего долга он, конечно, не знал, но чувствовал, что его обижают. На предложение проводить нас до Сихотэ-Алиня он отказался на том основании, что если китайцы узнают об этом, то убьют его. Я не стал настаивать, но зато узнал, что мы идем правильно.

Чтобы расположить таза в свою пользу, я дал ему 25 берданочных патронов. Он так обрадовался этому подарку, что стал петь и плясать и затем заявил, что укажет нам дорогу до следующей фанзы, где живут 2 зверобойщика-китайца.

До сумерек было еще далеко. Я взял свою винтовку и пошел осматривать окрестности. Отойдя от бивака с километр, я сел на пенек и стал слушать. В часы сумерек пернатое население тайги всегда выказывает больше жизни, чем днем. Мелкие птицы взбирались на верхушки деревьев, чтобы взглянуть оттуда на угасающее светило и послать ему последнее прощанье.

Я весь ушел в созерцание природы и совершенно забыл, что нахожусь один, вдали от бивака. Вдруг в стороне от себя я услышал шорох. Среди глубокой тишины он показался мне очень сильным. Я думал, что идет какое-нибудь крупное животное, и приготовился к обороне, но это оказался барсук. Он двигался мелкой рысцой, иногда останавливался и что-то искал в траве; он прошел так близко от меня, что я мог достать его концом ружья. Барсук направился к ручью, полакал воду и заковылял дальше. Опять стало тихо.

Вдруг резкий, пронзительный и отрывистый писк, похожий на

звонкое щелканье ножницами, раздался сзади. Я обернулся и увидел пищуху. Зверек этот имеет весьма большое распространение по всему востоку и северо-востоку Сибири. Он похож на маленького кролика, только без длинных ушей; общая окраска его буро-серая. Любимым местопребыванием пищух являются каменистые осыпи по склонам гор и россыпи в долинах, слегка прикрытые мхами. Животное это дневное, но крайне осторожное и пугливое. Его очень трудно убить так, чтобы не испортить шкуру; она разрывается на части от одной дробинки.

Мое движение испугало зверька

и заставило быстро скрыться в норку. По тому, как он прятался, видно было, что опасность приучила его быть всегда настороже и не доверяться предательской тишине леса. Затем я увидел бурундука. Эта пестренькая земляная белка, бойкая и игривая, проворно бегала по колоднику, влезала на деревья, спускалась вниз и снова пряталась в траве. Окраска бурундука пестрая, желтая; по спине и по бокам туловища тянется 5 черных полос.

Животное это равномерно распространено по всему Уссурийскому краю. Его одинаково можно встретить как в густом смешанном лесу, так и на полях

около редколесья. Убегая, оно подымает пронзительный писк и тем выдает себя. Китайцы иногда употребляют его шкурки на оторочки своих головных уборов.

Я заметил, что бурундук постоянно возвращается к одному и тому же месту и каждый раз что-то уносит с собой. Когда он уходил, его защечные мешки были туго набиты, когда же он появлялся снова на поверхности земли, рот его был пустой.

Меня эта картина очень заинтересовала. Я подошел ближе и стал наблюдать. На колоднике лежали сухие грибки, корешки и орехи. Та к как ни грибов, ни

кедровых орехов в лесу еще не было, то, очевидно, бурундук вытащил их из своей норки. Но зачем? Тогда я вспомнил рассказы Дерсу о том, что бурундук делает большие запасы продовольствия, которых ему хватает иногда на 2 года. Чтобы продукты не испортились, он время от времени выносит их наружу и сушит, а к вечеру уносит обратно в свою норку.

Посидев еще немного, я пошел дальше. Все время мне попадался в пути свежеперевернутый колодник. Я узнал работу медведя. Это его любимейшее занятие. Слоняясь по тайге, он подымает бурелом и что-то собирает под ним на земле. Китайцы в шутку говорят, что медведь сушит

валежник, поворачивая его к солнцу то одной, то другой стороной.

На обратном пути как-то само собой вышло так, что я попал на старый след. Я узнал огромный кедр, у которого останавливался, перешел через ручей по знакомому мне поваленному дереву, миновал каменную осыпь и незаметно подошел к тому колоднику, на котором бурундук сушил свои запасы. На месте норки теперь была глубокая яма. Орехи и грибы разбросаны по сторонам, а на свежерытой земле виднелись следы медведя. Все стало ясно. Косолапый разорил гнездо бурундука, поел его запасы и, может

быть, съел и самого хозяина.

Между тем подошел и вечер. Заря угасла, потемнел воздух, и ближние и дальние деревья приняли одну общую однотонную окраску, которую нельзя назвать ни зеленой, ни серой, ни черной. Кругом было так тихо, что казалось, будто в ушах звенит. В темноте мимо меня с гудением пронесся какой-то жук. Я шел осторожно, стараясь не оступиться. Вдруг в стороне раздался сильный шум. Какое-то большое животное стояло впереди и сопело. Я хотел было стрелять, но раздумал. Испуганный зверь мог убежать, но мог и броситься. Минута мне показалась вечностью. Я узнал

медведя. Он усиленно нюхал воздух. Я долго стоял на месте, не решаясь пошевелинуться, наконец не выдержал и осторожно двинулся влево. Не успел я сделать 2 шагов, как услышал уханье зверя и треск ломаемых сучьев. Сердце мое сжалось от страха. Инстинктивно я поднял ружье и выстрелил в его сторону. Удаляющийся шум показывал, что животное убегало. Через минуту с бивака послышался ответный выстрел.

Тогда я вернулся назад и пошел в прежнем направлении. Через полчаса я увидел огни бивака. Яркое пламя освещало землю, кусты и стволы деревьев. Вокруг костров

суетились люди. Выючные лошади паслись на траве; около них разложены были дымокуры. При моем приближении собаки подняли лай и бросились навстречу, но, узнав меня, сконфузились и в смущении вернулись обратно.

С заходом солнца крупная мошка исчезла и на ее месте появился мокрец^[75] — мельчайшие, почти невидимые для глаза насекомые. Когда начинают гореть уши — это первый признак появления мелкой мошки. Потом кажется, что на лицо ложится колючая паутина. Особенно сильное ощущение зуда бывает на лбу. Мокрец набивается в волосы, лезет в уши, нос и рот. Люди

ругаются, плюются и то и дело обтирают лицо руками. Стрелки поддели под фуражки носовые платки, чтобы хоть немного защитить шею и затылок. Меня мучила жажда, и я попросил чаю.

— Пить нельзя, — сказал казак Эпов, подавая кружку.

Я поднес ее к губам и увидел, что вся поверхность чая была покрыта какой-то пылью.

— Что это такое? — спросил я казака.

— Гнус, — ответил он. — Его обварило паром, он нападал в горячую воду.

Сначала я пробовал сдуть мошек ртом, потом принялся снимать их

ложкой, но каждый раз, как я прекращал работу, они снова наполняли кружку. Казак оказался прав. Та к напиться чаю мне и не удалось. Я выплеснул чай на землю и залез в свой комарник.

После ужина люди начали устраиваться на ночь. Некоторые из них поленились ставить комарники и легли спать на открытом воздухе, покрывшись одеялами. Они долго ворочались, охали, ахали, кутались с головой, но это не спасало их от гнуса. Мелкие насекомые пробирались в каждую маленькую складку. Наконец один из них не выдержал.

— Нате, ешьте, черт вас возьми! —

крикнул он, раскрываясь, и раскинул в сторону руки.

Раздался общий смех. Оказалось, что не он один, все не спали, но никому первому не хотелось вставать и раскладывать дымокуры. Минуты через две разгорелся костер. Стрелки смеялись друг над другом, опять охали и ругались. Мало-помалу на биваке стала водворяться тишина. Миллионы комаров и мошек облепили мой комарник. Под жужжание их я начал дремать и вскоре уснул крепким сном.

Глава 12

Великий лес

*Совет таза. – Птицы в тайге. –
Геология Синанцы. – Ночь в лесу. –
Манзы. – Таежники. – Плантация
женьшеня. – Возвращение отряда. –
Проводник. – Старый китаец. –
Старинный путь к посту Ольги. –
Лес в предгорьях Сихотэ-Алиня. –
Утомление и недостаток
продовольствия*

Утром я проснулся от говора людей. Было 5 часов. По фырканию коней, по тому шуму, который они издавали, обмахиваясь хвостами, и

по ругани казаков я догадался, что гнуса много. Я поспешно оделся и вылез из комарника. Интересная картина представилась моим глазам. Над всем нашим биваком кружились несметные тучи мошки. Несчастные лошади, уткнув морды в самые дымокуры, обмахивались хвостами, трясли головами.

На месте костра поверх золы лежал слой мошкары. В несметном количестве она падала на огонь до тех пор, пока он не погас.

От гнуса может быть только 2 спасения: большие дымокуры и быстрое движение. Сидеть на месте не рекомендуется. Отдав приказ вьючить коней, я подошел к дереву,

чтобы взять ружье, и не узнал его. Оно было покрыто густым серопепельным налетом – все это были мошки, прилипшие к маслу. Наскоро собрав свои инструменты и не дожидаясь, когда завьючат коней, я пошел по тропинке.

В километре от фанзы тропа разделилась надвое. Правая пошла на реку Улахе, а левая – к Сихотэ-Алиню. Здесь таз остановился: он указал ту тропу, которой нам следовало держаться, и, обращаясь ко мне, сказал:

– Капитан! Дорога хорошо смотри. Кони ходи есть, тебе ходи есть, кони ходи нету, тебе ходи нету.

Для непривычного уха такие

фразы показались бы
бессмысленным набором слов, но я
понял его сразу. Он говорил, что надо
придерживаться конной тропы и
избегать пешеходной.

Когда подошли лошади, таз
вернулся обратно, и мы отправились
по новой дороге вверх по Синанце.

В этих местах растет густой
смешанный лес с преобладанием
кедра. Сильно размытые берега,
бурелом, нанесенный водой,
рытвины, ямы, поваленные деревья и
кочья сухой травы, застрявшие в
кустах, — все это свидетельствовало о
недавних больших наводнениях.

Реки Уссурийского края
обладают свойством после каждого

наводнения перемещать броды с одного места на другое. Найти замытую тропу не так-то легко. На розыски ее были посланы люди в разные стороны. Наконец тропа была найдена, и мы весело пошли дальше.

На пути нам встречались звериные следы, между которыми было много тигровых. Два раза мы спугивали оленей и кабанов, стреляли по ним, но убить не удалось — люди торопились и мешали друг другу.

Уссурийские леса кажутся пустынными. Такое впечатление является благодаря отсутствию певчих птиц. Кое-где по пути я видел уссурийских соек. Эти дерзкие

беспокойные птицы все время шмыгали с одной ветки на другую и провожали нас резкими криками. Желая рассмотреть их, я попробовал подойти к ним поближе. Сойки сперва старались скрыться в листве и улетели только тогда, когда заметили, что я настойчиво их преследую. При полете благодаря синему оперению крыльев с белым зеркалом они кажутся красивее, чем на самом деле.

Время от времени в лесу слышались странные звуки, похожие на барабанный бой. Скоро мы увидели и виновника этих звуков — то была желна. Недоверчивая и пугливая, черная с красной головкой,

издали она похожа на ворону. С резкими криками желна перелетала с одного места на другое и, как все дятлы, пряталась за деревья.

В сырой чаще около реки ютились рябчики. Испуганные приближением собак, они отлетели в глубь леса и стали пересвистываться. Дьяков и Мелян хотели было поохотиться за ними, но рябчики не подпускали их близко.

Я уговорил стрелков не тратить времени попусту и идти дальше.

С одного дерева снялась большая хищная птица. Это был царь ночи — уссурийский филин. Он сел на сухостойную ель и стал испуганно озираться по сторонам. Как только

мы стали приближаться к нему, он полетел куда-то в сторону. Больше мы его не видели.

Геология долины Синанцы очень проста. Это тектоническая долина, идущая сначала с юго-запада, а потом поворачивающая на север вдоль Сихотэ-Алиня. По среднему течению реки (с левой стороны) в местности Идагоуза^[76] встречаются осыпи из мелкозернистого гранита, а ниже фельзитовый порфирит, разложившийся апплит и миндалевидный диабаз с кальцитом и халцедоном.

Чем более мы углублялись в горы, тем порожистее становилась река. Тропа стала часто переходить с

одного берега на другой. Деревья, упавшие на землю, служили природными мостами. Это доказывало, что тропа была пешеходная. Помня слова таза, что надо придерживаться конной тропы, я удвоил внимание к югу. Не было сомнения, что мы ошиблись и пошли не по той дороге. Наша тропа, вероятно, свернула в сторону, а эта, более торная, несомненно, вела к истокам Улахе.

К вечеру мы дошли до зверовой фанзы. Хозяева ее отсутствовали, и расспросить было некого. На общем совете решено было, оставив лошадей на биваке, разойтись в разные стороны на разведку. Г.И.

Гранатман пошел прямо, А.И. Мерзляков — на восток, а я должен был вернуться назад и постараться разыскать потерянную тропинку.

К вечеру, как только ветер стал затихать, опять появился мокрец. Маленькие кровопийцы с ожесточением набросились на людей и лошадей.

День кончился. Последние отблески вечерней зари угасли на небе, но прохлады не было. Нагретая земля и вечером еще продолжала излучать теплоту. Лесные травы благоухали. От реки подымались густые испарения. Казаки вокруг бивака кольцом разложили дымокуры. Люди и лошади жались к

дыму и сторонились чистого воздуха. Когда все необходимые бивачные работы были закончены, я приказал поставить свой комарник и забился под спасительный полог. Через час стемнело совсем. Взошла луна и своим мягким фосфорическим светом озарила лес. Вскоре после ужина весь бивак погрузился в сон; не спали только собаки, лошади да очередные караульные.

На другой день было еще темно, когда я вместе с казаком Белоножкиным вышел с бивака. Скоро начало светать; лунный свет поблек; ночные тени исчезли; появились более мягкие тона. По вершинам деревьев пробежал

утренний ветерок и разбудил пернатых обитателей леса. Солнышко медленно взбиралось по небу все выше и выше, и вдруг живительные лучи его брызнули из-за гор и разом осветили весь лес, кусты и траву, обильно смоченные росой.

Около первой зверовой фанзы мы действительно нашли небольшую тропинку, отходящую в сторону. Она привела нас к другой такой же фанзочке. В ней мы застали 2 китайцев. Один был молодой, а другой – старик. Первый занимался охотой, второй был искателем женьшеня. Молодой китаец был 25 лет, крепкого телосложения. По лицу

его видно было, что он наслаждался жизнью, был счастлив и доволен своей судьбой. Он часто смеялся и постоянно забавлял себя детскими выходками. Старик был высокого роста, худощавый и более походил на мумию, чем на живого человека. Сильно морщинистое и загорелое лицо и седые волосы на голове указывали на то, что годы его перевалили за седьмой десяток. Оба китайца были одеты в синие куртки, синие штаны, наколенники и улы, но одежда молодого китайца была новая, щеголеватая, а платье старика – старое и заплатаанное. На головах у того и другого были шляпы: у первого – соломенная покупная, у второго –

берестяная самодельная.

Манзы сначала испугались, но потом, узнав, в чем дело, успокоились. Они накормили нас чумизной кашей и дали чаю. Из расспросов выяснилось, что мы находимся у подножия Сихотэ-Алиня, что далее к морю дороги нет вовсе и что тропа, по которой прошел наш отряд, идет на реку Чжюдямогоу^[77], входящую в бассейн верхней Улахе.

Тогда я влез на большое дерево, и то, что увидел сверху, вполне совпадало с планом, который старик начертил мне палочкой на земле. На востоке виднелся зубчатый гребень Сихотэ-Алиня. По моим расчетам, до

него было еще 2 дня ходу. К северу, насколько хватал глаз, тянулась слабо всхолмленная низина, покрытая громадными девственными лесами. В больших лесах всегда есть что-то таинственное, жуткое. Человек кажется маленьким, затерявшимся. На юг и дальше на запад характер страны вновь становится гористый. Другой горный хребет шел параллельно Сихотэ-Алиню, за ним текла, вероятно, Улахе, но ее не было видно. Такая топография местности меня немало удивила. Казалось, что чем ближе подходить к водоразделу, тем характер горной страны должен быть выражен интенсивнее. Я ожидал увидеть высокие горы и

остроконечные причудливые вершины. Оказалось наоборот, около Сихотэ-Алиня были пологие холмы, изрезанные мелкими ручьями. Это результат эрозии.

Сориентировавшись, я спустился вниз и тотчас отправил Белоножкина назад к П.К. Рутковскому с извещением, что дорога найдена, а сам остался с китайцами. Узнав, что отряд наш придет только к вечеру, манзы собрались идти на работу. Мне не хотелось оставаться одному в фанзе, и я пошел вместе с ними.

Старик держал себя с большим достоинством и говорил мало, зато молодой китаец оказался очень

словоохотливым. Он рассказал мне, что у них в тайге есть женьшеневая плантация и что именно туда они и направляются. Я так увлекся его рассказами, что потерял направление пути и без помощи китайцев, вероятно, не нашел бы дороги обратно. Около часа мы шли косогорами, перелезали через какую-то скалу, потом спустились в долину. На пути нам встречались каскадные горные ручьи и глубокие овраги, на дне которых лежал еще снег. Наконец мы дошли до цели своего странствования. Это был северный нагорный склон, поросший густым лесом.

Читатель ошибется, если

вообразит себе женьшеневую плантацию в виде поляны, на которой посеяны растения. Место, где найдено было в разное время несколько корней женьшеня, считается удобным. Сюда переносятся и все другие корни. Первое, что я увидел, — это навесы из кедрового корья для защиты женьшеня от палящих лучей солнца. Для того чтобы не прогревалась земля, с боков были посажены папоротники и из соседнего ручья проведена узенькая канавка, по которой сочилась вода.

Дойдя до места, старик опустился на колени, сложил руки ладонями вместе, приложил их ко

лбу и дважды сделал земной поклон. Он что-то говорил про себя, вероятно, молился. Затем он встал, опять приложил руки к голове и после этого принялся за работу. Молодой китаец в это время развешивал на дереве красные тряпицы с иероглифическими письменами.

Женьшень! Та к вот он каков!

Нигде на земле нет другого растения, вокруг которого сгруппировалось бы столько легенд и сказаний. Под влиянием литературы или под влиянием рассказов китайцев, не знаю почему, но я тоже почувствовал благоговение к этому невзрачному представителю

аралиевых. Я встал на колени, чтобы ближе рассмотреть его. Старик объяснил это по-своему: он думал, что я молюсь. С этой минуты я совсем расположил его в свою пользу.

Оба китайца занялись работой. Они убрали сухие ветки, упавшие с деревьев, пересадили 2 каких-то куста и полили их водой. Заметив, что воды идет в питомник мало, они пустили ее побольше. Потом они стали полоть сорные травы, но удаляли не все, а только некоторые из них, и особенно были недовольны, когда поблизости находили элеутерококк.

Предоставив им заниматься

своим делом, я пошел побродить по тайге. Опасаясь заблудиться, я направился по течению воды, с тем чтобы назад вернуться по тому же ручью. Когда я возвратился на женьшеневую плантацию, китайцы уже окончили свою работу и ждали меня. К фанзе мы подошли с другой стороны, из чего я заключил, что назад мы шли другой дорогой.

Незадолго перед сумерками к фанзочке подошел отряд. Китайцы уступили нам немного буды, хотя у них самих ее было мало. Вечером мне удалось уговорить их провести нас за Сихотэ-Алинь, к истокам Вай-Фудзина^[78]. Провожатым согласился быть сам старик, но по своей

слабости он мог пройти только до водораздела. Дальше проводником обещал быть молодой китаец. Ему непременно нужно было добраться до земледельческих фанз и купить там муки и чумизы. Старик поставил условием, чтобы на него не кричали и не вступали с ним в пререкания. О первом пункте не могло быть и речи, а со вторым мы все охотно согласились.

Чуть только смеркалось, снова появился гнус. Китайцы разложили дымокур внутри фанзы, а мы спрятались в свои комарники.

Успокоенные мыслью, что с помощью провожатых перейдем через Сихотэ-Алинь, мы скоро

уснули. Теперь была только одна забота: хватит ли продовольствия?

На следующий день в 8 часов утра мы были уже готовы к выступлению. Старик пошел впереди, за ним последовал молодой китаец и 2 стрелка с топорами, затем остальные люди и вьючные лошади. Старик держал в руках длинный посох. Он ничего не говорил и только молча указывал направление, которого следовало держаться, и тот валежник, который следовало убрать с дороги. Несмотря на постоянные задержки в пути, отряд наш подвигался вперед все же довольно быстро. Китайцы долго держались юго-западного направления и только

после полудня повернули на юг.

Ближайшие предгорья Сихотэ-Алиня состоят из порфироида и порфирового туфа. Горные породы на дневной поверхности распались на обломки и образовали осыпи, покрытые мхами и заросшие кустарниками.

В Уссурийском крае едва ли можно встретить сухие хвойные леса, то есть такие, где под деревьями земля усеяна осыпавшейся хвоей и не растет трава. Здесь всюду сыро, всюду мох, папоротники и мелкие осоки.

Сегодня первый раз приказано было сократить выдачу буды наполовину. Но и при этом расчете

продовольствия могло хватить только на 2 суток. Если по ту сторону Сихотэ-Алиня мы не сразу найдем жилые места, придется голодать. По словам китайцев, раньше в истоках Вай-Фудзина была зверовая фанза, но теперь они не знают, существует она или нет.

Я хотел было остановиться и заняться охотой, но старик настаивал на том, чтобы не задерживаться и идти дальше. Помня данное ему обещание, я подчинился его требованиям.

Нужно отдать справедливость старику, что он вел нас очень хорошо. В одном месте он остановился и указал на старую тропу, заросшую

травой и кустарником. Это был тот старинный путь, по которому уссурийские манзы раньше сообщались с заливом Ольги. Этой дорогой в 60-х годах XIX столетия прошли Будищев и Максимович. Передо мной сразу встали их образы и сделанные ими описания. Судя по тому, насколько этот путь был протоптан, видно было, что здесь ранее происходило большое движение. Когда же военный порт был перенесен из Николаевска во Владивосток, китайские охотники перестали ходить этой дорогой, тропа заросла и совершенно утратила свое значение.

За последние дни люди сильно

обносились: на одежде появились заплата; изорванные головные сетки уже не приносили пользы; лица были изъедены в кровь; на лбу и около ушей появилась экзема.

Ограниченные запасы продовольствия заставили нас торопиться. Мы сократили большой привал до 30 минут и во вторую половину дня шли до самых сумерек.

Такой большой переход трудно достался старику. Как только мы остановились на бивак, он со стоном опустился на землю и без посторонней помощи не мог уже подняться на ноги.

У меня во фляге нашлось несколько капель рома, который я

берег на тот случай, если кто-нибудь в пути заболит. Теперь такой случай представился. Старик шел для нас, завтра ему придется идти опять, а потом возвращаться обратно.

Я вылил в кружку весь ром и подал ему. В глазах китайца я прочел выражение благодарности. Он не хотел пить один и указывал на моих спутников. Тогда мы все сообща стали его уговаривать. После этого старик выпил ром, забрался в свой комарник и лег спать. Я последовал его примеру.

Прислушиваясь к жужжанию мошек и комаров, я вспомнил библейское сказание о казнях египетских: «Появилось множество

мух, которые нестерпимо уязвляли египтян». В стране, где сухо, где нет москитов, случайное появление их казалось ужасной казнью, здесь же, в Приамурском крае, гнус был обычным явлением.

Чуть брезжило, когда меня разбудил старик китаец.

— Надо ходи! — сказал он лаконически.

Закусив немного холодной кашицей, оставленной от вчерашнего ужина, мы тронулись в путь. Теперь проводник-китаец повернул круто на восток. Сразу с бивака мы попали в область размытых гор, предшествовавших Сихотэ-Алиню. Это были невысокие холмы с

пологими склонами. Множество ручьев текло в разные стороны, так что сразу трудно ориентироваться и указать то направление, куда стремилась выйти вода.

Чем ближе мы подходили к хребту, тем лес становился все гуще, тем больше он был завален колодником. Здесь мы впервые встретили тис, реликтовый представитель субтропической флоры, имевшей когда-то распространение по всему Приамурскому краю. Он имеет красную кору, красноватую древесину, красные ягоды и похож на ель, но ветви его расположены, как у лиственного дерева.

Здесьшний подлесок состоит главным образом из актинидии, которую русские переселенцы называют почему-то кишмишом, жимолости Маака, барбариса, маньчжурского орешника с неровно-зубчатыми листьями и мохового мирта с белыми чешуйками на листьях и с белыми цветами. Из цветковых растений чаще всего попадались на глаза бело-розовые пионы, собираемые китайскими знахарями на лекарства, затем — охотский лесной хмель с лапчато-зубчатыми листьями и фиолетовыми цветами и клнтония, крупные сочные листья которой расположены розеткой.

К сумеркам мы дошли до водораздела. Люди сильно проголодались, лошади тоже нуждались в отдыхе. Целый день они шли без корма и без привалов. Поблизости бивака нигде травы не было. Кони так устали, что, когда с них сняли вьюки, они легли на землю. Никто не узнал бы в них тех откормленных и крепких лошадей, с которыми мы вышли со станции Шмаковка. Теперь это были исхудалые животные, измученные бескормицей и гнусом.

Китайцы поделились со стрелками жидкой похлебкой, которую они сварили из листьев папоротника и остатков чумизы.

После такого легкого ужина, чтобы не мучиться голодом, все люди легли спать. И хорошо сделали, потому что завтра выступление было назначено еще раньше, чем сегодня.

Глава 13

Через Сихотэ-Алинь к морю

*Перевал Максимовича. —
Насекомые и птицы. — Долина реки
Вай-Фудзина и ее притоки. — Горал. —
Светящиеся насекомые. — Птицы в
прибрежном районе. —
Гостеприимство китайцев. —
Деревня Фудзин и село Пермское. —
Бедствия первых переселенцев из
России. — Охотники. — Ценность
пантов. — Кашилев. — Тигриная
Смерть. — Маньчжурская полевая
мышь. — Конец пути*

На следующий день, 16 июня, мы снялись с бивака в 5 часов утра и сразу стали подыматься на Сихотэ-Алинь. Подъем был медленный и постепенный. Наш проводник по возможности держал прямое направление, но там, где было круто, он шел зигзагами.

Чем выше мы поднимались, тем больше иссякали ручьи и наконец пропали совсем. Однако глухой шум под камнями указывал, что источники эти еще богаты водой. Мало-помалу шум этот тоже начинал стихать. Слышно было, как под землей бежала вода маленькими струйками, точно ее лили из

чайника, потом струйки эти превратились в капли, и затем все стихло.

Через час мы достигли гребня. Здесь подъем сразу сделался крутым, но не надолго.

На самом перевале, у подножия большого кедра, стояла маленькая кумирня, сложенная из корья. Старик китаец остановился перед ней и сделал земной поклон. Затем он поднялся и, указывая рукой на восток, сказал только 2 слова:

– Река Вай-Фудзин.

Это значило, что мы были на водоразделе. После этого старик сел на землю и знаком дал понять, что следует отдохнуть.

Воспользовавшись этим, я прошел немного по хребту на юг, поднялся на одну из каменных глыб, торчащих здесь из земли во множестве, и стал смотреть.

Прилегающая часть Сихотэ-Алиня слагается из кварцевого порфира. Водораздельный хребет идет здесь от юго-запада на северо-восток. Наивысшие точки его будут около 1100 м над уровнем моря. К северу Сихотэ-Алинь немного понижается. Западный склон его пологий, восточный значительно круче. Весь хребет покрыт густым хвойно-смешанным лесом. Гольцы находятся только на отдельных его вершинах и местах осыпей. На

старинных китайских картах этот водораздел называется Сихотэ-Алинь. Местные китайцы называют его Сихота-Лин, а чаще всего Лао-Лин, то есть старый перевал (в смысле «большой, древний»). По гипсометрическим измерениям высота перевала, на котором мы находились, равнялась 980 м. Я окрестил его именем К.И. Максимовича, одного из первых исследователей Уссурийского края.

К востоку от водораздела, насколько хватал глаз, все было покрыто туманом. Вершины соседних гор казались разобщенными островами. Волны тумана надвигались на горный

хребет и, как только переходили через седловины, становились опять невидимыми. К западу от водораздела воздух был чист и прозрачен. По словам китайцев, явление это обычное. Впоследствии я имел много случаев убедиться в том, что Сихотэ-Алинь является серьезной климатической границей между прибрежным районом и бассейном правых притоков Уссури.

Должно быть, я долго пробыл в отлучке, потому что в отряде подняли крик.

Казаки согрели чай и ждали моего возвращения. Не обошлось без курьеза. Когда чай был разлит по кружкам, П.К. Рутковский сказал:

– Эх! Если бы сахар был!

– Есть, – отвечал казак Белоножкин и, пошарив у себя в кармане, вытащил из него почерневший от грязи кусок сахара.

– Где это ты, друг мой, его валял? – спросил Рутковский.

– Он Сихотэ-Алинь переваливал, – отвечал находчивый казак.

Все рассмеялись.

Прополоскав немного желудок горячей водицей, мы пошли дальше.

Спуск с хребта в сторону Вай-Фудзина, как я уже сказал, был крутой. Перед нами было глубокое ущелье, заваленное камнями и буреломом. Вода, стекающая

каскадами, во многих местах выбила множество ям, замаскированных папоротниками и представляющих собой настоящие ловушки. Гранатман толкнул одну глыбу. При падении своем она увлекла другие камни и произвела целый обвал.

Спускаться по таким оврагам очень тяжело. В особенности трудно пришлось лошадям. Если графически изобразить наш спуск с Сихотэ-Алиня, то он представился бы в виде мелкой извилистой линии по направлению к востоку. Этот спуск продолжался 2 часа. По дну лощины протекал ручей. Среди зарослей его почти не было видно. С веселым шумом бежала вода вниз по долине,

словно радуясь тому, что наконец-то она вырвалась из-под земли на свободу. Ниже течение ручья становилось спокойнее.

Но вот еще такой же глубокий овраг подошел справа. Теперь ущелье превратилось в узкую долину, которую местное манзовское население называет Синь-Квандагоу^[79]. За перевалом хвойно-смешанный лес начал быстро сменяться лиственным. Дуб монгольский рос преимущественно по склонам гор с солнечной стороны. В долине леса были разнообразнее и богаче. Здесь можно отметить мелколистную липу – любительницу опушек и прогалин, желтый клен с

глубоко разрезанными бледными листьями, иву пепельную – полукуст-полудерево, крылатый бересклет, имеющий вид кустарника с пробковыми крыльями по стволу и по веткам. Из настоящих кустарников можно указать на таволожник иволистный с ярко-золотистыми цветами, особый вид боярышника с редкими и короткими иглами и с белесоватыми листьями с нижней стороны, жимолость Маака более 4 м высоты с многочисленными розоватыми цветами и богородскую траву с лежащими по земле стеблями, ланцетовидными мелкими листьями и ярко-пурпурово-фиолетовыми

цветами. В стороне от тропы были еще какие-то кустарники, хотелось мне их посмотреть, но голод принуждал торопиться. На полях наблюдателя поражало обилие цветов. Тут были ирисы самых разнообразных оттенков от бледно-голубого до темно-фиолетового, целый ряд орхидей разных окрасок, желтый курослеп, темно-фиолетовые колокольчики, душистый ландыш, лесная фиалка, скромный цветочек земляники, розовый василек, яркая гвоздика и красные, оранжевые и желтые лилии.

Этот переход от густого хвойного леса к дубовому редколесью и к полянам с цветами

был настолько резок, что невольно вызывал возгласы удивления. То, что мы видели на западе, в 3—4 переходах от Сихотэ-Алиня, тут было у самого его подножия.

Кроме того, я заметил еще одну особенность: те растения, которые на западе были уже отцветшими, здесь еще вовсе не начинали цвести.

В бассейне Ли-Фудзина было много гнуса, мало чешуекрылых. Здесь, наоборот, всюду мелькали кирпично-красные с радужными переливами крапивницы, бело-желтые с черными и красными пятнами аполлоны и большие темно-синие махаоны. Последние часто садились на воду и, распластав

крылья, предоставляли себя течению реки. Можно было подумать, что бабочки эти случайно попали в воду и не могли подняться на воздух. Я несколько раз хотел было взять их, но едва только протягивал руку, они совершенно свободно подымались на воздух и, отлетев немного, снова опускались на воду.

Всюду на цветах реяли пчелы и осы, с шумом по воздуху носились мохнатые шмели с черным, оранжевым и белым брюшком. Внизу, в траве, бегали проворные жужелицы. Этих жуков за их хищный характер можно было бы назвать тиграми среди насекомых. По тропе ползали черные могильщики и

трехцветные скакуны. Последние передвигались как-то порывисто, и не разберешь — прыгали они или летали. На зонтичных растениях держались преимущественно слоники и зеленые клопы, а около воды и по дорогам, где было посырее, с прозрачными крыльями и с большими голубыми глазами летали стрекозы.

Полюбовавшись насекомыми, я стал рассматривать птиц. Прежде всего я увидел завирушек. Они прыгали под деревьями и копошились в старой листве. Когда я стал подходить к ним, они отлетели немного в сторону и вновь опустились на траву. По берегам

горных ручьев, качая хвостиками, перебегали с камня на камень горные трясогузки. Птички эти доверчиво подпускали к себе человека и только в том случае, когда я уж очень близко к ним подходил, улетали, не торопясь. Около шиповников держались свиристели. Они искусно лазали по ветвям кустарников и избегали открытых пространств. В другом месте я заметил долгохвостых синиц, шныряющих в листве деревьев и мало обращающих внимание на своих соседей. Рядом с ними сустились подвижные гаички, совсем маленькие птички с крохотным клювом и коротким хвостиком.

Из млекопитающих, судя по многочисленным следам, здесь обитали дикие козули, олени, кабаны, медведи и тигры.

Несмотря на утомление и на недостаток продовольствия, все шли довольно бодро. Удачный маршрут через Сихотэ-Алинь, столь резкий переход от безжизненной тайги к живому лесу и наконец тропка, на которую мы наткнулись, действовали на всех подбадривающим образом. В сумерки мы дошли до пустой зверовой фанзы. Около нее был небольшой огород, на котором росли брюква, салат и лук.

По сравнению с овощами, которые мы видели на Фудзине, эти

огородные растения были тоже отсталыми в росте. Одним словом, во всем, что попадалось нам на глаза, видна была резкая разница между западным и восточным склонами Сихотэ-Алиня. Очевидно, в Уссурийском крае вегетационный период наступает гораздо позже, чем в бассейне Усури.

Дальше мы не пошли и здесь около фанзочки стали биваком.

Продовольствие в тайгу манзы завозят вьюками, начиная с августа. В самые отдаленные фанзы соль, мука и чумиза переносятся в котомках. Запасы продовольствия складываются в липовые долбленные кадушки, прикрытые сверху корьем.

Запоров нигде не делается, и кадушки прикрываются только для того, чтобы в них не залезли мыши и бурундуки.

Чужое продовольствие в тайге трогать нельзя. Только в случае крайнего голода можно им воспользоваться, но при обязательном условии, чтобы из первых же земледельческих фанз взятое было доставлено обратно на место. Тот, кто не исполнит этого обычая, считается грабителем и подвергается жестокому наказанию. Действительно, кража продовольствия в зверовой фанзе принуждает соболевщика раньше времени уйти из тайги, а иногда

может поставить его прямо-таки в безвыходное положение.

Вечером старик китаец заявил нам, что далее он идти не может и останется здесь ожидать возвращения своего товарища.

На следующий день, 17 июня, мы расстались со стариком. Я подарил ему свой охотничий нож, а А.И. Мерзляков – кожаную сумочку. Теперь топоры нам были уже не нужны. От зверовой фанзы вниз по реке шла тропинка. Чем дальше, тем она становилась лучше. Наконец мы дошли до того места, где река Синь-Квандагоу сливается с Тудагоу. Эта последняя течет в широтном направлении, под острым углом к

Сихотэ-Алиню. Она значительно больше Синь-Квандагоу и по справедливости могла бы присвоить себе название Вай-Фудзина.

По этой реке в 1860 году спустился Будищев. По слухам, в истоках ее есть несколько китайских фанз, обитатели которых занимаются звероловством. От места слияния упомянутых 2 речек начинается Вай-Фудзин, названная русскими переселенцами Аввакумовкой.

Лес кончился, и перед нами вдруг неожиданно развернулась величественная горная панорама. Возвышенности с левой стороны долины покрыты дубовым редколесьем с примесью липы и

черной березы. По склонам их в вертикальном направлении идут осыпи, заросшие травой и мелкой кустарниковой порослью.

Долина Вай-Фудзина богата террасами. Террасы эти идут уступами, точно гигантские ступени. Это так называемые «пенеплены». В древние геологические периоды здесь были сильные денудационные процессы^[80], потом произошло поднятие всей горной системы и затем опять размывание. Вода в реках в одно и то же время действовала и как пила, и как напильник.

Против Тудагоу, справа, в Вай-Фудзин впадает порожистая речка

Танюгоуза^[81], а ниже ее, приблизительно на равном расстоянии друг от друга, еще 4 небольшие речки одинаковой величины: Харчинкина, Хэмутагоу^[82], Куандинза^[83] и Воротная. По первой лежит путь на Ли-Фудзин, к местности Сяень-Лаза^[84]. На Хэмутагоу русские переселенцы нашли христианскую могилу и потому назвали реку Крестовой. По словам туземцев, Куандинза течет по весьма извилистому ложу; она очень бурлива и порожиста. Долина Воротной реки обставлена высокими скалистыми горами и считается хорошим охотничьим местом.

Между Харчинкиной падью и Синь-Квандагоу, среди скал и осыпей, держатся горалы, имеющие по внешнему виду сходство с козлами. Животные эти относятся к антилопам, имеют размеры: в длину около 2 м и в высоту до 0,8 м. Шерсть их грязно-серо-желтого цвета, морда, спина и хвост — темно-бурые, горло и брюхо — белесоватые. На шее волосы несколько длиннее и образуют небольшую гриву; голова украшена небольшими, загнутыми назад рожками. В Уссурийском крае область распространения горала доходит до реки Имана включительно и в прибрежном районе — до бухты Терней (река

Кудяхе). Живут они небольшими табунами в таких местах, где с одной стороны есть хвойно-смешанный лес, а с другой – неприступные скалы. День горал проводит в лесу, а ночью спускается в долину для утоления жажды. При малейшем признаке опасности он сейчас же перебегает на скалистую сторону сопки. Зная это, охотники делятся на 2 группы. Одни из них заходят в лес, а другие караулят животных в камнях. Вследствие того что горалы привязаны к определенным местам, которые хорошо известны зверопромышленникам, надо считать, что им грозит опасность уничтожения.

Часов в 10 утра мы увидели на тропе следы колес. Я думал, что скоро мы выйдем на дорогу, но провожавший нас китаец объяснил, что люди сюда заезжают только осенью и зимой на охоту и что настоящая колесная дорога начнется только от устья реки Эрлдагоу.

Лошади сильно истомились: они еле передвигали ноги и шатались. Пришлось сделать привал. Воспользовавшись этим, я поднялся на небольшую сопку, чтобы ориентироваться.

Общее направление реки Вай-Фудзина юго-восточное. В одном месте она делает излом к югу, но затем выпрямляется вновь и уже

сохраняет это направление до самого моря. На западе ясно виднелся Сихотэ-Алинь. Я ожидал увидеть громаду гор и причудливые острые вершины, но передо мной был ровный хребет с плоским гребнем и постепенным переходом от куполообразных вершин к широким седловинам. Время и вода сделали свое дело.

Долина Вай-Фудзина будет продольная, хотя из направлений ее притоков, текущих параллельно берегу моря и хребту Сихотэ-Алиня, как будто немного намечается денудационный характер.

Восточные предгорья Сихотэ-Алиня слагаются из гранитов,

сиенитов и кварцевого порфира. Этот последний, встреченный нами еще по ту сторону водораздела, тянулся и теперь.

Высокие древне-черные террасы с левой стороны Вай-Фудзина, с массивным основанием (тоже из кварцевого порфира), особенно резко выступают близ устья Харчинкиной пади.

Через 1,5 часа я вернулся и стал будить своих спутников. Стрелки и казаки проснулись усталые; сон их не подкрепил. Они обулись и пошли за конями. Лошади не убегали от людей, послушно позволили надеть на себя недоуздки и с равнодушным видом пошли за казаками.

Китаец говорил, что если мы будем идти целый день, то к вечеру дойдем до земледельческих фанз. Действительно, в сумерки мы дошли до устья Эрлдагоу (вторая большая падь). Это чрезвычайно порожистая и быстрая река. Она течет с юго-запада к северо-востоку и на пути своем прорезает мощные порфиновые пласты. Некоторые из порогов ее имеют вид настоящих водопадов. Окрестные горы слагаются из роговика и кварцита. Отсюда до моря около 78 км.

На другой стороне реки, под сенью огромных вязов, стояла китайская фанза. Мы обрадовались ей так, как будто это была

первоклассная гостиница. Узнав, что мы последние 2 дня ничего не ели, гостеприимные китайцы стали торопливо готовить ужин. Лепешки на бобовом масле и чумизная каша с солеными овощами показались нам вкуснее самых изысканных городских блюд. По молчаливому соглашению мы решили остаться здесь ночевать. Китайцы убрали свои постели и предоставили нам большую часть канов. Последние были сильно нагреты, но мы предпочли лучше мучиться от жары, чем страдать от гнуса.

От множества сбившихся людей в фанзе стояла духота, которая увеличивалась еще оттого, что все

окна в ней были завешены одеялами. Я оделся и вышел на улицу.

Ночь была тихая, теплая, как раз такая, какую любят ночные насекомые. То, что я увидел, так поразило меня, что я совершенно забыл про мошек и глядел, как очарованный. Весь воздух был наполнен мигающими синеватыми искрами. Это были светляки. Свет, испускаемый ими, был прерывистый и длился каждый раз не более одной секунды. Следя за одной такой искрой, можно было проследить полет каждого отдельного насекомого. Светляки эти появляются не сразу, а постепенно, поодиночке. Рассказывают, что

переселенцы из России, увидев впервые такой мигающий свет, стреляли в него из ружей и в страхе убегали. Теперь это не были одиночные насекомые, их были тысячи тысяч, миллионы. Они летали в траве, низко над землей, реяли в кустах и носились вверху над деревьями. Мигали насекомые, мерцали и звезды. Это была какая-то пляска света. Вдруг вспыхнула яркая молния и разом озарила всю землю. Огромный метеор с длинным хвостом пронесся по небу. Через мгновение болид рассыпался на тысячу искр и упал где-то за горами. Свет погас. Как по мановению волшебного жезла, исчезли

фосфоресцирующие насекомые. Прошло 2—3 минуты, и вдруг в кустах вспыхнул один огонек, за ним другой, десятый, и еще через полминуты в воздухе опять закружились тысячами светящиеся эльфы.

Как ни прекрасна была эта ночь, как ни величественны были явления светящихся насекомых и падающего метеора, но долго оставаться на улице было нельзя. Мошкара облепила мне шею, руки, лицо и набила в волосы. Я вернулся в фанзу и лег на кан. Усталость взяла свое, и я заснул.

На другой день назначена была дневка. Надо было дать отдохнуть и людям и лошадям. За последние дни

все так утомились, что нуждались в более продолжительном отдыхе, чем ночной сон. Молодой китаец, провожавший нас через Сихотэ-Алинь, сделал необходимые закупки и рано утром выступил в обратный путь.

Вчера мы до того были утомлены, что далее не осмотрелись как следует, было не до наблюдений. Только сегодня, после сытного завтрака, я решил сделать прогулку по окрестностям. В средней части долина реки Аввакумовки шириной около 0,5 км. С правой стороны ее тянутся двойные террасы, с левой — скалистые сопки, состоящие из трахитов, конгломератов и брекчий.

Около террас можно видеть длинное болото. Это место, где раньше проходила река. Во время какого-то большого наводнения она проложила себе новое русло.

Из пернатых я здесь видел восточносибирских жаворонков. На побережье моря была еще весна, и потому их звонкое пение несло отовсюду. Они то опускались к земле, то опять подымались высоко на воздух. Около ивняков кружился уссурийский малый дятел — действительно маленький, но так же пестро окрашенный, как и другие его сородичи. Между листвой кое-где мелькали японские пеночки-непоседы. Они все время были в

движении, одновременно и веселились и охотились за насекомыми. По сторонам дороги, в кустах, мелькали зеленые овсянки. В сообществе с полевыми воробьями они клевали конский навоз и купались в пыли. Кроме того, в прибрежном районе водятся уссурийский перепел и уссурийский фазан. Первая птица весьма похожа на куропатку и держится по долинам рек в местах равнинных. Моя собака выгнала двух перепелок. Они с криком поднялись у ней из-под самого носа. Отлетев шагов двести, перепелки опять спустились в траву. На возвратном пути я видел двух фазанов. Когда петух поднимается из

кустарников, он сперва взлетает кверху на 3 м и при этом неистово кричит. Крик его немного похож на крик обыкновенного петуха, когда последний чего-нибудь испугается. В другом месте собака выгнала курицу с цыплятами. По фазану собака редко делает твердую стойку. Она ложится и начинает ползти на брюхе, иногда замедляя, иногда прибавляя шаг. Испуганная птица прежде всего старается спастись бегством; она хитрит, путает следы и часто возвращается назад. Потеряв след, собака начинает бросаться в стороны. Этим моментом фазан пользуется и взлетает на воздух. Курица всегда подымается молча и

летит дальше, чем петух. Но в данном случае она вела себя иначе: летела лениво, медленно и низко над землей, летела не по прямой линии, а по окружности, так что собака едва не хватала ее за хвост зубами. Я сразу понял, в чем дело. У фазанухи были цыплята, и она старалась отвести от них собаку.

Я взял свою Альпу за поводок и пошел назад. Китайцы уже приготовили обед и ждали моего возвращения.

Когда мы пили чай, в фанзу пришел еще какой-то китаец. За спиной у него была тяжелая котомка; загорелое лицо, изношенная обувь, изорванная одежда и закопченный

котелок свидетельствовали о том, что он совершил длинный путь. Пришедший снял котомку и сел на кан. Хозяин тотчас же стал за ним ухаживать. Прежде всего он подал ему свой кисет с табаком.

— Кто это? — спросил я хозяина.

— Прохожий, — отвечал он.

— Знакомый тебе?

— Нет, — отвечал он и затем обратился к повару с приказанием приготовить для путника обед.

Пока пришедший курил табак, китайцы расспрашивали его о новостях. Он охотно рассказывал им то, что случилось в тех местах, откуда он прибыл, и что он видел по дороге. Оказалось, что китаец идет с

Ното и держит путь на реку Псухун. Вечером, во время ужина, манзы, прежде чем самим сесть за стол, пригласили гостя. Все китайцы наперерыв старались ему услужить. Едва его чашка опорожнялась, как тотчас ее наполняли снова. Потом гостю отвели лучшее место на кане и дали 2 одеяла: одно – для подстилки, другое – под голову, вместо подушки. Прохожий остался в этой фанзе на весь следующий день для отдыха.

У местного манзовского населения сильно развито внимание к путнику. Всякий прохожий может бесплатно прожить в чужой фанзе 3 суток, но если он останется дольше, то должен работать или уплачивать

деньги за харчи по общей раскладке.

На следующий день, 19 июня, мы распрощались с гостеприимными китайцами и пошли дальше. Отсюда начиналась колесная дорога. Чтобы облегчить спины лошадей, я нанял 2 подводы.

В нижнем течении долина Вай-Фудзина очень живописна. Утесы с правой стороны имеют причудливые очертания и похожи на людей, замки, минареты и т.д. С левой стороны опять потянулись высокие двойные террасы из глинистых сланцев, постепенно переходящие на севере в горы.

Здесь есть один только небольшой приток — Касафунова

падь, которую местные китайцы называют Чамигоузой^[85]. Она длиной около 15 км и имеет направление течения сперва на юго-восток, а потом на юг. Правый край Касафуновой долины нагорный, левый – пологий, слегка холмистый. Долина эта узкая и расширяется только в среднем течении, там, где в нее впадает речка Грушевая. Если идти вверх по реке, то с правой стороны видны какие-то карнизы, которые дальше переходят в широкие террасы. Окрестные горы покрыты лиственным редколесьем дровяного характера.

В 18 км от моря видны обнажения известняков.

Немного ниже Касафуновой пади в Вай-Фудзин с правой стороны впадают 2 реки – Сандагоу и Лисягоу^[86]. Последняя берет начало с Тазовской горы, о которой речь будет ниже. Верховья реки Сандагоу слагаются из множества горных ручьев, стекающих по узким распадинам. Раньше здесь были большие леса, изобилующие зверем, но лесные пожары в значительной степени обесценили это охотничье эльдорадо. Колесная дорога, проложенная китайцами по долине Вай-Фудзина, дважды проходит по реке вброд, что является большим препятствием для сообщений во время наводнения. Чтобы избежать

этих бродов, надо идти по тропе. Она начинается около террас, с левой стороны долина подымается в гору и идет по карнизу. Здесь тропа на протяжении 300 м буквально висит над пропастью.

40 лет тому назад на террасах около устья реки Касафуновой жили тазы-удэгейцы. Большею частью они вымерли от оспенной эпидемии в 1881 году.

Удэгейцы эти на охоту ходили всегда на Тазовскую гору, командующую над всеми окрестными высотами, отчего она и получила свое настоящее название.

По всей долине Вай-Фудзина, от устья Эрлдагоу до Тазовской горы,

разбросаны многочисленные фанзы. Обитатели их занимаются летом земледелием и морскими промыслами, а зимой соболеванием и охотой.

Самым большим притоком Вай-Фудзина будет река Арзамасовка. Она впадает в него с левой стороны. Немного выше устья Арзамасовки, на возвышенном месте, расположился маленький русский поселок Веткино.

В 1906 году в деревне этой жило всего только 4 семьи. Жители ее были первыми переселенцами из России. Какой-то особенный отпечаток носила на себе эта деревушка. Старенькие, но

чистенькие домики глядели уютно; крестьяне были веселые, добродушные. Они нас приветливо встретили.

Вечером собрались старики. Они рассказывали о том, сколько бедствий им пришлось претерпеть на чужой земле в первые годы переселения. Привезли их сюда в 1859 году и высадили в заливе Ольги, предоставив самим устраиваться кто как может и кто как умеет. Сначала они поселились в одном километре от бухты и образовали небольшой поселок Новинку. Скоро крестьяне заметили, что, чем дальше от моря, тем туманов бывает меньше. Тогда они перекочевали в долину Вай-

Фудзина. В 1906 году в Новинке жил только один человек. Места, где раньше были крестьянские дома, видны и по сие время.

Но и на новых местах их ожидали невзгоды. По неопытности они посеяли хлеб внизу, в долине; первым же наводнением его смыло, вторым — унесло все сено; тигры поели весь скот и стали нападать на людей. Ружье у крестьян было только одно, да и то пистонное. Чтобы не умереть с голода, они нанялись в работники к китайцам с поденной платой 400 г чумизы в день. Расчет производили раз в месяц, и чумизу ту за 68 км должны были доставлять на себе в котомках.

Старики долго не могли привыкнуть к новым местам. У них были еще живы воспоминания о родине; зато молодежь скоро приспособилась: из них выработались великолепные стрелки и отличные охотники. Быстрое течение в реках их уже не пугало; скоро они начали плавать по морю. Для европейской России охота на медведя в одиночку считается геройским подвигом. Здесь же каждый юноша бьет медведя один на один. Некрасов воспел крестьянина, который убил 40 медведей, а здесь были братья Пятышкины и Мякишевы, из которых каждый в одиночку убил более 70 медведей.

Затем следуют Силины и Воровы, которые убили по нескольку тигров и потеряли счет убитым медведям. Один раз они задумали связать медведя так, ради забавы, и чуть за это не заплатились жизнью. Каждый из этих охотников носил на себе следы тигровых зубов и кабаньих клыков; каждый не раз видел смерть лицом к лицу.

Фудзинские крестьяне серьезно относятся к охоте. Они не только бьют зверя, но и заботятся о его сохранности. Факт этот знаменателен. Крестьяне собрались и на сходе порешили не трогать самок, телят и не бить самцов во время гона. Кроме того, они сами

отвели заказник, сами установили границы его и дали друг другу зарок там не охотиться. Вновь прибывший элемент из России не пожелал с этим считаться и начал хищничать. Та как заказник возник по частной инициативе и находился на казенной земле, то привлекать виновников к ответственности они не могли. Этим воспользовались браконьеры, и благое начинание фудзинских крестьян окончилось ничем.

Ценность пантов в Ольгинском районе доходит до 1200 рублей пара. В деревне Пермской у крестьянина Пятышкина я видел панты высотой в 52 см и толщиной в 22 см (расстояние между рогами у

основания равнялось 8 см); на концах они только что начали разветвляться; вес их был 4,4 кг. Панты эти были проданы по очень низкой цене – за 870 рублей. По словам братьев Пятышкиных, в 1905 году от продажи четырех пар пантов они выручили 2200 рублей. Во время этих рассказов в избу вошел какой-то человек. На вид ему было 45 лет. Он был среднего роста, сухощавый, с небольшой бородой и с длинными волосами. Вошедший поклонился, виновато улыбнулся и сел в углу.

– Кто это? – спросил Гранатман.

– Кашлев – Тигриная Смерть, –

отвечало несколько голосов.

Мы стали его расспрашивать, но

он оказался не из разговорчивых. Посидев немного, Кашлев встал.

– Убить зверя нетрудно, ничего хитрого тут нет, хитро его только увидеть, – сказал он, затем надел свою шапку и вышел на улицу.

О Кашлеве мы кое-что узнали от других крестьян. Прозвище Тигриная Смерть он получил оттого, что в своей жизни больше всех перебил тигров. Никто лучше его не мог выследить зверя. По тайге Кашлев бродил всегда один, ночевал под открытым небом и часто без огня. Никто не знал, куда он уходил и когда возвращался обратно. Это настоящий лесной скиталец. На реке Сандагоу он нашел утес, около которого всегда

проходят тигры. Тут он их и караулил.

Среди крестьян были и такие, которые ловили тигров живыми. При этом никаких клеток и западней не ставилось. Тигров они ловили руками и связывали веревками. Найдя свежий след тигрицы с годовалыми тигрятами, они пускали много собак и с криками начинали стрелять в воздух. От такого шума тигры разбегались в разные стороны. Для такой охоты нужны смелость, ловкость и отвага.

Беседы наши затянулись. Это было так интересно, что мы готовы были слушать до утра. В полночь крестьяне стали расходиться по своим домам.

На другой день мы отправились в село Пермское, расположенное на 4 км ниже Фудзина.

Экономическое благосостояние пермских крестьян не оставляет желать ничего лучшего. Село это можно было назвать образцовым во всех отношениях. На добровольные пожертвования они построили у себя в деревне школу. У ребятишек было много книг по природоведению и географии России. Все крестьяне достаточно начитанны и развиты; некоторые из них интересовались техникой, применяя ее у себя в хозяйстве. Кабака в селе Пермском не было. При нас один новосел позволил себе выругаться площадной

бранью. Надо было видеть, какую проборку задали ему старожилы. Все пермские крестьяне такие же разумные охотники, как и фудзинцы. Жили пермские крестьяне безбедно, долгов не имели и были вполне довольны своею судьбой.

Земля в долине Вай-Фудзина весьма плодородна. Крестьяне не помнят ни одного неурожайного года, несмотря на то, что в течение 40 лет пашут без удобрения на одних и тех же местах.

В период летних дождей вода, стекающая с окрестных гор, переполняет реку и разливается по долине. Самые большие наводнения происходят в нижнем течении Вай-

Фудзина, там, где река принимает в себя сразу два притока: Сыдагоу — справа и Арзамасовку — слева. По словам пермцев, умеренные наводнения не только не приносят вреда, но, наоборот, даже полезны, так как после них на земле остается плодородный ил. Большие же наводнения совершенно смывают пашни и приносят непоправимый вред.

От устья реки Сыдагоу долина Вай-Фудзина сразу расширяется. Отсюда видно уже море.

От села Пермского дорога идет сначала около левого края долины у подножия террасы, а затем отклоняется вправо и постепенно

подходит к реке. Здесь растет редкий лес дровяного характера, состоящий из низкорослой черной березы, дуба, японской ольхи со спирально скрученным стволом и ольгинской лиственницы. Песчаная почва сверху покрыта тонким слоем наносного ила, поросшего травой. Где только дерновый слой подвергся уничтожению, оголились пески. Вследствие этого дорога между селом Пермским и берегом моря считается тяжелой.

Выйдя на почтовый тракт, я кончил съемку, отдал планшет сопровождавшему меня стрелку и взял ружье. Несмотря на пройденный длинный путь, моя собака все время

бегала по кустам, выискивая птиц. Один раз она сделала стойку по слуху. Я подошел к ней. Она прыгнула в заросли, что-то схватила зубами, потрясла головой и бросила в сторону. Это оказалась маньчжурская полевая мышь, весьма распространенная по всему краю. Величиной она с обыкновенную домашнюю мышь, но с буро-желтой окраской и с белыми лапками. Эта мышь не так подвижна, как домашняя, и поэтому легко становится добычей хищных птиц. Кормом ей служат различные семена растений, дубовые желуди и корни трав. Забрав мертвую мышь как охотничий трофей, я пошел дальше

по дороге.

На половине пути между селом Пермским и постом Ольги с левой стороны высится скала, называемая местными жителями Чертовым утесом. Еще 15 минут ходу, и вы подходите к морю. Читатель поймет то радостное настроение, которое нас охватило. Мы сели на камни и с наслаждением стали смотреть, как бьются волны о берег.

Наш путь был окончен.

Из морского песку здесь образовались дюны, заросшие шиповником, травой и низкорослыми дубками, похожими скорее на кустарники, чем на деревья. Там, где наружный покров

дюн был нарушен, пески пришли в движение и погребли под собой все, что встретилось на пути.

В пост Ольги мы прибыли 21 июня и разместились по квартирам. Все наши грузы шли на пароходе морем. В ожидании их я решил заняться обследованием окрестностей.

Глава 14

Залив Ольги

История залива. — Тихая пристань. — Пост Ольги. — Крестовая гора. — Манза-золотоискатель. — Птицы. — Тигр на вершине хребта. — Лишайи и мхи. — Гольцы. — Поиски. — Лед подземный. — Истоки реки Сандагоу. — Пятнистые олени

Залив Ольги (43° с. ш. и 152° 57' в. д. от о. Ферро) открыт французским мореплавателем Лаперузом в 1787 году и тогда был назван портом Сеймура. Во время

крымской кампании несколько английских судов преследовали русский военный корабль. Пользуясь туманом, судно укрылось в какую-то бухту. Англичане потеряли его из виду и ушли ни с чем. Та к как это случилось 11 июля, в день Ольги, то решили залив своего спасения назвать ее именем. В память избавления своего от врага они поставили крест на высокой горе, которая с той поры стала называться Крестовою.

При входе в залив Ольги справа высится одинокая скала, названная моряками островом Чихачева. На этой скале поставлена сигнальная башня, указывающая судам место

входа. Но так как летом в этой части побережья почти все время стоят туманы, то она является совершенно бесполезной, ибо с моря ее все равно не видно.

Залив Ольги закрыт с трех сторон; он имеет 3 км в длину, столько же в ширину и в глубину около 25 м. Зимой он замерзает на 3 месяца только с северной стороны. Северо-восточная часть залива образует еще особую бухту, называемую местными жителями Тихою пристанью. Эта бухта соединяется с большим заливом узким проходом и замерзает на более продолжительное время. Тихая пристань (глубиною посредине 10—

12 м, длиною с километр и шириною 500 м) постепенно заполняется наносами реки Ольги.

На восточном берегу залива находится китайский поселок Ши-мынь^[87], называемый русскими Кошкой. Раньше поселок этот был главным китайским торговым пунктом в Уссурийском крае. Ежегодно сюда приходило до сотни шаланд с товарами из Хунчуна. Охотники с реки Уссури доставляли в Ши-мынь соболиные меха, ценные панты и дорогой женьшень. Дары тайги выменивались на продукты морского промысла. С 1901 года, после китайских беспорядков в Маньчжурии, жизнь в поселке стала

замирать. По длинному ряду бараков, расположенных на берегу моря для склада товаров и разного сырья, можно судить о размерах торговых оборотов китайцев в заливе Ольги.

В самом углу залива находится русское селение, называвшееся ранее постом Ольги. Первой постройкой, которая появилась здесь в 1854 году, была матросская казарма. В 1878 году сюда приехали лесничий и фельдшер, а до того времени местный пристав исполнял их обязанности: он был и учителем, и врачом, чинил суд и расправу.

В 1906 году в посту Ольги была небольшая деревянная церковь, переселенческая больница, почтово-

телеграфная станция и несколько мелочных лавок. В настоящее время пост Ольги не деревня и не село. Ольгинцы в большинстве случаев были разночинцы и запасные солдаты, арендовавшие землю в казне. Никто не занимался ни огородничеством, ни хлебопашеством, никто не сеял, не жал и не собирал в житницы, но все строили дома, хотя бы и в долг; все надеялись на то, что пост Ольги в конце концов будет городом и захваченная земля перейдет в собственность, после чего ее можно будет выгодно продать.

Русско-японская война тяжело отразилась на этом маленьком

русском поселке, отрезанном бездорожьем от других жилых мест Уссурийского края. Предметов первой необходимости, как керосин, свечи, мыло, чай и сахар, нельзя было достать ни за какие деньги. Да и теперь еще население его, в ожидании лучших дней, перебивается с хлеба на квас. Некоторые жители не живут в посту Ольги, а уехали во Владивосток. Много домов брошено и заколочено досками. Домовладельцы радостно-радешеньки сдать кому-нибудь свои постройки не только в аренду, но даже в бесплатное пользование, лишь бы кто-нибудь охранял их от расхищения.

Около поста есть старинное кладбище, совершенно запущенное. Через несколько лет оно будет совсем утеряно. На нем похоронили в 1860 году матросов, умерших от цинги.

Другой

достопримечательностью поста была маленькая чугунная пушка на неподвижном деревянном лафете. Я видел ее в полном пренебрежении на площади около дома лесничего. По рассказам старожилов, она привезена была в пост Ольги для того, чтобы во время тумана подавать сигналы кораблям, находящимся в открытом море.

В заключение еще остается

сказать несколько слов об одном местном обывателе, весьма способствовавшем процветанию этого уголка далекой русской окраины. Я говорю о крестьянине И.А. Пятышине. Обремененный большой семьей, этот удивительный труженик вечно находился в работе, вечно о чем-нибудь хлопотал. Сперва Пятышин открыл в посту Ольги торговлю, но, будучи по характеру добрым и доверчивым человеком, роздал в кредит весь свой товар и разорился. Потом он занялся рыболовством, но вода унесла у него невода. Тогда он стал добывать морскую капусту, но рабочие-китайцы, забрав вперед задатки,

разбежались. После этого он взялся за лесное дело — наводнение унесло у него весь лес. Пятышин собрал все свои остатки и начал строить кирпичный завод, но кирпич не нашел сбыта; ломку мрамора постигла та же участь; не пошло в ход также и выжигание извести. Последнее дело, которым неудачно занимался Пятышин, — это подрядная постройка домов и разбивка улиц в посту Ольги. Другой на его месте давно опустил бы руки и впал в отчаяние, но он не упал духом и вновь занялся рыбной ловлей. Ни на кого он не жаловался, винил только судьбу и продолжал с нею бороться. Много неимущих переселенцев

находило заработок у Пятышина, много личного труда и денежных средств он вложил в устройство поста Ольги. К сожалению, в свое время он ниоткуда не получал поддержки, бросил все, перекочевал на реку Нельму, где и умер.

Первые два дня мы отдыхали и ничего не делали. В это время за П.К. Рутковским пришел из Владивостока миноносец «Бесшумный». Вечером П.К. Рутковский распрощался с нами и перешел на судно. На другой день на рассвете миноносец ушел в море. П.К. Рутковский оставил по себе в отряде самые лучшие воспоминания, и мы долго не могли привыкнуть к тому, что его нет более с нами.

Первая моя экскурсия в окрестностях залива Ольги была на гору Крестовую.

Крест, о котором говорилось выше, еще стоял на месте, но уже покачнулся. В него была врезана металлическая доска с надписью. Теперь ее нет. Осталось только гнездо и следы гвоздей.

С Крестовой горы можно было хорошо рассмотреть все окрестности. В одну сторону шла широкая долина Вай-Фудзина. Вследствие того что около реки Сандагоу она делает излом, конца ее не видно. Сихотэ-Алинь заслоняли теперь другие горы. К северо-западу протянулась река Арзамасовка. Она

загибала на север и терялась где-то в горах. Продолжением бухты Тихой пристани является живописная долина реки Ольги, текущей параллельно берегу моря.

Горы в окрестностях залива невысоки, но выражены весьма резко и большею частью состоят из серого гранита, кварцевого порфира, песчаника, роговика, аркоза и зеленой яшмы, в которой в разных направлениях проходят тонкие кварцевые прожилки. В окрестностях найдено много железных, медных и серебро-свинцовых руд.

Большинство сопок покрыто осыпями, являющимися результатом

разрушения горных пород
деятельностью атмосферных
агентов. Образование этих осыпей
можно проследить с момента
появления трещины в скалах до
рассыпания их на мелкие обломки.
Если молотом ударить по такой
глыбе или с силою бросить ее о
землю, она разобьется по трещинам,
по которым внутрь проникала вода.
И сколько бы ни разбивать эти камни
на еще более мелкие обломки, они
нигде не дадут свежих изломов. В
посту Ольги я познакомился с Б.Н.
Буниным, знатоком
Южноуссурийского края,
исходившим его вдоль и поперек. В
1901 году он был тяжело ранен

хунхузами из фальконета и после этого стал прихрамывать на одну ногу.

Однажды он отправился в горы по своим делам и пригласил меня с собою. 24 июня рано утром мы выехали с ним на лодке, миновав Мраморный мыс, высадились на берегу против острова Чихачева. Эта экскурсия дала мне возможность хорошо ознакомиться с заливом Ольги и устьем Вай-Фудзина.

Вдоль берега моря и параллельно ему тянутся рядами болота и длинные озерки, отделенные друг от друга песчаными валами. Чем ближе к берегу моря, тем валы эти свежее и выражены

резче. По ним грядами растут кустарниковая ольха с коротковолосистыми ветвями и слегка опущенными листьями и березолистный таволожник — маленький кустарник с бледно-розовыми цветами. Во многих местах от валов уже не осталось следа, и только растительность указывает бывшее их направление. Произведенные в некоторых местах раскопки дали обломки морских раковин. Здесь над приростом суши трудились одновременно и река и море. Первая приносила готовый материал, второе складывало его в валы. Ныне в низовьях реки образовалось много островов. Они

только что вышли из воды, состоят из чистого песка и еще не успели зарости травой.

Геологу рисуется картина далекого прошлого. Залив Ольги имел совсем не такой вид, какой он имеет теперь. Он был в 3 раза больше и далеко вдавался в сушу в западном направлении. Со стороны моря ясно видны границы древнего залива, в который самостоятельно впадали Вай-Фудзин, Сыдагоу и Арзамасовка. Заболоченность нижней части долины Аввакумовки, протоки, озерки, слепые рукава, соединяющиеся с морем, тоже указывают на это. Около устья течение реки почти незаметно. Даже

наоборот, при свежем восточном ветре и во время приливов замечается обратное движение воды. На Чертовом утесе можно видеть следы морского прибоя. Этот безмолвный свидетель говорит нам о том, что когда-то и он был омываем волнами Великого океана.

Сколько понадобилось веков для того, чтобы разрушить твердую горную породу и превратить ее в песок! Сколько понадобилось времени, чтобы песчинка за песчинкой заполнить залив и вытеснить морскую воду! Немалое участие в заполнении долины принимал и плавниковый лес. Тысячами кряжин и пней завалено

русло реки и острова. Стволы деревьев сейчас же заносятся песком; на поверхности остаются торчать только сучья и корни. Мало-помалу погребаются и они. Каждое новое наводнение приносит новый бурелом и накладывает его сверху, потом опять заносит песком и т.д. Так отступает океан, нарастает суша, и настанет время, когда Вай-Фудзин будет впадать не в залив Ольги, а непосредственно в море.

Мы высадились на южном берегу залива в 10 часов утра, лодку отправили назад, а сами пошли в горы. По дороге к нам присоединился китаец — искатель золота. У него в котомке была

железная лопата без черенка, деревянный лоток для промывания песка и облегченный заступ с короткой рукояткой. Китаец этот был средних лет, худой, с рябоватым лицом, в соломенной шляпе. Он охотно отвечал на задаваемые ему вопросы. Это дало мне возможность познакомиться с китайскими приемами золотоискательства. Прежде всего он старался найти такую речку, против которой в море есть остров. Это верный признак, что в долине будет золото. Подымаясь вверх по реке, он искал такой приток, чтобы против устья его была отвесная скала, причем направление новой долины должно

быть строго перпендикулярно к плоскости скалы и не меньше как в 2 км длиною. Если это расстояние было короче или если долина шла не совсем под прямым углом к скале, она не годилась. Манза все время шел впереди и выискивал все новые и новые притоки, причем протяжение их сокращалось от двух километров до одного, потом до полукилометра и т.д. Последний ключик имел 200 м длины. Китаец остановился и сказал, что тут надо искать золото. Он стал рассматривать в ручье гальку и песок. То и другое, видимо, его удовлетворило, и он решил остаться здесь для разведок. Многие объяснения его для меня были

непонятны. Так, например, он говорил, что есть люди, которые умеют чувствовать присутствие золота в земле, к числу их он присоединял и себя.

В топографическом отношении местность, по которой мы теперь шли, представляла собою сильно размытые горы с пологими скатами. Кое-где торчали скалы, находящиеся в последней стадии разрушения; большинство их превратилось уже в осыпи.

Характер растительности был тот же самый, что и около поста Ольги. Дуб, береза, липа, бархат, тополь, ясень и ива росли то группами, то в одиночку. Различные

кустарники, главным образом, леспедеца, калина и таволга, опутанные виноградом и полевым горошком, делали некоторые места положительно непроходимыми, в особенности если к ним еще примешивалось чертово дерево. Идти по таким кустарникам в жаркий день очень трудно. Единственная отрада — ручьи с холодной водою.

В полдень мы дошли до водораздела. Солнце стояло на небе и заливало землю своими палящими лучами. Жара стояла невыносимая. Даже в тени нельзя было найти прохлады. Отдохнув немного на горе, мы стали спускаться к ручью на

запад. Расстилавшаяся перед нами картина была довольно однообразна. Куда ни взглянешь, всюду холмы и всюду одна и та же растительность.

Над землею висел раскаленный воздух, насыщенный влагою. Деревья и кусты поникли листвой и казались безжизненными.

За весь день мы не видели: ни одного животного, хотя козьих и оленьих следов попадалось много. В пути я не упускал случая делать заметки по орнитологии.

Прежде всего упомяну о зеленом дятле с красною головою. Говорят, что он ходит по земле довольно хорошо. Проворный, пугливый и крикливый, он по ухваткам походит

на своих пестрых собратьев. Затем тут были маньчжурские жаворонки, голоса их слышны были повсюду. Некоторые птицы выпархивали у нас из-под ног и, отлетев немного, садились опять на землю. Казалось, на них жара не действовала совсем; они высоко подымались к небу и звонким пением оглашали окрестности. В низине из кочковой болотники собаки выгнали несколько куличков. Я убил одного из них. Это оказался восточносибирский бекас. В другом месте из чащи вылетел красивый длинноносый дупель. На поваленных деревьях и на пнях кое-где встречались японские коньки. Они

проворно бегали по земле и грелись на солнышке. При приближении людей они не улетали, а ловко скрывались в кустах и появлялись только тогда, когда убеждались, что опасность миновала. Судя по тому, что здесь было много мелких птиц, можно было допустить присутствие малого перепелятника. И действительно, одного такого ястреба я вспугнул из травы, что было очень странно, так как ноги его совсем не приспособлены к хождению по земле. Быть может, эти хищники из опыта знали, что вид их, сидящих на сухостойных деревьях, пугает мелких птиц, тогда как, спрятавшись в траве, они скорее могут рассчитывать на

добычу.

День близился к концу. Солнце клонилось на запад, от деревьев по земле протянулись длинные тени. Надо было становиться на ночь. Выбрав место, где есть вода, мы стали устраивать бивак.

Вечером я долго сидел с Б.Н. Буниным у огня. Он рассказывал мне о своих путешествиях, о хунхузах, об охоте и т.д. Наконец я почувствовал, что сон начинает овладевать мною.

Я лег к огню, завернулся в бурку и скоро уснул.

На следующий день мы расстались с золотоискателем. Он пошел назад к перевалу, а мы направились к реке Сыдагоу и оттуда

обратно в пост Ольги.

26 числа небо начало хмуриться. Порывистый ветер гнал тучи в густой туман. Это был плохой признак. Ночью пошел дождь с ветром, который не прекращался подряд 3 суток. 28-го числа разразилась сильная буря с проливным дождем. Вода стекала с гор стремительными потоками; реки переполнились и вышли из берегов; сообщение поста Ольги с соседними селениями прекратилось.

В ожидании парохода, который должен был привезти наши грузы, я решил отправиться в обследование реки Сыдагоу и наметил такой маршрут: перевалить через

водораздел около Тазовской горы, спуститься по реке Сандагоу и опять выйти на реку Вай-Фудзин. На выполнение этого маршрута потребовалось 6 суток.

1 июля прошло в сборах. Лошадей я оставил дома на отдыхе, из людей взял с собою только Загурского и Туртыгина. Вещи свои мы должны были нести на себе в котомках.

Утром после бури еще моросил мелкий дождь. В полдень ветер разорвал туманную завесу, выглянуло солнце, и вдруг все ожило: земной мир сделался прекрасен. Камни, деревья, трава, дорога приняли праздничный вид; в кустах запели

птицы; в воздухе появились насекомые, и даже шум воды, сбегаящей пенистыми каскадами с гор, стал ликующим и веселым.

Через Вай-Фудзин мы переправились верхом на лошадях и затем пошли по почтовому тракту, соединяющему пост Ольги с селом Владимиро-Александровским на реке Сучане.

Река Сыдагоу длиною 60 км. В верхней половине она течет параллельно Вай-Фудзину, затем поворачивает к востоку и впадает в него против села Пермского. Мы вышли как раз к тому месту, где Сыдагоу делает поворот. Река эта очень каменистая и порожистая.

Пермцы пробовали было по ней сплавлять лес, но он так сильно обивался о камни, что пришлось бросить это дело. Нижняя часть долины, где проходит почтовый тракт, открытая и удобная для земледелия, средняя – лесистая, а верхняя – голая и каменистая.

Лес на реке Сыдагоу растет девственный и величественный. Натуралист-ботаник отметил бы здесь, кроме кедра, ели, даурской березы и маньчжурского ореха, еще сибирскую лиственницу, растущую вместе с дубом и мелколистным кленом, «моно» – собственно, орочское название этого дерева; академик Максимович удержал его

как видовое. Среди таволги, леспедецы, орешника и калины здесь произрастали бородавчатая боярка с серою корою, редкими шипами и листьями, глубоко рассеченными, и пригнутый к земле черемушник, перепутанный с колючим элеутерококком. Обыкновенно древесные стволы служат опорой для ползучих растений, которые стремятся вверх к солнцу; они так сильно вдавливают свои стебли в кору деревьев, что образуют в ней глубокие рубцы.

Из таких вьющихся растений можно указать на уже знакомую коломикту и лимонник с запахом и вкусом, действительно

напоминающими лимон. В сырых местах росли папоротник, чистоуст с красным пушком на стеблях, что придает растению весьма эффектный вид, и целые заросли гигантского белокопытника. Листья его большие, раздельнозубчатые, сверху бледно-зеленые, внизу матово-бледные. Весной это самое лакомое блюдо медведей.

Как только мы вошли в лес, сразу попали на тропинку. После недавних дождей в лесу было довольно сыро. На грязи и на песке около реки всюду попадались многочисленные следы кабанов, оленей, изюбров, козуль, кабарожки, росомах, рысей и тигров. Мы

несколько раз подымали с лежки зверей, но в чаще их нельзя было стрелять. Один раз совсем близко от меня пробежал кабан. Это вышло так неожиданно, что, пока я снимал ружье с плеча и взводил курок, от него и след простыл.

В полдень тропа привела нас к китайской зверовой фанзе. Множество шкур, сложенных в амбаре, свидетельствовало о том, что обитатели ее занимаются охотой очень успешно. Фанза была новая, видимо недавно выстроенная. На крыше для просушки были растянуты две оленьи шкуры, а над дымокурком на веревочке висела медвежья желчь. Китайцы употребляют ее как

лекарство от трахомы. Для этого они разбавляют сухую желчь водою и тряпицей смачивают веки глаз. Медвежья желчь ценится от 2 до 5 рублей, в зависимости от ее размеров.

За день нам удалось пройти 22 км.

Лес на левом берегу кончился, и началась гарь^[88]. Горы, окаймляющие долину, состоят из диорита, сиенита, кварца, полевошпатового порфита, совершенно обезлесены и сплошь покрыты осыпями. Верховья Сыдагоу представляются в виде небольшой горной речки, в которую справа и слева впадает множество мелких

ручьев. Во время последнего наводнения вода размыва ложе реки шириной до 100 сажен. Все это пространство занесено песком и галькой. С правой стороны, там, где кончалась каменистая отмель, сразу начинался обрывистый берег. В обрыве его видно, что почва долины состоит из такой же гальки вперемешку с илом.

В одном месте река делала изгиб, русло ее проходило у противоположного берега, а с нашей стороны вытянулась длинная коса. На ней мы и расположились биваком; палатку поставили у края берегового обрыва лицом к реке и спиною к лесу, а впереди развели

большой огонь.

В этот день мне нездоровилось немного, и потому я не стал дожидаться ужина и лег спать. Во сне мне грезилось, будто бы я попал в капкан, и от этого сильно болели ноги. Когда я проснулся, было уже темно.

Осмотревшись, я понял причину своих снов. Обе собаки лежали у меня на ногах и смотрели на людей с таким видом, точно боялись, что их побьют. Я прогнал их. Они перебежали в другой угол палатки.

— Вот диво! — сказал Загурский. — Не хотят собаки идти наружу.

Поведение собак действительно

было странное. В особенности удивил меня Леший. Он всегда уходил в кусты и ложился где-нибудь за палаткой, а теперь жался к людям. Наконец мы собак выгнали, но не надолго. Через несколько минут они вновь пробрались в палатку и расположились около изголовьев.

В это время в лесу раздался какой-то шорох. Собаки подняли головы и насторожили уши. Я встал на ноги. Край палатки приходился мне как раз до подбородка. В лесу было тихо, и ничего подозрительного я не заметил. Мы сели ужинать. Вскоре опять повторился тот же шум, но сильнее и дальше в стороне. Тогда мы стали смотреть втроем, но в лесу,

как нарочно, снова воцарилась тишина. Это повторилось несколько раз кряду.

— Вероятно, мышь, — сказал Туртыгин.

— Или, может быть, заяц, — ответил Загурский.

Наконец все успокоились. После чаю стрелки стали уговариваться, поскольку часов они будут караулить ночью. Я отдохнул хорошо, спать мне не хотелось и потому предложил им лечь, а сам решил заняться дневником.

— Пошли вон! — прогоняли стрелки собак из палатки. Собаки вышли, немного посидели у огня, а затем снова полезли к людям. Леший

примостился в ногах у Туртыгина, а Альпа легла на мое место.

Ночь была такая тихая, что даже осины замерли и не трепетали листьями. В сонном воздухе слышались какие-то неясные звуки, точно кто-то вздыхал, шептался, где-то капала вода, чуть слышно трещали кузнечики. По темному небу, усеянному тысячами звезд, вспыхивали едва уловимые зарницы. Красные блики от костра неровно ложились по земле, и за границей их ночная тьма казалась еще чернее.

Я подложил дров в огонь и стал делать записи в дневнике. В это время обе собаки подняли головы и стали глухо ворчать. Я встал со своего

места, осмотрелся и хотя ничего не увидел, но зато услышал удаляющийся шорох. «Вероятно, барсук или енот», – подумал я и сел снова за работу. Прошло с полчаса. Вдруг я услышал, как в стороне, слева от бивака, посыпалась галька. Кто-то спускался с обрыва к реке. По моим расчетам, это было от нашего костра в 50 м, не более. Прикрыв рукою глаза от света, я стал усиленно смотреть на реку. Собаки выражали крайний испуг. Альпа забилась в самую глубь палатки. Вслед за тем я услышал, как кто-то осторожно шел по отмели. Под давлением чьей-то ноги галька раздавалась в стороны. Это не было копытное животное.

Изюбр или олень стучат сильнее ногами; это не могло быть и маленькое животное, потому что вес его тела был бы недостаточен для того, чтобы производить такой шум. Это было крупное животное, у которого большая и мягкая лапа. Бренчанье гальки удалялось по направлению к реке, и вдруг я увидел на краю отмели около воды какую-то длинную тень. «Тигр!» – мелькнуло у меня в голове. Не спуская глаз с зверя, я потянулся за ружьем, но, как на грех, оно не попадалось мне под руку. Дальше случилось что-то похожее на суматоху. Толкнув Загурского, я схватил винтовку. Стрелок спросонья толкнул собаку.

Альпа испугалась и бросилась в другую сторону и села на голову Туртыгину. В это мгновение я выстрелил. Животное, стоявшее на отмели, издало короткий отрывистый звук, похожий на храп, и бросилось в воду, затем быстро взобралось на противоположный берег и исчезло в кустах.

Сна как не бывало. На биваке поднялся шум. Голоса людей смешивались с лаем собак. Каждый старался рассказать, что он видел. Загурский говорил, что видел кабана, а Туртыгин спорил и доказывал, что это был медведь. Собаки отбегали от костра, лаяли, но тотчас же возвращались обратно. Только перед

рассветом они немного успокоились.

Через 2 часа темное небо начало синеть. Можно было уже рассмотреть противоположный берег и бурелом на реке, нанесенный водою. Мы пошли на то место, где видели зверя. На песке около воды были ясно видны отпечатки большой кошачьей лапы. Очевидно, тигр долго бродил около бивака с намерением чем-нибудь поживиться, но собаки почуяли его и забились в палатку.

Тигр, обитающий в Уссурийском крае, крупнее своего индийского собрата. Длина его тела равна 2,7–3 м, высота 1,2–1,5 м при весе в 250–300 кг. Окраска шерсти такая же пестрая, как и у южного тигра, но

встречаются иногда экземпляры бледно окрашенные, с редкими и тусклыми полосами. Тигр — животное чрезвычайно красивое. Основной цвет его шерсти ржаво-желтый, испещренный черными полосами. На груди, шее и передних лапах они расположены реже, а на спине и на задних ногах выражены особенно ярко. Голова пестрая, бакенбардов нет, брюхо белое. Такая окраска является для тигра вполне защитной. Когда он бежит по тайге, среди кустарников, лишенных листвы, черный, желтый и белый цвета сливаются, и зверь принимает однотонную буро-серую окраску. Осенью среди оранжево-красных

виноградников и сухих желтых папоротников, в которых есть немало почерневших старых листьев, тигра трудно увидеть даже на близком расстоянии. Возможно, что при более тщательных исследованиях длинношерстный тигр окажется родственником пещерного тигра, обитавшего когда-то в Европе. Тогда Уссурийский край можно считать его родиной. Животное это чрезвычайно любит залезать в пещеры. Летом мне часто приходилось видеть в них тигровые следы и перегрызенные кости. Тигр мало обращает внимания на климатические условия страны. Ему не страшны ни снег, ни холод. Он держится там, где гуще заросли и

где достаточно есть корма, главным образом коз, кабанов и оленей. В Уссурийском крае он обитает в южной части страны; на побережье моря граница его распространения доходит до мыса Гиляк. Затем он встречается по всей долине реки Уссури и ее притокам и по рекам Мухеню, Пихце, Анюю и Хунгари, впадающим в Амур с правой стороны. Одиночные экземпляры заходят еще дальше на восток и на север. Если корма достаточно, тигр не трогает домашний скот; только крайняя нужда заставляет его приближаться к селениям и нападать на человека. Особенно старательно тигры охотятся за со баками.

Я вспомнил Дерсу. Он говорил мне, что тигр не боится огня и смело подходит к биваку, если на нем тихо. Сегодня мы имели случай в этом убедиться. За утренним чаем мы еще раз говорили о ночной тревоге и затем стали собирать свои котомки.

Сразу с бивака мы повернули вправо и пошли по ключику в горы. Подъем был продолжительный и трудный. Чем выше мы подымались, тем растительность становилась скуднее. Лесные великаны теперь остались позади. Вместо них появились корявый дубок, маньчжурская рябина с голыми ветками и слабо опушенными листьями, желтая береза с мохнатой

корой, висящей по стволу
лохмотьями, рододендроны с
кожистыми, иногда зимующими
листьями и белая ясеница. Туртыгин
сел около одного куста и стал
закуривать трубку. Едва он чиркнул
спичку, как окружающие куст
эфирные масла вспыхнули с шумом
бесцветным пламенем. Это
понравилось стрелкам, и они стали
устраивать такие фейерверки около
каждого куста. Наконец я остановил
их, прося побережь спички. Если
непривычный человек в
безветренный жаркий день попадет в
заросли этого растения, с ним может
сделаться дурно: так много
выделяется эфирного масла.

Отсюда начинался подъем на хребет. Я взял направление по отрогу, покрытому осыпями. Интересно наблюдать, как приспособляются деревья, растущие на камнях. Кажется, будто они сознательно ищут землю и посылают к ней корни по кратчайшему направлению. Через час мы вступили в область произрастания мхов и лишайников.

Откуда эти тайнобрачные добывают влагу? Вода в камнях не задерживается, а между тем мхи растут пышно. На ощупь они чрезвычайно влажны. Если мох выжать рукой, из него капает вода. Ответ на заданный вопрос нам даст туман. Он-то и есть постоянный

источник влаги. Мхи получают воду не из земли, а из воздуха. Та к как в Уссурийском крае летом и весною туманных дней несравненно больше, чем солнечных, то пышное развитие мхов среди осыпей становится вполне понятным.

Но вот и мхи остались сзади. Теперь начались гольцы. Это не значит, что камни, составляющие осыпи на вершинах гор, голые. Они покрыты лишаями, которые тоже питаются влагой из воздуха. Смотря по времени года, они становятся или сухими, так что легко растираются пальцами руки в порошок, или делаются мягкими и влажными. Из отмерших лишайников образуется

тонкий слой почвы, на нем вырастают мхи, а затем уже травы и кустарники.

Когда мы поднялись на вершину хребта, утренняя мгла рассеялась, и открылся великолепный вид во все стороны. Внизу протекала река Сыдагоу. Сверху хорошо было видно, как она извивалась по лесу и блестела на солнце. На севере высилась Тазовская гора, которую мы должны были обогнуть. На юго-западе виднелся лесистый бассейн Пхусуна^[89], на юго-востоке — море, а на западе — еще какие-то горы. Разобраться в них не всякий сумеет. Для этого нужен большой опыт. Знакомые вершины меняют свои

очертания до неузнаваемости. Например, Столовая гора, если смотреть на нее по направлению продольной оси, кажется острым пиком. Тазовская гора служила нам прекрасным ориентировочным пунктом. Это дало мне возможность взять верное направление.

В полдень я подал знак к остановке. Хотелось пить, но нигде не было воды. Спускаться в долину было далеко. Поэтому мы решили перетерпеть жажду, отдохнуть немного и идти дальше. Стрелки растянулись в тени скал и скоро уснули. Вероятно, мы проспали довольно долго, потому что солнце переместилось на небе и заглянуло

за камни. Я проснулся и посмотрел на часы. Было 3 часа пополудни, следовало торопиться. Все знали, что до воды мы дойдем только к сумеркам. Делать нечего, оставалось заpastись терпением.

Хребет, по которому мы теперь шли, состоял из ряда голых вершин, поднимающихся одна над другою в восходящем порядке. Впереди, в 12 км, перпендикулярно к нему шел другой такой же хребет. В состав последнего с правой стороны входила уже известная нам Тазовская гора. Надо было достигнуть узла, где соединялись оба хребта, и оттуда начать спуск в долину Сандагоу.

День, как на грех, выпал тихий,

безветренный; жара стояла невыносимая. Один раз мы попробовали было спуститься с хребта за водою. Воды не нашли, но зато на обратном подъеме так измучились, что более уже не проделывали этого опыта. Взбираясь на вершины, мы каждый раз надеялись по ту сторону их увидеть что-нибудь такое, что предвещало бы близость воды, но каждый раз надежда эта сменялась разочарованием. Впереди, кроме голых, безжизненных осыпей, ничего не было видно. Будь это не осыпи, будь скалы, все-таки можно было рассчитывать найти какую-нибудь щель, наполненную дождевой водой.

Но что найдешь среди камней, в беспорядке наваленных друг на друга? Люди шли молча; опустив головы и высунув изо рта длинные языки, тихонько за ними плелись собаки.

В горах расстояния очень обманчивы. Мы шли целый день, а горный хребет, служащий водоразделом между реками Сандагоу и Сыдагоу, как будто тоже удалялся от нас. Мне очень хотелось дойти до него, но вскоре я увидел, что сегодня нам это сделать не удастся. День приближался к концу; солнце стояло почти у самого горизонта. Нагретые за день камни сильно излучали теплоту. Только

свежий ветер мог принести прохладу.

Перед нами высилась еще одна высокая гора. Надо было ее «взять» во что бы то ни стало. На все окрестные горы легла вечерняя тень, только одна эта сопка еще была озарена солнечными лучами. Последний подъем был очень труден. Раза 3 мы садились и отдыхали, потом опять поднимались и через силу карабкались вверх.

Когда мы достигли вершины горы, солнце уже успело сесть. Отблески вечерней зари еще некоторое время играли в облаках, но они скоро стали затягиваться дымкой вечернего тумана.

Опасение, что к сумеркам мы не

найдем воды, придадо всем энергию. За горой была глубокая седловина и около нее выемка, покрытая низкорослой древесной растительностью. Мы стали спускаться в эту ложбину. Чем скорее мы найдем воду, тем меньше завтра будем тратить усилий на обратное восхождение на хребет. Поэтому, спускаясь вниз, все внимательно прислушивались. Вскоре наша ложбина приняла вид оврага. На дне его густо росли трава и кустарники, любящие влагу. От седловины мы уже спустились метров на двести, а воды все еще не было видно. Вдруг ухо мое уловило глухой шум под землей. Стрелки сбросили котомки и стали

разбирать камни, но вода оказалась далеко. Тогда мы перешли ниже и принялись опять копать в земле. На этот раз труды наши увенчались успехом: вода была найдена. Первым делом все бросились утолять жажду, но вода была так холодна, что ее пить можно было только маленькими глотками с перерывами.

Когда Туртыгин развел огонь, я принялся осматривать ручей. Температура была $+0,9^{\circ}\text{C}$. Я просунул руку в образовавшееся отверстие и вынул оттуда несколько камней, покрытых концентрическими слоями льда. Льда было так много, что камни казались в него вмерзшими. Местами

лед достигал мощности 10 сантиметров.

Несколько раз стрелки принимались варить чай. Пили его перед тем как ставить палатку, потом пили после того как она была поставлена и еще раз пили перед сном. После ужина все тотчас уснули. Бивак охраняли одни собаки.

Следующий день был такой же душный и жаркий, как и предыдущий.

В Уссурийском крае летние жары всегда бывают очень влажными. Причиной этого является муссон, приносящий сырость с моря.

Дерновый покров и громадное количество отмершего листа на

земле задерживают значительную часть влаги, не давая ей скатываться в долины. Днем, когда пригреет солнце, эта влага начинает испаряться до полного насыщения воздуха. Этим объясняются вечерние и утренние росы, которые бывают так обильны, что смачивают растительность точно дождем. При сравнительно высокой летней температуре и обилии поливки климат Уссурийского края мог бы быть весьма благоприятен для садоводства, но страшная сухость и сильные ветры зимою губительно влияют на фруктовые деревья и не позволяют им развиваться как следует.

Влажные жары сильно истомляют людей и животных. Влага оседает на лицо, руки и одежду, бумага становится вокхою^[90] и перестает шуршать, сахар рассыпается, соль и мука слипаются в комки, табак не курится; на теле часто появляется тропическая сыпь.

2 часа прошло, пока мы опять достигли водораздела. Теперь начинался спуск. Горы, окаймляющие истоки Сандагоу, также обезлесены пожарами. Обыкновенно после первого пала остаются сухостои, второй пожар подтачивает их у корня, они падают на землю и горят, пока их не зальет дождем. Третий пожар уничтожает

эти последние остатки, и только одна поросль около пней указывает на то, что здесь был когда-то большой лес. С исчезновением лесов получается свободный доступ солнечным лучам к земле, а это, в свою очередь, сказывается на развитии травяной растительности. На горелых местах всегда растут буйные травы, превышающие рост человека. Идти по таким зарослям, заваленным колодником, всегда очень трудно.

Спуск с хребта был не легче подъема. Люди часто падали и больно ушибались о камни и сучья валежника. Мы спускались по высохшему ложу какого-то ручья и

опять долго не могли найти воды. Рытвины, ямы, груды камней, заросли чертова дерева, мошка и жара делали эту часть пути очень тяжелой.

После полудня мы вышли наконец к реке Сандагоу. В русле ее не было ни капли воды. Отдохнув немного в тени кустов, мы пошли дальше и только к вечеру могли утолить мучившую нас жажду. Здесь в глубокой яме было много мальмы^[91]. Загурский и Туртыгин без труда наловили ее столько, сколько хотели. Это было как раз кстати, потому что взятое с собой продовольствие приходило к концу.

В верхней части река Сандагоу

слагается из 2 рек – Малой Сандагоу, имеющей истоки у Тазовской горы, и Большой Сандагоу, берущей начало там же, где и Эрлдагоу (приток Вай-Фудзина). Мы вышли на вторую речку почти в самых ее истоках. Пройдя по ней 2–3 км, мы остановились на ночлег около ямы с водою на краю размытой террасы. Ночью снова была тревога. Опять какое-то животное приближалось к биваку. Собаки страшно беспокоились. Загурский 2 раза стрелял в воздух и отогнал зверя.

Следующий день был воскресный. Пользуясь тем, что вода в реке была только кое-где в углублениях, мы шли прямо по ее

руслу. В средней части реки Сандагоу растут такие же хорошие леса, как и на реке Сыдагоу. Всюду виднелось множество звериных следов. В одном месте река делает большую петлю.

Стрелки шли впереди, а я немного отстал от них. За поворотом они увидели на протоке пятнистых оленей — телка и самку. Загурский стрелял и убил матку. Телок не убежал; остановился и недоумевающе смотрел, что люди делают с его матерью и почему она не встает с земли. Я велел его прогнать. Трижды Туртыгин прогонял телка, и трижды он возвращался назад. Пришлось пугнуть его собаками.

Биваком мы встали на месте охоты. Часть мяса мы решили взять с собой, а остальное передать местным жителям.

За ночь погода испортилась. Утро грозило дождем. Мы спешно собрали свои манатки и к полудню дошли до утеса, около которого Кашлев караулил тигров. Место это представляет собою теснину между скалой и глубокой протокой, не замерзающей далее зимою. Здесь постоянно ходят полосатые хищники, выслеживающие кабанов, а за ними в свою очередь охотится Кашлев.

Пройдя от скалы еще 5 км, мы дошли наконец до первой земледельческой фанзы и указали ее

обитателям, где можно найти оленьё мясо. К вечеру мы дошли до Вай-Фудзина, а ещё через 2 суток возвратились в пост Ольги.

Глава 15

Приключение на реке

*Китаец Че Фан. – Притоки реки
Арзамасовки. – Пещеры. – Птицы. –
Древесные и кустарниковые породы
в лесу. – Охота на кабанов. –
Заблудился. – Дождь. – Опасное
положение. – Услуга, оказанная
Лешим. – Тропа. – Огонь. – Чужой
бивак. – Мурзин. – Возвращение*

Начиная с 7 июля погода снова стала портиться. Все время шли дожди с ветром. Воспользовавшись

непогодой, я занялся вычерчиванием маршрутов и обработкой путевых дневников. На эту работу ушло 3 суток. Покончив с ней, я стал собираться в новую экспедицию на реку Арзамасовку. А.И. Мерзлякову было поручено произвести съемку Касафуновой долины и Кабаньей пади, а Г.И. Гранатман взялся произвести рекогносцировку в направлении Арзамасовка – Тадушу.

15 июля, рано утром, я выступил в дорогу, взяв с собою Мурзина, Эпова и Кожевникова. Ночевали мы в селе Пермском, а на другой день пошли дальше.

Река Арзамасовка по-китайски называется Да-дун-гоу^[92]. Она

длиною 45 км, шириною около устья 100 м и глубиною по руслу около сажени. Долина ее вначале узкая, но выше, после впадения реки Кабаньей, значительно расширяется. В настоящее время все китайские и туземные названия уже утрачены. Пермские крестьяне переделали их по-своему. Со стороны пади Широкой в долину Арзамасовки выдвигаются мощные речные террасы, местами сильно размытые. Здесь в горах много осыпей. Своим серым цветом они резко выделяются из окружающей их растительности.

Интересною особенностью Арзамасовских гор, находящихся против пади Широкой, будет

однообразие их форм. Пусть читатель представит себе несколько трехгранных пирамид, положенных набок друг около друга, основанием в долину, а вершинами к водоразделу. Трехгранные углы их будут возвышенностями, а углубления между ними – распадками.

Треугольные основания их по отношению к долине находятся под углом 60° .

Частые и сильные наводнения в долине Вай-Фудзина принудили пермских крестьян искать места, более удобные для земледелия, где-нибудь в стороне. Естественно, что они прежде всего обратили внимание на Да-дун-гоу.

От залива Ольги в долину Арзамасовки есть 2 пути. Один идет через село Пермское, а другой – по реке Поддеваловке, названной так потому, что после дождей на размытой дороге образуется много ям – ловушек. Дорога эта выходит как раз против пади Широкой. Последняя представляет собой действительно широкую долину, по которой протекает маленькая речка. Выше ее в долину Арзамасовки входят 3 пади: Колывайская, Угловая и Лиственничная. По ним можно выйти на реку Хулуай, впадающую в залив Владимира. Перевалы через невысокие горные хребты состоят из целого ряда конических сопок,

слагающихся из известняков.

В первый день мы дошли до фанзы китайца Че Фана. По единоголосному свидетельству всех пермских и фудзинских крестьян, китаец этот отличался удивительной добротой. Когда впервые у них наводнениями размыло пашни, он пришел к ним на помощь и дал семян для новых посевов. Всякий, у кого была какая-нибудь нужда, шел к Че Фану, и он никому ни в чем не отказывал. Если бы не Че Фан, переселенцы ни за что не поднялись бы на ноги. Многие эксплуатировали его доброту, и, несмотря на это, он никогда не являлся к обидчикам в качестве кредитора.

Утром на следующий день я пошел осматривать пещеры в известковых горах с правой стороны Арзамасовки против устья реки Угловой. Их две: одна вверху на горе, прямая, похожая на шахту, длина ее около 100 м, высота от 2,4 до 3,6 м, другая пещера находится внизу на склоне горы. Она спускается вниз колодцем на 12 м, затем идет наклонно под углом 10° . Раньше это было русло подземной реки.

Длина второй пещеры около 120 м, ширина и высота неравномерны: то она становится узкой с боков и высокой, то, наоборот, низкой и широкой. Дно пещеры завалено камнями, свалившимися сверху,

вследствие этого в ней нет сталактитов. Та к как эти обвалы происходят всюду и равномерно, то пещера как бы перемещается в вертикальном направлении.

Как и во всех таких пещерах, в ней было много летучих мышей с большими ушами и белых комаров-долгоножек.

Когда мы окончили осмотр пещер, наступил уже вечер. В фанзе Че Фана зажгли огонь. Я хотел было ночевать на улице, но побоялся дождя. Че Фан отвел мне место у себя на кане. Мы долго с ним разговаривали. На мои вопросы он отвечал охотно, зря не болтал, говорил искренно. Из этого разговора

я вынес впечатление, что он действительно хороший, добрый человек, и решил по возвращении в Хабаровск хлопотать о награждении его чем-нибудь за ту широкую помощь, какую он в свое время оказывал русским переселенцам.

Перед рассветом с моря потянул туман. Он медленно взбирался по седловинам в горы. Можно было ждать дождя. Но вот взошло солнце, и туман стал рассеиваться. Такое превращение пара из состояния конденсации в состояние нагретое, невидимое, в Уссурийском крае всегда происходит очень быстро. Не успели мы согреть чай, как от морского тумана не осталось и следа;

только мокрые кустарники и трава еще свидетельствовали о недавнем его нашествии.

15 и 16 июля я посвятил осмотру рек Угловой и Лиственничной. Река Угловая (Нандун-гоу) в верховьях слагается из 3 горных ручьев. По ней можно выйти на реку Мокрушу (нижний правый приток Хулуая). Наносная иловая почва в этой долине чрезвычайно плодородна. Сопки, защищающие ее от губительных морских ветров, покрыты лесом. Среди лиственных пород кое-где мелькают одиночные кедры. Зато с подветренной стороны они почти совершенно оголены от растительности. В самой долине

растут низкорослый корявый дуб, похожий скорее на куст, чем на дерево, дуплистая липа, черная береза; около реки — тальник, вяз и ольха, а по солнцепекам — леспедеца, таволга, калина, орешник, полынь, тростник, виноград и полевой горошек.

Достигнув водораздела, мы повернули на север и пошли вдоль хребта к истокам реки Лиственничной. Печальную картину представляет собою этот хребет с чахлою растительностью по склонам и с гольцами по гребню. Сейчас же за перевалом высится высокая куполообразная гора, которую местные жители называют

Борисовой плешинной. Относительная высота этой горы над истоками реки Лиственничной равняется 680 м. Спуск с водораздела, медленный и пологий к Арзамасовке, становится крутым в сторону Хулуая. В верховьях Лиственничная (Сяо-дун-гоу) состоит из 2 речек одинаковой величины. Левая сторона ее покрыта лиственничным лесом, от которого она и получила свое название, правая — редколесьем из дуба и березы. Последняя является господствующей и составляет более 70 процентов всей древесной растительности.

Из крупных четвероногих, судя по тем следам, которые я видел на

земле, тут водились кабаны, изюбры, пятнистые олени и дикие козы. 2 раза мы стреляли по ним, но неудачно.

Птиц тут было также очень много. По воздуху без шума носились два азиатских канюка, все время гонявшихся друг за другом. Один старался другого ударить сверху, с налета, но последний ловко увертывался от него. Верхняя птица по инерции проносилась мимо, а нижняя подымалась вверх, так что потом нельзя уже было разобраться, которая из них была нападающей и которая обороняющейся. Потом канюки спустились в траву и, распустив крылья, продолжали бой

на земле. Леший спугнул их. Птицы поднялись на воздух и на этот раз разлетелись в разные стороны. Около каменистых осыпей в одиночку держались необщительные каменные дрозды. Они шаркали по камням, прятались в щелях и неожиданно появлялись где-нибудь с другой стороны. При малейшем намеке на опасность они поспешно старались скрыться в кустарниках и среди россыпей. В другом месте я заметил мухоловок, которые легко ловили на лету насекомых и так были заняты своим делом, что совершенно не замечали людей и собак и даже не обращали внимания на ружейные выстрелы. В высокой густой траве то

и дело встречались длиннохвостые камышовки. Им тут место. Они лазили по тростникам, садились на кусты, бегали по земле. У них была какая-то боязнь открытых мест, лишенных растительности. Одна из этих птичек вылетела было на дорогу, но вдруг, как бы чего-то испугавшись, метнулась назад и тогда только успокоилась, когда села на камышинку. Около горного ручья между сухими кочками собака моя выгнала еще какую-то птицу. Я выстрелил и убил ее. Это оказался восточный горный дупель. Потом я заметил камчатскую черную трясогузку — грациозную и наивную птичку. Она не выражала страха

перед человеком, бегала около воды и что-то клевала на берегу.

17 июля ушло на осмотр реки Арзамасовки. Истоки ее находятся как раз против верховьев реки Сибегоу, входящей в бассейн Тадушу. В верхней части своего течения Арзамасовка течет в меридиональном направлении и по пути принимает в себя речку Менную, потом Лиственничную, а немного ниже – еще 2 речки с правой стороны, которые местные крестьяне называют Фальи пади (от китайского слова «фалу», что значит – олень). Отсюда Арзамасовка поворачивает к югу и сохраняет это направление до конца. По пути она забирает воду с

правой стороны из реки Вымойной, которая, в свою очередь, принимает в себя реки Сальную, Клышную и Судновую. Эта последняя имеет притоками справа Форточкину, Сухую, Комфоркину и слева — Прострельную.

В долине реки Сальной можно наблюдать весьма интересные образования. Вода, стекающая с горы, по узким ложбинам выносит массы песка и щебня. По выходе в долину материал этот складывается в большие конусы, которые тем больше, чем длиннее и глубже ущелье. Вероятно, конусы эти нарастают периодически, во время сильных ливней, потому что только

масса быстро двигающейся воды способна переносить столь крупные обломки горной породы.

Дойдя до истоков реки Арзамасовки, мы поднялись на водораздел и шли некоторое время горами в юго-западном направлении.

В этом районе преобладающими горными породами будут известняки. В контактах их с массивно-кристаллическими породами встречаются богатые цинковые и серебросвинцовые руды.

В сумерки с моря снова потянул туман. Я опасался, как бы опять не испортилась погода, но, на наше счастье, следующий день был хотя и пасмурный, но сухой.

Из новых древесных пород в этих местах я заметил пеклен — небольшое стройное дерево с красно-коричневой корой и звездообразно рассеченными листьями, затем — сибирскую яблоню, дающую очень мелкие плоды, похожие скорее на ягоды, чем на яблоки. Медведи особенно любят ими лакомиться. Около речки росли: душистый тополь с приземистым стволом и с узловатыми ветвями, рядом с ним — вечно трепещущая осина, а на галечниковых отмелях, как бамбуковый лес, — тонкоствольные тальники. На скалах около ручья приютилась японская черемуха — полукуст-полудерево, и камчатская

дафния со светло-серой корой и с красными ягодами. Дальше виднелись амурская сирень — основной элемент маньчжурской флоры, крупный кустарник с серой корой, а по опушкам — вьющаяся диоскорея — растение раздельнополое, причем мужские экземпляры отличаются от женских не только цветами, но и листвой.

Землистая, сильно избитая, лишенная растительности тропа привела нас к Сихотэ-Алиню. Скоро она разделилась. Одна пошла в горы, другая направилась куда-то по правому берегу Лиственничной. Здесь мы отаборились. Решено было, что двое из нас пойдут на охоту, а

остальные останутся на биваке.

Летом охота на зверя возможна только утром, на рассвете, и в сумерки, до темноты. Днем зверь лежит где-нибудь в чаще, и найти его трудно. Поэтому, воспользовавшись свободным временем, мы растянулись на траве и заснули.

Когда я проснулся, мне в глаза бросилось отсутствие солнца. На небе появились слоистые облака, и на землю как будто спустились сумерки. Было 4 часа пополудни. Можно было собираться на охоту. Я разбудил казаков, они обулись и принялись греть воду.

После чая мы с Мурзиным взяли свои ружья и разошлись в разные

стороны. На всякий случай, я захватил с собою на поводке Лешего. Вскоре я нашел кабанов и начал их следить. Дикие свиньи шли не останавливаясь и на ходу все время рыли землю. Судя по числу следов, их было, вероятно, больше двадцати. В одном месте видно было, что кабаны перестали копать в земле и бросились врассыпную. Потом опять сошлись вместе. Я уже хотел было прибавить шагу, как вдруг то, что я увидел, заставило меня оглянуться. Около лужи на грязи был свежий отпечаток тигровой лапы. Ясно представил себе, как шли кабаны и как следом за ними крался тигр. «Не вернуться ли назад?» — подумал я, но

тотчас же взял себя в руки и осторожно двинулся вперед.

Теперь дикие свиньи пошли в гору, потом спустились в соседнюю падь, оттуда по ребру опять стали подниматься вверх, но, не дойдя до вершины, круто повернули в сторону и снова спустились в долину. Я так увлекся преследованием их, что совершенно забыл о том, что надо осматриваться и запомнить местность. Все внимание мое было поглощено кабанами и следами тигра. Та к прошел я еще около часа.

Несколько мелких капель, упавших сверху, заставили меня остановиться: начал накрапывать дождь. Сперва он немного только

поморосил и перестал. Через 10 минут он опять попрыскал и снова перестал. Перерывы эти делались короче, а дождь сильнее, и наконец он полил как следует.

«Пора возвращаться на бивак», — подумал я и стал осматриваться, но за лесом ничего не было видно. Тогда я поднялся на одну из ближайших сопок, чтобы ориентироваться.

Кругом, насколько хватал глаз, все небо было покрыто тучами; только на крайнем западном горизонте виднелась узенькая полоска вечерней зари. Облака двигались к западу. Значит, рассчитывать на то, что погода разгуляется, не приходилось. Горы,

которые я теперь увидел, показались мне незнакомыми. Куда идти? Я понял свою ошибку. Я слишком увлекся кабанами и слишком мало уделил внимания окружающей обстановке. Идти назад по следам было немыслимо. Ночь застигла бы меня раньше, чем я успел бы пройти и половину дороги. Тут я вспомнил, что я, как некурящий, не имею спичек. Рассчитывая к сумеркам вернуться на бивак, я не захватил их с собой. Это была вторая крупная ошибка. Я 2 раза выстрелил в воздух, но не получил ответных сигналов. Тогда я решил спуститься в долину и, пока возможно, идти по течению воды. Была маленькая надежда, что

до темноты я успею выбраться на тропу. Не теряя времени, я стал спускаться вниз; Леший покорно поплелся сзади.

Как бы ни был мал дождь в лесу, он всегда вымочит до последней нитки. Каждый куст и каждое дерево собирают дождевую воду на листьях и крупными каплями осыпают путника с головы до ног. Скоро я почувствовал, что одежда моя стала намокать.

Через полчаса в лесу начало темнеть. Уже нельзя было отличить яму от камня, колодник от земли. Я стал спотыкаться. Дождь усилился и пошел ровный и частый. Пройдя еще с километр, я остановился, чтобы

перевести дух. Собака тоже вымокла. Она сильно встряхнулась и стала тихонько визжать. Я снял с нее поводок. Леший только и ждал этого. Встряхнувшись еще раз, он побежал вперед и тотчас скрылся с глаз. Чувство полного одиночества охватило меня. Я стал окликать его, но напрасно. Простояв еще 2 минуты, я пошел в ту сторону, куда побежала собака.

Когда идешь по тайге днем, то обходишь колодник, кусты и заросли. В темноте же всегда, как нарочно, залезешь в самую чащу. Откуда-то берутся сучья, которые то и дело цепляются за одежду, ползучие растения срывают головной убор,

протягиваются к лицу и опутывают ноги.

Быть в лесу, наполненном дикими зверями, без огня, во время ненастья — жутко. Сознание своей беспомощности заставило меня идти осторожно и прислушиваться к каждому звуку. Нервы были напряжены до крайности. Шелест упавшей ветки, шорох пробегающей мыши казались преувеличенными, заставляли круто поворачивать в их сторону.

Наконец стало так темно, что в глазах уже не было нужды. Я промок до костей, с фуражки за шею текла вода ручьями. Пробираясь ощупью в темноте, я залез в такой бурелом, из

которого и днем-то едва ли можно скоро выбраться. Нащупывая руками опрокинутые деревья, вывороченные пни, камни и сучья, я ухитрился как-то выйти из этого лабиринта. Я устал и сел отдохнуть, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Зубы выстукивали дробь; я весь дрожал, как в лихорадке. Усталые ноги требовали отдыха, а холод заставлял двигаться дальше.

Залезть на дерево! Эта глупая мысль всегда первой приходит в голову заблудившемуся путнику. Я сейчас же отогнал ее прочь. Действительно, на дереве было бы еще холоднее, и от неудобного положения стали бы затекать ноги.

Зарыться в листья! Это не спасло бы меня от дождя, но, кроме того, легко простудиться. Как я ругал себя за то, что не взял с собой спичек. Я мысленно дал себе слово на будущее время не отлучаться без них от бивака даже на несколько метров.

Я стал карабкаться через бурелом и пошел куда-то под откос. Вдруг с правой стороны послышался треск ломаемых сучьев и чье-то порывистое дыхание. Я хотел было стрелять, но винтовка, как на грех, дульной частью зацепилась за лианы. Я вскрикнул не своим голосом и в этот момент почувствовал, что животное лизнуло меня по лицу... Это был Леший.

В душе моей смешались два чувства: злоба к собаке, что она меня так напугала, и радость, что она возвратилась. Леший с минуту повертелся около меня, тихонько повизжал и снова скрылся в темноте.

С неимоверным трудом я подвигался вперед. Каждый шаг мне стоил больших усилий. Через 20 минут я подошел к обрыву. Где-то глубоко внизу шумела вода. Разыскав ощупью большой камень, я толкнул его под кручу. Камень полетел по воздуху; я слышал, как он глубоко внизу упал в воду. Тогда я круто свернул в сторону и пошел вправо, в обход опасного места. В это время опять ко мне прибежал Леший. Я уже

не испугался его и поймал за хвост. Он осторожно взял зубами мою руку и стал тихонько визжать, как бы прося его не задерживать. Я отпустил его. Отбежав немного, собака снова вернулась назад и тогда только успокоилась, когда убедилась, что я иду за ней следом. Та к прошли мы еще с полчаса.

Вдруг в одном месте я поскользнулся и упал, больно ушибив колено о камень. Я со стоном опустился на землю и стал потирать больную ногу. Через минуту прибежал Леший и сел рядом со мной. В темноте я его не видел — только ощущал его теплое дыхание. Когда боль в ноге утихла, я поднялся

и пошел в ту сторону, где было не так темно. Не успел я сделать и 10 шагов, как опять поскользнулся, потом еще раз и еще.

Тогда я стал ощупывать землю руками.

Крик радости вырвался из моей груди. Это была тропа! Несмотря на усталость и боль в ноге, я пошел вперед.

«Теперь не пропаду, — думал я, — тропинка куда-нибудь приведет».

Я решил идти по ней всю ночь до рассвета, но сделать это было не так-то легко. В полной темноте я не видел дороги и ощупывал ее только ногой. Поэтому движения мои были до крайности медленными. Там, где

тропа терялась, я сажился на землю и шарил руками. Особенно трудно было разыскивать ее на поворотах. Иногда я останавливался и ждал возвращения Лешего, и собака вновь указывала мне потерянное направление. Через 1,5 часа я дошел до какой-то речки. Вода с шумом катилась по камням. Я опустил в нее руку, чтобы узнать направление течения. Речка бежала направо.

Перейдя вброд горный поток, я сразу попал на тропу. Я ни за что не нашел бы ее, если бы не Леший. Собака сидела на самой дороге и ждала меня. Заметив, что я подхожу к ней, она повертелась немного на месте и снова побежала вперед. В

темноте ничего не было видно, слышно было только, как шумела вода в реке, шумел дождь и шумел ветер в лесу. Тропа вывела меня на другую дорогу. Теперь явился вопрос, куда идти: вправо или влево. Обдумав немного, я стал ждать собаку, но она долго не возвращалась. Тогда я пошел вправо. Через 5 минут появился Леший. Собака бежала мне навстречу. Я нагнулся к ней. В это время она встряхнулась и всего меня обдала водой. Я уже не ругался, погладил ее и пошел следом за ней.

Идти стало немного легче: тропа меньше кружила и не так была завалена буреломом. В одном месте пришлось еще раз переходить вброд

речку. Пробираясь через нее, я поскользнулся и упал в воду, но от этого одежда моя не стала мокрее.

Наконец я совершенно выбился из сил и сел на пенёк. Руки и ноги болели от заноз и ушибов, голова отяжелела, веки закрывались сами собой. Я стал дремать. Мне грезилось, что где-то далеко между деревьями мелькает огонь. Я сделал над собой усилие и открыл глаза. Было темно; холод и сырость пронизывали до костей. Опасаясь, чтобы не простудиться, я вскочил и начал топтаться на месте, но в это время опять увидел свет между деревьями. Я решил, что это галлюцинация. Но вот огонь

появился снова. Сонливость моя разом пропала. Я бросил тропу и пошел прямо по направлению огня. Когда ночью перед глазами находится свет, то нельзя определить, близко он или далеко, низко или высоко над землей.

Через четверть часа я подошел настолько близко к огню, что мог рассмотреть все около него. Прежде всего я увидел, что это не наш бивак. Меня поразило, что около костра не было людей. Уйти с бивака ночью во время дождя они не могли. Очевидно, они спрятались за деревьями.

Мне стало жутко. Идти к огню или нет? Хорошо, если это охотники,

а если я наткнулся на табор хунхузов? Вдруг из чащи сзади меня выскочил Леший. Он смело подбежал к огню и остановился, озираясь по сторонам. Казалось, собака тоже была удивлена отсутствием людей. Она обошла вокруг костра, обнюхивая землю, затем направилась к ближайшему дереву, остановилась около него и завиляла хвостом. Значит, там был кто-нибудь из своих, иначе собака выражала бы гнев и беспокойство. Тогда я решил подойти к огню, но спрятавшийся опередил меня. Это оказался Мурзин. Он тоже заблудился и, разведя костер, решил ждать утра. Услышав, что по тайге кто-то идет, и не зная, кто именно, он спрятался за

дерево. Его больше всего смутила та осторожность, с которой я приближался, и в особенности то, что я не подошел прямо к огню, а остановился в отдалении.

Тотчас мы стали сушиться. От намокшей одежды клубами повалил пар. Дым костра относило то в одну, то в другую сторону. Это был верный признак, что дождь скоро перестанет. Действительно, через полчаса он превратился в изморось. С деревьев продолжали падать еще крупные капли.

Под большой елью, около которой горел огонь, было немного суше. Мы разделись и стали сушить белье. Потом мы нарубил пихтача и,

прислонившись к дереву, погрузились в глубокий сон.

К утру я немного прозяб. Проснувшись, я увидел, что костер прогорел. Небо еще было серое; кое-где в горах лежал туман. Я разбудил казака. Мы пошли разыскивать свой бивак. Тропа, на которой мы ночевали, пошла куда-то в сторону, и потому пришлось ее бросить. За речкой мы нашли другую тропу. Она привела нас к табору.

Подкрепив силы чаем с хлебом, часов в 11 утра мы пошли вверх по реке Сальной. По этой речке можно дойти до хребта Сихотэ-Алинь. Здесь он ближе всего подходит к морю. Со стороны Арзамасовки подъем на него

крутой, а с западной стороны – пологий. Весь хребет покрыт густым смешанным лесом. Перевал будет на реке Ли-Фудзин, по которой мы вышли с реки Улахе к заливу Ольги.

После полудня вновь погода стала портиться. Опасаясь, как бы опять не пошли затяжные дожди, я отложил осмотр Ли-Фудзина до другого, более благоприятного случая. Действительно, ночью полил дождь, который продолжался и весь следующий день. 21 июля я повернул назад и через 2 суток возвратился в пост Ольги.

Глава 16

В макрушинской пещере

*Река Ольга. – Ночевка около
китайской фанзы. – Залив
Владимира. – Геология залива. –
Китайские морские промыслы. –
Осьминог. – Река Хулуай*

Пока я был на реке Арзамасовке, из Владивостока прибыли давно жданные грузы. Это было как раз кстати. Окрестности залива Ольги уже были осмотрены, и надо было двигаться дальше. 24 и 25 июля

прошли в сборах. За это время лошади отдохнули и оправились. Конское снаряжение и одежда людей были в порядке, запасы продовольствия пополнены.

Дальнейший план работ был намечен следующим образом: Г.И. Гранатману было поручено пройти горами между Арзамасовкой и Сибегоу (приток Тадушу), а А.И. Мерзляков должен был обойти Арзамасовку с другой стороны. В верховьях Тадушу мы должны были встретиться. Я с остальными людьми наметил себе путь по побережью моря к заливу Владимира.

Мои товарищи выступили в поход 26 июля утром, а я 28-го числа

после полудня.

День выпал хороший и теплый. По небу громоздились массы кучевых облаков. Сквозь них прорывались солнечные лучи и светлыми полосами ходили по воздуху. Они отражались в лужах воды, играли на камнях, в листве ольшаников и освещали то один склон горы, то другой. Издали доносились удары грома.

Залив Владимира и залив Ольги расположены рядом, на расстоянии 50 км друг от друга. Посредине между ними проходит небольшой горный кряж высотой в среднем около 250 м с наивысшими точками в 450 м, служащий водоразделом

между речкой Ольгой (13 км) и речкой Владимировкой (9 км), впадающей в залив того же имени. Обе речки текут по широким продольным долинам, отделенным от моря невысоким горным хребтом, который начинается у мыса Шкота (залив Ольги) и тянется до мыса Ватовского (залив Владимира). Направление этой складки можно проследить и дальше на север.

Река Ольга состоит из 2 речек одинаковой величины со множеством мелких притоков, отчего долина ее кажется широкой размытой котловиной. Раньше жители поста Ольги сообщались с заливом Владимира по тропе,

проложенной китайскими охотниками. Во время русско-японской войны в 1905 году в заливе Владимира разбился крейсер «Изумруд». Для того чтобы имущество с корабля можно было перевезти в пост Ольги, построили колесную дорогу. С того времени между обоими заливами установилось правильное сообщение.

Гроза прошла стороной, и после полудня небо очистилось. Солнце так ярко светило, что казалось, будто все предметы на земле сами издают свет и тепло. День был жаркий и душный.

Сумерки спустились на землю раньше, чем мы успели дойти до

перевала. День только что кончился. С востока откуда-то издалека, из-за моря, точно синий туман, надвигалась ночь. Яркие зарницы поминутно вспыхивали на небе и освещали кучевые облака, столпившиеся на горизонте. В стороне шумел горный ручей, в траве неумолкаемым гомоном трещали кузнечики.

Я уже хотел подать сигнал к остановке, как вдруг один из казаков сказал, что видит огонь. Действительно, маленький огонек виднелся в стороне около леса, в 300 шагах от дороги. Мы пошли туда. Это была китайская фанза. Собака своим лаем известила хозяев о нашем

приближении. Два китайца вышли нам навстречу. В улыбках и поклонах их были страх и покорность, заискивание и гостеприимство. Китайцы предлагали мне лечь у них в фанзе, но ночь была так хороша, что я отказался от их приглашения и с удовольствием расположился у огня вместе со стрелками.

Обыкновенно после долгой стоянки первый бивак всегда бывает особенно оживленным. Все полны сил и энергии, всего вдоволь, все чувствуют, что наступает новая жизнь, всякому хочется что-то сделать. Опять у стрелков появилась гармоника. Веселые голоса, шутки, смех разносились далеко по долине.

Стояла китайская фанзочка много лет в тиши, слушая только шум воды в ручье, и вдруг все кругом наполнилось песнями и веселым смехом. Китайцы вышли из фанзы, тоже развели небольшой огонек в стороне, сели на корточки и молча стали смотреть на людей, так неожиданно пришедших и нарушивших их покой. Мало-помалу песни стрелков начали затихать. Казаки и стрелки последний раз напились чаю и стали устраиваться на ночь.

Я спал плохо, раза два просыпался и видел китайцев, сидящих у огня. Время от времени с поля доносилось ржание какой-то

неспокойной лошади и собачий лай. Но потом все стихло. Я завернулся в бурку и заснул крепким сном. Перед солнечным восходом пала на землю обильная роса. Кое-где в горах еще тянулся туман. Он словно боялся солнца и старался спрятаться в глубине лощины. Я проснулся раньше других и стал будить команду.

Распростившись с китайцами, мы тронулись в путь. Я заплатил им за дрова и овощи. Манзы пошли было нас провожать, но я настоял на том, чтобы они возвратились обратно. Часов в 9 утра мы перевалили через водораздел и спустились в долину Владимировки.

На этом маршруте следует

отметить весьма интересные эоловые образования в виде гладко обточенных столбов, шарообразных глыб, покоящихся на небольших пьедесталах, в виде выпуклостей с перетяжками, овальных углублений и т.д. Некоторые из них поражают своей оригинальностью. Одни глыбы похожи на зверей, другие на колонны, третьи на людей и т.д. Образования эти заслуживают особого внимания потому еще, что вблизи нигде нет песков, которые играли бы роль шлифовального материала. Высокий горный хребет, служащий водоразделом между реками Ольгой и Владимировкой, спускается к морю мысами и состоит

из песчаников, конгломератов и серых вакк.

Речка Владимировка имеет вид обыкновенного горного ручья, протекающего по болотистой долине, окаймленной сравнительно высокими горами.

К вечеру отряд наш дошел до ее устья и расположился биваком на берегу моря.

В сумерки на западе слышны были раскаты грома. Мы стали ставить палатки, но опасения наши оказались напрасными. Гроза опять прошла стороной. Однако нас смутило другое явление. Как только погасла вечерняя заря, звезды начали меркнуть, и небо стало

заволакиваться не то тучами, не то туманом. Прохладный ветерок тянул с суши на море, а мгла вверх шла в обратном направлении. Это бризы. В августе и сентябре на берегу моря их можно наблюдать почти ежедневно. На рассвете небо кажется серым. Туман неподвижно лежит над землей в полгоры. Когда же солнце подымается над горизонтом на 15° , он приходит в движение, начинает клубиться и снова ползет к морю, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Сперва это нас беспокоило. Все казалось, что будет дождь. Потом мы привыкли к этому явлению и уже более не обращали на него внимания.

Весь следующий день был посвящен осмотру залива Владимира. Китайцы называют его Хулуай (от слов «хулу», что означает — круглая тыква, горлянка, и «вай» — залив или бухта).

Некоторые русские вместо Хулуай говорят Фулуай и производят его от китайского слова «фалу», что значит пятнистый олень. Это совершенно неправильно.

Залив Владимира ($45^{\circ} 53'$ с. ш. и $135^{\circ} 37'$ в. д. от о. Ферро — астрономический пункт находится на мысе Орехова) представляет собой огромный водоем глубиной до 12 м, обставленный со всех сторон гранитными горами высотой в

среднем около 230 м. Он значительно больше залива Ольги и состоит из 3 частей: северо-западной — большой, юго-восточной — меньшей и средней — самой маленькой. Со стороны открытого моря залив этот окаймлен 2 гористыми полуостровами: Валюзeka и Ватовского. Третий полуостров, Рудановского, находится в середине залива. Из упомянутых полуостровов наибольшим будет южный — Ватовского. Видно, что они еще недавно были под водой.

Вокруг залива Владимира, около устьев впадающих в него речек, находится целый ряд небольших озерков с опресненной водой. Эти

озера и окружающие их болота свидетельствуют о том, что залив раньше глубже вдавался в материк. Потом вода была оттеснена, и суша сделала кое-где захваты. Самое большое озеро — южное. Оно величиной около $1\frac{1}{2}$ км² и глубиной от 3 до 6 м. Вследствие того что через него проходит река, оно быстро мелеет. Два озера с соленой водой на перешейках около полуостровов — тоже живые свидетели того недавнего прошлого, когда полуострова эти были еще островами. Морской прибой постарался соединить их с материком.

Теперь уже можно предсказать и

будущее залива Владимира. Море медленно отступает. Со временем оно закроет вход в залив и превратит его в лагуну, лагуна станет наполняться наносами рек, обмелеет и превратится в болото. По низине пройдет река, и все речки, впадающие теперь в залив самостоятельно, сделаются ее притоками.

Растительность в окрестностях залива Владимира еще более скудная, чем около поста Ольги. Склоны гор, обращенные к морю, совершенно голые. В долинах берега рек, как бордюром, окаймлены ольхой и тальниками. В тех местах, где деревья подвержены влиянию

морских ветров, они низкорослы и имеют жалкий вид. Во всякой ложинке, которая защищена от ветра, развивается растительность более пышная, чем на склонах, обращенных к морю. Таким образом, по растительности можно судить о преобладающих ветрах в данной местности и указать, где находится море.

При входе в залив Владимира с левой стороны ниже мыса Орехова можно видеть какую-то торчащую из воды бесформенную массу. Это крейсер «Изумруд», выскочивший на мель и взорвавший себя в 1905 году. Грустно смотреть на эту развалину. Что можно было, то с «Изумруда»

сняли, перевезли в пост Ольги и отправили во Владивосток, остальное разграбили хунхузы.

На берегах залива мы нашли несколько промысловых фанз. По кучам около них можно было сказать, чем занимались их обитатели. В одном месте было навалено много створок большого гребешка.

Некоторые кучи уже покрылись слоем земли и обросли травой. Это были своего рода маленькие «киекенмединги». Китайцы берут у моллюсков только одни мускулы, соединяющие створки раковин, и в сухом виде отправляют их в город. В Китае этот продукт ценится очень дорого, как лакомство.

Около другой фанзочки были нагромождены груды панцирей крабов, высохших и покрасневших на солнце. Тут же на циновках сушилось мясо, взятое из ног и клешней животных.

Следующая фанзочка принадлежала капустоловам, а рядом с ней тянулись навесы из травы, под которыми сушилась морская капуста. Здесь было много народа. Одни китайцы особыми крючьями доставали ее со дна моря, другие сушили капусту на солнце, наблюдая за тем, чтобы она высохла ровно настолько, чтобы не стать ломкой и не утратить своего зеленовато-бурого цвета. Наконец третья группа

китайцев была занята увязыванием капусты в пучки и укладкой ее под навесы.

Идя вдоль берега моря, я издали видел, как у противоположного берега в полосе мелководья, по колено в воде, с шестами в руках бродили китайцы. Они были так заняты своим делом, что заметили нас только тогда, когда мы подошли к ним вплотную. Раздетые до пояса и в штанах, засученных по колено, китайцы осторожно двигались в воде и что-то высматривали на дне моря. Иногда они останавливались, тихонько опускали в воду свои палки и что-то высматривали на берегу. Это оказался съедобный ракушник.

Палки, которыми работали китайцы, имели с одной стороны небольшую сеточку в виде ковшика, а с другой – железный крючок. Увидев двухстворчатку, манза отрывал ее багром от камней, а затем вынимал сеточкой. Китайцы на берегу сейчас же опускали их в котел с горячей водой. Умирая, моллюски раскрывали раковины. При помощи ножей вынималось их содержимое и заготавливалось впрок продолжительным кипячением.

Китайцы далеко разбрелись по берегу по одному и по два человека. Я сел на камни и стал смотреть в море. Вдруг слева от меня раздались какие-то крики. Я повернулся в ту

сторону и увидел, что в воде происходила борьба. Китайцы старались палками выбросить какое-то животное на берег, наступали на него, в то же время боялись его и не хотели упустить. Я побежал туда. Животное, с которым боролись китайцы, оказалось большим осьминогом. Своими сильными щупальцами он цеплялся за камни, иногда махал ими по воздуху, затем вдруг стремительно бросался в одну какую-нибудь сторону с намерением прорваться к открытому морю. В это время на помощь прибежало еще 3 китайца.

Огромный осьминог был настолько близок к берегу, что я мог

его хорошо рассмотреть. Я затрудняюсь сказать, какого он был цвета. Окраска его постоянно менялась: то она была синеватая, то ярко-зеленая и далее желтоватая. Чем ближе китайцы подвигали моллюска на мель, тем беспомощнее он становился. Наконец манзы вытащили его на берег. Это был огромный мешок с головой, от которой отходили длинные щупальца, унизанные множеством присосков. Когда он подымал кверху сразу 2—3 из них, можно было видеть его большой, черный клюв. Иногда этот клюв сильно выдвигался вперед, иногда совсем втягивался внутрь, и на месте его оставалось только

небольшое отверстие. Особенно интересны были его глаза. Трудно найти другое животное, у которого глаза так напоминали бы человеческие.

Мало-помалу движения осьминога становились медленнее; по телу его начали пробегать судороги, окраска стала блекнуть, и наружу все больше и больше стал выступать один общий буро-красный цвет.

Наконец животное успокоилось настолько, что явилась возможность подойти к нему без опаски. Я смерил его. Этот представитель головоногих был чрезвычайно больших размеров. Мешок с внутренностями был

длиной 0,8 м. Турбинный аппарат, при помощи которого движется животное, находился впереди, около головы, немного сбоку. Голова моллюска имела большие размеры в ширину, чем в длину, и равнялась 28 см. Роговой клюв, донельзя напоминающий клюв попугая, был 9 см по наружной кривизне и 5 см, если мерить его сбоку. Щупальца осьминога были 1,4 м длины и толщиной около головы 12 см в окружности. Пневматические присоски, которыми была усеяна вся внутренняя сторона щупалец, около головы имели размеры трехкопеечной монеты, а на конце — величиной с серебряный пятак.

Этот интересный экземпляр осьминога был достоин помещения в любой музей, но у меня не было подходящей посуды и достаточного количества формалина, поэтому пришлось ограничиться только куском ноги. Этот обрезок я положил в одну банку с раковинами раков-отшельников. Вечером, когда я стал разбирать содержимое банки, то, к своему удивлению, не нашел 2 раковин. Оказалось, что они были глубоко засосаны обрезком ноги спрута. Значит, присоски ее действовали некоторое время и после того, как она была отрезана и положена в банку с формалином.

Осмотр морских промыслов

китайцев и охота за осьминогом заняли почти целый день. Незаметно подошли сумерки, и пора было подумать о биваке. Я хотел было идти назад и разыскивать бивак, но узнал, что люди мои расположились около устья реки Хулуая.

Вечером китайцы угощали меня мясом осьминога. Они варили его в котле с морской водой. На вид оно было белое, на ощупь упругое и вкусом несколько напоминало белые грибы.

Следующий день был посвящен осмотру Хулуая. Река эта длиной в 20 км. Она течет в меридиональном направлении и впадает в залив Владимира с северной стороны.

Около устья долина Хулуая сужена, но выше она расширяется. Высоты с правой стороны имеют резко выраженный горный характер. Большинство их покрыто осыпями. С левой тянутся широкие террасы, которые дальше от реки переходят в увалы, покрытые редколесьем из липы, дуба и даурской березы. С этой стороны в Хулуай впадает несколько ключей, которые во время дождей выносят в долину много мусора и засоряют участки плодородной земли.

Из притоков Хулуая наибольшего внимания заслуживает Тихий ключ, впадающий с правой стороны. По этому ключу идет тропа на

Арзамасовку. Ключ этот вполне оправдывает свое название. В нем всегда царит тишина, свойственная местам болотистым. Растительность по долине мелкорослая, редкая и состоит главным образом из белой березы и кустарниковой ольхи. Первые разбросаны по всей долине в одиночку и небольшими группами, вторые образуют частые насаждения по берегам реки.

Ориентировочным пунктом может служить здесь высокая скалистая сопка, называемая старожилками-крестьянами Петуший гребень. Гора эта входит в состав водораздела между реками Тапоузой и Хулуаем. Подъем на перевал в

истоках Хулуая длинный и пологий, но спуск к Тапоузе крутой. Кроме этой сопки, есть еще другая гора – Зарод; в ней находится Макрушинская пещера – самая большая, самая интересная и до сих пор еще не прослеженная до конца.

Вход в пещеру имеет треугольную форму и расположен довольно высоко над землей (40–50 м).

Сначала исследователь попадает в первый зал, длиной 35–40 м и высотой до 30 м. В конце его находится глубокий колодец. Надо повернуть влево, в нишу; в ней есть длинный проход, имеющий подъем и спуск. На вершине подъема проход

суживается между двумя сталагмитовыми столбами. Далее приходится продвигаться ползком. Этот проход длиной до 50 м, после чего исследователь вступает в широкий коридор, который приводит его во второй зал снежной белизны. Он небольшой, но очень красивый. Отсюда опять через узкий коридор можно попасть в третий зал, самый величественный. Он гораздо больше первых двух, взятых вместе. Здесь сталактиты и сталагмиты образовали роскошные колоннады. Всюду по стенам слои натечной извести, производящие впечатление застывших водопадов.

Кое-где местами, в котловинах,

собралась вода, столь чистая и прозрачная, что исследователь замечает ее только тогда, когда попадает в нее ногой. Тут опять есть очень глубокий колодец и боковые ходы. В этом большом зале наблюдателя невольно поражают удивительные акустические эффекты — на каждое громкое слово отвечает стоголосое эхо, а при падении камня в колодец поднимается грохот, словно пушечная пальба: кажется, будто происходят обвалы и рушатся своды.

В 5 км от устья долина расширяется и становится удобной для заселения. Здесь расположились китайские земледельческие фанзы. Их немного — всего только 5.

Ближайшая к морю называется Сяочинза.

Целый день я бродил по горам и к вечеру вышел к этой фанзе. В сумерки один из казаков убил кабана. Мяса у нас было много, и потому мы поделились с китайцами. В ответ на это хозяин фанзы принес нам овощей и свежего картофеля. Он предлагал мне свою постель, но, опасаясь блох, которых всегда очень много в китайских жилищах, я предпочел остаться на открытом воздухе.

Глава 17

Дерсу Узала

Река Тадушу. — Тапоуза. — Происхождение названия Тадушу. — Низовье реки. — Притоки. — Фанза Сиян. — Рассказы старика маньчжура. — Население. — Сумерки и ненастье. — Бивак незнакомца. — Встреча. — Ночная беседа. — Речные террасы. — Лудевая фанза. — Истоки Тадушу. — Сихотэ-Алинь. — Перевал Венюкова. — Река Ли-Фудзин и река Дунбейца

Солнечный восход застал нас в дороге.

От залива Владимира на реку Тадушу есть 2 пути. Один идет вверх по реке Хулуаю, потом по реке Тапоузе и по Силягоу (приток Тадушу); другой (ближайший к морю) ведет на Тапоузу, а затем горами к устью Тадушу. Я выбрал последний, как малоизвестный.

Возвышенности между заливом Владимира и рекой Тапоузой состоят из кварцепорфирового туфа с включением обломков бескварцевого и фельзитового порфира и смоляного камня.

Название Тапоуза есть искаженное китайское слово «Да-пао-цзы» (то есть Большая лагуна). Действительно, Тапоуза впадает не

непосредственно в море, а в большое прибрежное озеро, имеющее в окружности около 10 км. Озеро это отделено от моря песчаной косой и соединяется с ним небольшим рукавом. И здесь мы видим тот же процесс выравнивания берега и отвоевания сушей части территории, ранее захваченной морем. По словам туземцев, в прежние годы в этих местах водилось очень много пятнистых оленей. Тазы при помощи собак загоняли животных в озера, где специально отряженные охотники караулили их в лодках. Загнанных животных били из самострелов и кололи копьями.

Река Тапоуза (по-тазовски —

Кайя), длиной 25 км, течет параллельно Хулуаю. Собственно говоря, Тапоуза состоит из слияния 2 рек: самой Тапоузы и Чензагоу^[93]. Горный хребет, выходящий мысом между 2 этими речками, состоит из кварцевого и полевошпатового порфира.

Залив Владимира соединяется с долиной Тадушу пешеходной тропой. Ею можно пользоваться и для движения с вьючными обозами. Тропа начинается у Хулуая и идет по первому ближайшему к морю ключику до перевала. Перейдя горы, она спускается в долину Тапоузы. Подъем на хребет и спуск с него — длинные и пологие, поросшие

редким дубовым лесом. Среди деревьев есть много дуплистых. На коре 1 из них казаки заметили следы зубов и когтей. Это медведь добывал мед. Какие-то проходившие мимо охотники прогнали мед ведя и затем сами доставали мед таким же хищническим способом, как и зверь.

За перевалом дорога некоторое время идет вверх по Тапоузе, среди роскошного дубового леса. Здесь также развиты высокие речные террасы. Через 10 км тропа переходит к левому краю долины и потом по маленькому ключику, не имеющему названия, опять подымается в горы. Этот перевал немного выше предыдущего. Подъем

со стороны Тапоузы – крутой, зато спуск к реке Тадушу – пологий. Дальше путь пролегает по речке Сяопоуза^[94], почти совершенно обезлесенную, впадающую в Тадушу в 2 км от ее устья. В общем, пройденный нами в этот день путь равнялся 28 км и имел направление, параллельное берегу моря.

В лесу попадалось много следов пятнистых оленей. Вскоре мы увидели и самих животных. Их было три: самец, самка и теленок. Казаки стреляли, но промахнулись, чему я был несказанно рад, так как продовольствия у нас было вдоволь, а время пантовки^[95] давно уже миновало.

Тадушу! – так вот та самая река, по которой первым прошел М. Венюков. Здесь китайцы преградили ему путь и потребовали, чтобы он возвратился обратно. При устье Тадушу Венюков поставил большой деревянный крест с надписью, что он здесь был в 1857 году. Креста этого я нигде не нашел. Вероятно, китайцы уничтожили его после ухода русских. Следом за Венюковым Тадушу посетили Максимович, Будищев и Пржевальский.

В Уссурийском крае реки, горы и мысы на берегу моря имеют различные названия. Это произошло оттого, что туземцы называют их по-своему, китайцы – по-своему, а

русские, в свою очередь, окрестили их своими именами. Поэтому, чтобы избежать путаницы, следует там, где живут китайцы, придерживаться названий китайских, там, где обитают тазы, не следует руководствоваться названиями, данными русскими. Последние имеют место только на картах и местным жителям совершенно не известны.

Расспросив китайцев о дорогах, я наметил себе маршрут вверх по реке Тадушу, через хребет Сихотэ-Алинь, в бассейн реки Ли-Фудзина и оттуда на реку Ното. Затем я полагал по этой последней опять подняться до Сихотэ-Алиня и попытаться

выйти на реку Тютихе. Если бы это мне не удалось, то я мог бы вернуться на Тадушу, где и дожждаться прихода Г.И. Гранатмана.

Река Тадушу почему-то называется на одних картах Ли-Фуле, на других – Лей-фынхе, что значит «удар грома». Тазы (удэгейцы) называют ее Узи. Некоторые ориенталисты пытаются слово «Тадушу» произвести от слова «дацзы» (тазы). Это совершенно неверно. Китайцы называют ее Да-цзо-шу (Большой дуб). Старожилы-манзы говорят, что дуб этот рос в верховьях реки около Сихотэ-Алиня. Дерево было дуплистое и такое большое, что внутри него могли

свободно поместиться 8 человек. Искатели женьшеня устроили в нем кумирню, и все проходившие мимо люди молились богу. Но вот однажды искатели золота остались в нем ночевать. Они вынесли кумирню наружу, сели в дупле и стали играть в карты. Тогда бог послал жестокую грозу. Молния ударила в дерево, разбила его в щепы и убила игроков на месте. Отсюда и получилось 2 названия: Лей-фынхе и Да-цзо-шу, впоследствии искаженное.

Низовья Тадушу представляют собой большую болотистую низину, это был большой залив. Устье реки находилось немного выше того места, где ныне расположилась

деревня Новотадушинская. Высокие террасы на берегу моря и карнизы по склонам гор указывают на отрицательное движение береговой линии и отступление моря. Немалую роль в этом сыграла и сама река, в течение многих веков наносившая осадочный материал и откладываявшая его в виде мощных напластований. Затем образовалась большая лагуна, отделенная от моря одним только валом. Озера, оставшиеся ныне среди болот, — это наиболее глубокие места лагуны; здесь в непосредственной близости к воде я увидел большие заросли какой-то снежно-белой растительности, при ближайшем

осмотре оказавшейся эдельвейсом. Как-то странно было видеть этот красивый альпийский цветок на самом берегу моря.

Склоны соседних гор почти совершенно голые. Только с подветренной стороны группами кое-где растет низкорослый дуб и корявая береза.

В заводях Тадушу осенью держится много красноперки, тайменя, кунжи, горбуши и кеты. В озерах есть караси и щуки.

Длина всей реки 68 км. Протекает она по типичной денудационной долине, которая как бы слагается из ряда обширных котловин. Особенно это заметно

около ее притоков. В долине Тадушу сильно развиты речные террасы. Они тянутся все время то с одной, то с другой стороны почти до самых истоков.

Если идти вверх по реке, то в последовательном порядке будут попадаться следующие притоки: с левой стороны (по течению) – Дунгоу^[96], Канехеза^[97] и Цимухе. По последней идет тропа на реку Тютихе. Затем еще две небольшие речки: Либагоуза^[98] и Дитагоуза^[99] с перевалами на реку Динзахе. Справа маленькие речки: Квандагоу^[100] и Сяень-Лаза, потом следует Сяо-лисягоу^[101] и Да-лисягоу^[102] с перевалами на Тапоузу. Еще дальше –

Юшангоу^[103] со скрытым устьем (перевал на Хулуай) и Сибегоу^[104] (перевал на Арзамасовку). Последняя длиной 30 км и состоит из 2 речек: Хаисязагоу^[105] и Цименсангоуза^[106]. У места слияния их поселились все тадушенские туземцы.

Наш путь лежал по левому берегу реки. Там, где ранее было древнее устье, тропа взбирается на гору и идет по карнизу. Отсюда открывается великолепный вид на восток — к морю, и на запад — вверх по долине. Слева характер горной страны выражен очень резко. Особенно величественной кажется голая сопка, которую местные китайцы называют Кита-шань^[107], а

удэгейцы – Дита-кямони, покрытая трахитовыми осыпями. По рассказам тазов, на ней раньше водилось много пятнистых оленей, но теперь они почти все выбиты. Внизу, у подножия горы, почти на самой тропе, видны обнажения бурого угля.

Из правых притоков Тадушу интересна река Лисягоу. Она длиной 12 км; по ней проходит тропа на реку Арзамасовку. Подъем на перевал с южной стороны пологий, зато спуск в долину Тадушу крутой и очень живописный. Тропа здесь проложена по карнизу. Это след старинной дороги, которая в древние времена проходила вдоль всего побережья моря и кончалась где-то у мыса

Гиляк. Само название Лисягоу показывает, что здесь много растет грушевых деревьев. Около устья Лисягоу в долину Тадушу вдается горный отрог, соединяющийся с соседними горами глубокой седловиной, отчего он кажется как бы отдельно стоящей сопкой. У подножия ее расположилась богатая фанза Си-Ян, окруженная старинными осокорями.

День кончился. На землю спустилась ночная тень. Скоро все должно было погрузиться в мрак.

Когда мы подходили к фанзе, в дверях ее показался хозяин дома. Это был высокий старик, немного сутуловатый, с длинной седой

бородой и с благообразными чертами лица. Достаточно было взглянуть на его одежду, дом и людские, чтобы сказать, что живет он здесь давно и с большим достатком. Китаец приветствовал нас по-своему. В каждом движении его, в каждом жесте сквозило гостеприимство. Мы вошли в фанзу. Внутри ее было так же все в порядке, как и снаружи. Я не раскаивался, что принял приглашение старика.

Вечером после ужина я стал его расспрашивать о Тадушу и о дороге на Ли-Фудзин. Сначала он говорил неохотно, но потом оживился и, вспоминая старину, рассказал много интересного. Оказалось, что он был

маньчжур, по имени Кинь Чжу, родом из Нингуты. На реке Тадушу он жил более 60 лет и уже собирался уехать на родину, чтобы там схоронить свои кости. После этого он рассказал мне о первых годах своей жизни в дикой стране среди инородцев. От этого маньчжура я впервые услышал интересное сказание о давно минувшем Уссурийского края. То была междоусобная борьба между каким-то царем Куань Юном, жившим на реке Сучане, и князем Чин Ятай-цзы из Нингуты. Далее он говорил о битве на реке Даубихе и на горе Коуче-дын-цза (около поста Ольги). Старик говорил пространно и очень

красиво. Слушая его, я совершенно перенесся в то далекое прошлое и забыл, что нахожусь на Тадушу. Не один я увлекся его рассказами: я заметил, что в фанзе все китайцы притихли и слушали повествования старика. Далее он говорил о какой-то страшной болезни, которая уничтожила почти все оставшееся после войны население.

Тогда край впал в запустение.

Первыми китайцами, появившимися в уссурийской тайге, были искатели женьшеня. Вместе с ними пришел сюда и он, Кинь Чжу. На Тадушу он заболел и остался у удэгейцев (тазов), потом женился на женщине их племени и прожил с

тазами до глубокой старости.

Наконец старик кончил. Я очнулся и вновь увидел себя в современной обстановке. В фанзе было душно; я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Небо было черное; звезды горели ярко и переливались всеми цветами радуги; на земле было тоже темно. Рядом в конюшне пофыркивали кони. В соседнем болоте стонала выпь; в траве стрекотали кузнечики... Долго я сидел на берегу реки. Величавая тишина ночи и спокойствие, царившее во всей природе, так гармонизировали друг с другом. Я вспомнил Дерсу, и мне стало грустно. Я поднялся, пошел в

фанзу, лег на приготовленную постель, но долго не мог уснуть.

На другой день, распроставшись со стариком, мы пошли вверх по реке. Погода нам благоприятствовала. Несмотря на то, что небо было покрыто кучевыми облаками, солнце светило ярко.

Верхняя половина долины Тадушу несколько разнится от нижней. Внизу, как выше было сказано, она слагается из целого ряда больших котловин, а вверху становится похожей на продольную долину. Здесь она принимает в себя с правой стороны маленькую речку Чингоузу^[108] с тропой, ведущей к тазовским фанзам на реке Сибегоу, а

с левой стороны будет большой приток Дин-захе. Этот последний длиннее и многоводнее, чем сама Тадушу, и потому его надо бы считать главной рекой, а Тадушу – притоком. О реке Динзахе я буду говорить ниже подробнее.

На реке Тадушу много китайцев. Я насчитал 97 фанз. Они живут здесь гораздо зажиточнее, чем в других местах Уссурийского края. Каждая фанза представляет собой маленький ханшинный^[109] завод. Кроме того, я заметил, что тадушенские китайцы одеты чище и опрятнее и имеют вид здоровый и упитанный. Вокруг фанз видны всюду огороды, хлебные поля и обширные плантации мака,

засеваемого для сбора опия.

В верхней части долины живут тазы. Они, как всегда, ютятся в маленьких фанзочках манзовского типа. Китайцы их немилосердно эксплуатируют. Грязь в жилище, грязь в одежде и грязь на теле являются источником всяческих болезней и причиной их вымирания. Китайцы приходят в Уссурийский край одинокими и отбирают от инородцев женщин силой. От этого брака получаются дети, которых нельзя причислить ни к китайцам, ни к инородцам. Большая часть инородческого населения Южноуссурийского края, в том числе и на Тадушу, именно такие

нечистокровные тазы. Очень многие из них, и в особенности женщины, курят опий. Это тоже является одной из главных причин их обеднения. Табак курят все, даже малые ребяташки. Мне неоднократно приходилось видеть детей, едва умеющих ходить, сосущих грудь матери и курящих трубку.

Долина реки Тадушу весьма плодородна. Больших наводнений в ней не бывает. Даже в том месте, где на коротком протяжении впадают в нее сразу 3 сравнительно большие реки (Динзахе, Сибегоу и Юшангоу), вода немного выходит из берегов, и то ненадолго.

Тадушу во всем Ольгинском

районе является лучшим местом для колонизации.

Горы в средней части долины, выше тазовской фанзы Ся-Инза^[110], слагаются из песчаников и глинистых сланцев с многочисленными кварцевыми прослойками. Горный отрог, входящий острым клином между Сибегоу и Тадушу, состоит из мелафира, порфирита и витрофира. С южной стороны его, внизу, выступает обсидиан с призматической отдельностью.

После полудня погода стала заметно портиться. На небе появились тучи. Они низко бежали над землей и задевали за вершины

гор. Картина сразу переменялась: долина приняла хмурый вид. Скалы, которые были так красивы при солнечном освещении, теперь казались угрюмыми; вода в реке потемнела. Я знал, что это значит, велел ставить палатки и готовить побольше дров на ночь.

Когда все бивачные работы были закончены, стрелки стали проситься на охоту. Я посоветовал им не ходить далеко и пораньше возвращаться на бивак. Загурский пошел по долине Динзахе, Туртыгин — вверх по Тадушу, а я с остальными людьми остался на биваке.

Должно быть, солнце скрылось за горизонтом, потому что вдруг

стало темно. Дневной свет некоторое время еще спорил с сумерками, но видно было, что ночь скоро возьмет верх и завладеет сперва землей, а потом и небесами.

Через час Туртыгин возвратился и доложил мне, что в 2 км от нашего табора у подножия скалистой сопки он нашел бивак какого-то охотника. Этот человек расспрашивал его, кто мы такие, куда идем, давно ли мы в дороге, и когда узнал мою фамилию, то стал спешно собирать свою котомку. Это известие меня взволновало.

Кто бы это мог быть?

Стрелок говорил, что ходить не стоит, так как незнакомец сам

обещал к нам прийти. Странное чувство овладело мной. Что-то неудержимо влекло меня туда, навстречу этому незнакомцу. Я взял свое ружье, крикнул собаку и быстро пошел по тропинке.

Сразу от огня вечерний мрак мне показался темнее, чем он был на самом деле, но через минуту глаза мои привыкли, и я стал различать тропинку. Луна только что нарождалась. Тяжелые тучи быстро неслись по небу и поминутно закрывали ее собой. Казалось, луна бежала им навстречу и точно проходила сквозь них. Все живое кругом притихло; в траве чуть слышно стрекотали кузнечики.

Обернувшись назад, я уже не видел огней на биваке. Постояв с минуту, я пошел дальше.

Вдруг собака моя бросилась вперед и яростно залаяла. Я поднял голову и невдалеке от себя увидел какую-то фигуру.

— Кто здесь? — окликнул я.

И в ответ на мой оклик я услышал голос, который заставил меня вздрогнуть:

— Какой люди ходи?

— Дерсу! Дерсу! — закричал я радостно и бросился к нему навстречу.

Если бы в это время был посторонний наблюдатель, то он увидел бы, как два человека схватили

друг друга в объятия, словно хотели бороться.

Не понимая, в чем дело, моя Альпа яростно бросилась на Дерсу, но тотчас узнала его, и злобный лай ее сменился ласковым визжанием.

— Здравствуй, капитан! — сказал гольд, оправляясь.

— Откуда ты? Как ты сюда попал? Где был? Куда идешь? — засыпал я его своими вопросами.

Он не успевал мне отвечать.

Наконец мы оба успокоились и стали говорить как следует.

— Моя недавно Тадушу пришел, — говорил он. — Моя слышал, 4 капитана и 12 солдат в Шимыне (пост Ольги) есть. Моя думай, надо туда ходи.

Сегодня один люди посмотри, тогда все понимай.

Поговорив еще немного, мы повернули назад к нашему биваку. Я шел радостный и веселый. И как было не радоваться: Дерсу был особенно мне близок.

Через несколько минут мы подошли к биваку. Стрелки расступились и с любопытством стали рассматривать гольда.

Дерсу нисколько не изменился и не постарел. Одет он был по-прежнему в кожаную куртку и штаны из выделанной оленьей кожи. На голове его была повязка и в руках та же самая берданка, только сошки как будто новее.

С первого же раза стрелки поняли, что мы с Дерсу старые знакомые. Он повесил свое ружье на дерево и тоже принялся меня рассматривать. По выражению его глаз, по улыбке, которая играла на его губах, я видел, что и он доволен нашей встречей.

Я велел подбросить дров в костер и согреть чай, а сам принялся его расспрашивать, где он был и что делал за эти 3 года. Дерсу мне рассказал, что, расставшись со мной около озера Ханка, он пробрался на реку Ното, где ловил соболей всю зиму, весной перешел в верховья Улахе, где охотился за пантами, а летом отправился на Фудзин, к горам

Сяень-Лаза. Пришедшие сюда из поста Ольги китайцы сообщили ему, что наш отряд направляется к северу по побережью моря. Тогда он пошел на Тадуш.

Стрелки недолго сидели у огня. Они рано легли спать, а мы остались вдвоем с Дерсу и просидели всю ночь. Я живо вспомнил реку Лефу, когда он впервые пришел к нам на бивак, и теперь опять, как и в тот раз, я смотрел на него и слушал его рассказы.

Сумрачная ночь близилась к концу. Воздух начал синеть. Уже можно было разглядеть серое небо, туман в горах, сонные деревья и потемневшую от росы тропинку.

Свет костра потускнел; красные уголья стали блекнуть. В природе чувствовалось какое-то напряжение; туман подымался все выше и выше, и наконец пошел чистый и мелкий дождь.

Тогда мы легли спать. Теперь я ничего не боялся. Мне не страшны были ни хунхузы, ни дикие звери, ни глубокий снег, ни наводнения. Со мной был Дерсу. С этими мыслями я крепко уснул.

Проснулся я в 9 часов утра. Дождь перестал, но небо по-прежнему было сумрачное. В такую погоду скверно идти, но еще хуже сидеть на одном месте. Поэтому приказание выючить лошадей было

встречено всеми с удовольствием. Через полчаса мы были уже в дороге. У нас с Дерсу произошло молчаливое соглашение. Я знал, что он пойдет со мной. Это было вполне естественно. Другого решения у него и не могло явиться. По пути мы зашли к скалистой сопке и там захватили имущество Дерсу, которое по-прежнему все помещалось в одной котомке.

Теперь с левой стороны у нас была река, а с правой — речные террасы в 38 м высотой. Они особенно выдвигаются в долину Тадушу после Динзахе. Террасы эти состоят из весьма плотных известняков с плитняковой

отдельностью.

Последним притоком Тадушу будет Вангоу^[111]. По ней можно выйти через хребет Сихотэ-Алинь на реку Ното. Немного не доходя до ее устья в долину выдвигаются 2 скалы. Одна с левой стороны, у подножия террасы, — низкая и очень живописная, с углублением вроде ниши, в котором китайцы устроили кумирню, а другая — с правой, как раз против устья Вангоу, носящая название Янтун-Лаза^[112]. Около нее есть маленький ключик Чингоуза^[113].

Скала Янтун-Лаза высотой 110 м. В ней много углублений, в которых гнездятся дикие голуби. На самой вершине из плитняковых камней

китайцы сложили подобие кумирни. Манзы питают особую любовь к высоким местам; они думают, что, подымаясь на гору, становятся ближе к богу.

Тропа привела нас к фанзе Лудевой, расположенной как раз на перекрестке путей, идущих на Ното и на Ли-Фудзин. Раньше обитатели этой фанзы занимались ловлей оленей ямами, отчего фанза и получила такое название. Тогда она функционировала как постоянный двор. Здесь всегда можно встретить прохожих китайцев, идущих от моря на Уссури или обратно. Хозяин фанзы снабжал их продовольствием за плату и таким образом

зарабатывал значительную сумму денег. Фанза была расположена у подножия большой террасы, которая сильно выдвигается в долину и прижимает Тадушу к горам с правой стороны. Поверхность террасы заболочена и покрыта группами тощей березы.

Лудевую фанзу мы прошли мимо и направились к Сихотэ-Алиню. Хмурившаяся с утра погода стала понемногу разъясняться. Туман, окутавший горы, начал клубиться и подыматься кверху; тяжелая завеса туч разорвалась, выглянуло солнышко, и улыбнулась природа. Сразу все оживилось; со стороны фанзы донеслось пение петухов,

засуетились птицы в лесу, на цветах снова появились насекомые.

В верхней части Тадушу течет с северо-запада на юго-восток. Истоки ее состоят из мелких горных ключей, которые располагаются так: с левой стороны – Царлкоуза^[114], Люденза-Янгоу^[115] и Сатенгоу^[116], а с правой – Безыменный и Салингоу^[117]. Здесь находится самый низкий перевал через Сихотэ-Алинь.

Небольшие холмы со сглаженными контурами и сильно размытые ложа ручьев свидетельствуют о больших денудационных процессах.

С реки Тадушу через Сихотэ-Алинь идут 3 пути: 2 на Ното и 1 на

Ли-Фудзин. Первый начинается от известной уже нам Лудевой фанзы и идет по реке Вангоу. Этой дорогой пользуются только те китайцы, которые имеют целью верховья Дананцы (приток Ното). Второй путь начинается около устья Людензы. Тропа долгое время идет по хребту Сихотэ-Алинь, затем спускается в долину Дунбейцы (северо-восточный приток Ли-Фудзина) и направляется по ней до истоков. По пути она пересекает еще 3 перевала и только тогда выходит на Дананцу. Этой дорогой идут те пешеходы, которым надо выйти в нижнюю часть Ното. Третий путь, который мы избрали, идет прямо по ручью Салингоу на

Ли-Фудзин.

Маньчжурское слово «Сихотэ-Алинь» местные китайцы переделали по-своему: «Си-хо-та Линь», то есть Перевал западных больших рек. И действительно, к западу от водораздела текут большие реки: Ваку, Иман, Бикин, Хор и т.д. Гольды называют его Дзуб-Гын, а удэгейцы — Ада-Сололи, причем западный его склон они называют Ада-Цазани, а восточный — Ада-Намузани, от слова «наму», что значит — море.

У подножия хребта мы сделали привал. Сухая рыба с солью, пара сухарей и кружка горячего кофе составили обед, который в тайге

называется очень хорошим.

Подъем на Сихотэ-Алинь крутой около гребня. Самый перевал представляет собой широкую седловину, заболоченную и покрытую выгоревшим лесом. Абсолютная высота его равняется 480 м. Его следовало бы назвать именем М. Венюкова. Он прошел здесь в 1857 году, а следом за ним, как по проторенной дорожке, пошли и другие. Вечная слава первому исследователю Уссурийского края!

На самом перевале около тропы с правой стороны стоит небольшая кумирня, сложенная из накатника. Внутри ее помещена лубочная картина, изображающая китайских

богов, а перед ней поставлены 2 деревянных ящика с огарками от бумажных свечей. С другой стороны лежало несколько листочков табаку и два куска сахара. Это жертва богу лесов. На соседнем дереве была повешена красная тряпица с надписью: «Шань мэн чжен вэй Си-жи-Ци-го вэй да суай Цзин цзан да-цин чжэнь шань-линь», то есть: «Господину истинному духу гор (тигру). В древности в государстве Ци он был главнокомандующим Дациньской династии, а ныне охраняет леса и горы».

От перевала Венюкова Сихотэ-Алинь имеет вид гряды, медленно повышающейся на север. Этот

подъем так незаметен для глаза, что во время пути совершенно забываешь, что идешь по хребту, и только склоны по сторонам напоминают о том, что находишься на водоразделе. Места эти покрыты березняком, которому можно дать не более 40 лет. Он, вероятно, появился здесь после пожаров.

Спуск с хребта длинный и пологий. Идя по траве, то и дело натыкаешься на обгорелые, поваленные деревья. Сейчас же за перевалом начинается болото, покрытое замшистым хвойным лесом.

Часам к 3 пополудни мы дошли до того места, где Ли-Фудзин

сливается с Дун-бей-цой, и стали биваком на галечниковой отмели.

Река Дун-бей-ца^[118] длиной 40 км. Она все время течет вдоль Сихотэ-Алиня и в верховьях слагается из 3 горных ручьев. Следы эрозии видны на каждом шагу. Местами горы так сильно размыты, что за лесом их совсем не видно: является впечатление, что идешь по слабо всхолмленной низине, покрытой хвойным лесом, состоящим из пихты, ели, кедра, березы, тиса, клена, лиственницы и ольхи. Недавно этот лес выгорел. Теперь вся долина представляет собой сплошную гарь. Здесь проходит та самая тропа, которой

местное манзовское население пользуется для сообщения с рекой Ното. По пути на расстоянии перехода друг от друга были расположены 4 зверовые фанзы, обитатели которых занимались охотой и соболеванием.

Первое, что мы сделали, — развели дымокуры, а затем уже принялись таскать дрова из леса. Стрелки хотели было ночевать в комарниках, но Дерсу посоветовал ставить односкатную палатку.

К вечеру погода начала хмуриться; туман поднялся вверх и превратился в тучи. Дерсу помогал солдатам во всех работах, и они сразу его оценили. Он хотел было ставить

свою палатку отдельно, но я уговорил его ночевать вместе. Тогда Дерсу схватил топор и побежал в тайгу за кедровым корьем. Сперва он надрубил у дерева кору сверху и снизу зубцами, затем прорубил ее вдоль и стал снимать заостренной палкой. Таких пластов было снято шесть. Два пласта он положил на землю, два пошли на крышу, а остальные поставил с боков для защиты от ветра.

В сумерки пошел крупный дождь. Комары и мошки сразу куда-то исчезли. После ужина стрелки легли спать, а мы с Дерсу долго еще сидели у огня и разговаривали. Он рассказывал мне о жизни китайцев

на Ното, рассказывал о том, как они его обидели — отобрали меха и ничего не заплатили.

Глава 18

Амба

Анимизм Дерсу. — Тигр-преследователь. — Дерсу говорит со зверем. — Квандагоу. — Охота на солонцах. — Дерсу просит тигра не сердиться. — Возвращение. — Волнение гольда. — Ночь

На другой день густой, тяжелый туман окутывал все окрестности. День казался серым, пасмурным; было холодно, сыро.

Пока люди собирали имущество и выючили лошадей, мы с Дерсу, наскоро напившись чаю и захватив в

карман по сухарю, пошли вперед. Обыкновенно по утрам я всегда уходил с бивака раньше других. Производя маршрутные съемки, я подвигался настолько медленно, что через 2 часа отряд меня обгонял и на большой привал я приходил уже тогда, когда люди успевали поесть и снова собирались в дорогу. То же самое было и после полудня: уходил я раньше, а на бивак приходил лишь к обеду.

Еще накануне Дерсу говорил мне, что в этих местах бродит много тигров, и потому не советовал отставать от отряда.

Путь наш лежал правым берегом Ли-Фудзина. Иногда тропинка

отходила в сторону, углубляясь в лес настолько, что трудно было ориентироваться и указать, где течет Ли-Фудзин, но совершенно неожиданно мы снова выходили на реку и шли около береговых обрывов.

Кто не бывал в тайге Уссурийского края, тот не может себе представить, какая это чаща, какие это заросли. Буквально в нескольких шагах ничего нельзя увидеть. В четырех или 6 м не раз случалось подымать с лежки зверя, и только шум и треск сучьев указывали направление, в котором уходило животное. Вот именно по такой-то тайге мы и шли уже подряд в течение 2 суток.

Погода нам не благоприятствовала. Все время моросило, на дорожке стояли лужи, трава была мокрая, с деревьев падали редкие крупные капли. В лесу стояла удивительная тишина. Точно все вымерло. Даже дятлы и те куда-то исчезли.

— Черт знает что за погода, — говорил я своему спутнику. — Не то туман, не то дождь, не разберешь, право. Ты как думаешь, Дерсу, разгуляется погода или станет еще хуже?

Гольд посмотрел на небо, оглянулся кругом и молча пошел дальше. Через минуту он остановился и сказал:

— Наша так думай: это земля, сопка, лес — все равно люди. Его теперь потеет. Слушай! — Он насторожился. — Его дышит, все равно люди...

Он пошел снова вперед и долго еще говорил мне о своих воззрениях на природу, где все было живым, как люди.

Было уже около 11 часов утра. Судя по времени, вьючный обоз должен был давно уже обогнать нас, а между тем сзади, в тайге, ничего не было слышно.

— Надо подождать! — сказал я своему спутнику.

Он молча остановился, снял с плеча свою берданку, приставил ее к

дереву, сошки воткнул в землю и стал искать свою трубку.

– Тьфу! Моя трубку потерял, – сказал он с досадой.

Он хотел идти назад и искать свою трубку, но я советовал ему подождать, в надежде, что люди, идущие сзади, найдут его трубку и принесут с собой. Мы простояли 20 минут. Старику, видимо, очень хотелось курить. Наконец он не выдержал, взял ружье и сказал:

– Моя думай, трубка тут близко есть. Надо назад ходи.

Обеспокоенный тем, что вьюков нет долго, и опасаясь, что с лошадьми могло что-нибудь случиться, я вместе с Дерсу пошел

назад.

Гольд шел впереди и, как всегда, качал головой и рассуждал вслух сам с собой:

— Как это моя трубка потерял? Али старый стал, али моя голова худой, али как?..

Он не закончил фразы, остановился на полуслове, затем попятился назад и, нагнувшись к земле, стал рассматривать что-то у себя под ногами. Я подошел к нему. Дерсу озираясь, имел несколько смущенный вид и говорил шепотом:

— Посмотри, капитан, это амба. Его сзади наши ходи. Это шибко худо. След совсем свежий. Его сейчас тут был...

Действительно, совершенно свежие отпечатки большой кошачьей лапы отчетливо виднелись на грязной тропинке. Когда мы шли сюда, следов на дороге не было. Я это отлично помнил, да и Дерсу не мог бы пройти их мимо. Теперь же, когда мы повернули назад и пошли навстречу отряду, появились следы: они направлялись в нашу сторону. Очевидно, зверь все время шел за нами «по пятам».

— Его близко тут прятался, — сказал Дерсу, указав рукой в правую сторону. — Его долго тут стоял, когда наша там остановился, моя трубка искал. Наша назад ходи, его тогда скоро прыгал. Посмотри, капитан, в

следах воды еще нету...

Действительно, несмотря на то что кругом всюду были лужи, вода еще не успела наполнить следы, выдавленные лапой тигра. Не было сомнения, что страшный хищник только что стоял здесь и затем, когда услышал наши шаги, бросился в чащу и спрятался где-нибудь за буреломом.

— Его далеко ходи нету. Моя хорошо понимай. погоди, капитан!..

Несколько минут мы простояли на одном месте в надежде, что какой-нибудь шорох выдаст присутствие тигра, но тишина была гробовая. Эта тишина была какой-то особенно таинственной, страшной.

— Капитан, — обратился ко мне

Дерсу, – теперь надо хорошо смотри. Твоя винтовка патроны есть? Тихонько надо ходи. Какая ямка, какое дерево на земле лежи, надо хорошо посмотри. Торопиться не надо. Это – амба. Твоя понимай – амба!..

Говоря это, он сам осматривал каждый куст и каждое дерево. Та к прошли мы около получаса. Дерсу все время шел впереди и не спускал глаз с тропинки.

Наконец мы услышали голоса: кто-то из казаков ругал лошадь. Через несколько минут подошли люди с конями. Две лошади были в грязи. Седла тоже были замазаны глиной. Оказалось, что при

переправе через одну проточку обе лошади оступились и завязли в болоте. Это и было причиной их запоздания. Как я и думал, стрелки нашли трубку Дерсу на тропе и принесли ее с собой.

Чтобы идти дальше, нужно было поправить вьюки, переложить грузы и хоть немного обмыть лошадей от грязи.

Я хотел было сделать привал и варить чай, но Дерсу посоветовал поправить одну седловку и идти дальше. Он говорил, что где-то недалеко в этих местах есть охотничий балаган. Там он полагал остановиться биваком. Подумав немного, я согласился.

Люди начали снимать с измученных лошадей вьюки, а я с Дерсу снова пошел по дорожке. Не успели мы сделать и 200 шагов, как снова наткнулись на следы тигра. Страшный зверь опять шел за нами и опять, как и в первый раз, почуяв наше приближение, уклонился от встречи. Дерсу остановился и, оборотившись лицом в ту сторону, куда скрылся тигр, закричал громким голосом, в котором я заметил нотки негодования:

— Что ходишь сзади?.. Что нужно тебе, амба? Что ты хочешь? Наша дорога ходи, тебе мешай нету. Как твоя сзади ходи? Неужели в тайге места мало?

Он потрясал в воздухе своей винтовкой. В таком возбужденном состоянии я никогда его не видывал. В глазах Дерсу была видна глубокая вера в то, что тигр, амба, слышит и понимает его слова. Он был уверен, что тигр или примет вызов, или оставит нас в покое и уйдет в другое место. Прождав 5 минут, старик облегченно вздохнул, затем закурил свою трубку и, взбросив винтовку на плечо, уверенно пошел дальше по тропинке. Лицо его снова стало равнодушно-сосредоточенным. Он «устыдил» тигра и заставил его удалиться.

Приблизительно еще с час мы шли лесом. Вдруг чаща начала

редеть. Перед нами открылась большая поляна. Тропа перерезала ее наискось по диагонали. Продолжительное путешествие по тайге сильно нас утомило. Глаз искал отдыха и простора. Поэтому можно себе представить, с какой радостью мы вышли из леса и стали осматривать поляну.

— Это Квандагоу, — сказал Дерсу. — Скоро наша балаган найди есть.

Елань^{[\[119\]](#)}, по которой мы теперь шли, была покрыта зарослями низкорослого папоротника-орляка. За лесом с северной стороны, слабо, сквозь туман, виднелись высокие горы, покрытые лесом. По низине

кое-где стояли одиночные деревья, преимущественно клен, дуб и даурская береза. С правой стороны поляны было узкое болото с солонцами, куда, по словам Дерсу, постоянно по ночам выходили изюбры и дикие козы, чтобы полакомиться водяным лютиком и погрызть соленую черную землю.

— Надо наша сегодня на охоту ходи, — говорил Дерсу, показывая сошками на болото.

Часам к 3 пополудни мы действительно нашли двускатный балаганчик. Сделан он был из кедрового корья какими-то охотниками так, что дым от костра, разложенного внутри, выходил по обе

стороны и не позволял комарам проникнуть внутрь помещения. Около балагана протекал небольшой ручей. Пришлось опять долго возиться с переправой лошадей на другой берег, но наконец и это препятствие было преодолено.

Между тем погода по-прежнему, как выражался Дерсу, «потела». С утра хмурившееся небо начало как бы немного проясняться. Туман поднялся выше, кое-где появились просветы, дождь перестал, но на земле было еще по-прежнему сыро.

Я решил остаться здесь на ночь. Мне очень хотелось поохотиться на солонцах, тем более что у нас давно не было мяса и мы уже четвертые

сутки питались одними сухарями.

Через несколько минут на биваке закипела та веселая и спешная работа, которая знакома всякому, кому приходилось подолгу бывать в тайге и вести страннический образ жизни. Развьюченные лошади были пущены на волю. Как только с них сняли седла, они сперва повалились на земле, потом, отряхнувшись, пошли на поляну кормиться.

На случай дождя все вьюки сложили в одно место и прикрыли их брезентами.

Пока возились с лошадьми и разбирали седла, кто-то успел уже разложить костер и повесить над

огнем чайник.

На биваке Дерсу проявлял всегда удивительную энергию. Он бегал от одного дерева к другому, снимал бересту, рубил жерди и сошки, ставил палатку, сушил свою и чужую одежду и старался разложить огонь так, чтобы внутри балагана можно было сидеть и не страдать от дыма глазами. Я всегда удивлялся, как успевал этот уже старый человек делать сразу несколько дел. Мы давно уже разулись и отдыхали, а Дерсу все еще хлопотал около балагана.

Через час наблюдатель со стороны увидел бы такую картину: на поляне около ручья пасутся

лошади; спины их мокры от дождя. Дым от костров не подымается кверху, а стелется низко над землей и кажется неподвижным. Спасаясь от комаров и мошек, все люди спрятались в балаган. Один только человек все еще торопливо бежит по лесу — это Дерсу: он хлопочет о заготовке дров на ночь.

В августе, да еще в пасмурный день, смеркается очень рано. Та к было и теперь. Туман держался только по вершинам гор. Ключья его бродили по кустам и казались привидениями.

Наскоро поужинав, мы пошли с Дерсу на охоту. Путь наш лежал по тропинке к биваку, а оттуда наискось

к солонцам около леса. Множество следов изюбров и диких коз было заметно по всему лугу. Черноватая земля солонцов была почти совершенно лишена растительности. Малые низкорослые деревья, окружавшие их, имели чахлый и болезненный вид. Здесь местами земля была сильно истоптана. Видно было, что изюбры постоянно приходили сюда и в одиночку и целыми стадами.

Выбрав удобное местечко, мы сели и стали поджидать зверя. Я прислонился к пню и стал осматриваться. Темнота быстро сгущалась около кустов и внизу под деревьями. Дерсу долго не мог

успокоиться. Он ломал сучки, чтобы открыть себе обстрел, и зачем-то пригибал растущую позади него березку.

Кругом в лесу и на поляне стояла мертвящая тишина, нарушаемая только однообразным жужжанием комаров. Такая тишина как-то особенно гнетуще действует на душу. Невольно сам уходишь в нее, подчиняешься ей, и, кажется, сил не хватило бы нарушить ее словом или каким-нибудь неосторожным движением.

В воздухе и на земле становилось все темнее и темнее. Кусты и деревья начали принимать неопределенные очертания: они

казались живыми существами и как будто передвигались с одного места на другое. Порой мне грезилось, что это олени; фантазия дополняла остальное. Я сжимал ружье в руках и готов был уже выстрелить, но каждый раз, взглянув на спокойное лицо Дерсу, я приходил в себя. Иллюзия сразу пропадала, и темный силуэт оленя снова принимал фигуру куста или дерева. Как мраморное изваяние сидел Дерсу. Он пытливо смотрел на кусты около солонцов и спокойно выжидал свою добычу. Один раз он вдруг насторожился, тихонько поднял свое ружье и стал напрягать зрение. Сердце мое усиленно забилося. Я тоже стал

смотреть в ту сторону, куда смотрел старик, но ничего не видел.

Скоро я заметил, что Дерсу успокоился; успокоился и я также.

Стало совсем темно, так темно, что в нескольких шагах нельзя уже было рассмотреть ни черной земли на солонцах, ни темных силуэтов деревьев. Комары нестерпимо кусали шею и руки. Я прикрыл лицо сеткой. Дерсу сидел без сетки и, казалось, совершенно не замечал их укусов.

Вдруг до слуха моего донесся шорох. Я не ошибся. Шорох исходил из кустов, находящихся по другую сторону солонцов, как раз против того места, где мы сидели. Я посмотрел на Дерсу. Он пригибал

голову и, казалось, силой своего зрения хотел проникнуть сквозь темноту и узнать причину этого шума. Иногда шорох усиливался и становился очень явственным, иногда затихал и прекращался совершенно. Сомнений не было: кто-то осторожно приближался к нам через заросли. Это изюбр шел грызть и лизать соленую землю. Мое воображение рисовало уже стройного оленя с красивыми ветвистыми рогами. Я отбросил сетку, стал слушать и смотреть, совершенно позабыв про комаров. Я искал глазами изюбра, который, по моим расчетам, был от нас в 70 или 80 шагах, не более.

Вдруг грозное ворчание, похожее на отдаленный гром, пронеслось в воздухе:

– Рrrrrrr!..

Дерсу схватил меня за руку.

– Амба, капитан! – сказал он испуганным голосом.

Жуткое чувство сразу всколыхнуло мое сердце. Я хотел бы передать, что я почувствовал, но едва ли я сумею это сделать.

Я почувствовал, как какая-то истома, какая-то тяжесть стала опускаться мне в ноги. Колени заныли, точно в них налили свинец. Ощущение это знакомо всякому, кому случалось неожиданно чего-нибудь сильно испугаться. Но в то же время

другое чувство, чувство, смешанное с любопытством, с благоговением к царственному грозному зверю и с охотничьей страстью, наполнило мою душу.

— Худо! Наша напрасно сюда ходи. Амба сердится! Это его место, — говорил Дерсу, и я не знаю, говорил ли он сам с собою или обращался ко мне. Мне показалось, что он испугался.

— Rrrrrrr!.. — снова раздалось в ночной тишине.

Вдруг Дерсу быстро поднялся с места. Я думал, он хочет стрелять.

Но велико было изумление, когда я увидел, что в руках у него не было винтовки, и когда я услышал

речь, с которой он обратился к тигру:

— Хорошо, хорошо, амба! Не надо сердиться, не надо!.. Это твое место. Наша это не знал. Наша сейчас другое место ходи. В тайге места много. Сердиться не надо!..

Гольд стоял, протянув руки к зверю. Вдруг он опустился на колени, дважды поклонился в землю и вполголоса что-то стал говорить на своем наречии. Мне почему-то стало жаль старика.

Наконец Дерсу медленно поднялся, подошел к пню и взял свою берданку.

— Пойдем, капитан! — сказал он решительно и, не дожидаясь моего ответа, быстро через заросли пошел

на тропинку.

Я безотчетно последовал за ним.

Спокойный вид Дерсу, уверенность, с какой он шел без опаски и не озираясь, успокоили меня: я почувствовал, что тигр не пойдет за нами и не решится сделать нападение.

Пройдя шагов двести, я остановился и стал уговаривать старика подождать еще немного.

— Нет, — сказал Дерсу, — моя не могу. Моя тебе вперед говори, в компании стрелять амба никогда не буду! Твоя хорошо это слушай. Амба стреляй — моя товарищ нету...

Он снова молча зашагал по тропинке. Я хотел было остаться

один, но жуткое чувство овладело мною, я побежал и догнал гольда.

Начинала всходить луна. И на небе и на земле сразу стало светлее. Далеко, на другом конце поляны, мелькал огонек нашего бивака. Он то замирал, то как будто угасал на время, то вдруг снова разгорался яркой звездочкой.

Всю дорогу мы шли молча. У каждого из нас были свои думы, свои воспоминания. Жаль мне было, что я не увидел тигра. Эту мысль я вслух высказал своему спутнику.

— О, нет! — ответил Дерсу. — Его худо посмотри. Наша так говори. Такой люди, который никогда амба посмотри нету, — счастливый. Его

всегда хорошо живи.

Дерсу глубоко вздохнул, помолчал немного и продолжал:

— Моя много амба посмотри. Один раз напрасно его стреляй. Теперь моя шибко боится. Однако моя когда-нибудь худо будет!

В словах старика было столько душевного волнения, что я опять стал жалеть его, начал успокаивать и старался перевести разговор на другую тему.

Через час мы подошли к биваку. Лошади, испуганные нашим приближением, шарахнулись в сторону и начали храпеть. Около огня засуетились люди. 2 казака вышли нам навстречу.

— Сегодня кони все время чего-то боятся, — сказал один из них. — Не едят, все куда-то смотрят. Нет ли какого зверя поблизости?

Я приказал казакам взять коней на поводки, развести костры и выставить вооруженного часового.

Весь вечер молчал Дерсу. Встреча с тигром произвела на него сильное впечатление. После ужина он тотчас же лег спать, и я заметил, что он долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок и как будто разговаривал сам с собой.

Я рассказал людям, что случилось с нами. Казаки оживились, начали вспоминать свою жизнь на Уссури, свои приключения

на охоте, кто что видел и с кем что случилось. Наши разговоры затянулись далеко за полночь. Наконец усталость начала брать свое: кто-то зевнул, кто-то начал стлать постель и укладываться на ночь. Через несколько минут в балагане все уже спали. Кругом воцарилась тишина. Слышно было только мерное дыхание спящих да треск горящих сучьев в костре. С поля доносилось пофыркиванье лошадей, в лесу ухал филин, и где-то далеко-далеко кричал сыч-воробей.

Глава 19

Ли-Фудзин

*Леса. – Содержимое котомки
Дерсу. – Приспособленность к жизни
в тайге. – Поляны Сяень-Лаза. –
Родные могилы. – Заживо
погребенные. – Река Поугоу. –
Барсук. – Нападение шершней. –
Лекарственное растение*

Чуть только начало светать, наш бивак опять атаковали комары. О сне нечего было и думать. Точно по команде все встали. Казаки быстро завьючили коней; не пивши чаю, тронулись в путь. С восходом солнца

туман начал рассеиваться; кое-где проглянуло синее небо.

От устья реки Квандагоу Ли-Фудзин начинает понемногу склоняться к северо-западу. Дальше русло его становится извилистым. Обрывистые берега и отмели располагаются, чередуясь, то с той, то с другой стороны.

В долине Ли-Фудзина растут великолепные смешанные леса. Тут можно найти всех представителей маньчжурской флоры. Кроме кедра, лиственницы, пихты, ели, вяза, дуба, ясеня, ореха и пробкового дерева, здесь произрастают: желтая береза с желтовато-зеленой листвой и с желтой пушистой корой, не дающей

бересты; особый вид клена — развесистое дерево с гладкой темно-серой корой, с желтоватыми молодыми ветвями и с глубоко рассеченными листьями; затем ильм — высокое стройное дерево, имеющее широкую развесистую крону и острые шершавые листья; граб, отличающийся от других деревьев темной корой и цветами, висящими, как кисти; черемуха Максимовича с пригнутыми к земле ветвями, образующими непроходимую чащу, и наконец бересклет — небольшое тонкоствольное деревцо с корой, покрытой беловатыми чечевичками, располагающимися продольными рядками, и с листьями удлиненно-

обратноовальными. Около реки и вообще по сырым местам, где больше света, росли: козья ива — полукуст-полудерево; маньчжурская смородина с трехлопастными острозубчатыми листьями; таволжка шелковистая — очень ветвистый кустарник, который легко узнать по узким листьям, любящий каменистую почву; жасмин — теневое растение с красивыми сердцевидными, заостренными листьями и белыми цветами и ползучий лимонник с темной крупной листвой и красными ягодами, цепляющийся по кустам и деревьям.

Лес, растущий около воды, скорее способствует обрушиванию

берегов, чем их закреплению. Большое дерево, подмытое водой, при падении своим увлекает огромную глыбу земли, а вместе с ней и деревья, растущие поблизости. Бурелом этот плывет по реке до тех пор, пока не застрянет где-нибудь в протоке. Тотчас вода начинает заносить его песком и галькой. Нередко можно видеть водопады, основанием которых служат гигантские стволы тополей или кедров. Если такому плавнику посчастливится пройти через перекаты, то до устья дойдет только ствол, измочаленный и лишенный коры и веток.

В среднем течении Ли-Фудзин

проходит у подножия так называемых Черных скал. Здесь река разбивается на несколько протоков, которые имеют вязкое дно и илистые берега. Вследствие засоренности главного русла вода не успевает пройти через протоки и затопляет весь лес. Тогда сообщение по тропе прекращается. Путники, которых случайно застанет здесь непогода, карабкаются через скалы и в течение целого дня успевают пройти не более 3 или 4 км.

В полдень мы остановились на большой привал и стали варить чай.

При выходе из поста Ольги С.З. Балк дал мне бутылку с ромом. Ром этот я берег как лекарство и давал

его стрелкам пить с чаем в ненастные дни. Теперь в бутылке осталось только несколько капель. Чтобы не нести напрасно посуды, я вылил остатки рома в чай и кинул ее в траву. Дерсу стремглав бросился за ней.

— Как можно ее бросай? Где в тайге другую бутылку найди? — воскликнул он, развязывая свою котомку.

Действительно, для меня, горожанина, пустая бутылка никакой цены не имела. Но для дикаря, живущего в лесу, она составляла большую ценность.

По мере того как он вынимал свои вещи из котомки, я все больше и

больше изумлялся. Чего тут только не было: порожний мешок из-под муки, 2 старенькие рубашки, свиток тонких ремней, пучок веревок, старые унты, гильзы от ружья, пороховница, свинец, коробочка с капсулями, полотнище палатки, козья шкура, кусок кирпичного чая вместе с листовым табаком, банка из-под консервов, шило, маленький топор, жестяная коробочка, спички, кремь, огниво, трут, смолье для растопок, береста, еще какая-то баночка, кружка, маленький котелок, туземный кривой ножик, жильные нитки, 2 иголки, пустая катушка, какая-то сухая трава, кабанья желчь, зубы и когти медведя, копытца

кабарги и рысьи кости, нанизанные на веревочку 2 медные пуговицы и множество разного хлама. Среди этих вещей я узнал такие, которые я раньше бросал по дороге. Очевидно, все это он подбирал и нес с собой.

Осматривая его вещи, я рассортировал их на 2 части и добрую половину посоветовал выбросить. Дерсу взмолился. Он просил ничего не трогать и доказывал, что потом все может пригодиться. Я не стал настаивать и решил впредь ничего не бросать, прежде чем не спрошу на это его согласия.

Точно боясь, чтобы у него не отняли чего-нибудь, Дерсу спешно

собрал свою котомку и особенно старательно спрятал бутылку.

Около Черных скал тропа разделилась. Одна (правая) пошла в горы в обход опасного места, а другая направилась куда-то через реку. Дерсу, хорошо знающий эти места, указал на правую тропу. Левая, по его словам, идет только до зверовой фанзы Цу-жун-гоу [\[120\]](#) и там кончается.

Сразу с привала начинается подъем, но до самой вершины тропа не доходит.

С километр она идет косогором, а затем опять спускается в долину.

К вечеру небо снова заволокло тучами. Я опасался дождя, но Дерсу

сказал, что это не туча, а туман и что завтра будет день солнечный, даже жаркий. Я знал, что его предсказания всегда сбываются, и потому спросил его о приметах.

— Моя так посмотри, думай — воздух легкий, тяжело нету, — гольд вздохнул и показал себе на грудь.

Он так сжился с природой, что органически всем своим существом мог предчувствовать перемену погоды. Как будто для этого у него было еще шестое чувство.

Дерсу удивительно приспособился к жизни в тайге. Место для своего ночлега он выбирал где-нибудь под деревом между 2 корнями, так что дупло защищало его

от ветра; под себя он подстилал кору пробкового дерева, на сучок где-нибудь вешал унты так, чтобы их не спалило огнем. Винтовка тоже была рядом с ним, но она лежала не на земле, а покоилась на 2 коротеньких сошках. Дрова у него всегда горели лучше, чем у нас. Они не бросали искр, и дым от костра относил в сторону. Если ветер начинал меняться, он с подветренной стороны ставил заслон. Все у него было к месту и под рукой.

По отношению к человеку природа безжалостна. После короткой ласки она вдруг нападает и как будто нарочно старается подчеркнуть его беспомощность.

Путешественнику постоянно приходится иметь дело со стихиями: дождь, ветер, наводнение, гнус, болота, холод, снег и т.д. Даже самый лес представляет собой стихию. Дерсу больше нас был в соответствии с окружающей его обстановкой.

Следующий день — 7 августа. Как только взошло солнце, туман начал рассеиваться, и через какие-нибудь полчаса на небе не было ни одного облачка. Роса перед рассветом обильно смочила траву, кусты и деревья. Дерсу не было на биваке. Он ходил на охоту, но неудачно, и возвратился обратно как раз ко времени выступления. Мы сейчас же тронулись в путь.

По дороге Дерсу рассказал мне, что исстари к западу от Сихотэ-Алиня жили гольды, а с восточной стороны — удэгейцы, но потом там появились охотники-китайцы. Действительно, манзовские охотничьи шалаши встречались во множестве. Можно было так соразмерить свой путь, чтобы каждый раз ночевать в балагане.

Через 10 км нам пришлось еще раз переправляться через реку, которая разбилась на множество протоков, образуя низкие острова, заросшие лесом. Слои ила, бурелом, рывины и пригнутый к земле кустарник — все это указывало на недавнее большое наводнение.

Вдруг лес сразу кончился, и мы вышли к полянам, которые китайцы называют Сяень-Лаза. Их три: первая — длиной в 2 км, вторая — в 500 м и третья — самая большая, занимающая площадь в 6 км². Поляны эти отделены друг от друга небольшими перелесками. Здесь происходит слияние Ли-Фудзина с рекой Синанцей, по которой мы прошли первый раз через Сихотэ-Алинь к посту Ольги. Выйдя из леса, река отклоняется сначала влево, а затем около большой поляны снова пересекает долину и подходит к горам с правой стороны. Дальше мы не пошли и стали биваком на берегу реки, среди дубового редколесья.

Возвратившиеся с разведок казаки сообщили, что видели много звериных следов, и стали проситься на охоту.

Днем четвероногие обитатели тайги забиваются в чащу, но перед сумерками начинают подыматься со своих лежек. Сначала они бродят по опушкам леса, а когда ночная мгла окутает землю, выходят пастись на поляны. Казаки не стали дожидаться сумерек и пошли тотчас, как только развьючили лошадей и убрали седла. На биваке остались мы вдвоем с Дерсу.

Сегодня я заметил, что он весь день был как-то особенно рассеян. Иногда он садился в стороне и о чем-

то напряженно думал. Он опускал руки и смотрел куда-то вдаль. На вопрос, не болен ли он, старик отрицательно качал головой, хватался за топор и, видимо, всячески старался отогнать от себя какие-то тяжелые мысли.

Прошло 2,5 часа. Удлинившиеся до невероятных размеров тени на земле указывали, что солнце уже дошло до горизонта. Пора было идти на охоту. Я окликнул Дерсу. Он точно чего-то испугался.

— Капитан, — сказал он мне, и в голосе его зазвучали просительные ноты, — моя не могу сегодня охота ходи. Там, — он указал рукой в лес, — помирай есть моя жена и мои дети.

Потом он стал говорить, что по их обычаю на могилы покойников нельзя ходить, нельзя вблизи стрелять, рубить лес, собирать ягоды и мять траву – нельзя нарушать покой усопших.

Я понял причину его тоски, и мне жаль стало старика. Я сказал ему, что совсем не пойду на охоту и останусь с ним на биваке.

В сумерки я услышал 3 выстрела – и обрадовался. Охотники стреляли далеко в стороне от того места, где находились могилы.

Когда совсем смерклось, возвратились казаки и принесли с собой козулю. После ужина мы рано легли спать. Два раза я просыпался

ночью и видел Дерсу, сидящего у огня в одиночестве.

Утром мне доложили, что Дерсу куда-то исчез. Вещи его и ружье остались на месте. Это означало, что он вернется. В ожидании его я пошел побродить по поляне и незаметно подошел к реке. На берегу ее около большого камня я застал гольда. Он неподвижно сидел на земле и смотрел в воду. Я окликнул его. Он повернул ко мне свое лицо. Видно было, что он провел бессонную ночь.

– Пойдем, Дерсу! – обратился я к нему.

– Тут раньше моя живи, раньше здесь юрта была и амбар. Давно сгорели. Отец, мать тоже здесь

раньше жили...

Он не закончил фразы, встал и, махнув рукой, молча пошел на бивак. Там все уже было готово к выступлению; казаки ждали только нашего возвращения.

От места слияния Ли-Фудзина с Синанцей начинается Фудзин. Горы с левой стороны состоят из выветрелого туфа и кварцевого порфира. Прилегающая часть долины покрыта лесом, заболоченным и заваленным колодником. Поэтому тропа здесь идет косогорами в полгоры, а через 2 км опять спускается в долину.

Вскоре после полудня мы дошли до знакомой нам фанзы Йолайзы.

Когда мы проходили мимо тазовских фанз, Дерсу зашел к туземцам. К вечеру он прибежал испуганный и сообщил страшную новость: 2 дня тому назад по приговору китайского суда заживо были похоронены в земле китаец и молодой таз. Такое жестокое наказание они понесли за то, что из мести убили своего кредитора. Погребение состоялось в лесу, в расстоянии 1 км от последних фанз. Мы бегали с Дерсу на одно место и увидели там 2 невысоких холмика земли. Над каждой могилой была поставлена доска, на которой тушью были написаны фамилии погребенных. Усопшие уже не нуждались в нашей помощи, да и что

могли сделать мы вчетвером среди хорошо вооруженных китайских охотников?

Я полагал провести в фанзе Иолайза 2 дня, но теперь это место мне стало противным. Мы решили уйти подальше и где-нибудь в лесу остановиться на дневку.

Вместе с Дерсу мы выработали такой план: с реки Фудзина пойти на Ното, подняться до ее истоков, перевалить через Сихотэ-Алинь и по реке Вангоу снова выйти на Тадушу. Дерсу знал эти места очень хорошо, и потому расспрашивать китайцев о дороге не было надобности.

Утром 8 августа мы оставили Фудзин — это ужасное место. От

фанзы Иолайза мы вернулись сначала к горам Сяень-Лаза, а оттуда пошли прямо на север по небольшой речке Поугоу, что в переводе на русский язык значит «козья долина». Проводить нас немного вызвался 1 пожилой таз. Он все время шел с Дерсу и что-то рассказывал ему вполголоса. Впоследствии я узнал, что они были старые знакомые и таз собирался тайно переселиться с Фудзина куда-нибудь на побережье моря.

Расставаясь с ним, Дерсу в знак дружбы подарил ему ту самую бутылку, которую я бросил на Ли-Фудзине. Надо было видеть, с какой довольной улыбкой таз принял от

него этот подарок.

Долина реки Поугоу представляет собой довольно широкий распадок. Множество горных ключей впадает в него с той и с другой стороны. Пологие холмы и высокие реки, вдающиеся в долину с боков, покрыты редким лиственным лесом и кустарниковой порослью. Это и есть самые любимые места диких козуль.

После полудня Дерсу нашел маленькую тропку, которая вела нас к перевалу, покрытому густым лесом. Здесь было много барсучьих нор. Одни из них были старые, другие — совсем свежие. В некоторых норах поселились лисицы, что можно было

узнать по следам на песке.

Отряд наш несколько отстал, а мы с Дерсу шли впереди и говорили между собой. Вдруг в 30 шагах от себя я увидел, что в зарослях кто-то шевелится. Это оказался барсук, близкородственный японскому барсуку и распространенный по всему краю. Окраска его буро-серая с черным, морда белесоватая с продольными темными полосами около глаз. Барсук — животное всеядное, ведущее одиночную жизнь. Китайцы и инородцы специально за ним не охотятся, но бьют, если попадается под выстрелы. Шкура его, покрытая жесткими волосами, употребляется ими на чехлы к

ружьям и оторочку сумок.

Замеченный мною барсук часто подымался на задние ноги и старался что-то достать, но что именно — я рассмотреть никак не мог. Он так был занят своим делом, что совершенно не замечал нас. Долго мы следили за ним, наконец мне наскучило это занятие, и я пошел вперед.

Испуганный шумом, барсук бросился в сторону и быстро исчез из виду. Придя на то место, где было животное, я остановился и стал осматриваться. Вдруг я услышал крики Дерсу. Он махал руками и давал мне понять, чтобы я скорее отходил назад. В это время я

почувствовал сильную боль в плече. Схватив рукой больное место, я поймал какое-то крупное насекомое. Оно тотчас ужалило меня в руку. Тут только я заметил на кусте бузины совсем рядом с собой большое гнездо шершней. Я бросился бежать и стал ругаться. Несколько насекомых погнались за мной следом.

— погоди, капитан, — сказал Дерсу, вынимая топор из котомки. Выбрав тонкое дерево, он срубил его и очистил от веток. Потом набрал бересты и привязал ее к концу жерди. Когда шершни успокоились, он зажег бересту и поднес ее под самое гнездо. Оно вспыхнуло, как бумага. Подпаливая шершней, Дерсу

приговаривал:

— Что, будешь нашего капитана кусать?

Покончив с шершнями, он побежал опять в лес, нарвал какой-то травы и, растерев ее на лезвии топора, приложил мне на больные места, а сверху прикрыл кусочками мягкой бересты и обвязал тряпицами. Через 10 минут боль стала утихать. Я просил его показать мне эту траву. Он опять сходил в лес и принес растение, которое оказалось маньчжурским ломоносом. Дерсу сообщил мне, что трава эта также помогает и от укусов змей, что эту-то именно траву и едят собаки. Она вызывает обильное выделение

слюны; слюна, смешанная с соком травы, при зализывании укушенного места является спасительной и парализует действие яда. Покончив с перевязкой, мы пошли дальше. Разговор наш теперь вертелся около шершней и ос. Дерсу считал их самыми «вредными людьми» и говорил:

— Его постоянно сам кусай. Теперь моя всегда его берестой пали.

Через 2 дня мы достигли водораздела. И подъем на хребет и спуск с него были одинаково крутыми. По ту сторону перевала мы сразу попали на тропинку, которая привела нас к фанзе соболевщика-китайца. Осмотрев ее, Дерсу сказал,

что хозяин ее жил здесь несколько дней подряд и ушел только вчера. Я высказал сомнение. В фанзе мог быть и не хозяин, а работник или случайный прохожий. Вместо ответа Дерсу указал мне на старые вещи, выброшенные из фанзы и замененные новыми. Это мог сделать только сам хозяин. С этими доводами нельзя было не согласиться.

Глава 20

Искатель женьшеня

Енотовидная собака. – Охота на кабанов. – Лес в истоках реки Дананцы. – Привидения. – Перевал Забытый. – Гора Тудинза. – Птицы. – Река Вангоу. – Страшный выстрел. – Дерсу ранен. – Солонцы. – Брошенная лудева. – Встреча с Гранатманом и Мерзляковым. – Река Динзахе. – Птицы. – Искатель женьшеня

К вечеру в этот день нам удалось дойти до реки Ното. Истоки ее находятся приблизительно там, где

пересекаются 45-я параллель и 135-й меридиан (от Гринвича). Отсюда берут начало река Ваку и все верхние левые притоки Имана.

Река Ното (по-удэгейски Нынту) длиной около 120 км. В верхней половине она состоит из 2 рек одинаковой величины: Дабэйцы^[121] и Дананцы^[122]. Названия эти китайские и указывают направление их течений. Первая течет с севера, вторая – с юга. Место слияния их определяет границу, где кончаются леса и начинаются открытые места и земледельческие фанзы. Если идти вверх по реке Дабэйце, то можно выйти в верховья Ваку и далее к охотничьему поселку Сидатун на

Имане.

Верховья Ното по справедливости считаются самыми глухими местами Уссурийского края. Китайские фанзы, разбросанные по тайге, нельзя назвать ни охотничьими, ни земледельческими. Сюда стекается весь беспокойный манзовский элемент, падкий до легкой наживы, способный на грабежи и убийства.

Долина нижнего Ното является как бы продолжением долины Дананцы. Она принимает в себя справа реку Себучар и, согласуясь с ее направлением, поворачивает к югу. Недалеко от впадения своего в Улахе она снова склоняется на юго-

запад. Таким образом, бассейн реки Ното со своими притоками составляет систему тектонических долин, сходящихся почти под прямыми углами с денудационными долинами прорыва. Первые представляют собой прямые долины, узкие в вершинах и постепенно расширяющиеся книзу, вторые — изломанные и состоящие из целого ряда котловин, замыкаемых горами, так что вперед сказать, куда повернет река, — невозможно. Котловины между собой соединены узкими проходами. Обыкновенно в этих местах река делает поворот. Вследствие этого очень часто притоки легко принять за главную

долину; ошибка разъясняется только тогда, когда подходишь к ним вплотную.

Река Ното порожистая, и плавание по ней считается опасным. В нижнем течении она около 60 м ширины, 1 м глубины и имеет быстроту течения до 8 км в час в малую воду. В дождливый период года вода, сбегаящая с гор, переполняет реку и производит внизу большие опустошения.

Тут мы нашли брошенные инородческие юрты и старые развалившиеся летники. Дерсу мне сообщил, что раньше на реке Ното жили удэгейцы (четверо мужчин и две женщины с тремя детьми), но

китайцы вытеснили их на реку Ваку. В настоящее время по всей долине Ното охотничают и соболуют одни манзы.

На другой день мы пошли вверх по реке Дананце. Она длиной около 50 км.

Здесь в лесах растет много тиса. Некоторые деревья достигают 10 м высоты и метра в обхвате на грудной высоте.

Не доходя 10 км до перевала, тропа делится на две. Одна идет на восток, другая поворачивает к югу. Если идти по первой, то можно выйти на реку Динзахе, вторая приведет на Вангоу (притоки Тадушу). Мы выбрали последнюю.

Тропа эта пешеходная, много кружит и часто переходит с одного берега на другой.

В походе Дерсу всегда внимательно смотрел себе под ноги; он ничего не искал, но делал это просто так, по привычке. Один раз он нагнулся и поднял с земли палочку. На ней были следы удэгейского ножа. Место среза давно уже почернело.

Разрушенные юрты, порубки на деревьях, пни, на которых раньше стояли амбары, и эта строганая палочка свидетельствовали о том, что удэгейцы были здесь год тому назад.

В сумерки мы встали биваком на

гальке в надежде, что около воды нас не так будут допекать комары.

Козулятина приходила к концу, надо было достать еще мяса. Мы сговорились с Дерсу и пошли на охоту. Было решено, что от рассошины [\[123\]](#) я пойду вверх по реке, а он по ручейку в горы.

Уссурийская тайга оживает 2 раза в сутки: утром, перед восходом солнца, и вечером, во время заката.

Когда мы вышли с бивака, солнце стояло уже низко над горизонтом. Золотистые лучи его пробивались между стволами деревьев в самые затаенные уголки тайги. Лес был удивительно красив в эту минуту. Величественные кедры

своей темной хвоей как будто хотели прикрыть молодняк. Огромные тополи, насчитывающие около 300 лет, казалось, спорили в силе и мощности с вековыми дубами. Рядом с ними в сообществе росли гигантские липы и высокоствольные ильмы. Позади них виднелся коренастый ствол осокоря, потом черная береза, за ней — ель и пихта, граб, пробковое дерево, желтый клен и т.д. Дальше за ними уже ничего не было видно. Там все скрывалось в зарослях крушины, бузины и черемушника.

Время шло. Трудовой день кончился; в лесу сделалось сумрачно. Солнечные лучи освещали теперь

только вершины гор и облака на небе. Свет, отраженный от них, еще некоторое время освещал землю, но мало-помалу и он стал блекнуть.

Жизнь пернатых начала замирать, зато стала просыпаться другая жизнь — жизнь крупных четвероногих.

До слуха моего донесся шорох. Скоро я увидел и виновника шума — это была енотовидная собака — животное, занимающее среднее место между собаками, куницами и енотами. Тело ее, длиною около 80 см, поддерживается короткими ногами, голова заостренная, хвост длинный, общая окраска серая с темными и белесоватыми

просветами, шерсть длинная, отчего животное кажется больше, чем есть на самом деле.

Енотовидная собака обитает почти по всему Уссурийскому краю, преимущественно же в западной и южной его частях, и держится главным образом по долинам около рек. Животное это трусливое, ведущее большей частью ночной образ жизни, и весьма прожорливое. Его можно назвать всеядным; оно не отказывается от растительной пищи, но любимое лакомство его составляют рыбы и мыши. Если летом корма было достаточно, то зимой енотовидная собака погружается в спячку.

Проводив ее глазами, я постоял с минуту и пошел дальше.

Через полчаса свет на небе еще более отодвинулся на запад. Из белого он стал зеленым, потом желтым, оранжевым и наконец темно-красным. Медленно земля совершала свой поворот и, казалось, уходила от солнца навстречу ночи.

В это время я услышал треск сучьев и вслед за тем какое-то сопение. Я замер на месте. Из чащи, окутанной мраком, показались 2 темные массы. Я узнал кабанов. Они направлялись к реке. Судя по неторопливому шагу животных, я понял, что они меня не видали. Один кабан был большой, а другой

поменьше. Я выбрал меньшего и стал в него целиться. Вдруг большой кабан издал резкий крик, и одновременно я спустил курок. Эхо подхватило звук выстрела и далеко разнесло его по лесу. Большой кабан шарахнулся в сторону. Я думал, что промахнулся, и хотел уже было двинуться вперед, но в это время увидел раненого зверя, поднимающегося с земли. Я выстрелил второй раз, животное ткнулось мордой в траву и опять стало подниматься. Тогда я выстрелил в третий раз. Кабан упал и остался недвижим. Я подошел к нему. Это была свинья средней величины, вероятно, не более 130 кг весом.

Чтобы мясо не испортилось, я выпотрошил кабана и хотел было уже идти на бивак за людьми, но опять услышал шорох в лесу. Это оказался Дерсу. Он пришел на мои выстрелы. Я очень удивился, когда он спросил меня, кого я убил. Я мог и промахнуться.

— Нет, — засмеялся он, — моя хорошо понимай, тебе убей есть.

Я просил объяснить мне, на чем он основывает свои предположения. Гольд сказал мне, что обо всем происшедшем он узнал не по выстрелам, а по промежуткам между ними. Одним выстрелом редко удается убить зверя. Обыкновенно приходится делать 2—3 выстрела.

Если бы он слышал только один выстрел, то это значило бы, что я промахнулся. Три выстрела, часто следующих один за другим, говорят за то, что животное убегает и выстрелы пускаются вдогонку. Но выстрелы с неравными промежутками между ними показывают, что зверь ранен и охотник его добивает.

Решено было, что до рассвета кабан останется на месте, а с собой мы возьмем только печень, сердце и почки животного.

Затем мы разложили около него огонь и пошли назад.

Было уже совсем темно, когда мы подходили к биваку.

Свет от костров отражался по реке яркой полосой. Полоса эта как будто двигалась, прерывалась и появлялась вновь у противоположного берега. С бивака доносились удары топора, говор людей и смех. Расставленные на земле комарники, освещенные изнутри огнем, казались громадными фонарями. Казаки слышали мои выстрелы и ждали добычи. Принесенная кабанина тотчас же была обращена в ужин, после которого мы напились чаю и улеглись спать. Остался только один караульный для охраны коней, пущенных на волю.

11 числа мы продолжали свой

путь по реке Дананце. Здесь в изобилии растет кедр. По мере приближения к Сихотэ-Алиню строевой лес исчезает все больше и больше и на смену ему выступают леса поделочного характера, и наконец в самых истоках растет исключительно замшистая и жидкая ель, лиственница и пихта. Корни деревьев не углубляются в землю, а стелются на поверхности. Сверху они чуть-чуть только прикрыты мхами. От этого деревья недолговечны и стоят непрочно. Молодняк 20-летнего возраста свободно опрокидывается на землю усилиями одного человека. Отмирание деревьев происходит от вершин.

Иногда умершее дерево продолжает еще долго стоять на корню, но стоит до него слегка дотронуться, как оно тотчас же обваливается и рассыпается в прах.

При подъеме на крутые горы, в особенности с ношей за плечами, следует быть всегда осторожным. Надо внимательно осматривать деревья, за которые приходится хвататься. Уже не говоря о том, что при падении такого рухляка сразу теряешь равновесие, но, кроме того, обломки сухостоя могут еще разбить голову. У берез древесина разрушается всегда скорее, чем кора. Труха из них высыпается, и на земле остаются лежать одни берестяные

футляры.

Такие леса всегда пустынные. Не видно нигде звериных следов, нет птиц, не слышно жужжания насекомых. Стволы деревьев в массе имеют однотонную буро-серую окраску. Тут нет подлеска, нет даже папоротников и осок. Куда ни глянешь, всюду кругом мох: и внизу под ногами, и на камнях, и на ветвях деревьев. Тоскливое чувство навевает такая тайга. В ней всегда стоит мертвая тишина, нарушаемая только однообразным свистом ветра по вершинам сухостоев. В этом шуме есть что-то злобное, предостерегающее. Такие места удэгейцы считают обиталищами

ЗЛЫХ ДУХОВ.

К вечеру мы немного не дошли до перевала и остановились у предгорий Сихотэ-Алиня. На этот день на разведки я послал казаков, а сам с Дерсу остался на биваке. Мы скоро поставили односкатную палатку, повесили над огнем чайник и стали ждать возвращения людей. Дерсу молча курил трубку, а я делал записи в свой дневник.

В переходе от дня к ночи всегда есть что-то таинственное. В лесу в это время становится сумрачно и тоскливо. Кругом воцаряется жуткое безмолвие. Затем появляются какие-то едва уловимые ухом звуки. Как будто слышатся глубокие вздохи.

Откуда они исходят? Кажется, что вздыхает сама тайга. Я оставил работу и весь отдался влиянию окружающей меня обстановки. Голос Дерсу вывел меня из задумчивости.

— Худо здесь наша спи, — сказал он как бы про себя.

— Почему? — спросил я его.

Он указал рукой на клочья тумана, которые появились в горах и, точно привидения, бродили по лесу.

— Тебе, капитан, понимай нету, — продолжал он. — Его тоже все равно люди.

Дальше из его слов я понял, что раньше это были люди, но они заблудились в горах, погибли от голода, и вот теперь души их бродят

по тайге в таких местах, куда редко заходят живые.

Вдруг Дерсу насторожился.

– Слушай, капитан, – сказал он тихо.

Я прислушался. Со стороны, противоположной той, куда ушли казаки, издали доносились странные звуки. Точно кто-нибудь рубил там дерево. Потом все стихло. Прошло 10 минут, и опять новый звук пронесся в воздухе. Точно кто-то лязгал железом, но только очень далеко. Вдруг сильный шум прокатился по всему лесу. Должно быть, упало дерево.

– Это его, его, – забормотал испуганно Дерсу, и я понял, что он

говорит про души заблудившихся и умерших. Затем он вскочил на ноги и что-то по-своему стал сердито кричать в тайгу. Я спросил его, что это значит.

— Моя мало-мало ругается, — отвечал он. — Моя ему сказал, что наша одну только ночь здесь спи и завтра ходи дальше.

В это время с разведок вернулись казаки и принесли с собой оживление. Ночных звуков больше не было слышно, и ночь прошла спокойно.

На следующий день я проснулся раньше солнца и тотчас же принялся будить разоспавшихся казаков. Солнечный восход застал нас уже в

дороге.

Подъем со стороны реки Дананцы был длинный, пологий, спуск в сторону моря крутой. Самый перевал представляет собой довольно глубокую седловину, покрытую хвойным лесом, высотой в 870 м. Я назвал его Забытым.

В горах Сихотэ-Алиня почти всегда около глубоких седловин располагаются высокие горы. Та к было и здесь. Слева от нас высилась большая гора с плоской вершиной, которую называют Тудинза.

Оставив казаков ожидать нас в седловине, мы вместе с Дерсу поднялись на гору. По гипсометрическим измерениям

высота ее равна 1160 м. Подъем, сначала пологий, по мере приближения к вершине становился все круче и круче. Бесспорно, что гора Тудинза является самой высокой в этой местности. Вершина ее представляет собой небольшую площадку, покрытую травой и обставленную по краям низкорослой ольхой и березой.

Сверху, с горы, открывался великолепный вид во все стороны. Перед нами развернулась красивая панорама. Земля внизу казалась морем, а горы — громадными окаменевшими волнами. Ближайшие вершины имели причудливые очертания, за ними толпились

другие, но контуры их были задернуты дымкой синеватого тумана, а дальше уже нельзя было разобрать, горы это или кучевые облака на горизонте. В этом месте хребет Сихотэ-Алинь делает небольшой излом к морю, а затем опять поворачивает на северо-восток. Гора Тудинза находилась как раз в углу излома. Сверху я легко мог разобраться в расположении горных складок и в направлениях течений рек. К западу текли Ли-Фудзин и Ното, к северо-востоку — Тютихе, к востоку — Динзахе и на юго-восток — Вангоу.

Покончив с кипячением воды, мы стали спускаться обратно к

седловине.

Я не знаю, что труднее – подъем или спуск. Правда, при подъеме в работе участвует дыхание, зато положение тела устойчивее. При спуске приходится все время бороться с тяжестью собственного тела. Каждый знает, как легко подыматься по осыпям вверх и как трудно по ним спускаться книзу.

Надо все время упираться ногой в камни, в бурелом, в основание куста, в кочку, обросшую травой, и т.д. При подъеме на гору это не опасно, но при спуске всегда надо быть осторожным. В таких случаях легко сорваться с кручи и полететь вниз головой.

Восхождение на гору Тудинзу отняло у нас целый день. Когда мы спустились в седловину, было уже поздно. На самом перевале находилась кумирня. Казаки нашли в ней леденцы. Они сидели за чаем и благодумствовали.

И здесь, как и на реке Вай-Фудзине, при переходе через Сихотэ-Алинь, наблюдателя поражает разница в растительности. За водоразделом мы сразу попали в лиственный лес; хвоя и мох остались позади.

В истоках Вангоу стояла китайская зверовая фанза Цоцогоуза^[124]; в ней мы заночевали.

Перед сумерками я взял ружье и

отправился на разведки. Я шел медленно, часто останавливался и прислушивался. Вдруг до слуха моего донеслись какие-то странные звуки, похожие на певучее карканье. Я притаился и вскоре увидел вурона. Птица эта гораздо крупнее обыкновенной вороны. Крики, издаваемые вороном, довольно разнообразны и даже приятны для слуха. Он сидел на дереве и как будто разговаривал сам с собой. В голосе его я насчитал 9 колен. Заметив меня, птица испугалась. Она легко снялась с места и полетела назад. В одном месте в расщелине между корой и древесиной я заметил гнездо пищухи, а затем и ее самое. Эта

серенькая живая и веселая птичка лазала по дереву и своим длинным и тонким клювом ощупывала кору. Иногда она двигалась так, что приходилась спиной книзу и лапками держалась за ветки. Рядом с ней сустились 2 амурских поползня. Они тихонько пищали и проворно осматривали каждую складку на дереве и действовали своими коническими клювами, как долотом, нанося удары не прямо, а сбоку, то с одной, то с другой стороны.

На возвратном пути я убил 3 рябчиков, которые и доставили нам хороший ужин.

На рассвете (это было 12 августа) меня разбудил Дерсу. Казаки

еще спали. Захватив с собой гипсометры, мы снова поднялись на Сихотэ-Алинь. Мне хотелось смерить высоту с другой стороны седловины. Насколько я мог уяснить, Сихотэ-Алинь тянется здесь в направлении к юго-западу и имеет пологие склоны, обращенные к Дананце, и крутые к Тадушу. С одной стороны были только мох и хвоя, с другой — смешанные лиственные леса, полные жизни.

Когда мы вернулись в фанзу, отряд наш был уже готов к выступлению. Стрелки и казаки позавтракали, согрели чай и ожидали нашего возвращения. Закусив немного, я велел им седлать коней, а

сам вместе с Дерсу пошел вперед по тропинке.

Река Вангоу имеет вид горной таежной речки, длиной около 20 км, протекающей по продольной межскладчатой долине, покрытой отличным строевым лесом. На этом протяжении она принимает в себя 5 небольших притоков: 3 с левой стороны – Тунца^[125], Сяоца^[126] и Сиявангул^[127], и 2 с правой – Та-Сица^[128] и Сяо-Сица^[129].

К несчастью, река Вангоу сплавной быть не может, потому что русло ее засорено галькой и завалено буреломом.

Около устья первой речки мы остановились, чтобы подождать

вьючный обоз.

Дерсу сел на берегу речки и стал переобуваться, а я пошел дальше. Тропинка описывает здесь дугу в 120 градусов. Отойдя немного, я оглянулся назад и увидел его, сидящего на берегу речки. Он махнул мне рукой, чтобы я его не дожидался.

Едва я вступил на опушку леса, как сразу наткнулся на кабанов, но выстрелить не успел. Заметив, куда побежали животные, я бросился им наперерез. Действительно, через несколько минут я опять догнал их. Сквозь чащу я видел, как что-то мелькнуло. Выбрав момент, когда темное пятно остановилось, я приложился и выстрелил. В то же

мгновение я услышал человеческий крик и затем болезненный стон. Безумный страх овладел мной. Я понял, что стрелял в человека, и кинулся через заросли к роковому месту. То, что я увидел, поразило меня как обухом по голове. На земле лежал Дерсу.

– Дерсу! Дерсу! – закричал я не своим голосом и бросился к нему.

Он уперся левой рукой в землю и, приподнявшись немного на локте, правой рукой закрыл глаза. Я тормозил его и торопливо, испуганно спрашивал, куда попала пуля.

– Спина больно, – отвечал он.

Я спешно стал снимать с него

верхнюю одежду. Его куртка и нижняя рубашка были разорваны. Наконец я его раздел. Вздых облегчения вырвался из моей груди. Пулевой раны нигде не было. Вокруг контуженого места был кровоподтек немногим более пятикопеечной монеты. Тут только я заметил, что я дрожу, как в лихорадке. Я сообщил Дерсу характер его ранения. Он тоже успокоился. Заметив волнение, он стал меня успокаивать:

— Ничего, капитан! Тебе виноват нету. Моя назади был. Как тебе понимай, что моя впереди ходи.

Я поднял его, посадил и стал расспрашивать, как могло случиться, что он оказался между мной и

кабанами. Оказалось, что кабанов он заметил со мной одновременно. Прирожденная охотничья страсть тотчас в нем заговорила. Он вскочил и бросился за животными. А так как я двигался по круговой тропе, а дикие свиньи шли прямо, то, следуя за ними, Дерсу скоро обогнал меня. Куртка его по цвету удивительно подходила к цвету шерсти кабана. Дерсу в это время пробирался по чаще согнувшись. Я принял его за зверя и выстрелил.

Пуля разорвала куртку и контузила спину, вследствие чего у него отнялись ноги.

Через 10 минут подошли вьюки. Первое, что я сделал, — это смазал

ушиб раствором йода, затем освободил одну лошадь, а груз разложил по другим коням. На освободившееся седло мы посадили Дерсу и пошли дальше от этого проклятого места.

После полудня там, где река Вангоу принимает в себя сразу 3 притока, мы нашли еще 1 зверовую фанзу. Дальше идти было нельзя: у Дерсу болела голова и ломило спину.

Я решил остановиться на ночлег. Раненого мы перенесли на руках в фанзу и положили на кан. Я старался окружить его самым заботливым уходом. Первым долгом я положил ему согревающий компресс на спину, для чего разорвал на полосы один

комарник.

К вечеру Дерсу немного успокоился. Зато я не мог найти себе места. Мысль, что я стрелял в человека, которому обязан жизнью, не давала мне покоя. Я проклинал сегодняшний день, проклинал кабанов и охоту. Ведь если бы на сантиметр я взял левее, если бы моя рука немного дрогнула, Дерсу был бы убит! Всю ночь я не мог уснуть. Мне все мерещился лес, кабаны, мой выстрел, крик Дерсу и куст, под которым он лежал. В испуге я вскакивал с кана и несколько раз выходил на воздух; я старался успокоить себя тем, что Дерсу жив и находится со мной, но ничто не

помогало. Тогда я развел огонь и попробовал было читать. Скоро я заметил, что представляю себе не то, что написано в книге, а другую картину... Наконец стало светать. На мое счастье, проснулся очередной артельщик. Он принялся готовить утренний завтрак, а я стал ему помогать.

Утром Дерсу почувствовал себя легче. Боль в спине утихла совсем. Он начал ходить, но все еще жаловался на головную боль и слабость. Я опять приказал одного коня предоставить больному. В 9 часов утра мы выступили с бивака.

В нижнем течении Вангоу немного болотистая. Здесь есть кое-

где небольшие полянки с землей плодородной, заросшей орешником, леспедецей, тростником и полынью. В 5 км от устья, слева, в Вангоу впадает маленький ключик, называемый китайцами Та-лаза-гоу^[130] – Долина большой скалы. Действительно, такая скала здесь есть. Порода, из которой она состоит, разрушаясь под действием солнца, дождя и ветра, дает беловатую рыхлую массу, похожую на глину. По словам тазов, летом во время пантовки здесь всегда держится много изюбров. Они с какой-то особенной жадностью грызут эту землю. При ближайшем обследовании скалы на ней

действительно были найдены многочисленные следы, оставленные зубами оленей. С одной стороны ими было съедено так много породы, что образовалась выемка около аршина глубиной.

Неподалеку от скалы находилась лудева, то есть забор, преграждавший животным доступ к водопою. Он был сделан частью из буреломного леса, частью из живых деревьев. При помощи кольев валежник закрепляется так, чтобы животные не могли разбросать его ногами. Кое-где оставляются проходы, в которых копаются глубокие ямы, сверху искусно замаскированные травой и сухой листвой. Ночью олени идут к

воде, натыкаются на забор и, пытаясь обойти его, попадают в ямы. Такие лудевы тянутся иногда на 50 км с лишним и имеют около 200 действующих ям.

Лудева на реке Вангоу была заброшена. Видно было, что китайцы не навещали ее уже давно. В одной из ям мы нашли матку изюбра. Бедное животное попало туда, видно, 3 суток тому назад. Мы остановились и стали рассуждать о том, как его спасти. Один из стрелков хотел было спуститься в яму, но Дерсу посоветовал не делать этого. Олень мог убиться сам и переломать охотнику ноги. Тогда мы решили вынуть его арканами. Та к и сделали.

В 2 петли, брошенные на землю, изюбр попал ногами, 3 набросили ему на голову и быстро вытащили наверх. Казалось, что он задохся. Но едва петли были сняты, он тотчас начал ворочать глазами. Отдышавшись немного, олень поднялся на ноги и, шатаясь, пошел в сторону, но, не доходя до леса, увидел ручей и, не обращая на нас более внимания, стал жадно пить воду.

Дерсу ужасно ругал китайцев за то, что они, бросив лудеву, не позаботились завалить ямы землей. Через час мы подошли к знакомой нам Лудевой фанзе. Дерсу совсем оправился и хотел было сам идти разрушить лудеву, но я посоветовал

ему остаться и отдохнуть до завтра. После обеда я предложил всем китайцам стать на работу и приказал казакам следить за тем, чтобы все ямы были уничтожены.

После 5 часов полудня погода стала портиться: с моря потянул туман; откуда-то на небе появились тучи. В сумерках возвратились казаки и доложили, что в 3 ямах они еще нашли 2 мертвых оленей и 1 живую козулю.

Весь следующий день мы простояли на месте. Погода была переменная, но больше дождливая и пасмурная. Люди стирали белье, починяли одежду и занимались чисткой оружия. Дерсу оправился

окончательно, чему я несказанно радовался.

После полудня мы слышали выстрелы. Это Г.И. Гранатман и А.И. Мерзляков давали знать о своем возвращении. Встреча наша была радостной. Начались расспросы и рассказы друг другу о том, кто где был и кто что видел. Разговоры эти затянулись до самой ночи.

14 августа мы были готовы к продолжению путешествия. Теперь я полагал подняться по реке Динзахе и спуститься в бассейн Тютихе, а Г.И. Гранатман с А.И. Мерзляковым взялись обследовать другой путь по реке Вандагоу, впадающей в Тютихе с правой стороны, недалеко от устья.

15 августа, в 9 часов утра, оба наши отряда разделились и пошли каждый своей дорогой.

Густой туман, лежавший до сих пор в долинах, вдруг начал подыматься. Сначала оголились подошвы гор, потом стали видны склоны их и седловины. Дойдя до вершин, он растянулся в виде скатерти и остался неподвижен. Казалось, вот-вот хлынет дождь, но благоприятные для нас стихии взяли верх: день был облачный, но не дождливый.

Река Динзахе^[131] длиной около 50 км. Общее направление ее течения с севера на юг. Немного не доходя до Тадушу, она круто поворачивает на

запад и течет некоторое время параллельно ей. Высокий отрог горного хребта, вклинившийся между этими 2 реками, состоит из трахитового туфа, фельзитов с плитняковой отдельностью и зеленого оруденелого кварцита. Лесонасаждение в горах редкое. Здесь растут белая и черная береза, клен, дуб и липа. Китайцы, которым нужно попасть на Динзахе, идут прямо через этот отрог, чем значительно сокращают расстояние и выигрывают во времени. Последние 3 км река снова склоняется на юг и под прямым углом впадает в Тадушу.

Сначала на протяжении 10 км по долине реки Динзахе тянутся

поляны, отделенные друг от друга небольшими перелесками, а затем начинаются сплошные леса, такие же роскошные, как и на Ли-Фудзине. Тут я впервые заметил японскую березу с треугольными листьями, — говорят, она часто встречается к югу от Тадушу, затем — бересклет малоцветковый, украшенный бахромчатыми ветвями и с бледными листьями, абрикосовое дерево с мелкими плодами и черешню Максимовича, растущую всегда одиноко и дающую черные безвкусные плоды. В другом месте я заметил приземистый тальник со слабоопушенными листьями и пепельную иву, растущую то кустом,

то деревом. Кое-где одиночно встречались кусты смородины Максимовича, которую всегда можно узнать по красивой листве и мелким ягодам, и изредка княжик охотский с тонкими заостренными долями листьев.

Некоторые деревья поражали своей величиной. Измеренные стволы их в обхвате на грудной высоте дали следующие цифры: кедр — 2,9, пихта — 1,4, ель — 2,8, береза белая — 2,3, тополь — 3,5 и пробковое дерево — 1,4 м.

Река Динзахе сильно извивается по долине. Местами она очень мелка, течет по гальке и имеет много перекатов, но местами образует

глубокие ямы. Вода в массе вследствие посторонних примесей имеет красивый опаловый оттенок.

С каждым днем гнуса становилось все меньше и меньше. Это очень облегчило работу. Комары стали какие-то желтые, холодные и злые.

Первым большим притоком Динзахе с правой стороны будет Канхеза. По ней можно выйти на реку Вангоу. В этот день мы прошли сравнительно немного и на ночь остановились в густом лесу около брошенной зверовой фанзы.

Когда стемнело, с моря ветром опять нанесло туман. Конденсация пара была так велика, что влага

непосредственно из воздуха оседала на землю мелкой изморосью. Туман был так густ, что в нескольких шагах нельзя было рассмотреть человека. В такой сырости не хочется долго сидеть у огня.

После ужина все, словно сговорившись, залезли в комарники и легли спать.

С восходом солнца туман рассеялся. По обыкновению, мы с Дерсу не стали дожидаться, когда казаки заседлают лошадей, и пошли вперед.

Чем дальше, тем лес становился глуше. В этой девственной тайге было что-то такое, что манило в глубину ее и в то же время пугало

своей неизвестностью. В спокойном проявлении сил природы здесь произрастали представители всех лиственных и хвойных пород маньчжурской флоры. Эти молчаливые великаны могли бы многое рассказать из того, чему они были свидетелями за 200 и 300 с лишним лет своей жизни на земле.

Проникнуть в самую глубь тайги удастся немногим. Она слишком велика. Путнику все время приходится иметь дело с растительной стихией. Много тайн хранит в себе тайга и ревниво оберегает их от человека. Она кажется угрюмой и молчаливой... Таково первое впечатление. Но кому

случалось поближе с ней познакомиться, тот скоро привыкает к ней и тоскует, если долго не видит леса. Мертвой тайга кажется только снаружи, на самом деле она полна жизни. Мы с Дерсу шли не торопясь и наблюдали птиц.

В чаще подлесья в одиночку кое-где мелькали бойкие ремезы-овсянки. Там и сям на деревьях можно было видеть уссурийских малых дятлов. Из них особенно интересен зеленый дятел с золотистой головкой.

Он усердно долбил деревья и нимало не боялся приближения людей. В другом месте порхало несколько темных дроздов. Рядом по

веткам шоркали 2 уссурийские сойки-пересмешницы. Один раз мы испугнули сокола-дербнюка. Он низко полетел над землей и скрылся вскоре за деревьями.

Над водой резвились стрекозы. За одной из них гналась азиатская трясогузка; она старалась поймать стрекозу на лету, но последняя ловко от нее увертывалась.

Вдруг где-то в стороне тревожно закричала кедровка. Дерсу сделал мне знак остановиться.

— Погоди, капитан, — сказал он. — Его сюда ходи.

Действительно, крики приближались. Не было сомнения, что это тревожная птица кого-то

проводжала по лесу. Через 5 минут из зарослей вышел человек. Увидев нас, он остановился как вкопанный. На лице его изобразилась тревога.

Я сразу узнал в нем искателя женьшеня. Одет он был в рубашку и штаны из синей дабы, кожаные унты, а на голове красовалась берестяная шляпа. Спереди на нем был надет промасленный передник для защиты одежды от росы, а сзади к поясу привязана шкура барсука, позволявшая садиться на мокрый валежник без опасения замочить одежду. У его пояса висел нож, костяная палочка для выкапывания женьшеня и мешочек, в котором хранились кремь и огниво. В руках

китаец держал длинную палку для разгребания травы и листвы под ногами.

Дерсу сказал ему, чтобы он не боялся и подошел поближе. Это был человек 55 лет, уже поседевший. Лицо и руки у него так загорели, что приняли цвет оливково-красный. Никакого оружия у него не было.

Когда китаец убедился, что мы не хотим ему сделать зла, он сел на колодник, достал из-за пазухи тряпицу и стал вытирать ею потное лицо. Вся фигура старика выражала крайнее утомление.

Та к вот он, искатель женьшеня! Это был своего рода пустынный, ушедший в горы и отдавший себя под

покровительство лесных духов.

Из расспросов выяснилось, что в верховьях Динзахе у него есть фанза. В поисках чудодейственного корня он иногда уходил так далеко, что целыми неделями не возвращался к своему дому.

Он рассказал нам, как найти его жилище, и предложил остановиться у него в доме. Отдохнув немного, старик попрощался с нами, взял свою палку и пошел дальше. Я долго следил за ним глазами. Один раз он нагнулся к земле, взял мох и положил его на дерево. В другом месте он бантом закрутил ветку черемухи. Это условные знаки. Они означали, что данное место осмотрено и другому

женьшеньщику делать здесь нечего. Великий смысл заключается в этом. Искатели не будут ходить по одному и тому же месту и понапрасну тратить время. Через несколько минут старик исчез из вида, и мы тоже пошли своей дорогой.

В полдень мы были на половине пути от Тадушу до перевала, а к вечеру дошли до реки Удагоу^[132], самого верхнего притока Динзахе. Тут мы действительно нашли маленькую фанзочку, похожую на инородческую юрту, с двускатной крышей, опирающейся непосредственно на землю. Два окна, расположенные по сторонам двери, были заклеены бумагой,

разорванной и вновь заклеенной лоскутами. Здесь уже не было орудий звероловства, зато были заступы, скребки, лопаточки, берестяные коробочки разной величины и палочки для выкапывания женьшеня.

В 50 шагах от фанзы стояла маленькая кумирня со следующей надписью: «Чжеь шань лин ван си жи Хань чао чжи го сян Цзинь цзо жень цзян фу лу мэнь», то есть «Находящемуся в лесах и горах князю (тигру). В древнее время при Ханьской династии – спасавший государство. В настоящие дни – дух, дающий счастье людям». В верхнем течении Динзахе состоит из 2 рек одинаковой величины: Сицы^[133] и

Тунцы (Дунцы). Первая приведет на Ното, вторая – на Тютихе, куда именно я и направлял свой путь. От фанзы искателя женьшеня шла маленькая тропинка, но скоро она исчезла, и нам опять целый день пришлось идти целиной. Долина Динзахе, как и все тектонические долины, суживается постепенно. В верхней части дно ее занесено щебнем, из чего можно заключить, что в дождливое время года она заливается водой. Горный хребет, служащий водоразделом между нею и Тютихе, представляет собой один из отрогов Сихотэ-Алиня, высотой в среднем 1100 м. Гребень водораздела однообразно ровный, без

выдающихся вершин и глубоких седловин и состоит из каолинизированного кварцевого порфира, в котором включены кристаллы полевого шпата.

Глава 21

Возвращение к морю

*Енотовидные собаки. – Долина
Инза-Лазагоу. – Устье реки
Тютихе. – Стрельба по уткам. –
Философия Дерсу. – Баня. – Бухта
Тютихе. – Птицы на берегу моря. –
Гроза. – Реки Цумихе и Вандагоу. –
Выступление. – Тазы. – Кета. –
Потрава пашен кабанами. –
Рудник. – Летяга*

За перевалом, следуя течению
воды к востоку, мы часа в 3,5 дня
вышли на реку Инза-Лазагоу –
Долина серебряной скалы. Река эта

будет самым большим и ближайшим к морю притоком Тютихе. В верховьях Инза-Лазагоу состоит тоже из 2 речек, именуемых также Сицой и Тунцой. Каждая из них, в свою очередь, слагается из нескольких мелких ручьев.

В этот день мы дошли до слияния их и стали биваком в густом лесу.

Здесь в реке было много мальмы. Мы ее ловили просто руками. Она подавалась нам ежедневно утром на завтрак и вечером на ужин. Интересно отметить, что рыбка эта особенно распространена в Уссурийском крае. Туземцы говорят, что к западу от

Сихотэ-Алиня преобладает ленок, которого вовсе нет в прибрежном районе.

Стрелки занялись ловлей рыбы на удочку, а я взял ружье и отправился на разведки в горы. Проходив до самых сумерек и ничего не найдя, я пошел по берегу реки. Вдруг в одной яме я услышал шум, похожий на полоскание. Подойдя осторожно к обрыву, я заглянул вниз и увидел 2 енотовидных собак. Они так были заняты ловлей рыбы, что совершенно не замечали моего присутствия. Передними ногами еноты стояли в воде и зубами старались схватить шмыгающих мимо них рыбешек. Я долго

наблюдал за животными. Иногда они вдруг круто оборачивались назад, бросались за землеройками и принимались торопливо рыть землю. Но вот 1 из зверьков поднял голову, внимательно посмотрел в мою сторону и издал какой-то звук, похожий на тьяканье. Вслед за тем оба енота быстро исчезли в траве и больше уже не показывались около реки.

На биваке я застал всех в сборе. После ужина мы еще с час занимались каждый своей работой, а затем напились чаю и легли спать, кто где нашел для себя удобней.

Следующий день мы продолжали свой маршрут по реке

Инза-Лазагоу. Долина ее в средней части суживается, но затем опять начинает расширяться. Горы с правой стороны крутые и скалистые. В их обрывах когда-то нашли прожилки серебросвинцовой руды, отчего и долина получила свое настоящее название. Долина Инза-Лазагоу большей частью свободна от леса, но так как почва в ней каменистая, она совершенно неудобна для земледелия. Вот почему люди игнорировали ее и поселились около устья.

На всем протяжении река принимает в себя с правой стороны только 2 небольших горных ручья: Тамчасегоу^[134] и Панчасегоу^[135]. От

места слияния их идет тропа, проложенная тазовскими охотниками и китайцами-соболевщиками.

По пути я замечал, что в некоторых местах земля была истоптана и взрыта. Я думал, что это кабаны, но Дерсу указал мне на исковерканное деревцо, лишенное коры и листьев, и сказал:

— Его скоро начинай кричи!

Из объяснения его я понял, что, как только у изюбра окрепнут молодые рога (панты), он старается содрать с них кожу, для чего треплет какое-нибудь деревцо. Другой самец, придя на это место, понимает, что это значит. Он начинает злиться, рыть землю ногами и бить молодняк

рогами.

Река Инза-Лазагоу впадает в реку Тютихе в 5 км от моря. Нижняя часть долины последней представляет собой 3 широкие котловины.

В 2 км от устья реки начинаются болота. Песчаные валы и лужи стоячей воды между ними указывают место, до которого раньше доходило море. В приросте суши принимали участие 3 фактора: отрицательное движение береговой линии, наносы реки и морской прибой.

Около самого залива река вдруг поворачивает налево и течет вдоль берега моря, отделяясь от него только песчаной косой. Раньше устье

Тютихе было около Северного мыса. Во время наводнения в 1904 году река прорвала эту плотину и вышла прямо к бухте. Как только в прежнем русле ослабевало течение, море заметало его устье песком. Так образовался слепой рукав, впоследствии обмелевший. В скором времени он превратился в болото. Длинное озеро, которое сохранилось между валами в одном километре от моря, вероятно, было самое глубокое место залива. Нынче озеро это почти все заросло травой.

На нем плавало множество уток. Я остался с Дерсу ради охоты, а отряд ушел вперед. Стрелять уток, плававших на озере, не имело

смысла. Без лодки мы все равно не могли бы их достать. Тогда мы стали караулить перелетных. Я стрелял из дробовика, а Дерсу из винтовки, и редкий раз он давал промахи.

Глядя на его стрельбу, я невольно вслух высказал ему похвалу.

— Моя раньше хорошо стреляй, — отвечал он. — Никогда пуля мимо ходи нету. Теперь мало-мало плохо.

В это мгновение над нами высоко пролетала утка. Дерсу быстро поднял ружье и выстрелил. Птица, простреленная пулей, перевернулась в воздухе, камнем полетела вниз и грузно ударилась о землю. Я остановился и в изумлении посматривал то на него, то на утку.

Дерсу развеселился. Он предложил мне бросать кверху камни величиной с куриное яйцо. Я бросил 10 камней, и 8 из них он в воздухе разбил пулями. Дерсу был доволен. Но не тщеславие говорило в нем, он просто радовался тому, что средства к жизни может еще добывать охотой.

Долго мы бродили около озера и стреляли птиц. Время летело незаметно. Когда вся долина залилась золотистыми лучами заходящего солнца, я понял, что день кончился. Вслед за трудовым днем приближался покой; вся природа готовилась к отдыху. Едва солнце успело скрыться за горизонтом, как с другой стороны, из-за моря, стала

подыматься ночь.

Широкой полосой перед нами расстилались пески; они тянулись на три км. Далеко впереди, точно караван в пустыне, двигался наш отряд. Собрав поскорее птиц, мы пошли за ним следом.

Около моря караван наш остановился. Через несколько минут кверху взвилась струйка белого дыма, — это разложили огонь на биваке. Через полчаса мы были около своих.

Стрелки стали на ночь рядом с маленькой фанзой, построенной из плавникового леса около береговых обрывов. Здесь жили 2 китайца, занимавшиеся сбором съедобных

ракушек в полосе мелководья. Большого радушия и большого гостеприимства я нигде не встречал.

За этот переход все сильно устали. На несчастье, я сильно натер пятку. Надо было всем отдохнуть, поэтому я решил сделать дневку и дожидаться возвращения Г.И. Гранатмана и А.И. Мерзлякова.

Ночью больная нога не позволяла мне сомкнуть глаз, и я несказанно был рад, когда стало светать. Сидя у огня, я наблюдал, как пробуждалась к жизни природа.

Раньше всех проснулись бакланы. Они медленно, не торопясь, летели над морем куда-то в одну сторону, вероятно, на корм. Над

озером, заросшим травой, носились табуны уток. В море, на земле и в воздухе стояла глубокая тишина.

Дерсу поднялся раньше других и начал греть чай. В это время стало всходить солнце. Словно живое, оно выглянуло из воды одним краешком, затем отделилось от горизонта и стало взбираться вверх по небу.

— Как это красиво! — воскликнул я.

— Его самый главный люди, — ответил мне Дерсу, указывая на солнце. — Его пропади — кругом все пропади.

Он подождал с минуту и затем опять стал говорить:

— Земля тоже люди. Голова его —

там, — он указал на северо-восток, — а ноги — туда, — он указал на юго-запад. — Огонь и вода тоже 2 сильные люди. Огонь и вода пропади — тогда все сразу кончай.

В этих простых словах было много анимистического, но было много и мысли. Услышав наш разговор, стали просыпаться стрелки и казаки. Весь день я просидел на месте. Стрелки тоже отдыхали и только по временам ходили посмотреть лошадей, чтобы они не ушли далеко от бивака.

Сегодня мы устроили походную баню. Для этого была поставлена глухая двускатная палатка. Потом в стороне на кострах накалили камни,

а у китайцев в большом котле и 2 керосиновых банках согрели воды. Когда все было готово, палатку снаружи смочили водой, внесли в нее раскаленные камни и стали поддавать пар. Получилась довольно хорошая паровая баня. Правда, в палатке было тесно и приходилось мыться по очереди. Пока одни мылись, другие калили камни.

Много было шуток, много смеха, но все же все вымылись и даже постирали белье.

Следующие 3 дня провели за починкой обуви. Прежде всего я позаботился доставить продовольствие Н.А. Пальчевскому, который собирал растения в

окрестностях бухты Терней. На наше счастье, в устье Тютихе мы застали большую парусную лодку, которая шла на север. Дерсу уговорил хозяина ее, маньчжура Хэй Бат-су^[136], зайти в бухту Терней и передать Н.А. Пальчевскому письма и 2 ящика с грузом.

Погода эти дни стояла переменная: дули резкие западные ветры; ночи стали прохладные; приближалась осень.

Нога моя скоро прошла, и явилась возможность продолжать путешествие.

Там, где река Тютихе впадает в море, нет ни залива, ни бухты. Незначительное углубление

береговой линии внутрь материка не дает укрытия судам во время непогоды. Поэтому, если ветер начинает свежеть, они спешат сняться с якоря и уйти подальше от берега. Бухта Тютихе (будем так называть ее) окаймлена с севера и с юга невысокими горами, лишенными древесной растительности; только по распадинам и вообще в местах, защищенных от морских ветров, кое-где растут группами дуб и липа исключительно дровяного характера. Южная возвышенность представляет собой великолепный образчик горы, отмытой по вертикали от вершины до основания и оканчивающейся мысом Бринера. Это одинокая скала,

соединяющаяся с материком намывной косой из песка и гальки. Посредине косы есть небольшая, но довольно глубокая лагуна с соленой водой. К югу от мыса Бринера, в 200 м от берега, из воды торчат еще две скалы, именуемые, как и всегда, Братом и Сестрой. Раньше это были береговые ворота. Свод их обрушился, и остались только одни столбы. Если смотреть на мыс Бринера с северного берега бухты Тютихе, то кажется, что столбы эти стоят на песчаном перешейке.

Несколько южнее в береговых обрывах можно наблюдать выходы вулканического туфа с прослойками горючей серы. Горы с северной

стороны бухты оканчиваются обрывами высотой 75—98 м с узкой намывной полосой прибоя, на которую море выбросило множество морской травы.

Такие травяные завалы всегда служат местопребыванием разного рода куликов. Прежде всего я заметил быстро бегающих на песчаной отмели восточносибирских грязовиков. Они заходили в воду и, казалось, совершенно не обращали внимания на прибой. Рядом с ними были кулики-травники. Эти красноногие смирные птички держались маленькими стайками, ходили по траве и выискивали в ней корм. При приближении человека

они испуганно, с криком снимались с места и летели сначала в море, потом вдруг круто поворачивали в сторону и разом, точно по команде, садились снова на берег. Там, где морская трава чередовалась с полосками песка, можно было видеть уссурийских зуйков. Симпатичные птички эти постоянно заглядывали под щепки, камни и ракушки и то и дело заходили в воду, и, только когда сильная прибойная волна дальше обыкновенного забежала на берег, они вспархивали и держались на воздухе до тех пор, пока вода не отходила назад. Невдалеке от них по берегу чинно расхаживали 2 кулика-сороки и что-

то клевали. Около мысов плавали нырковые морские утки-белобоки с серой спиной и пестрые каменушки. Они то и дело ныряли за кормом. Поднявшись на поверхность воды, утки осматривались по сторонам, встряхивали своими коротенькими хвостиками и опять принимались за ныряние. Дальше в море держались тихоокеанские бакланы. Они ныряли очень глубоко и всплывали на поверхность на значительном расстоянии от того места, где погружались в воду. Над морем носилось множество чаек. Из них особенно выделялись восточносибирские хохотуны. Порой они спускались в воду и тогда

поднимали неистовый крик, действительно напоминающий человеческий смех. Чайки по очереди снимались с воды, перелетали друг через друга и опять садились рядом, при этом старались одна другую ударить клювом или отнять пойманную добычу. В другой стороне, над самым устьем Тютихе, кружились два белохвостых орлана, зорко высматривавшие добычу. Вдруг, точно сговорившись, они разом опустились на берег; вороны, чайки и кулички без спора уступили им свои места.

Последние 2 дня были грозовые. Особенно сильная гроза была 23-го вечером. Уже с утра было видно, что

в природе что-то готовится: весь день сильно парило; в воздухе стояла мгла. Она постепенно увеличивалась и после полудня сгустилась настолько, что даже ближние горы приняли неясные и расплывчатые очертания. Небо сделалось белесоватым. На солнце можно было смотреть невооруженным глазом: вокруг него появилась желтая корона.

— Будет агды (гром), — сказал Дерсу. — Постоянно так начинай.

В 2 часа дня с запада донеслись глухие раскаты грома. Все птицы разом куда-то исчезли. Стало сумрачно, точно сверху на землю опустился темный саван, и вслед за

тем пошел редкий и крупный дождь. Вдруг могучий удар грома потряс воздух. Сильные молнии сверкали то тут, то там, и не успевали в небе заглохнуть одни раскаты, как появлялись новые. Горное эхо вторило грозе и разносило громовые удары «во все стороны света белого». К дождю присоединился вихрь. Он ломал мелкие сучья, срывал листву с деревьев и высоко подымал их на воздух. Вслед за тем хлынул сильный ливень. Буря эта продолжалась до 8 часов вечера.

На другой день сразу было 3 грозы. Я заметил, что по мере приближения к морю грозы затихали. Над водой вспышки молнии

происходили только в верхних слоях атмосферы, между облаками. Как и надо было ожидать, последний ливень перешел в мелкий дождь, который продолжался всю ночь и следующие 2 суток без перерыва.

26 августа дождь перестал, и небо немного очистилось. Утром солнце взошло во всей своей лучезарной красоте, но земля еще хранила на себе следы непогоды. Отовсюду сбегала вода; все мелкие ручейки превратились в бурные и пенящиеся потоки.

В этот день на Тютихе пришли Г.И. Гранатман и А.И. Мерзляков. Их путь до фанзы Тадянза [\[137\]](#) лежал сначала по Тадушу, а затем по левому

ее притоку, Цимухе. Последняя состоит из 2 речек, разделенных между собой небольшой возвышенностью, поросшей мелким лесом и кустарником. Одна речка течет с севера, другая – с востока.

Береговая тропа проложена китайцами очень искусно. Она все время придерживается таких долин, которые идут вдоль берега моря; перевалы избраны самые низкие, подъемы и спуски возможно пологие.

Высота перевала между обеими упомянутыми речками равняется 200 м. Все окрестные горы состоят главным образом из кварцитов.

Далее тропа идет по реке Вандагоу^[138], впадающей в Тютихе

недалеко от устья. Она длиной около 12 км, в верхней части – лесистая, в нижней – заболоченная. Лес – редкий и носит на себе следы частых пожаров.

У последней земледельческой фанзы тропа разделяется. Одна идет низом, по болотам, прямо к морю, другая – к броду на Тютихе, в 5 км от устья.

26-го августа мы отдыхали, 27-е посвятили сборам, а 28-го вновь выступили в поход. Я с Дерсу и с четырьмя казаками пошел вверх по реке Тютихе, Гранатман отправился на реку Иодзыхе, а Мерзлякову было поручено произвести обследование побережья моря до залива Джигит.

По длине своей Тютихе (по-удэгейски – Ногуле) будет, пожалуй, больше всех рек южной части прибрежного района (около 80 км). Название ее – искаженное китайское слово «Что-чжи-хе», то есть «Река диких свиней». Такое название она получила оттого, что дикие кабаны на ней как-то раз разорвали 2 охотников. Русские в искажении пошли еще дальше, и слово «Тютихе»^[139] исказили в «Тетиха», что уже не имеет никакого смысла.

Если смотреть на долину со стороны моря, то кажется, будто Тютихе течет с запада. Ошибка эта скоро разъясняется: видимая долина есть знакомая нам река Инза-Лазагоу.

денудационная; она слагается из целого ряда котловин, замыкаемых горами. Проходы из одной котловины в другую до того узки, что трудно усмотреть, откуда именно течет река. Очень часто какой-нибудь приток мы принимали за самое Тютихе, долго шли по нему и только по направлению течения воды узнавали о своей ошибке.

У места слияния рек Тютихе и Инза-Лазагоу живут китайцы и туземцы. Я насчитал 44 фанзы, из числа которых было 6 тазовских. Последние несколько отличаются от тех тазов, которых мы видели около залива Ольги. У них и физический

облик был уже несколько иной. Вследствие притеснения китайцев и злоупотребления спиртом они находились в ужасной нищете. Позаимствовав кое-что от китайской культуры, они увеличили свои потребности, но не изменили в корне уклада жизни, вследствие чего началось быстрое падение их экономического благосостояния. У стариков еще живы воспоминания о тех временах, когда они жили одни и были многочисленным народом. Тогда не было китайцев, и только с приходом их появляются те страшные болезни, от которых они гибли во множестве. Среди тазов я не нашел ни одной семьи, в которой не

было бы прибора для курения опиума. Особенно этой пагубной страсти преданы женщины.

Тут я нашел одну старуху, которая еще помнила свой родной язык. Я уговорил ее поделиться со мной своими знаниями. С трудом она могла вспомнить только 11 слов. Я записал их, они оказались принадлежащими удэгейцам. 50 лет тому назад старуха (ей тогда было 20 лет) ни одного слова не знала по-китайски, а теперь она совершенно утратила все национальное, самобытное, даже язык.

В этот день мы дошли до фанзы таза Лай Серл. Здесь Тютихе принимает в себя с левой стороны 2

маленькие речки: Сысенкурл^[140] и Сибегоу^[141].

Мы попали на Тютихе в то время, когда кета шла из моря в реки метать икру. Представьте себе тысячи тысяч рыб от 3,3 до 5 кг весом, наводняющих реку и стремящихся вверх, к порогам. Какая-то неудержимая сила заставляет их идти против воды и преодолевать препятствия.

В это время кета ничего не ест и питается только тем запасом жизненных сил, которые она приобрела в море. Сверху, с высоты речных террас, видно все, что делалось в воде. Рыбы было так много, что местами за ней

совершенно не было видно дна реки. Интересно наблюдать, как кета проходит пороги. Она двигается зигзагами, перевортывается с боку на бок, кувыркается и все-таки идет вперед. Там, где ей мешает водопад, она подпрыгивает из воды и старается зацепиться за камни. Избитая, израненная, она достигает верховьев реки, оставляет потомство и погибает.

Сперва мы с жадностью набросились на рыбу, но вскоре она нам приелась.

После продолжительного отдыха у моря люди и лошади шли охотно.

Дальние горы задернулись синей дымкой вечернего тумана.

Приближался вечер. Скоро кругом должна была воцариться тишина. Однако я заметил, что по мере того как становилось темнее, какими-то неясными звуками наполнялась долина. Слышались человеческие крики и лязганье по железу. Некоторые звуки были далеко, а некоторые совсем близко.

— Дерсу, что это такое? — спросил я гольда.

— Манзы чушку гоняй, — отвечал он.

Я не понял его и подумал, что китайцы загоняют своих свиней на ночь. Дерсу возражал. Он говорил, что, пока не убрана кукуруза и не собраны овощи с огородов, никто

свиней из загонов не выпускает.

Мы пошли дальше. Через 20 минут я заметил огни, но не около фанз, а в стороне от них.

— Манзы чушку гоняй, — опять сказал Дерсу, и я опять его не понял.

Наконец мы обогнули утесы и вышли на поляну. Звуки стали сразу яснее. Китаец кричал таким голосом, как будто аукался с кем-нибудь, и время от времени колотил палкой в медный тазик.

Услышав шум приближающегося отряда, он закричал еще больше и стал разжигать кучу дров, сложенных около тропинки.

— Погоди, капитан, — сказал Дерсу. — Та к худо ходи. Его могут

стреляй. Его думай, наша чушка есть.

Я начал понимать. Китаец принимал нас за диких свиней и действительно мог выстрелить из ружья. Дерсу что-то закричал ему. Китаец тотчас ответил и побежал нам навстречу, видно было, что он и испугался и обрадовался нашему приходу.

Я решил здесь ночевать. Казаки принялись развьючивать лошадей и ставить палатки, а я вошел в фанзу и стал расспрашивать китайцев. Они пеняли на свою судьбу и говорили, что вот 3 ночи подряд кабаны травят пашни и огороды. За 2 суток они уничтожили почти все огородные овощи. Осталась одна кукуруза.

Около нее днем китайцы уже видели диких свиней, и не было сомнения, что ночью они явятся снова. Китаец просил меня стрелять в воздух, за что обещал платить деньги. После этого он выбежал из фанзы и опять начал кричать и бить в тазик. Далеко из-за горы ему вторил другой китаец, еще дальше — третий. Эти нестройные звуки неслись по долине и таяли в тихом ночном воздухе. После ужина мы решили заняться охотой.

Когда заря потухла на небе, китаец сбегал к кукурузе и зажег около нее огонь. Взяв ружья, мы с Дерсу отправились на охоту. Китаец тоже пошел с нами. Он не переставал кричать. Я хотел было его

остановить, но Дерсу сказал, что это не помешает и кабаны все равно придут на пашню. Через несколько минут мы были около кукурузы. Я сел на пенё с одной стороны, Дерсу — с другой и стали ждать. От костра столбом подымался кверху дым; красный свет прыгал по земле неровными пятнами и освещал кукурузу, траву, камни и все, что было поблизости.

Нам пришлось ждать недолго. За пашней, как раз против того места, где мы сидели, слышался шум. Он заметно усиливался. Кабаны взбивали ногами траву и фырканием выражали свое недовольство, чуя присутствие людей. Несмотря на

крики китайца, несмотря на огонь, дикие свиньи прямо шли к кукурузе. Через 1–2 минуты мы увидели их. Передние уже начали потраву. Мы выстрелили почти одновременно. Дерсу уложил одно животное, я — другое. Кабаны бросились назад, но через четверть часа они опять появились в кукурузе. Снова 2 выстрела, и еще пара свиней осталась на месте: одно животное, раскрыв рот, ринулось к нам навстречу, но выстрел Дерсу уложил его. Китаец бросал в свиней головешками. Выстрелы гремели один за другим, но ничто не помогало. Кабаны шли точно на приступ. Я хотел было идти к убитым

животным, но Дерсу не пустил меня, сказав, что это очень опасно, потому что среди них могли быть раненые. Подождав еще немного, мы пошли в фанзу и, напившись чаю, легли спать. Но уснуть не удалось: китаец всю ночь кричал и колотил в медный таз.

К рассвету он, по-видимому, устал. Тогда я забылся крепким сном. В 9 часов я проснулся и спросил про кабанов. После нашего ухода кабаны все-таки пришли на пашню и потравили остальную кукурузу начисто. Китаец был очень опечален. Мы взяли с собой только одного кабана, а остальных бросили на месте.

По словам китайцев, раньше

кабанов было значительно меньше. Они расплодились в последние 10 лет, и, если бы их не уничтожали тигры, они заполонили бы всю тайгу.

Распростившись с китайцем, мы пошли своей дорогой.

Чем дальше, тем интереснее становилась долина. С каждым поворотом открывались все новые и новые виды. Художники нашли бы здесь неистощимый материал для своих этюдов. Некоторые виды были так красивы, что даже казаки не могли оторвать от них глаз и смотрели как зачарованные.

Кругом высились горы с причудливыми гребнями и утесы, похожие на человеческие фигуры,

которым кто-то как будто приказал охранять сопки. Другие скалы походили на животных, птиц или просто казались длинной колоннадой. Утесы, выходящие в долину, увешанные гирляндами ползучих растений, листва которых приняла уже осеннюю окраску, были похожи на портики храмов, развалины замков и т.д.

Большинство гор в долине Тютихе состоит из серых гранитов, порфиров и известняков. Лесонасаждение здесь крайне разнообразное: у моря растут преимущественно дуб и черная береза, в среднем течении — ясень, клен, вяз, липа и бархат, ближе к

горам начинает попадаться пихта, а около реки в изобилии растут тальник и ольха. Иной раз положительно останавливаешься в недоумении перед деревом, выросшим буквально на голом камне. Кажется, и трещины нет, но дерево стоит прочно: корни его оплели камень со всех сторон и укрепились в осыпях.

В среднем течении река принимает в себя с левой стороны приток Горбушу. Издали невольно ее принимаешь за Тютихе, которая на самом деле проходит левее через узкое ущелье.

Не доходя до реки Горбуши 2 км, тропа разделяется. Конная идет

вброд через реку, а пешеходная взбирается на утесы и лепится по карнизу. Место это считается опасным, потому что почва на тропе под давлением ноги ползет книзу.

В этот день мы дошли до серебросвинцового рудника. Здесь была одна только фанза, в которой жил сторож-кореец. Он тоже жаловался на кабанов и собирался перекочевать к морю. Месторождение руды открыто 40 лет тому назад. Пробовали было тут выплавлять из нее серебро, но неудачно. Впоследствии место это за столбил Ю.И. Бринер.

С каждым днем комаров и мошек становилось все меньше и

меньше. Теперь они стали появляться только перед сумерками и на рассвете. Это, вероятно, объясняется сильными росами и понижением температуры после захода солнца.

Ночи сделались значительно холоднее. Наступило самое хорошее время года. Зато для лошадей в другом отношении стало хуже. Трава, которой они главным образом кормились в пути, начала подсыхать. За неимением овса изредка, где были фанзы, казаки покупали буду и понемногу подкармливали их утром перед походом и вечером на биваках.

У корейцев в фанзе было так много клопов, что сам хозяин вынужден был спать снаружи, а во

время дождя прятался в сарайчик, сложенный из тонкого накатника. Узнав об этом, мы отошли от фанзы еще с километр и стали биваком на берегу реки.

Вечером, после ужина, мы все сидели у костра и разговаривали. Вдруг что-то белесовато-серое пролетело мимо, бесшумно и неторопливо. Стрелки говорили, что это птица, а я думал, что это большая летучая мышь. Через несколько минут странное существо появилось снова. Оно не махало крыльями, а летело горизонтально и несколько наклонно книзу. Животное село на осину и затем стало взбираться вверх по стволу. Окраска зверька до того

подходила под цвет дерева, что если бы он оставался неподвижным, то его совершенно нельзя было бы заметить. Поднявшись на 6 м, он остановился и, казалось, замер на месте. Я взял дробовое ружье и хотел было стрелять, но меня остановил Дерсу. Он быстро нарезал мелких веток и прикрепил их в виде веника к длинной палке, затем подошел к дереву и поднял их так, чтобы не закрывать свет костра. Ослепленное огнем животное продолжало сидеть на одном месте. Когда веник был достаточно высоко, Дерсу прижал его к дереву, затем велел одному казаку держать палку, а сам взобрался до ближайшего сука, сел на него и

веником, как тряпкой, схватил свою добычу. Испуганный зверек запищал и стал биться. Это оказалась летяга. Она относится к отряду грызунов и к семейству беличьих. По бокам туловища, между передними и задними ногами имеется эластичная складка кожи, которая позволяет ей планировать от одного дерева к другому. Все тело летяги покрыто мягкой шелковистой светло-серой шерстью, с пробором на хвосте.

Летяга распространена по всему Уссурийскому краю и живет в смешанных лесах, где есть береза и осина. Пойманный нами экземпляр был длиной 50 и шириной (вместе с растянутой перепонкой) 16 см.

Казаки и стрелки столпились и рассматривали летучего грызуна. Особенно оригинальна была его голова с большими усами и огромными черными глазами, приспособленными для восприятия возможно большего количества световых лучей ночью. Когда все кончили рассматривать летягу, Дерсу поднял ее над головой, что-то громко сказал и пустил на свободу. Летяга полетела над землей и скрылась в темноте. Я спросил гольда, зачем он отпустил летягу.

— Его птица нету, мышь нету, — отвечал он. — Его нельзя убей.

И он принялся мне рассказывать о том, что это душа умершего

ребенка. Она некоторое время скитается по земле в виде летяги и только впоследствии попадает в загробный мир, находящийся в той стороне, где закатывается солнце.

Мы долго беседовали с ним на эту тему. Он рассказывал мне и о других животных. Каждое из них было человекоподобное и имело душу. У него была даже своя классификация их. Так, крупных животных он ставил отдельно от мелких, умных — отдельно от глупых. Соболя он считал самым хитрым животным.

На вопрос, какой зверь, по его мнению, самый вредный, Дерсу подумал и сказал:

— Крот!

А на вопрос, почему именно крот, а не другое животное, он ответил:

— Так, никто его не хочу стреляй, никто не хочу его кушай.

Этими словами Дерсу хотел сказать, что крот — животное бесполезное, никчемное.

Оглянувшись кругом, я увидел, что все уже спали. Пожелав Дерсу покойной ночи, я завернулся в бурку, лег поближе к огоньку и уснул.

Глава 22

Бой излюбров

Лесная растительность. — Женшень. — Заездка для ловли рыбы. — Истоки Тютихе. — Перевал Скалистый. — Верховья Имана. — Дерсу перед китайской кумирней. — Сильный вихрь. — Тихая ночь. — Река Горбуша. — Пещеры. — Медведь добывает желуди. — Река Папигоуза. — Изюбры. — Тигр на охоте за оленями. — Факел. — Возвращение на бивак

На следующий день, 30 августа, мы пошли дальше. В 3 км от

корейской фанзы, за «щеками»^[142], долина повернула к северо-западу. С левой стороны ее по течению тянется невысокая, но обширная речная терраса. Когда-то здесь была глухая тайга. 3 раза следовавшие друг за другом пожары уничтожили ее совершенно. Остались только редкие обгорелые стволы. Точно гигантские персты, они указывали на небо, откуда за хищническое истребление лесов должно явиться возмездие в виде сильных дождей и связанных с ними стремительных наводнений. Этот горелый лес тянется далеко в стороны. Чрезвычайно грустный и безжизненный вид имеют такие гари.

К полудню мы вошли в густой лес. Здесь был сделан небольшой привал.

Воспользовавшись свободным временем, я стал осматривать древесную и кустарниковую растительность и отметил у себя в записной книжке: белый клен с гладкой зеленоватой корой и с листьями, слабо зазубренными, мохнатыми и белесоватыми снизу; черемуху Маака, отличительными признаками которой являются кора, напоминающая бересту, и остроконечная зазубренная листва; каменную березу с желтовато-грязной корой, чрезвычайно изорванной и висящей лохмотьями;

особый вид смородины, почти не отличающийся от обыкновенной красной, несмотря на август месяц, на кустах еще не было ягод; шиповник без шипов с красноватыми ветвями, мелкими листьями и крупными розовыми цветами; спирею, имеющую клиновидно-заостренные, мелкозубчатые листья и белые цветы, и бузину — куст со светлой корой, с парноперистыми, овальноланцетовидными и мелкозазубренными листьями и с желтоватыми цветами.

Подкрепив свои силы едой, мы с Дерсу отправились вперед, а лошади остались сзади. Теперь наша дорога стала подыматься куда-то в гору. Я

думал, что Тютихе протекает здесь по ущелью и потому тропа обходит опасное место. Однако я заметил, что это была не та тропа, по которой мы шли раньше. Во-первых, на ней не было конных следов, а во-вторых, она шла вверх по ручью, в чем я убедился, как только увидел воду. Тогда мы решили повернуть назад и идти напрямик к реке в надежде, что где-нибудь пересечем свою дорогу.

Оказалось, что эта тропа увела нас далеко в сторону. Мы перешли на левую сторону ручья и пошли у подножия какой-то сопки.

Вековые дубы, могучие кедры, черная береза, клен, аралия, ель, тополь, граб, пихта, лиственница и

тис росли здесь в живописном беспорядке. Что-то особенное было в этом лесу. Внизу, под деревьями, царил полумрак. Дерсу шел медленно и, по обыкновению, внимательно смотрел себе под ноги. Вдруг он остановился и, не спуская глаз с какого-то предмета, стал снимать котомку, положил на землю ружье и сошки, бросил топор, затем лег на землю ничком и начал кого-то о чем-то просить.

Я думал, что он сошел с ума.

— Дерсу, что с тобой? — спрашивал я его.

Дерсу поднялся и, указав рукой на траву, сказал одно только слово:

— Панцуй (женьшень)!

Тут росло много травы. Которая из них была женьшень — я не знал. Дерсу показал мне его. Я увидел небольшое травянистое растение величиной в 40 см, с четырьмя листьями. Каждый лист состоял из пяти листочков, из которых средний был длиннее, два покороче, а два крайние — самые короткие. Женьшень уже отцвел, и появились плоды. Это были маленькие кругленькие коробочки, расположенные так же, как у зонтичных. Коробочки еще не вскрылись и не осыпали семян. Дерсу очистил вокруг растения землю от травы, потом собрал все плоды и завернул их в тряпицу. После

этого он попросил меня придержать растение сверху рукой, а сам принялся выкапывать корень. Откапывал он его очень осторожно. Все внимание было обращено на то, чтобы не порвать корневые мочки. Затем он понес его к воде и стал осторожно смывать землю.

Я помогал ему, как мог. Мало-помалу земля стала отваливаться, и через несколько минут корень можно было рассмотреть. Он был длиной 11 см, с двумя концами, значит — мужской. Та к вот каков этот женьшень, излечивающий все недуги и возвращающий старческому телу молодую бодрость жизни! Дерсу отрезал растение, уложил его вместе

с корнем в мох и завернул в бересту. После этого он помолился, затем надел свою котомку, взял ружье и сошки и сказал:

— Ты, капитан, счастливый!

По дороге я спросил гольда, что он думает делать с женьшенем. Дерсу сказал, что он хочет его продать и на вырученные деньги купить патронов. Тогда я решил купить у него женьшень и дать ему денег больше, чем дали бы китайцы. Я высказал ему свои соображения, но результат получился совсем неожиданный. Дерсу тотчас полез за пазуху и, подавая мне корень, сказал, что отдает его даром. Я отказался, но он начал настаивать. Мой отказ и

удивил и обидел его.

Только впоследствии я понял, что делать подарки в обычае туземцев и что обычай требует отблагодарить дарившего равноценной вещью.

Разговаривая таким образом, мы скоро вышли на Тютихе и здесь нашли потерянную тропинку.

С первого же взгляда Дерсу увидел, что наш вьючный отряд прошел вперед.

Надо было торопиться. Через 2 км долина вдруг стала суживаться. Начали попадаться глинистые сланцы — верный признак, что Сихотэ-Алинь был недалеко. Здесь река протекает по узкому ложу. Шум

у подножия береговых обрывов указывал, что дно реки загромождено камнями. Всюду пенились каскады; они чередовались с глубокими водоемами, наполненными прозрачной водой, которая в массе имела красивый изумрудный цвет.

В реке было много крупной мальмы. Дерсу хотел было стрелять в нее из ружья, но я уговорил его поберечь патроны. Мне хотелось поскорее присоединиться к отряду, тем более что стрелки считали меня и Дерсу находящимися впереди и, конечно, торопились догнать нас. Таким образом, они могли уйти далеко вперед.

В 5 часов мы подошли к

зверовой фанзе. Около нее я увидел своих людей. Лошади уже были расседланы и пущены на волю. В фанзе, кроме стрелков, находился еще какой-то китаец. Узнав, что мы с Дерсу еще не проходили, они решили, что мы остались позади, и остановились, чтобы обождать. У китайцев было много кабарожьего мяса и рыбы, пойманной заездками.

Китайская заездка устраивается следующим образом: при помощи камней река перегораживается от одного берега до другого, а в середине оставляется небольшой проход. Вода просачивается между камнями, а рыба идет по руслу к отверстию и падает в решето,

связанное из тальниковых прутьев. 2 или 3 раза в сутки китаец осматривает его и собирает богатую добычу.

От хозяина фанзы мы узнали, что находимся у подножия Сихотэ-Алиня, который делает здесь большой излом, а река Тютихе течет вдоль него. Затем он сообщил нам, что дальше его фанзы идут 2 тропы: одна к северу, прямо на водораздельный хребет, а другая — на запад, вдоль Тютихе. До истоков последней оставалось еще 12 км.

Вечером после ужина мы держали совет. Решено было, что завтра я, Дерсу и китаец-охотник отправимся вверх по Тютихе,

перевалим через Сихотэ-Алинь и назад вернемся по реке Лянчихезе. На это путешествие нужно было употребить 3 суток. Стрелки и казаки с лошадьми останутся в фанзе и будут ожидать нашего возвращения.

На другой день рано утром мы втроем наладили свои котомки, взяли ружья и тронулись в путь.

Чем дальше, тем тропа становилась все хуже и хуже. Долина сузилась совсем и стала походить на ущелье. Приходилось карабкаться на утесы и хвататься руками за корни деревьев. От жесткой почвы под ногами стали болеть подошвы ступней.

Мы старались обходить

каменистые россыпи и ступать ногой на мох или мягкий гнилой рухляк, но это мало помогало.

Истоки реки Тютихе представляют собой 2 ручья. По меньшему, текущему с юга, можно выйти на реку Ното, а по большому, текущему с северо-запада, – на Иман. У места слияния их высота над уровнем моря равняется 651 м. Мы выбрали последний путь, как наименее известный.

С этой стороны Сихотэ-Алинь казался грозным и недоступным. Вследствие размывов, а может быть, от каких-либо других причин здесь образовались узкие и глубокие распадки, похожие на каньоны.

Казалось, будто горы дали трещины и эти трещины разошлись. По дну оврагов бежали ручьи, но их не было видно; внизу, во мгле, слышно было только, как шумели каскады. Ниже бег воды становился покойнее, и тогда в рокоте ее можно было уловить игривые нотки.

Каким затерявшимся кажется человек среди этих скалистых гор, лишенных растительности! Незадолго до сумерек мы взобрались на перевал, высота которого измеряется в 1215 м. Я назвал его Скалистым. Отсюда, сверху, все представляется в мелком масштабе: вековой лес, растущий в долине, кажется мелкой щетиной, а хвойные

деревья – тоненькими иглами.

Заночевали мы по ту сторону Сихотэ-Алиня, на границе лесных насаждений. Ночью было сыро и холодно; мы почти не спали. Я все время кутался в одеяло и никак не мог согреться. К утру небо затянулось тучами, и начал накрапывать дождь.

Сегодня первый осенний день – пасмурный и ветреный. Живо, без проволочек, мы собрали свои пожитки и стали спускаться в бассейн Имана. Насколько подъем был крутым со стороны Тютихе, настолько он был пологим со стороны Имана.

Сначала я даже думал, что мы

находимся на плоскогорье, только когда я увидел воду, понял, что мы уже спустились с гребня.

Лес, растущий на западных склонах Сихотэ-Алиня, — старый, замшистый, низкорослый и состоит главным образом из лиственницы, ели и пихты, с небольшой примесью ольхи и березы.

В верховьях Иман слагается из 2 рек, текущих с юга. Мы попали на правую речку, которую китайцы называют Ханихеза. От Сихотэ-Алиня до слияния их будет не менее 30 км.

Старые затески на деревьях привели нас к зверовой фанзе. Судя по сложенным в ней запасам

продовольствия, видно было, что иманские зверовщики уже готовились к соболеваннию.

Китаец не повел нас далеко по Иману, а свернул на восток к Лянчихезе. Здесь наш проводник немного заблудился и долго искал тропу.

К полудню погода испортилась совсем. Тучи быстро бежали с юго-востока и заволакивали вершины гор. Я часто поглядывал на компас и удивлялся, как наш проводник без всяких инструментов держал правильное направление.

В одном пересохшем ручье мы нашли много сухой ольхи. Хотя было еще рано, но я по опыту знал, что

значат сухие дрова во время ненастья, и потому посоветовал остановиться на бивак. Мои опасения оказались напрасными. Ночью дождя не было, а утром появился густой туман.

Китаец торопил нас. Ему хотелось поскорее добраться до другой фанзы, которая, по его словам, была еще в 12 км. И действительно, к полудню мы нашли эту фанзочку. Она была пустая. Я спросил нашего вожакого, кто ее хозяин. Он сказал, что в верховьях Имана соболеванием занимаются китайцы, живущие на берегу моря, дальше, вниз по реке, будут фанзы соболевщиков Иодзыхе, а еще дальше

на значительном протяжении следует пустынная область, которая снова оживает немного около реки Кулумбе.

Отдохнув здесь немного, мы пошли снова к Сихотэ-Алиню. По мере приближения к гребню подъем становился более пологим. Около часа мы шли как бы по плоскогорью. Вдруг около тропы я увидел кумирню. Это служило показателем того, что мы достигли перевала. Высота его равнялась 1190 м. Я назвал его Рудным. Отсюда начался крутой ступенчатый спуск к реке Тютихе.

Отдохнув немного, мы стали спускаться с водораздела. Спуск в

долину Тютихе, как я уже сказал, идет уступами. По эту сторону был также хвойный лес, но по качеству несравненно лучше иманского.

С перевала тропа привела прямо к той фанзе, где оставались люди и лошади. Казаки соскучились и были чрезвычайно рады нашему возвращению. За это время они убили изюбра и наловили много рыбы.

Перед вечером небо вдруг как-то быстро стало расчищаться. Тучи, которые доселе лежали неподвижно ровной пеленой, разорвались. Облака имели разлохмаченный вид, двигались вразброд, навстречу друг другу, и вслед за тем налетел такой

сильный ветер, что столетние деревья закачались, как слабые тростинки. В воздухе закружилась сухая трава, листва, сорванная с деревьев, и мелкие сучья. Какая-то птица пыталась было бороться с разбушевавшейся стихией, но скоро выбилась из сил. Ее понесло куда-то вниз, и она скорее упала, чем спустилась на землю. Вдруг один кедр, растущий недалеко от фанзы, накренился и начал медленно падать. Со страшным грохотом рухнул он на землю, увлекая за собой соседний молодняк. Около часа свирепствовал этот вихрь и затем пропал так же неожиданно, как и появился. В лесу по-прежнему стало тихо.

Я оделся, взял ружье, свистнул собаку и пошел вниз по реке. Отойдя немного от фанзы, я сел на камень и стал слушать. Монотонный шум ручья, который обыкновенно не замечаешь днем, вечером кажется сильнее. Внизу под обрывом плескалась рыба, по ту сторону реки в лесу ухал филин-пугач, в горах ревели изюбры и где-то поблизости тоскливо кричала кабарга. Я так увлекся созерцанием природы, что не заметил, как прошло время. Одежда моя стала мокнуть от росы. Я вернулся в фанзу, забрался на теплый кан и уснул как убитый.

Следующие 2 дня (3 и 4 сентября) мы употребили на переход

от Сихотэ-Алиня до устья реки Горбуши. Я намеревался сначала пройти по ней до перевала, а затем спуститься по реке Аохобе к морю.

Река Горбуша (по-китайски — Дунмаца) длиной 8 км. Общее направление ее течения будет по кривой с востока к югу. Невдалеке от своего устья, с правой стороны, она принимает в себя безымянный приток, на котором есть довольно обширные пещеры. Они расположены в 2 яруса и идут книзу спиралями. Глубокие колодцы, ходы сообщений и сталактиты в виде колонн делают эти пещеры весьма интересными. Внутри их по стенам в виде барельефов спускаются натеки,

рядом с которыми блещут друзы горного хрусталя и весьма крупные кристаллы известкового шпата. Другая пещера, меньшая по размерам, находится с левой стороны Горбуши, как раз против устья реки Безымянной. В этой пещере на мягкой наносной почве валялось много костей и виднелись свежие тигровые следы.

Осмотрев обе пещеры, мы пошли дальше.

В долине Горбуши развиты речные террасы. Они тянутся все время, чередуясь то с правой, то с левой стороны. Здесь раньше были хорошие смешанные леса, впоследствии уничтоженные

пожарами.

Скоро выяснилось, что река Горбуша идет вдоль Сихотэ-Алиня и в истоках подходит к нему почти вплотную.

После полудня мы с Дерсу опять пошли вперед. За рекой тропка поднялась немного на косогор. Здесь мы сели отдохнуть. Я начал переобуваться, а Дерсу стал закуривать трубку. Он уже хотел было взять ее в рот, как вдруг остановился и стал пристально смотреть куда-то в лес. Через минуту он рассмеялся и сказал:

— Ишь хитрый! Чего-чего понимай!

— Кто? — спросил я его.

Он молча указал рукой. Я поглядел в ту сторону, но ничего не видел. Дерсу посоветовал мне смотреть не на землю, а на деревья. Тогда я заметил, что одно дерево затряслось, потом еще и еще раз. Мы встали и тихонько двинулись вперед. Скоро все разъяснилось. На дереве сидел белогрудый медведь и лакомился желудями.

Животное это по размерам своим значительно уступает обыкновенному бурому медведю. Максимальная его длина 1,8 м, а высота в плечах 0,7 м при наибольшем весе 160 кг. Окраска его шерсти – черная, блестящая, на груди находится белое пятно, которое

захватывает нижнюю часть шеи. Иногда встречаются (правда, очень редко) такие медведи, у которых брюхо и даже лапы белые. Голова зверя конусообразная, с маленькими глазками и большими ушами. Вокруг нее растут длинные волосы, имеющие вид пышного воротника.

Белогрудые медведи устраивают свои берлоги в дуплах старых тополей. Следовательно, область распространения их тесно связана с маньчжурской флорой. Северная граница этой области проходит приблизительно от устья Уссури к истокам Имана и оттуда по побережью моря к мысу Олимпиады. Главной пищей им служат: весной —

корни росянки и листва
белокопытника, летом — ягоды
коломикты, черемухи и желуди, а
осенью — лещина, маньчжурские и
кедровые орехи и плоды дикой
яблони. В зимнюю спячку этот
медведь впадает рано. Вверху, в
стволе, он прогрызает небольшую
отдушину, вокруг которой собирается
замерзший иней. По этому признаку
охотники узнают о присутствии в
дупле зверя.

Подойдя к медведю на 100
шагов, мы остановились и стали за
ним наблюдать. «Косолапый»
взобрался на самую вершину дерева
и там устроил себе нечто вроде
лабаза^[143]. Много желудей

оставалось на тех сучьях, до которых он не в силах был дотянуться. Тогда медведь начинал трясти дерево и поглядывать на землю. Расчет его оказался правильным. Желуди созрели, но не настолько, чтобы осыпаться самостоятельно. Через некоторое время он спустился вниз и принялся искать в траве.

— Тебе какой люди? — закричал ему Дерсу.

Медведь быстро обернулся, насторожил уши и стал усиленно нюхать воздух. Мы не шевелились. Медведь успокоился и хотел было опять приняться за еду, но Дерсу в это время свистнул. Медведь поднялся на задние лапы, затем

спрятался за дерево и стал выглядывать оттуда одним глазом.

В это время ветер подул нам в спину. Медведь рывкнул, прижал уши и без оглядки пустился наутек. Через несколько минут подошли казаки с конями.

Подъем на перевал, высота которого измеряется в 770 м, как со стороны реки Горбуши, так и со стороны реки Синанцы, одинаково пологий. Ближайшие горы состоят из кварцевого порфира. Отсюда Сихотэ-Алинь постепенно отходит к северо-востоку.

С перевала мы спустились к реке Папигоузе, получившей свое название от двух китайских слов:

«папи» – то есть береста, и «гоуз» – долинка [\[144\]](#). Речка эта принимает в себя справа и слева два горных ручья. От места слияния их начинается река Синанца, что значит – Юго-западный приток. Дальше долина заметно расширяется и идет по отношению к Сихотэ-Алиню под углом в 10° . Пройдя по ней 4 км, мы стали биваком на берегу реки.

Конец августа и начало сентября – самое интересное время в тайге. В это время начинается рев изюбров и бой самцов за обладание матками. Для подзывания изюбра обыкновенно делается берестяной рожок, для чего снимается береста лентой, 10 см шириной.

Она скручивается спирально, и таким образом получается труба длиной в 60–70 см. Звук получается от втягивания в себя воздуха.

Убить оленя во время рева очень легко. Самцы, ослепленные страстью, совершенно не замечают опасности и подходят к охотнику, когда он их подманивает рожком, почти вплотную. Мясом мы были вполне обеспечены, поэтому я не пустил казаков на охоту, но сам решил пойти в тайгу ради наблюдений.

Запасшись такими рожками, мы с Дерсу отправились в лес и, отойдя от бивака с километр, разошлись в разные стороны. Выбрав место, где

заросли были не так густы, я сел на пенёк и стал ждать.

По мере того как угасал день, в лесу становилось все тише и тише.

В переходе от дня к ночи в тайге всегда есть что-то торжественное. Угасающий день нагоняет на душу чувство жуткое и тоскливое. Одиночество рождает мысли, воспоминания. Я так ушел в себя, что совершенно забыл о том, где я нахожусь и зачем пришел сюда в этот час сумерек.

Вдруг где-то на юге заревел один изюбр. Призывный крик его разнесся по всему лесу, и тотчас в ответ ему ответил другой – совсем недалеко от меня. Это, должно быть, был старый

самец. Он начал с низких нот, затем постепенно перешел на высокие и окончил густой октавой. Я ответил ему на берестяном рожке. Не более как через минуту я услышал треск сучьев и вслед за тем увидел стройного оленя. Он шел уверенной грациозной походкой, покачивая головой и поправляя рога, задевающие за сучья деревьев. Я замер на месте. Изюбр остановился и, закинув голову, делал носом гримасы, стараясь по запаху узнать, где находится его противник. Глаза его горели, ноздри были раздуты и уши насторожены. 2 минуты я любовался прекрасным животным и совершенно не имел намерения

лишать его жизни. Чувствуя присутствие врага, олень волновался. Он начал рогами рыть землю, затем поднял свою голову вверх и издал могучий крик.

Легкий пар вылетел у него изо рта. Не успело ему ответить эхо, как со стороны Синанцы послышался другой рев. Олень встрепенулся, как-то завыл, затем вой его перешел в рев, короткий и яростный. В это время олень был удивительно красив.

Вдруг слева от меня послышался слабый шум. Я оглянулся и увидел самку. Когда я снова повернул голову к оленям, самцы уже дрались. С изумительной яростью они бросились друг на друга. Я слышал

удары их рогов и тяжелые вздохи, вырывающиеся из груди вместе со стонами. Задние ноги животных были вытянуты, а передние подогнуты под брюхо. Был момент, когда они так крепко сцепились рогами, что долго не могли разойтись. Сильным встряхиванием головы один олень отломал у другого верхний отросток рога и только этим освободил себя и противника. Бой изюбров продолжался 10 минут. Наконец стало ясно, что один из них должен уступить. Он тяжело дышал и понемногу пятился назад. Заметив отступление противника, другой олень стал нападать еще яростнее. Скоро оба изюбра скрылись у меня

из виду.

Я вспомнил про самку и стал искать ее глазами. Она стояла на том же месте и равнодушно смотрела на обоих своих поклонников, сцепившихся в смертельной схватке. Шум борьбы постепенно удалялся. Очевидно, один олень гнал другого. Самка следовала сзади в некотором расстоянии.

Вдруг по лесу прокатился отдаленный звук выстрела. Я понял, что это стрелял Дерсу. Только теперь я заметил, что не одни эти олени дрались. Рев их неся отовсюду; в лесу стоял настоящий гомон.

Начинало быстро темнеть. На небе последние вспышки зари

боролись еще с ночным мраком, быстро наступавшим с востока.

Через полчаса я пришел на бивак. Дерсу был уже дома. Он сидел у огня и чистил свою винтовку. Он мог бы убить нескольких изюбров, но ограничился одним только рябчиком.

Долго сидели мы у костра и слушали рев зверей. Изюбры не давали нам спать всю ночь. Сквозь дремоту я слышал их крики и то и дело просыпался. У костра сидели казаки и ругались. Искры, точно фейерверк, вздымались кверху, кружились и одна за другой гасли в темноте. Наконец стало светать. Изюбриный рев понемногу стих.

Только одинокие ярые самцы долго еще не могли успокоиться. Они слонялись по тeneвым склонам гор и ревели, но им уже никто не отвечал. Но вот взошло солнце, и тайга снова погрузилась в безмолвие.

Оставив всех людей на биваке, мы с Дерсу пошли на Сихотэ-Алинь. Для этого мы воспользовались одним из ключиков, текущих с водораздела к реке Синанце. Подъем был сначала длинный и пологий, а затем сделался крутым. Пришлось идти без тропы по густой кустарниковой заросли, заваленной горелым лесом.

Приближалась осень. Листва на деревьях уже стала опадать на землю. Днем она шуршит под ногами, а

вечером от росы опять становится мягкой. Это позволяет охотнику подойти к зверю очень близко.

В полдень мы были на вершине Сихотэ-Алиня. Здесь я увидел знакомую картину: гарь — к востоку и замшистый хвойный лес — к западу. Восточный склон Сихотэ-Алиня крутой, а западный — пологий. Дерсу нашел следы лося и сообщил мне, что сохатый в этих местах встречается только до Ното. Ниже этой границы он не спускается.

Часам к 6 пополудни мы возвратились на бивак. Было еще довольно светло, когда наиболее ярые самцы начали реветь, сначала на высоких горах, а потом и в

долинах.

Бой изюбров в прошлый вечер произвел на меня сильное впечатление; я решил опять пойти в тайгу и пригласил с собою Дерсу. Мы переправились через реку и вступили в лес, полный таинственного сумрака. Отойдя от бивака 1,5 км, мы остановились около тихого ручья и стали слушать. Когда солнце скрылось за горизонтом, на землю опустились сумерки, и чем темнее становилось в тайге, тем больше ревели изюбры. Эта волшебная музыка наполняла весь лес. Мы пробовали было подходить к оленям, но неудачно. 2 раза мы видели животных, но как-то плохо: или

видна была одна голова с рогами, или задняя часть тела и ноги. В одном месте мы заметили красивого самца. Около него уже табунились 3 матки. Олени не стояли на месте, а тихонько шли. Мы следовали за ними по пятам. Если бы не Дерсу, я давно потерял бы их из виду. Самец шел впереди. Он чувствовал, что он сильнее других самцов, и потому отвечал на каждый брошенный ему вызов. Вдруг Дерсу остановился и стал прислушиваться. Он повернулся назад и замер в неподвижной позе.

Оттуда слышался рев старого быка, но только ноты его голоса были расположены не в том порядке, как обыкновенно у изюбров.

– Гм , тебе понимай, какой это люди? – спросил меня тихо Дерсу.

Я ответил, что думаю, что это изюбр, но только старый.

– Это амба, – ответил он мне шепотом. – Его шибко хитрый. Его постоянно так изюбра обмани. Изюбр теперь понимай нету, какой люди кричи, амба скоро матка поймай есть.

Как бы в подтверждение его слов, в ответ на рев тигра изюбр ответил громким голосом. Тотчас ответил и тигр. Он довольно ловко подражал оленю, но только под конец его рев закончился коротким мурлыканьем.

Тигр приближался и, вероятно,

должен был пройти близко от нас. Дерсу казался взволнованным. Сердце мое усиленно забилося. Я поймал себя на том, что чувство страха начало овладевать мной. Вдруг Дерсу принялся кричать:

— А-та-та, та-та-та, та-та-та!..

После этого он выстрелил из ружья в воздух, затем бросился к березе, спешно сорвал с нее кору и зажег спичкой. Ярким пламенем вспыхнула сухая береста, и в то же мгновение вокруг нас сразу стало вдвое темнее. Испуганные выстрелом изюбры шарахнулись в сторону, а затем все стихло. Дерсу взял палку и накрутил на нее горящую бересту. Через минуту мы шли назад, освещая

дорогу факелом. Перейдя реку, мы
вышли на тропинку и по ней
возвратились на бивак.

Глава 23

Охота на медведя

*Река Аохобе. — Лудева. —
Береговая тропа. — Страшный
зверь. — Три выстрела. — Бегство. —
Бурый медведь. — Трофей,
закопанный в землю. — Дерсу по
следам восстанавливает картину
борьбы с медведем. — Возвращение
на бивак. — От реки Мутухе до
Сеохобе. — Река Мутухе. —
Отставшие перелетные птицы. —
Лежбище сивучей. —
Злоупотребление огнестрельным
оружием. — Пал. — Поиски бивака. —
Дым и холодные утренники. — Озера*

*около реки Сеохобе. – Хищничество
китайцев*

На другой день, 7 сентября, мы продолжали наше путешествие. От китайского охотничьего балагана шли 2 тропы: одна – вниз, по реке Синанце, а другая – вправо, по реке Аохобе (по-удэгейски – Эхе, что значит – черт). Если бы я пошел по Синанце, то вышел бы прямо к заливу Джигит. Тогда побережье моря между реками Тютихе и Иодзыхе осталось бы неосмотренным.

Поэтому я решил спуститься к морю по реке Аохобе, а Синанцу осмотреть впоследствии.

Сначала путь наш лежал на юг по небольшой тропинке, проложенной по самому верхнему и правому притоку Синанцы, длиной в 2—3 км. Горы в этих местах состоят из порфиров, известняков и оруденелых фельзитов. Во многих местах я видел прожилки серебросвинцовой руды, цинковой обманки и медного колчедана.

Поднявшись на перевал высотой в 270 м, я стал осматриваться. На северо-западе высокой грядой тянулся голый Сихотэ-Алинь, на юге виднелась река Тютихе, на востоке — река Мутухе и прямо на запад шла река Дунца — приток Аохобе.

По ней нам и надлежало идти.

Всюду на горах лес был уничтожен пожарами; он сохранился только в долинах как бы отдельными островками.

После короткого отдыха на перевале мы начали спускаться к реке Дунце, протекающей по небольшой извилистой долине, поросшей березой, бархатом и тополем. Вскоре мы наткнулись на какой-то забор.

Это оказалась лудева. Она пересекала долину Аохобе поперек и шла дальше по правому ее притоку на протяжении 14 км.

При лудеве находилась фанза с двором, окруженным высоким частоколом. Здесь обыкновенно

производится операция снятия пантов с живых оленей. За фанзой около забора были выстроены какие-то клетки, похожие на стойла. В этих клетках китайцы держат оленей до тех пор, пока их рога не достигнут наибольшей ценности.

Справа у забора стоял амбар на сваях. В нем хранились кожи изюбров, сухие рога и более 190 кг жил, вытянутых из задних ног животных. Сваренные панты и высушенные оленьи хвосты висели рядами под коньком у самой крыши.

В фанзе мы застали 4 китайцев. Сначала они испугались, но затем, когда увидели, что мы им зла не хотим причинить, успокоились, и

раболепство их сменилось услужливостью.

Вечером в фанзу пришли еще 3 китайца. Они что-то рассказывали и ужасно ругались, а Дерсу смеялся.

Я долго не мог понять, в чем дело. Оказалось, что в одну из ям попал медведь. Конечно, он сейчас же вылез оттуда и принялся ломать забор и разбрасывать покрышки, которыми были замаскированы ямы.

Теперь китайцам предстояла большая работа по приведению их в порядок.

Лудевая фанза была маленькая, и китайцев набралось в ней много, поэтому я решил пройти еще несколько километров и заночевать

под открытым небом.

Дальше тропа пошла по долине реки Аохобе, придерживаясь левой ее стороны. Здесь особенно развиты речные террасы с массивно-кристаллическим основанием, высотой до 4 м. Средняя часть долины Аохобе свободна от леса, но тем не менее совершенно непригодна для занятия земледелием. Тонкий слой земли едва прикрывает жесткую каменистую почву и легко смывается водой. По тенивым склонам гор растет редкий смешанный лес, состоящий из кедра, бархата, липы, дуба, тополя, березы, ореха и т.д. На солнцепеках — кустарники лещины, леспедецы,

калины и таволги. Около реки, где больше влаги, — заросли тонкоствольных тальников, ольхи и осины.

В нижней части живет много китайцев. На реке Аохобе они появились не более 20 лет тому назад. Раньше здесь жили удэгейцы, впоследствии вымершие и частью переселившиеся на другое место.

Если смотреть на долину со стороны моря, то она кажется очень короткой. Когда-то это был глубокий морской залив, и устье Аохобе находилось там, где суживается долина. Шаг за шагом отходило море и уступало место суше. Но самое интересное в долине — это сама река.

В 5 км от моря она иссякает и течет под камнями. Только во время дождей вода выступает на дневную поверхность и тогда идет очень стремительно.

С Тютихе на Аохобе можно попасть и другой дорогой. Расстояние между ними всего только 7 км. Тропа начинается от того озерка, где мы с Дерсу стреляли уток. Она идет по ключику на перевал, высота которого равна 310 м. Редколесье по склонам гор, одиночные старые дубы в долинах и густые кустарниковые заросли по увалам — обычные для всего побережья. Спуск на Аохобе в 2 раза длиннее, чем подъем со стороны

Тютихе. Тропа эта продолжается и далее по побережью моря.

Между рекой Синанцей, о которой говорилось выше, и рекой Аохобе тянется невысокий горный хребет, состоящий из кварцевого порфира. От него к морю идет несколько отрогов, между которыми текут небольшие горные речки, имеющие обычно китайские числительные названия: Турлдагоу, Эрлдагоу, Сандагоу и Сыдагоу. Тропа пересекает их в самых истоках.

После полудня мы как-то сбились с дороги и попали на зверовую тропу. Она завела нас далеко в сторону. Перейдя через горный отрог, покрытый осыпями и

почти лишенный растительности, мы случайно вышли на какую-то речку. Она оказалась притоком Мутухе. Русло ее во многих местах было завалено буреломным лесом. По этим завалам можно судить о размерах наводнений. Видно, что на Мутухе они коротки, но чрезвычайно стремительны, что объясняется близостью гор и крутизной их склонов.

Пока земля прикрыта дерном, она может еще сопротивляться воде, но как только цельность дернового слоя нарушена, начинается размывание. Быстро идущая вода уносит с собой легкие частицы земли, оставляя на месте только

щебень. От ила, который вместе с пресной водой выносятся реками, море около берегов, полосой в несколько километров, из темно-зеленого становится грязно-желтым.

Долину реки Мутухе можно считать самым зверовым местом на побережье моря. Из зарослей леспедецы и орешника то и дело выбегали олени, козули и кабаны. Казаки ахали, волновались, и мне стоило немалого труда удержать их от стрельбы и бесполезного истребления животных. Часа в 3 дня я подал сигнал к остановке.

Мне очень хотелось убить медведя. «Другие бьют медведей один на один, — думал я, — почему бы

мне не сделать то же?» Охотничий задор разжег во мне чувство тщеславия, и я решил попытать счастья.

Многие охотники рассказывают о том, что они били медведя без всякого страха, и выставляют при этом только комичные стороны охоты. По рассказу одних, медведь убегает после выстрела; другие говорят, что он становится на задние лапы и идет навстречу охотнику, и что в это время в него можно влечь несколько пуль. Дерсу не соглашался с этим. Слушая такие рассказы, он сердился, плевался, но никогда не вступал в пререкания.

Узнав, что я хочу идти на

медведя один, он посоветовал мне быть осторожнее и предлагал свои услуги. Его уговоры еще больше подзадорили меня, и я еще тверже решил во что бы то ни стало поохотиться за «косолапым» в одиночку.

Я отошел от бивака не более полкилометра, но уже успел испугнуть двух козуй и кабана. Здесь так много зверя, что получалось впечатление заповедника, где животные собраны в одно место и ходят на свободе.

Перейдя ручей, я остановился среди редколесья и стал ждать. Через несколько минут я увидел оленя: он пробежал по опушке леса. Рядом в

орешнике шумели кабаны и взвизгивали поросята.

Вдруг впереди меня послышался треск сучьев, и вслед за тем я услышал чьи-то шаги. Кто-то шел мерной тяжелой походкой. Я испугался и хотел было уйти назад, но поборол в себе чувство страха и остался на месте. Вслед за тем я увидел в кустах какую-то темную массу. Это был большой медведь.

Он шел наискось по увалу и был немного больше меня. Он часто останавливался, копался в земле, переворачивал валежник и что-то внимательно под ним рассматривал. Выждав, когда зверь был от меня в 40 шагах, я медленно прицелился и

спустил курок. Сквозь дым выстрела я видел, как медведь с ревом быстро повернулся и схватил себя зубами за то место, куда ударила пуля. Что дальше случилось, я плохо помню. Все произошло так быстро, что я уже не мог разобраться, что чему предшествовало. Тотчас же после выстрела медведь во весь дух бросился ко мне навстречу. Я почувствовал сильный толчок, и в то же время произошёл второй выстрел. Когда и как я успел зарядить ружье, это для меня самого осталось загадкой. Кажется, я упал на левую сторону. Медведь перевернулся через голову и покатился по склону вправо. Как случилось, что я очутился опять

на ногах и как я не выпустил ружья из рук, — не помню. Я побежал вдоль увала и в это время услышал за собой погоню. Медведь бежал за мной следом, но уже не так быстро, как раньше. Каждый свой прыжок он сопровождал грузными вздохами и ворчанием. Вспомнив, что ружье мое заряжено, я остановился.

«Надо стрелять! От хорошего прицела зависит спасение жизни», — мелькнуло у меня в голове.

Я вставил приклад ружья в плечо, но ни мушки, ни прицела не видел. Я видел только мохнатую голову медведя, его раскрытый рот и злобные глаза.

Если бы кто-нибудь в это время

посмотрел на меня со стороны, то, наверное, увидел бы, как лицо мое исказилось от страха.

Я ни за что не поверю охотникам, уверяющим, что в зверя, бегущего им навстречу, они стреляют так же спокойно, как в пустую бутылку. Это неправда! Неправда потому, что чувство самосохранения свойственно всякому человеку. Вид разъяренного зверя не может не волновать охотника и непременно отразится на меткости его стрельбы.

Когда медведь был от меня совсем близко, я выстрелил почти в упор. Он опрокинулся, а я отбежал снова. Когда я оглянулся назад, то увидел, что медведь катается по

земле. В это время с правой стороны я услышал еще шум. Инстинктивно я обернулся и замер на месте. Из кустов показалась голова другого медведя, но сейчас же опять спряталась в зарослях. Тихонько, стараясь не шуметь, я побежал влево и вышел на реку.

20 минут я бесцельно бродил по одному месту, пока не успокоился. Идти на бивак с пустыми руками стыдно. Если я убил медведя, то бросить его было жалко. Но там был еще другой медведь, не раненый. Что делать? Та к и бродил до тех пор, пока солнце не ушло за горизонт. Лучи его оставили землю и теперь светили куда-то в небо. Тогда я

решил пойти стороной и издали взглянуть на медведей. Чем ближе я подходил к опасному месту, тем становилось страшнее. Нервы мои были напряжены до последней крайности. Каждый шорох заставлял меня испуганно оборачиваться. Всюду мне мерещились медведи, всюду казалось, что они идут за мной по пятам. Я часто останавливался и прислушивался. Наконец я увидел дерево, около которого в последний раз свалился медведь. Оно показалось мне особенно страшным. Я решил обойти его по косогору и посмотреть с гребня увала.

Вдруг я заметил, что в кустах кто-то шевелится. «Медведь!» —

подумал я и попятился назад. Но в это время услышал человеческий голос. Это был Дерсу. Я страшно обрадовался и побежал к нему. Увидев меня, гольд сел на лежавшее на земле дерево и стал закуривать свою трубку. Я подошел к нему и спросил, как он попал сюда. Дерсу рассказал мне, что с бивака он услышал мои выстрелы и пошел мне на помощь. По следам он установил, где я стрелял медведя и как он на меня бросился. Затем он указал место, где я упал; дальше следы показали ему, что медведь гнался за мной, и т.д. Одним словом, он рассказал мне все, что со мной случилось.

— Должно быть, подранок ушел, — сказал я своему товарищу.

— Его остался здесь, — ответил Дерсу и указал на большую кучу земли.

Я понял все. Мне вспомнились рассказы охотников о том, что медведь, найдя какое-нибудь мертвое животное, всегда закапывает его в землю. Когда мясо станет разлагаться, он лакомится им. Но я не знал, что медведь закапывает медведя. Для Дерсу это тоже было новинкой.

Через несколько минут мы откопали медведя. Кроме земли, на него было наложено много камней и валежника.

Я стал раскладывать огонь, а Дерсу принялся потрошить зверя. Убитый мной медведь был из крупных, черно-бурой масти. Вид этот близок к американскому гризли. Длина его тела равняется 2,4, высота – 1,2 м, а вес достигает до 330 кг. Он имеет притупленную морду, небольшие уши и маленькие глаза. К гигантской силе его надо прибавить крепкие клыки и когти в 8 см длиной. Животное это распространено по всему Уссурийскому краю, но чаще всего встречается в северной его половине и на берегу моря между мысом Гиляк и устьем Амура. Любопытно то, что окраска его на юге черная, а чем

севернее, тем больше приближается к светло-бурой. Нрав этого медведя довольно добродушный, пока его не трогают, но, раненный, он становится положительно ужасен. Во время течки самцы очень злы. Они слоняются по тайге, нападают на животных и гоняются даже за рябчиками. Пища их главным образом растительная, но при случае они не прочь полакомиться мясом и рыбой. Берлогу бурый медведь устраивает под корнями деревьев, в расщелинах камней и даже просто в земле. Подобно своим четвероногим сородичам, он чрезвычайно любит забиваться в пещеры и жить в них не только зимой, но даже и в теплое

время года. В зимнюю спячку бурый медведь впадает поздно. Некоторые из них бродят по тайге иногда до декабря. Они не любят лазать по деревьям; быть может, препятствием этому служит их большой вес.

В убитого мною медведя попали все 3 пули: одна в бок, другая в грудь и третья в голову.

Когда Дерсу закончил свою работу, было уже темно. Подложив в костер сырых дров, чтобы они горели до утра, мы тихонько пошли на бивак.

Вечер был тихий и прохладный. Полная луна плыла по ясному небу, и, по мере того как свет луны становился ярче, наши тени делались

короче и чернее. По дороге мы опять испугнули диких кабанов. Они с шумом разбежались в разные стороны. Наконец между деревьями показался свет. Это был наш бивак.

После ужина казаки рано легли спать. За день я так переволновался, что не мог уснуть. Я поднялся, сел к огню и стал думать о пережитом. Ночь была ясная, тихая. Красные блики от огня, черные тени от деревьев и голубоватый свет луны перемешивались между собой. По опушкам сонного леса бродили дикие звери. Иные совсем близко подходили к биваку. Особенным любопытством отличались козули. Наконец я почувствовал дремоту, лег

рядом с казаками и уснул крепким сном.

На рассвете раньше всех проснулся Дерсу. Затем встал я, а потом и другие. Солнце только что взошло и своими лучами едва озарило верхушки гор. Как раз против нашего бивака, в 200 шагах, бродил еще один медведь. Он все время топтался на одном месте. Вероятно, он долго еще ходил бы здесь, если бы его не спугнул Мурзин. Казак взял винтовку и выстрелил.

Медведь круто обернулся, посмотрел в нашу сторону и проворно исчез в лесу.

Закусив немного, мы собрали

свои котомки и тронулись в путь. Около моря я нашел место бивака Н.А. Пальчевского. Из письма, оставленного мне в бутылке, привязанной к палке, я узнал, что он здесь работал несколько дней тому назад и затем отправился на север, конечным пунктом наметив себе бухту Терней.

Река Мутухе (по-удэгейски – Ца-уги) впадает в бухту Опричник ($44^{\circ} 27'$ с. ш. и $39^{\circ} 40'$ в. д. от Гринвича), совершенно открытую со стороны моря и потому для стоянки судов не пригодную. Глубокая заводь реки, сразу расширяющаяся долина и необсохшие болота вблизи моря указывают на то, что раньше здесь

тоже был залив, довольно глубоко вдававшийся в сушу. По береговым валам около самой бухты растет ползучий даурский можжевельник, а по болотам — кустарниковая береза с узкокрылыми плодами.

Название Мутухе есть искаженное китайское название Мучжу-хе («мугу» — самка, «чжу» — дикий кабан, «хе» — река, что значит — Река диких свиней). Она течет вдоль берега моря по тектонической долине и принимает в себя, не считая мелких горных ручьев, 3 притока с правой стороны. Та к как речки эти не имели раньше названий, то я окрестил их. Первую речку я назвал Оленьей, вторую — Медвежьей,

третью — Зверовой.

Там, где долина Оленьей реки сходится с долиной реки Медвежьей, на конце увала приютилась маленькая фанза. Она была пуста. Окинув ее взором, Дерсу сказал, что здесь живут корейцы, 4 человека, что они занимаются ловлей соболей и недавно ушли на охоту на всю зиму.

Здесь по речкам, в болоте и на берегу моря на песке мы застали кое-каких перелетных птиц. Судя по малочисленности как особей, так и видов, видно, что по берегу моря не бывает большого перелета. Тут было несколько амурских кроншнепов. Они красиво расхаживали по траве. При приближении нашем птицы

останавливались, пристально смотрели на нас и затем с хриплым криком снимались с места. Отлетев немного, они опять спускались на землю, но были уже настороже. В другой стороне, около воды, ходила восточная белолобая казарка. Я сначала принял ее за гуся. Она мне показалась больше размерами, чем есть на самом деле. Мурзин обошел ее по кустам и убил пулей. Из уток здесь было много маленьких чирков. Они держались в ручьях, заросших ольхой и кустарниками. Когда я очень близко подходил к ним, они не улетали, а только немного отплывали в сторону, и, видимо, совершенно не боялись человека.

От корейской фанзы вверх по реке Мутухе идет тропа. Она долгое время придерживается правого берега реки и только в верховьях переходит на другую сторону. Горы, окаймляющие долину Мутухе, состоят большей частью из кварцевого порфира. Между реками Оленьей, Медвежьей и Зверовой, по выходе в долину, они кончаются широкими террасами в 20 м высотой. Слева (по течению) растет лес хвойный и смешанный, справа — лиственный. Река Мутухе — самое близкое к морю место, где произрастает строевой кедр. Он достигает здесь высоты 22 м и имеет в обхвате 3—3,5 м.

В верховьях реки небольшими рощицами встречается также тис. Этот представитель реликтовой флоры нигде в крае не растет сплошными лесонасаждениями; несмотря на возраст в 300—400 лет, он не достигает больших размеров и очень скоро становится дуплистым.

Путь по реке Мутухе до перевала чрезвычайно каменист, и движение по нему затруднительно. Расщелины в камнях и решетины между корнями представляют собою настоящие ловушки. Опасения поломать ногу коням делают эту дорогу труднопроходимой. Надо удивляться, как местные некованные китайские лошади ухитряются ходить здесь да

еще нести на себе значительные тяжести.

Пройдя по реке 5 км, мы повернули на восток к морю.

Уже с утра я заметил, что в атмосфере творится что-то неладное. В воздухе стояла мгла; небо из синего стало белесоватым; дальних гор совсем не было видно. Я указал Дерсу на это явление и стал говорить ему многое из того, что мне было известно из метеорологии о сухой мгле.

— Моя думай, это дым, — отвечал он. — Ветер нету, который сторона гори, понимай не могу.

Едва мы поднялись наверх, как сразу увидели, в чем дело. Из-за гор,

с правой стороны Мутухе, большими клубами подымался белый дым. Дальше, на севере, тоже курились сопки. Очевидно, пал уже успел охватить большое пространство. Полюбовавшись им несколько минут, мы пошли к морю и, когда достигли береговых обрывов, повернули влево, обходя глубокие овраги и высокие мысы.

Я обратил внимание, как на распространение звуковых волн влияли встречающиеся на пути препятствия. Как только мы заходили за какую-нибудь вершину, шум дождя замирал, но когда приближались к расщелине, он опять становился явственным.

Вдруг какие-то странные звуки, похожие на хриплый и протяжный лай, донесло до нас ветром снизу. Я тихонько подошел к краю обрыва, и то, что увидел, было удивительно интересно.

Множество сивучей, больших и малых, лежало на берегу моря.

Сивуч относится к отряду ластоногих и к семейству ушастых тюленей. Это довольно крупное животное и достигает 4 м длины и 3 м в обхвате около плеч при весе 680—800 кг. Он имеет маленькие ушные раковины, красивые черные глаза, большие челюсти с сильными клыками, длинную сравнительно шею, на которой шерсть несколько

длиннее, чем на всем остальном теле, и большие ноги (ласты) с голыми подошвами. Обыкновенно самцы в два раза больше самок.

В Приморской области сивучи встречаются по всему побережью Японского моря.

За ними охотятся туземцы, главным образом ради их толстой шкуры, которая идет на обувь и на выделку ремней для собачьей упряжки.

Нежиться на камнях, обдаваемых пеной прибоя, видимо, доставляло сивучам большое удовольствие. Они потягивались, закидывали голову назад, подымали кверху задние ноги насколько

возможно, поворачивались вверх брюхом и вдруг совершенно неожиданно соскальзывали с камня в воду. Камень не оставался свободным, тотчас же около него показывалась другая голова, и другое животное спешило занять вакантное место. На берегу лежали самки и рядом с ними молодняк, а в стороне около пещер, выбитых волнением, дремали большие самцы. Старые были светло-бурого цвета, молодые более темные. Последние держали себя как-то особенно гордо. Подняв кверху голову, они медленно поворачивали ею из стороны в сторону, и, несмотря на свое неуклюжее тело, им нельзя было

отказать в грации. По манере себя держать, по величию и быстроте движений они заслуживали бы названия морских львов, как и их сородичи у берегов Калифорнии.

По свойственной казакам-охотникам привычке Мурзин поднял свое ружье и стал целиться в ближайшего к нам сивуча, но Дерсу остановил его и тихонько в сторону отвел винтовку.

— Не надо стреляй, — сказал он. — Таскай не могу. Напрасно стреляй — худо, грех.

Тут только мы заметили, что к лежбищу ни с какой стороны подойти было нельзя. Справа и слева оно замыкалось выдающимися в

море уступами, а со стороны суши были отвесные обрывы 50 м высотой. К сивучам можно было только подъехать на лодке. Убитого сивуча взять с собой мы не могли; значит, убили бы его зря и бросили бы на месте.

Вместе с тем меня поразили Дерсу своими словами. Напрасно стрелять грех! Какая правильная и простая мысль! Почему же европейцы часто злоупотребляют оружием и сплошь и рядом убивают животных так, ради выстрела, ради забавы?

20 минут мы наблюдали сивучей. Я не мог оторвать от них своих глаз. Вдруг я почувствовал, что

кто-то трогает меня за плечо.

— Капитан! Надо ходи, — говорил Дерсу.

Идти по вершине хребта всегда легче, чем косогором, потому что выдающиеся вершины можно обходить по горизонталям.

Когда мы вышли опять на тропу, ночь уже опустилась на землю.

Нам предстояло теперь подняться на высокую гору и оттуда спуститься в седловину. Высота перевала оказалась равной 740 м.

Картина, которую я увидел с вершины горы, так поразила меня, что я вскрикнул от удивления. Шел пал, линия огней опоясывала горы, словно иллюминация.

Величественная и жуткая картина. Огни мерцали и гасли, но тотчас вновь разгорались с большой силой. Они уже перешли через седловины и теперь спускались в долину. Наиболее высокие вершины еще не были во власти огня. Пал шел кверху правильным кольцом, точно на приступ. На небе стояли два зарева. Одно на западе, другое на востоке. Одно трепетало, другое было покойное. Начинала выходить луна. Из-за горизонта показался сначала край ее. Медленно, нерешительно выплывала она из воды, все выше и выше, большая, тусклая и багровая...

— Капитан! Ходи надо, — шепнул опять мне Дерсу.

Мы спустились в долину и, как только нашли воду, тотчас же остановились среди дубового редколесья. Дерсу велел нам нарвать травы для бивака, а затем пустил встречный пал. Как порох, вспыхнули сухая трава и опавшие листья. Огонь быстро пошел по ветру и в стороны. Теперь лес имел сказочный феерический вид. Я стал следить за палом. Огонь шел по листве довольно медленно, но когда добирался до травы, то сразу перескакивал вперед. Жар увлекал кверху сухую ветошь. Она летела и горела в воздухе. Таким образом огонь перебрасывался все дальше и дальше. Наконец пал подошел к

кустам. С сильным шумом взвилось огромное пламя. Тут росла желтая береза с лохматой корой. В одно мгновение она превратилась в сплошной факел, но только на минуту; кора обгорела и потухла. Старые деревья с сухой сердцевиной горели, стоя на корню. Позади палат там и сям взвивались струйки белого дыма: это тлели на земле головешки. Испуганные животные и птицы спасались бегством. Мимо меня пробежал заяц; по начинавшему загораться колоднику прыгал бурундук; с резкими криками от одного дерева к другому носился пестрый дятел.

Я шел за огнем все дальше и

дальше, не опасаясь заблудиться, шел до тех пор, пока желудок не напомнил, что пора возвратиться назад. Я полагал, что костер укажет мне место бивака. Обернувшись, я увидел много огней — это догорал валежник. Который из них был наш огонь, я разобрать не мог. Один из огней мне показался больше других. Я направился к нему, но это оказался горящий сухой пенёк. Я пошел к другому — опять то же. Так я переходил от огня к огню и все не мог найти бивака. Тогда я принялся кричать. Совсем с другой стороны донесся до меня отклик. Я повернул обратно и вскоре добрался до своих. Мои спутники подтрунивали надо

мной, и я сам от души смеялся.

Опасения Дерсу сбылись. Во вторую половину ночи пал стал двигаться прямо на нас, но, не найдя себе пищи, прошел стороной. Вопреки ожиданиям, ночь была теплая, несмотря на безоблачное небо. В тех случаях, когда я видел что-либо непонятное, я обращался к Дерсу и всегда получал от него верные объяснения.

— Мороз ходи не могу, — ответил он. — Посмотри кругом, дыму много.

Тогда я вспомнил, как садоводы при помощи дымокуров спасают сады свои от утренников.

Днем мы видели изюбра; он пасся около горящего валежника.

Олень спокойно перешагнул через него и стал ощипывать кустарники. Частые палы, видимо, приучили животных к огню, и они перестали его бояться.

Солнечный восход застал нас в дороге. После спуска с перевала тропа некоторое время идет по береговому валу, сложенному из окатанной гальки, имея справа море, а слева – болото. Вал этот и болото свидетельствуют о том, что здесь раньше была лагуна. На другом склоне вала лежали огромные валуны из гнейса. Никакое волнение не могло забросить их так высоко. Появление их на намывной полосе прибоя надо приписать действию

льдов, которые в зимнее время нагоняются сюда ветрами и «припахивают» берег. Кроме валунов, здесь было также много китовых костей: лопатки, ребра, позвонки и части черепа. Вероятно, волнением прибило к берегу целый труп животного. Звери и птицы позаботились убрать все, что можно; остались одни кости.

Отдохнув немного, мы пошли дальше. Через час пути тропа привела нас к озерам. Их было 3: Малое, Среднее и Долгое. Последнее было 3 км длиной.

С западной стороны в него впадает река Сеохобе (то есть Река первого снега), почему-то названная

на морских картах Ядихой. Местность между озерами сильно заболочена. Только один вал из песка и гальки отделяет их от моря. Здесь мы видим опять исчезнувшую бухту. Когда-то залив этот был много длиннее и загибался на север.

Около болот тропа разделилась. Одна пошла влево к горам, а другая по намывной полосе прибоя. Эта последняя привела нас к небольшой, но глубокой протоке, которой озеро Долгое сообщается с морем.

Нечего делать, пришлось остановиться здесь, благо в дровах не было недостатка. Море выбросило на берег много плавника, а солнце и ветер позаботились его просушить.

Одно только было нехорошо: в лагуне вода имела солоноватый вкус и неприятный запах. По пути я заметил на берегу моря каких-то куликов. Вместе с ними все время летал большой улит. Он имел белое брюшко, серовато-бурую с крапинками спину и темный клюв.

Пока казаки ставили палатку и таскали дрова, я успел сбегать на охоту. Птицы первый раз подпустили меня близко. Я убил четырех и воротился назад.

Бивак наш был не из числа удачных: холодный резкий ветер всю ночь дул с запада по долине, как в трубу. Пришлось спрятаться за вал к морю. В палатке было дымно, а

снаружи холодно. После ужина все поспешили лечь спать, но я не мог уснуть – все прислушивался к шуму прибоя и думал о судьбе, забросившей меня на берег Великого океана.

20-го сентября погода весь день стояла теплая и сухая. Я решил заняться обследованием реки Сеохобе. Сперва нам надлежало переправиться через озеро. При отсутствии лодок сделать это было нелегко. Надо было или вязать плоты, или попытаться перейти вброд. Я решился на последнее средство, как скорейшее. Опыт вышел удачным. Озеро оказалось мелким: самые глубокие места едва

достигали 6 м. Мели были извилистые. Мы все время шли ощупью по пояс в воде. По мере приближения к реке вода заметно становилась холоднее. Как только мы вышли на берег, сразу попали на тропу.

Река Сеохобе длиной 22 км. Истоки ее приходятся против среднего течения Синанцы, о которой упоминалось выше. Она, собственно говоря, состоит из 2 речек одинаковой величины, сливающихся вместе в 5 км от устья. Немного ниже Сеохобе принимает в себя справа еще один небольшой приток. Тут ходили изюбры целыми стадами. Рев уже окончился; самцы

отабунили около себя самок; вскоре олени должны были разойтись поодиночке.

Заметно, что с каждым днем птиц становится все меньше и меньше. За эти дни я заметил только уссурийскую длиннохвостую неясыть — птицу, смелую ночью и трусливую днем; в яркие солнечные дни она забивается в глухие хвойные леса не столько ради корма, сколько ради мрака, который там всегда господствует; уссурийского белоспинного дятла — самого крупного из семейства *Picidae*, птица эта держится в старых смешанных лесах, где есть много рухляка и сухостоев; клинохвостого сорокопута

— жадного и задорного хищника, нападающего даже на таких птиц, которые больше его размерами; зеленого конька, обитающего по опушкам лесов, и черноголовых овсянок — красивых, желтобрюхих птичек с черными шапочками на головках. Они предпочитали открытые места тенивым и собирались в небольшие стайки.

Тропа, по которой мы шли, привела нас к лудеве длиной в 24 км, с 74 действующими ямами. Большого хищничества, чем здесь, я никогда не видел. Рядом с фанзой стоял на сваях сарай, целиком набитый оленьими жилами, связанными в пачки. Судя по весу одной такой пачки, тут было

собрано жил, вероятно, около 700 кг. Китайцы рассказывали, что олени сухожилия раза два в год отправляют во Владивосток, а оттуда в Чифу. На стенках фанзочки сушилось около сотни шкурок сивучей. Все они принадлежали молодняку.

Не было сомнения, что китайцы знали о лежбище ластоногих около реки Мутухе и хозяйничали там так же хищнически, как на Сеохобе.

— Все кругом скоро манза совсем кончай, — сказал Дерсу. — Моя думай, еще 10 лет — олень, соболь, белка пропади есть.

Со словами Дерсу нельзя было не согласиться. У себя на родине китайцы уничтожили все живое. У

них в стране остались только вороны, собаки и крысы. Даже в море, вблизи берегов, они уничтожили всех трепангов, крабов, моллюсков и всю морскую капусту. Богатый зверем и лесами Приамурский край ожидает та же участь, если своевременно не будут приняты меры к борьбе с хищничеством китайцев.

Около моря, в полукилометре от озера, есть еще одна небольшая лудева. Она длиной 3 км и имеет 7 ям.

В озеро Долгое с севера впадает маленькая безымянная речка, протекающая по болотистой долине. Здесь тропа становится весьма

мокрой и вязкой. Местами при ходьбе ощущается колебание почвы. Вероятно, в дождливое время года путь этот труднопроходим.

После перевала (высотой 150 м) тропа придерживается левого берега маленькой речонки, впадающей в реку Тхеибе. Эта последняя длиной 5 км и не менее болотиста, чем река Безымянная. Положение этих 2 долин, параллельных берегу моря, определяет направление невысокого прибрежного горного хребта, отмытого вдоль оси своего простираения и состоящего из кварцитов и еще из какой-то кремнистой породы.

Глава 24

Встреча с хунхузами

Следы. — Хунхузы. — Дерсу на разведках. — Перестрелка. — Чжан Бао. — Река Дунгоу. — Гора Хунтами. — Река Мулумбе. — Озеро Благодати. — Река Каимбе. — Грибная фанза. — «Каменная кожа». — Путь на реку Санхобе. — Отъезд Н.А. Пальчевского и А.И. Мерзлякова

Днем на тропе Дерсу нашел человеческие следы. Он стал внимательно их изучать. Один раз он поднял окурки папиросы и кусок синей дабы. По его мнению, здесь

проходили два человека. Это не были рабочие-манзы, а какие-то праздные люди, потому что трудящийся человек не бросит новую дабу только потому, что она запачкана; он и старую тряпку будет носить до тех пор, пока она совсем не истреплется.

Затем, рабочие курят трубки, а папиросы для них слишком дороги. Продолжая свои наблюдения, он нашел место, где прошедшие 2 человека отдыхали, причем один из них переобувался; брошенная ружейная гильза указала на то, что китайцы были вооружены винтовками.

Чем дальше мы шли, тем разнообразнее были находки. Вдруг

Дерсу остановился.

— Еще два люди ходили, — сказал он. — Теперь четыре стало. Моя думай, это худые люди.

Мы посоветовались и решили оставить тропу и пойти целиной. Взобравшись на первую попавшуюся сопку, мы стали осматриваться. Впереди, в 4 км от нас, виднелся залив Пластун; влево — высокий горный хребет, за которым, вероятно, должна быть река Синанца; сзади — озеро Долгое, справа — цепь размытых холмов, за ними — море. Не заметив ничего подозрительного, я хотел было опять вернуться на тропу, но гольд посоветовал спуститься к ключику, текущему к северу, и дойти

по нему до реки Тхетибе.

Через час пути мы дошли до опушки леса. Здесь Дерсу велел нам ожидать его возвращения, а сам пошел на разведки.

Тхетибе представляет собой небольшую горную речку, протекающую по широкой и заболоченной долинке, поросшей ивой, ольхой и белой березой.

Приближались сумерки. Болото приняло одну общую желто-бурую окраску и имело теперь безжизненный и пустынный вид. Горы спускались в синюю дымку вечернего тумана и казались хмурыми. По мере того как становилось темнее, ярче

разгоралось на небе зарево лесного пожара. Прошел час, другой, а Дерсу не возвращался. Я начал беспокоиться.

Вдруг где-то далеко послышался крик, затем раздались 4 выстрела, опять крик и еще 1 выстрел. Я хотел бежать было туда, но вспомнил, что таким образом мы потеряем друг друга.

Через 20 минут гольд возвратился. Вид его был крайне встревоженный. Насколько возможно, он спешно рассказал, что с ним случилось. Идя по следам 4 человек, он дошел до залива Пластун и здесь увидел палатку. В ней было около 20 вооруженных китайцев.

Убедившись, что это хунхузы, он пополз по кустам обратно, но в это время его учуяла собака и подняла лай. 3 китайца схватили ружья и бросились за ним в погоню. Убегая, Дерсу попал в зыбучее болото. Хунхузы закричали, чтобы он остановился, и затем стали стрелять. Выйдя на сухое место, Дерсу прицелился с колена в одного из разбойников и выстрелил. Он хорошо видел, что китаец упал. Два других остались около раненого, а он побежал дальше. Чтобы сбить хунхузов с толку, Дерсу на глазах у них нарочно направился в сторону, противоположную той, где мы притаились, а затем круглым путем

вернулся обратно.

— Моя рубашка хунхузы дырку делай, — сказал Дерсу и показал свою куртку, простреленную пулей. — Надо наша скоро ходи, — закончил он свой рассказ и стал надевать котомку.

Мы тихонько двинулись вперед, стараясь не шуметь. Гольд повел нас осыпями по сухому ложу речки и избегая тропинок. Часов в 9 вечера мы достигли реки Иодзыхе, но не пошли в фанзы, а остались ночевать под открытым небом. Ночью я сильно зяб, кутался в палатку, но сырость проникала всюду. Никто не смыкал глаз. С нетерпением мы ждали рассвета, но время, как назло, тянулось бесконечно долго.

Как только стало светать, мы тотчас тронулись дальше. Надо было как можно скорее соединиться с Г.И. Гранатманом и А.И. Мерзляковым. Дерсу полагал, что будет лучше, если мы оставим тропу и пойдем горами. Та к и сделали. Перейдя вброд реку, мы вышли на тропинку и только собирались юркнуть в траву, как навстречу нам из кустов вышел таз с винтовкой в руках. Сначала он испугался и изрядно, в свою очередь, напугал нас, но, увидев стрелков и казаков, полез за пазуху и подал пакет. Это было письмо от Н.А. Пальчевского. Последний извещал меня, что с реки Санхобе в поисках хунхузов выступил отряд охотников

под начальством своего предводителя Чжан Бао. Пока я читал письмо, Дерсу расспрашивал таза, а таз в свою очередь расспрашивал его. Выяснилось, что Чжан Бао со своими тридцатью охотниками ночевал недалеко от нас и теперь, вероятно, подходил уже к реке Иодзыхе.

Действительно, через 20 минут мы с ним встретились.

Чжан Бао был мужчина высокого роста, 45 лет. Одет он был в обыкновенную китайскую синюю одежду, только несколько опрятнее, чем у простых рабочих манз. На подвижном лице его лежала печать перенесенных лишений. Он носил черные усы, по китайскому обычаю

опущенные книзу, в которых уже кое-где пробивалась седина. В черных глазах этого человека сквозил ум, на губах постоянно играла улыбка, и в то же время лицо его никогда не теряло серьезности. Прежде чем что-нибудь сказать, он всегда обдумывал свой ответ и говорил тихо, не торопясь. Мне не приходилось встречать человека, в котором так совмещались бы серьезность, добродушие, энергия, рассудительность, настойчивость и таланты дипломата. В личности Чжан Бао, в его жестах, во всей его фигуре, в манере держать себя было что-то интеллигентное. Его ум, самолюбие и умение подчинить себе

толпу говорили за то, что это не был простой манза. По всей вероятности, это был один из политических преступников, бежавших из Китая.

Дружина, которой командовал Чжан Бао, состояла из китайцев и тазов. Все это были молодые люди, крепкие, сильные, хорошо вооруженные. Я сразу заметил, что в его отряде была крепкая дисциплина. Все распоряжения его исполнялись быстро, и не было случая, чтобы он свои приказания повторял дважды.

Во всем районе, от Кусуна до залива Ольги, Чжан Бао считался самой авторитетной личностью. Китайцы и тазы обращались к нему за советами, и, если где-нибудь надо

было примирить 2 непримиримых врагов, китайцы опять-таки обращались к Чжан Бао. Он часто заступался за обиженных, и на этой почве у него было много врагов. Особенную ненависть он питал к хунхузам и своими преследованиями навел на них такой страх, что далее реки Иодзыхе они заходить не решались.

Шайка, на которую мы наткнулись, приехала в залив Пластун на лодках с намерением заняться грабежом шаланд, заходящих сюда во время непогоды.

Чжан Бао приветствовал меня вежливо, но с достоинством. Узнав, что Дерсу ночью подвергся

нападению хунхузов, он стал подробно его расспрашивать, где это случилось, и при этом палочкой чертил план на песке.

Собрав сведения, он сказал, что ему нужно торопиться и что он вернется на реку Санхобе дня через 2 или 3. Затем он простился со мной и пошел с охотниками далее.

Теперь уже нам нечего было скрываться от китайцев, поэтому мы отправились в первую попавшуюся фанзу и легли спать. В полдень мы встали, напились чаю и затем пошли вверх по долине реки Дунгоу, что по-китайски означает Восточная падь.

Горы на левой стороне ее крутые, на правой — пологие и

состоят из полевошпатового порфира. Около устья, у подножия речных террас, можно наблюдать выходы мелкозернистого гранита, который в обнажениях превращался в дресвяник. Тропа идет сначала с правой стороны реки, потом около скалы Янтун-Лаза переходит на левый берег и отсюда взбирается на перевал высотой в 160 м.

Растительность в долине реки Дунгоу довольно скудная. Редколесье из дуба и черной березы, лиственницы и липы дровяного и поделочного характера нельзя назвать лесом. Молодняка нигде нет, он систематически два раза в год уничтожается палами. Склоны гор,

обращенные к югу, поросли кустарниками, главным образом таволгой, калиной и леспедецей. Все остальное пространство – луговое и заболоченное. Ширина реки – 4–6 м; она порожиста и мелководна. Некоторые пороги очень красивы и имеют вид небольших водопадов.

Во вторую половину дня нам удалось пройти только до перевала. Заметив, что вода в речке начинает иссякать, мы отошли немного в сторону и стали биваком недалеко от водораздела. Весело затрещали сухие дрова в костре. Мы грелись около огня и делились впечатлениями предыдущей ночи.

Я заметил, что Дерсу что-то

собирается меня спросить, но, видимо, стесняется. Я помог ему высказаться.

— Моя слышал, русские хунхузы тоже есть. Правда это али нет? — спросил он, конфузясь.

— Правда, — отвечал я. — Только русские хунхузы ходят по одному, по два человека и никогда не собираются такими большими шайками, как китайские. Русское правительство не допускает до этого.

Я думал, что мое объяснение удовлетворило гольда, однако я заметил, что мысли его были направлены в другую сторону.

— Как это? — рассуждал он вслух. — Царь есть, много всяких

капитанов есть, и хунхузы есть. У китайцев тоже так: царь есть, и хунхузы есть. Как наша живи? Царя нету, капитанов нету и хунхузов нету.

Сначала мне показалось странным сопоставление — царь и хунхузы, но, вникнув в смысл его слов, я понял ход его мысли. Раз происходит сортировка людей по сословиям, то должны быть богатые и бедные, праздные и трудящиеся. Раз их сортируют на честных и бесчестных, то преступный элемент отделяется, ассоциируется и образует нечто вроде особой касты, по-китайски именуемой хунхузами.

Недолго длилась наша беседа. Утренний отдых в фанзе был

недостаточен. Организм требовал еще сна. Положив в огонь старых дров, чтобы они дольше горели, мы легли на траву и крепко заснули.

Когда на другой день я поднялся, солнце было уже высоко. Напившись чаю, мы взяли свои котомки и пошли к перевалу. Здесь тропа долгое время идет по хребту, огибая его вершины то с одной, то с другой стороны. Поэтому кажется, что она то подымается, то опускается и как будто пересекает несколько горных отрогов.

Поднявшись на перевал (240 м), я увидел довольно интересную картину. Слева от нас высилась высокая гора Хунтами^[145], имеющая

вид усеченного конуса. Она входит в хребет, отделяющий бассейн реки Санхобе от реки Иодзыхе. Со стороны моря Хунтами кажется двугорбой. Вероятно, вследствие этого на морских картах она и названа Верблюдом.

К востоку от нас высились горы, поросшие редким лесом, а впереди расстилалась большая болотистая низина, покрытая изжелта-бурой травой.

С перевала тропа шла вниз по маленькому ключику и скоро пересекла небольшую горную речку Мулумбе (по-орочски — Мули), впадающую в озеро Хунтами. Китайцы название это толкуют по-

своему и производят его от слов «мулу», что значит – самка изюбра.

Несомненно, и тут мы имеем дело со старой лагуной, процесс осыхания которой далеко еще не закончен. Всему виной торфяники, прикрывшие ее сверху и образовавшие болото. Около моря сохранилась еще открытая вода. Это озеро Благодати ($44^{\circ} 56'47''$ с. ш. и $136^{\circ} 24'20''$ в. д. от Гринвича). Вероятно, тут было самое глубокое место бухты.

Мелкие ручьи, сбегаяющие с гор, текут по узким оврагам и питают болото водой. Между ними образовались небольшие релки, покрытые ольхой, березой, липой, а

где посуше – дубовым редколесьем. Тропа идет через эти овраги, но затем круто поворачивает к болоту. Расстояние от Мулумбе до реки Каимбе не более 6 км, но на этот переход мы употребили почти целый день – болото оказалось зыбучим. Мы пробовали было идти стороной около тропы, но это оказалось еще хуже. Наконец перед сумерками болото было пройдено. Впереди, около реки Каимбе, виднелась какая-то фанза; к ней мы направили свои стопы.

Река Каимбе (по-орочски – Кая) на картах значится Каембэ. Она такой же величины, как река Мулумбе, только впадает

непосредственно в море. С левой стороны ее тянется длинная и высокая терраса, уже разрушенная временем. Терраса эта является древним берегом лагуны и имеет наклон к озеру и обрывистые края к морю.

В фанзе жили 2 китайца. Ни огородов, ни пашен вокруг нее не было видно. Однако зоркий глаз Дерсу усмотрел поперечную пилу, топоры с длинными ручками, кузовни, плетенные из лыка, и длинные каны, не соответствующие числу обитателей фанзы. Оказалось, что китайцы занимаются сбором древесных грибов и лишайников с камней. Первые относятся к

семейству дрожалковых грибов и собираются исключительно с дуба. Они своеобразно ароматны и содержат в себе много воды (98 процентов). Для культуры их китайцы валят на землю множество дубовых деревьев. Когда дуб начинает гнить, на нем появляются грибы, по внешнему виду похожие на белые кораллы. Китайцы их называют «му-эр». Их собирают и сушат сначала на солнце, а потом в фанзе на сильно нагретых канах.

Лишайники темно-оливково-зеленые (называемые «шихуй-пи», то есть «каменная кожа») в сухом состоянии становятся черными. Их собирают с известковых и сланцевых

скал и отправляют во Владивосток в плетеных корзинах как гастрономическое лакомство.

Нельзя не удивляться предприимчивости китайцев. Одни из них охотятся за оленями, другие ищут женьшень, третьи соболуют, четвертые заняты добычей кабарожьего мускуса, там видишь капустоловов, в другом месте ловят крабов или трепангов, там сеют мак и добывают опий и т.д. Что ни фанза, то новый промысел: ловля жемчуга, добыча какого-то растительного масла, ханшина, корней острогала, да всего и не перечесть. Всюду они умеют находить источники обогащения. Вопрос труда отходит у

них на второй план, лишь бы источник этот был неиссякаемый.

Мы так устали за день, что не пошли дальше и остались здесь ночевать. Внутри фанзы было чисто, опрятно. Гостеприимные китайцы уступили нам свои места на канах и вообще старались всячески услужить. На улице было темно и холодно; со стороны моря доносился шум прибоя, а в фанзе было уютно и тепло...

Вечером манзы угостили нас «каменной кожей». Темно-бурые слизлые лишайники были безвкусны, хрустели на зубах, как вязига, и могли удовлетворить разве гастрономический вкус китайцев.

По их словам, до Санхобе оставался только один переход. Желая дойти туда засветло, мы выступили на другой день очень рано.

От грибной фанзы тропа идет горами вдоль берега моря и в пути пересекает 5 горных отрогов, слагающихся из кварцевого порфира и поросших редколесьем из дуба, липы и черной березы.

Эта тропа считается тяжелой как для лошадей, так и для пешеходов. По пятому, последнему распадку она поворачивает на запад и идет вверх до перевала, высота которого равна 350 м. Подъем со стороны моря крутой, а спуск к реке

Санхобе пологий.

За перевалом картина меняется. Вместо порфиров появляются граниты и на смену лиственному редколесью выступает хвойно-смешанный лес отличного качества. Маленькая речка, по которой проложена тропа, привела нас на реку Сяненгоу^[146], впадающую в Санхобе недалеко от моря. Когда-то здесь была лесная концессия Гляссера и Храманского.

Предприятие это, как и все скороспелые русские предприятия, обречено было на гибель. Срублено деревьев было много, а вывезено мало. Большинство их брошено в тайге; зато какой горючий материал

для лесных пожаров остался на месте!

Китайцы в рыбной фанзе сказали правду. Только к вечеру мы дошли до реки Санхобе. Тропа привела нас прямо к небольшому поселку. В одной фанзе горел огонь. Сквозь тонкую бумагу в окне я услышал голос Н.А. Пальчевского и увидел его профиль. В такой поздний час он меня не ожидал. Г.И. Гранатман и А.И. Мерзляков находились в соседней фанзе. Узнав о нашем приходе, они тотчас прибежали. Начались обоюдные расспросы. Я рассказывал им, что случилось с нами в дороге, а они мне говорили о том, как работали на

Санхобе.

Как ни интересен был наш разговор, но усталость взяла свое. Н.А. Пальчевский заметил это и стал устраивать мне постель. Я лег на кан и тотчас уснул.

Весь следующий день мы провели в беседе. Река Санхобе являлась крайним пунктом нашего путешествия по берегу моря. Отсюда нам надо было идти к Сихотэ-Алиню и далее на Иман. На совете решено было остаться на Санхобе столько времени, сколько потребуется для того, чтобы подкрепить силы и снарядиться для зимнего похода.

Ввиду приближения зимнего времени довольствие лошадей

сделалось весьма затруднительным. Поэтому я распорядился всех коней с А.И. Мерзляковым и с частью команды отправить назад к заливу Ольги. Вследствие полного замирания растительности Н.А. Пальчевский тоже пожелал возвратиться во Владивосток. Для этого он решил воспользоваться шхуной Гляссера, которая должна была уйти через 2 суток.

Таким образом, для зимнего похода через Сихотэ-Алинь оставались только я, Г.И. Гранатман, Дерсу, 2 казаков (Мурзин и Кожевников) и стрелок Бочкарев.

25 сентября мы расстались с Н.А. Пальчевским и А.И.

Мерзляковым.

Глава 25

Пожар в лесу

Бухта Терней. — Птицы на берегу моря. — Население реки Санхобе. — Река Сица. — Сихотэ-Алинь. — Да-Лазагоу. — Изучение следов. — Заноза. — Нарыв на подошве. — Лесной пожар. — Операция. — Возвращение. — Драмы на берегу моря

27-е число было посвящено осмотру бухты Терней (мыс Страшный, 45° с. ш. и $136^{\circ} 44,30'$ в. д. от Гринвича), открытой Лаперузом 23 июня 1767 года и окрещенной

тогда этим именем. Здесь тоже ясно видно, что раньше бухта Терней гораздо глубже вдавалась в материк; значительная глубина реки около устья, обширный залив, отходящий от нее в сторону, и наконец 2 озера среди болот указывают, где ранее были глубокие места, бухты. Самое море потрудились над тем, чтобы оттеснить себя от суши. Коса, наметанная морским прибоем, протянувшаяся от одного мыса к другому, превратила залив в лагуну. Потом здесь образовались дюны; они увеличивались в размерах и погребли под собой прибрежные утесы.

Около таких лагун всегда держится много птиц. Одни из них

были на берегу моря, другие предпочитали держаться в заводях реки. Среди первых я заметил тихоокеанских чернозобиков. Судя по времени, это были, вероятно, отсталые птицы.

Тут же летали и чайки. Они часто садились на воду и вновь взлетали на воздух.

В глубоких заводях можно было заметить больших бакланов. Они то и дело ныряли в воду и никак не могли наполнить свое прожорливое брюхо.

Растительность в нижней части долины Санхобе чахлая и низкорослая. С правой стороны по болотам растет небольшими

группами сибирская лиственница. По-видимому, Санхобе является северной границей акации Маака, по крайней мере тут она встречается уже как редкость.

Население Санхобе смешанное и состоит из китайцев и тазов. Первые живут ближе к морю, вторые дальше — в горах.

Китайских фанз 38; в них насчитывается 233 человека. Тазовых фанз 14; в них живут 72 мужчины, 54 женщины и 89 детей обоего пола.

Положение местных тазов весьма тяжелое. Они имеют совершенно забитый и угнетенный вид. Я стал было их расспрашивать, но они испугались чего-то,

пошептались между собой и под каким-то предлогом удалились. Очевидно, они боялись китайцев. Если кто-либо из них посмеет жаловаться русским властям или расскажет о том, что происходит в долине Санхобе, того ждет ужасное наказание: утопят в реке или закопают живым в землю.

Санхобейские тазы почти ничем не отличаются от тазов на реке Тадушу. Они так же одеты, говорят по-китайски и занимаются хлебопашеством. Но около каждой фанзы есть амбар на сваях, где хранится разный скарб. Этот амбар является типичной тазовской постройкой. Кроме того, я заметил у

стариков особые кривые ножи, которыми они владеют весьма искусно и которые заменяют им и шило, и буравчик, и долото, и наструт.

По рассказам тазов, 30 лет тому назад на реке Санхобе свирепствовала оспа. Не было ни одной фанзы, которую не посетила бы эта страшная болезнь. Китайцы боялись хоронить умерших и сжигали их на кострах, выволакивая трупы из фанз крючьями. Были случаи, когда вместе с мертвыми сжигались и больные, впавшие в бессознательное состояние.

В этот день вечером возвратился Чжан Бао. Он сообщил нам, что не

застал хунхузов в заливе Пластун. После перестрелки с Дерсу они ушли на шаланде в море, направляясь, по-видимому, на юг.

Следующие 3 дня, 28–30 сентября, я просидел дома, вычерчивал маршруты, делал записи в путевых дневниках и писал письма. Казаки убили изюбра и сушили мясо, а Бочкарев готовил зимнюю обувь. Я не хотел отрывать их от дела и не брал с собой в экскурсию по окрестностям.

Река Санхобе (на картах – Саченбея и по-удэгейски Санкэ) состоит из 2 рек одинаковой величины – Сицы (по-китайски – Западный приток) и Дунцы

(Восточный приток). Путь мой на Иман, на основании расспросных сведений, был намечен по реке Дунце. Поэтому я решил теперь, пока есть время, осмотреть реку Сицу. На эту работу у меня ушло ровно семь суток.

1-го октября я вместе с Дерсу с котомками за плечами выступил из своей «штаб-квартиры».

Слияние Сицы и Дунцы происходит в 10 км от моря. Здесь долина Санхобе разделяется на 2 части, из которых одна идет на север (Дунца), а другая – на запад (Сица).

Вид в долину Сицы со стороны моря очень красив. Высокие горы с острыми и причудливыми

вершинами кажутся величественными. Я несколько раз видел их впоследствии, и всегда они производили на меня впечатление какой-то особенной дикой красоты.

На половине пути от моря, на месте слияния Сицы и Дунцы, с левой стороны есть скала Да-Лаза. Рассказывают, что однажды какой-то старик китаец нашел около нее женьшень крупных размеров. Когда корень принесли в фанзу, сделалось землетрясение, и все люди слышали, как ночью скала Да-Лаза стонала. По словам китайцев, река Санхобе на побережье моря является северной границей, до которой произрастает женьшень. Дальше на север никто

его не встречал.

Река Сица течет в направлении к юго-западу. Свое начало она берет с Сихотэ-Алиня (перевала на реку Иман) и принимает в себя только 2 притока. Один из них Нанца^[147], длиной в 20 км, находится с правой стороны с перевалом на Иодзыхе. От истоков Нанца сперва течет к северу, потом к северо-востоку и затем к северо-западу. В общем, если смотреть вверх по долине, в сумме действительно получается направление южное.

Долина Сицы покрыта отличным хвойно-смешанным лесом. Особенности этой долины заключаются в мощных террасах. В

обнажениях видно, что террасы эти наносного образования и состоят из глины, ила и угловатых камней величиной с конскую голову. Было время, когда какие-то силы создали эти террасы. Затем вдруг наступил покой. Террасы стали зарастать лесом, которому теперь насчитывается более 200 лет.

Нижняя часть долины Сицы представляется в виде больших котловин, обставленных высокими горами. Здесь растут великолепные леса, среди которых много кедра. Около реки лес вырублен концессионером Хроманским, но вывезена только четвертая его часть. Все остальное брошено на месте.

При падении своем лесные великаны поломали множество других деревьев, которые не предполагались к вырубке. В общем, здесь больше испорченного сухого леса, чем живого. По такому лесу идти очень трудно. Один раз мы пробовали было свернуть с тропы в сторону и через несколько шагов попали в такой бурелом, что еле-еле выбрались обратно. Площадь этого вырубленного леса занимает пространство около 15 км². Тропа проходит почти посредине леса. Для того чтобы проложить ее, вероятно, понадобилось употребить немало усилий и испортить много пил и топоров.

На следующий день мы пошли
вверх по реке Сице. Чем дальше, тем
тайга становилась глуше.
Разрушающая рука
лесопромышленника еще не
коснулась этого девственного леса.
Кроме кедра, тополя, ели, пробкового
дерева, пихты и ореха, тут росли:
китайский ясень – красивое дерево с
серой корой и с овальными
остроконечными листьями; дейция
мелкоцветная – небольшое деревце с
мелкими черными ягодами;
корзиночная ива – весьма
распространенная по всему
Уссурийскому краю и растущая
обыкновенно по галечниковым
отмелям вблизи рек. Растительное

сообщество по берегам протоков состояло из кустарниковой ольхи с резкими жилками на крупных листьях; перистого боярышника, который имеет серую кору, клиновидные листья и редкие шипы; рябины бузинолистной с темно-зелеными листьями и с крупными ярко-красными плодами; жимолости съедобной, ее легко узнать по бурой коре, мелкой листве и удлинненным ягодам темно-синего цвета с матовым налетом, и наконец даурского луносемянника, вьющегося около других кустарников.

По мере того как исчезали следы человеческие, встречалось все более и более следов звериных. Тигр, рысь,

медведь, россомаха, изюбр, олень, козуля и кабан — постоянные обитатели здешней тайги.

Река Сица быстрая и порожистая. Пороги ее не похожи на пороги других рек Уссурийского края. Это скорее шумные и пенистые каскады. В среднем течении река шириной около 10 м и имеет быстроту течения 8 км в час в малую воду. Истоки ее представляются в виде одного большого ручья, принимающего в себя множество мелких ручьев, стекающих с гор по коротким распадкам.

Поднявшись на Сихотэ-Алинь, я увидел, как и надо было ожидать, пологий склон к западу и

обрывистый — к востоку. Такая же резкая разница наблюдается в растительности. С западной стороны растет хвойный лес, а с восточной — смешанный, который ниже по реке очень скоро сменяется лиственным.

За водоразделом мы нашли ручей, который привел нас к реке Дананце, впадающей в Кулумбе (верхний приток Имана). Пройдя по ней 10 км, мы повернули на восток и снова взобрались на Сихотэ-Алинь, а затем спустились к реке Да-Лазагоу (приток Сицы). Название это китайское и в переводе означает Падь больших скал.

В геологическом отношении долина Да-Лазагоу денудационная.

Если идти от истоков к устью, горные породы располагаются в следующем порядке: глинистые сланцы, окрашенные окисью бурого железняка, затем серые граниты и кварцевый порфир. По среднему течению — диабазовый афанит с неправильным глыбовым распадением и осыпи из туфовидного кварцепорфира. Пороги на реке Сице состоят: верхний из песчаниковистого сланца и нижний — из микропегматита (гранофира) с метаморфозом желтого и ржавого цвета.

Дерсу шел молча и смотрел на все равнодушно. Я восторгался пейзажами, а он рассматривал

сломанный сучок на высоте кисти руки человека, и по тому, куда прутик был нагнут, он знал о направлении, в котором шел человек. По свежести излома он определял время, когда это произошло, угадывал обувь и т.д. Каждый раз, когда я не понимал чего-нибудь или высказывал сомнение, он говорил мне:

– Как тебе, столько года в сопках ходи, понимай нету?

То, что для меня было непонятно, ему казалось простым и ясным. Иногда он замечал следы там, где при всем желании что-либо усмотреть я ничего не видел. А он видел, что прошла старая матка

изюбра и годовалый теленок. Они щипали листву таволожника, потом стремительно убежали, испугавшись чего-то.

Все это делалось не ради рисовки: мы слишком хорошо знали друг друга. Делалось это просто по вкоренившейся многолетней привычке не пропускать никакой мелочи и ко всему относиться внимательно. Если бы он не занимался изучением следов с детства, то умер бы с голода. Когда я пропускал какой-нибудь ясный след, Дерсу подсмеивался надо мной, покачивал головой и говорил:

— Гм! Все равно мальчик. Та к ходи, головой качай. Глаза есть,

посмотри не могу, понимай нету. Верно — это люди в городе живи. Олень ищай не надо; кушай хочу — купи. Один сопка живи не могу — скоро пропади.

Да, он был прав. Тысячи опасностей ожидают одинокого путешественника в тайге, и только тот, кто умеет разбираться в следах, может рассчитывать на благополучное окончание маршрута.

Во время пути я наступил на колючее дерево. Острый шип проколол обувь и вонзился в ногу. Я быстро разулся и вытащил занозу, но, должно быть, не всю. Вероятно, кончик ее остался в ране, потому что на другой день ногу стало ломить. Я

попросил Дерсу еще раз осмотреть рану, но она уже успела запухнуть по краям. Этот день я шел, зато ночью нога сильно болела. До самого рассвета я не мог сомкнуть глаз. Наутро стало ясно, что на ноге у меня образовался большой нарыв.

Недостаток взятого с собой продовольствия принуждал идти вперед.

Мы уже и так сидели без хлеба и кормились только тем, что добывали охотой. На биваке были и перевязочные материалы и медикаменты. В тайге могло застать ненастье, и не известно, сколько времени я провалялся бы без движения. Поэтому, как ни больно

было, но я решил идти дальше. Я твердо ступал только на одну правую ногу, а левую волочил за собой. Дерсу взял мои котомку и ружье. При спусках около оврагов он поддерживал меня и всячески старался облегчить мои страдания. С большим трудом мы прошли в этот день только 8 км, а до бивака осталось еще 24 км.

Ночью ногу страшно ломило. Опухоль распространилась по всей ступне. Удастся ли мне дотащиться хотя бы до первой тазовской фанзы? Эта мысль, видимо, беспокоила и Дерсу. Он часто поглядывал на небо. Я думал, что он смотрит, не будет ли дождя, но у него были опасения

другого рода. По небу тянулась какая-то мгла: она сгущалась все больше и больше. Месяц только что зарождался, но лик его не был светлым, как всегда, а казался красноватым и тусклым. Порой его совсем не было видно. Наконец из-за гор показалось зарево.

– Шибко большой дым, – сказал мой спутник.

Чуть свет мы были уже на ногах. Все равно спать я не мог, и, пока была хоть малейшая возможность, надо было идти. Я никогда не забуду этого дня. Я шел и через каждые сто шагов садился на землю. Чтобы обувь не давила ногу, я распорол ее.

Скоро мы дошли до того места,

где Да-Лазагоу впадает в Сицу. Теперь мы вошли в лес, заваленный буреломом. Кругом все было окутано дымом. В 50 шагах нельзя было рассмотреть деревьев.

— Капитан! Надо торопиться, — говорил Дерсу. — Моя мало-мало боится. Трава гори нету, лес — гори!

Последние усилия собрал я и потащился дальше. Где был хоть маленький подъем, я полз на коленях. Каждый корень, еловая шишка, маленький камешек, прутик, попавший под больную ногу, заставлял меня вскрикивать и ложиться на землю.

В дыму идти становилось все труднее и труднее. Начинало

першить в горле. Стало ясно, что мы не успеем пройти буреломный лес, который, будучи высушен солнцем и ветром, представлял теперь огромный костер.

Известно, что когда разгорается сильное пламя, то образуется вихрь.

Шум этого вихря уловило привычное ухо гольда. Надо было перейти на другую сторону реки. Это было единственное спасение. Но для того чтобы перейти Да-Лазагоу, надо было крепко держаться на ногах. Для меня это было теперь совершенно немыслимо. Что делать? Вдруг Дерсу, не говоря ни слова, схватил меня на руки и быстро перенес через реку. Тут была широкая полоса гальки. Он

опустил меня на землю, как только вышел из воды, и тотчас побежал обратно за ружьями. В это время нанесло дым, и ничего не стало видно. Когда я очнулся, рядом со мной на камнях лежал Дерсу. Мы оба были покрыты мокрой палаткой. Сверху сыпались искры. Густой едкий дым не позволял дышать.

Первый раз в жизни я видел такой страшный лесной пожар. Огромные кедры, охваченные пламенем, пылали, точно факелы. Внизу, около земли, было море огня. Тут все горело: сухая трава, опавшая листва и валежник; слышно было, как лопались от жара и стонали живые деревья. Желтый дым

большими клубами быстро вздымался кверху. По земле бежали огненные волны; языки пламени вились вокруг пней и облизывали накалившиеся камни.

Вдруг ветер переменялся, и дым отнесло в сторону. Дерсу поднялся и растолкал меня. Я попробовал было еще идти по галечниковой отмели, но вскоре убедился, что это свыше моих сил: я мог только лежать и стонать.

Та к как при ходьбе я больше упирался на пятку, то сильно натрудил и ее. Другая нога устала и тоже болела в колене. Убедившись, что дальше я идти не могу, Дерсу поставил палатку, натаскал дров и сообщил мне, что пойдет к китайцам

за лошадью. Это был единственный способ выбраться из тайги. Дерсу ушел, и я остался один.

За рекой все еще бушевало пламя. По небу вместе с дымом летели тучи искр. Огонь шел все дальше и дальше. Одни деревья горели скорее, другие – медленнее. Я видел, как через реку перебрел кабан, затем переплыл большой полоз Шренка; как сумасшедшая, от одного дерева к другому носилась желна, и, не умолкая, кричала кедровка. Я вторил ей своими стонами. Наконец стало смеркаться.

Я понял, что сегодня Дерсу не придет. Больная нога сильно отекала. Я разделся и ощупал нарыв. Он уже

назрел, но огрубевшая от долгой ходьбы кожа на подошве не прорывалась. Я вспомнил, что имею перочинный нож. Тогда я стал точить его о камни. Подложив дров в костер, я выждал, когда они хорошо разгорелись, и вскрыл нарыв. От боли у меня потемнело в глазах. Черная кровь и гной густой массой хлынули из раны. С ужасными усилиями я пополз к воде, оторвал рукав от рубашки и начал промывать рану. После этого я перевязал ногу и вернулся к костру. Через час я почувствовал облегчение: боль в ноге еще была, но уже не такая, как раньше.

В той стороне, куда пошел

пожар, виднелось красное зарево. В лесу во многих местах мерцали огни. Это догорал валежник. Я долго сидел в палатке и поглаживал рукой больную ногу. Пламя костра согрело меня, и я погрузился в сон. Когда я проснулся, то увидел около себя Дерсу и китайца. Я был покрыт одеялом. На костре грелся чай; в стороне стояла оседланная лошадь. Боль в ноге утихла, и опухоль начала спадать. Согрев воду, я еще раз промыл рану, затем напился чаю, закусил китайским пресным хлебом и стал одеваться. Дерсу и китаец помогли мне взобраться на коня, и мы тронулись в путь.

За ночь лесной пожар ушел

далеко, но в воздухе все еще было дымно.

После полудня мы прибыли на Санхобе. Г.И. Гранатмана не было дома. Он куда-то пошел на разведки и возвратился только через 2 суток.

Пришлось мне сидеть на месте до тех пор, пока рана на ноге не зажила как следует. Через 3 дня я уже мог ходить, а через неделю совсем оправился. Чжан Бао несколько раз навещал меня. От него я узнал много интересного. Он рассказал мне, как несколько лет тому назад вблизи бухты Терней разбился пароход «Викинг»; узнал о том, как в 1905 году японцы убили его помощника Лю Пула и как он отомстил им за

это; рассказал он мне также о партии каторжан, которые в 1906 году высадились на материке около мыса Олимпиада. Путь их по берегу моря сопровождался грабежами и убийствами. Чжан Бао со своими охотниками догнал их около озера Благодати и всех перебил... И много еще чего я узнал от него. Все это были страшные, кровавые драмы.

Наблюдая за китайцами, я убедился, какой популярностью среди них пользовался Чжан Бао. Слова его передавались из уст в уста. Все, что он приказывал, исполнялось охотно и без проволочек. Многие приходили к нему за советом, и, кажется, не было такого запутанного

дела, которого он не мог бы разобрать и найти виновных. Находились и недовольные. Часто это были люди с преступным прошлым. Чжан Бао умел обуздывать их страсти.

Он постоянно посылал разведчиков то на реку Иодзыхе, то на берег моря, то по тропе на север. Вечером он делал сводки этим разведкам и сообщал их мне ежедневно. Чжан Бао вел большую корреспонденцию. Каждый почти день прибегал к нему нарочный и приносил письма.

Все эти дни Дерсу пропадал где-то у тазов. Среди них он нашел старика, который раньше жил на реке

Улахе и которого он знал еще в молодые годы. Он успел со всеми перезнакомиться и везде был желанным гостем.

Дня за два до моего отхода Чжан Бао пришел ко мне проститься. Неотложные дела требовали его личного присутствия на реке Такеме. Он распорядился назначить 2 китайцев, которые должны были проводить меня до Сихотэ-Алиня, возвратиться обратно другой дорогой и сообщить ему о том, что они в пути увидят.

15-го октября был последний день наших сборов. Из муки мы напекли лепешек, засушили мяса. Предусмотрено было все, не забыта

была даже сухая трава для обуви.

Глава 26

Зимний поход

*Выступление. — Отравление. —
Противоядие. — Река Дунца. —
Уборка. — Уборка рыбы в истоках
реки птицами и зверями. —
Проклятое место. — Признаки
непогоды. — Пурга. — Перевал
Терпения*

16-го числа выступить не удалось. Задерживали проводники-китайцы. Они явились на другой день около полудня. Тазы провожали нас от одной фанзы до другой, прося зайти к ним хоть на минутку. По

адресу Дерсу сыпались приветствия, женщины и дети махали ему руками. Он отвечал им тем же. Так от одной фанзы до другой, с постоянными задержками, мы дошли наконец до последнего тазовского жилья, чему я, откровенно говоря, очень порадовался.

Дальше тропа перешла за реку и потянулась вдоль левого берега еще 2,5 км, а затем стала взбираться на перевал.

В нижнем течении река Дунца^[148] течет в меридиональном направлении до тех пор, пока не встретит реку Сицу. Тут она делает петлю и огибает небольшой горный отрог, имеющий пологие склоны к

реке Санхобе и крутые — к реке Дунце. Через этот самый отрог нам и надлежало перейти.

Приближались сумерки. Поэтому мы встали биваком тотчас, как только спустились к воде.

Днем мне недомогалось: сильно болел живот. Китаец-проводник предложил мне лекарство, состоящее из смеси женьшеня, опиума, оленьих пантов и наваара из медвежьих костей. Полагая, что от опиума боли утихнут, я согласился выпить несколько капель этого варева, но китаец стал убеждать меня выпить целую ложку. Он говорил, что в смеси находится немного опиума, больше же других снадобий. Быть

может, дозу он мерил по себе; сам он привык к опиуму, а для меня и малая доза была уже очень большой.

Действительно, вскоре после приема лекарства боль в животе стала утихать, но вместе с тем по всему телу разлилась какая-то слабость. Я лег у огня и погрузился в тяжелый сон, похожий на обморок. Через полчаса я очнулся и хотел подняться на ноги, но не мог, хотел шевельнуться — не мог, хотел крикнуть — и тоже не мог. В странном состоянии я находился: я утратил все чувства и ничего не видел, ничего не слышал, ничего не ощущал. Нечеловеческие усилия я сделал над собой, поднял руку,

дотронулся до своего лица и испугался. Казалось, это были не мои руки, а чужие, точно не лицо я трогал, а какую-то маску. Ужас охватил меня. После страшной внутренней борьбы я рванулся, вскочил на ноги и тотчас упал на землю. Началась сильная рвота. На мое счастье, Дерсу еще не спал. Он принес мне воды. Я сделал несколько глотков и начал приходить в себя. Голова так сильно кружилась, что я не мог сосредоточить свое зрение ни на одном предмете: я понял, что я отравился. Несколько раз я пил воду в большом количестве и несколько раз искусственно вызывал рвоту, и это меня спасло. Та к промаялся я до

утра. Когда рассвело, Дерсу сбегал в лес, принес какой-то травы, велел мне жевать ее и глотать сок.

Наконец понемногу я стал приходить в себя, головокружение и головная боль исчезли, зато появились слабость и сильная жажда.

Растение это оказалось *Polygonum amphibium* L. Туземцы его принимают также от дизентерии.

Санхобе протекает по типичной долине прорыва, местами расширяющейся, местами суживающейся ровно настолько, чтобы пропустить одну реку. Наиболее широкие места ее находятся там, где в нее впадают

притоки. Из них самым крупным будет река Фату, текущая с севера вдоль берега моря.

По реке Дунце растет такой же хороший лес, как и по реке Сице. С левой стороны в горах преобладают лиственные породы, с правой — хвойные.

Тропа идет по левому берегу реки, то приближаясь к ней, то удаляясь метров на двести. В одном месте река прижимается вплотную к горам, покрытым осыпями, медленно сползающими книзу. Сверху сыплются мелкие камни. Слабый ум китайского простонародья увидел в этом сверхъестественную силу. Они поставили здесь кумирню богу

Шаньсинье, охраняющему горы. Сопровождающие нас китайцы не преминули помолиться, нимало не стесняясь нашим присутствием.

Дальше тропа выходит на гарь, которая тянется до самой Фату. Затем опять идут осыпи, а против них речные террасы, занимающие довольно большое пространство с правой стороны реки.

На 7 км ниже в Санхобе впадает небольшая речка, не имеющая названия. По ней можно выйти к самым истокам Билембе, впадающей в море севернее бухты Терней. Немного выше устья этой безымянной речки Дунца принимает в себя еще один приток, который

китайцы называют Сяоца. Тут тропы разделились: одна пошла вверх по Дунце, а другая свернула влево.

Вследствие болезни я не мог идти скоро, часто останавливался, садился на землю и отдыхал.

Дерсу и двое стрелков ходили осматривать реку Сяоцу. Истоки ее сходятся с истоками горного ручья, впадающего в Сицу в среднем течении. Самый перевал покрыт густым хвойным лесом. Как подъем, так равно и спуск с него средней крутизны. В 3 км от Дунцы они нашли китайскую зверовую фанзу. Хозяева ее находились в отсутствии.

К вечеру я почти оправился, но есть не мог — все еще мешала рвота.

Поэтому я решил пораньше лечь спать в надежде, что завтрашний день принесет полное выздоровление.

В 12 часов я проснулся. У огня сидел китаец-проводник и караулил бивак. Ночь была тихая, лунная. Я посмотрел на небо, которое показалось мне каким-то странным, приплюснутым, точно оно спустилось на землю. Вокруг луны было матовое пятно и большой радужный венец. В таких же пятнах были и звезды. «Наверно, к утру будет крепкий мороз», — подумал я, затем завернулся в свое одеяло, прижался к спящему рядом со мной казаку и опять погрузился в сон.

Утром меня разбудил дождь — мелкий и частый. Недомогание мое кончилось, и я чувствовал себя совсем здоровым. Нимало не мешкая, мы собрали свои котомки и снялись с бивака.

От устья Сяоцы долина Дунцы стала заметно суживаться. С обеих сторон высились горы, покрытые осыпями. От них в долину выдвигается много утесов. Пешеходная тропа лепится здесь по высокому карнизу, а конная несколько раз переходит вброд реку. Миновав теснину, дороги сходятся снова. Немного дальше река Дунца разделяется на 2 реки: долина одной из них идет прямо, а сама Дунца

поворачивает влево. В этом месте тропа наша опять разделилась. Одна пошла по Дунце, а другая, по словам провожающих нас китайцев, — на реку Арму (приток Имана).

После полудня дождь усилился, нам пришлось рано встать на бивак.

До вечера еще было много времени, и потому мы с Дерсу взяли свои винтовки и пошли на разведки. Осенью, во время ненастья, лес имеет особенно унылый вид. Голые стволы деревьев, окутанные холодным туманом, пожелтевшая трава, опавшая на землю листва и дряблые потемневшие папоротники указывали, что наступили уже сумерки года. Приближалась зима.

Вдруг какой-то странный шум слышался в стороне. Мы оставили тропу и пошли к берегу реки. Интересная картина представилась нашим глазам. Река была буквально запружена рыбой. Это была кета. Местами от дохлой рыбы образовались целые завалы. Тысячи ее набились в заводи и протоки. Теперь она имела отвратительный вид. Плавники ее были обтрепаны и все тело изранено. Большая часть рыб была мертвой, но некоторые из них еще не утратили способности двигаться. Они все еще стремились вверх против воды, точно рассчитывали там найти избавление от своих страданий.

Для уборки рыбы природа позаботилась прислать санитаров в лице медведей, кабанов, лисиц, барсуков, енотовидных собак, ворон, сизоворонок, соек и т.д. Дохлой кетой питались преимущественно птицы, четвероногие же старались поймать живую рыбу. Вдоль реки они протоптали целые тропы. В одном месте мы увидели медведя. Он сидел на галечниковой отмели и лапами старался схватить рыбу.

Бурый медведь и родственный ему камчатский медведь отъедают у рыб головы, а мясо бросают. Белогрудые же медведи, наоборот, едят мясо, а головы оставляют.

В другом месте рыбой

лакомились 2 кабана. Они отъедали у рыб только хвосты. Пройдя еще немного, я увидел лисицу. Она выскочила из зарослей, схватила одну из рыб, но из предосторожности не стала ее есть на месте, потащила в кусты.

Больше всего здесь было пернатых. Орлы сидели около воды и лениво, не торопясь, точно сознавая свое превосходство, клевали то, что осталось от медвежьей трапезы. Особенно же много было ворон. Своим черным оперением они резко выделялись на светлой каменистой отмели. Вороны передвигались прыжками и особое предпочтение оказывали той рыбе, которая стала

уже разлагаться. По кустам шныряли сойки, они ссорились со всеми птицами и пронзительно кричали.

Вода в протоках кое-где начала замерзать. Вмерзшая в лед рыба должна остаться здесь на всю зиму. Весной, как только солнышко пригреет землю, она вместе со льдом будет вынесена в море, и там уничтожением ее займутся уже морские животные.

Какой круговорот! Как все это разумно! Ничего не пропадает! Даже в глухой тайге есть кому позаботиться над уборкой падали.

— Один люди другой люди кушай, — высказывал Дерсу вслух свои мысли. — Чего-чего рыба кушай,

потом кабан рыбу кушай, теперь надо наша кабана кушай.

Говоря это, он прицелился и выстрелил в одну из свиней. С ревом подпрыгнуло раненное насмерть животное, кинулось было к лесу; но тут же ткнулось мордой в землю и начало барахтаться. Испуганные выстрелом птицы с криком поднялись на воздух и, в свою очередь, испугали рыбу, которая, как сумасшедшая, взад и вперед начала носиться по протоке.

К сумеркам мы возвратились на бивак. Дождь перестал, и небо очистилось. Взошла луна. На ней ясно и отчетливо видны были темные места и белые пятна. Значит, воздух

был чист и прозрачен.

Рано мы легли спать и на другой день рано и встали. Когда лучи солнца позолотили вершины гор, мы успели уже отойти от бивака 3 или 4 км. Теперь река Дунца круто поворачивала на запад, но потом стала опять склоняться к северу. Как раз на повороте, с левой стороны, в долину вдвинулась высокая скала, увенчанная причудливым острым гребнем.

Китайцы-проводники говорили, что здесь с людьми всегда происходит несчастье: то кто-нибудь сломает ногу, то кто-нибудь умрет и т.д. В подтверждение своих слов они указали на 2 могилы тех

несчастливцев, которых преследовал злой рок на этом месте. Однако с нами ничего не случилось, и мы благополучно прошли мимо Проклятых скал.

Дальше мы вошли в зону густого хвойно-смешанного леса. Зимой колючки чертова дерева становятся ломкими; хватая его рукой, сразу набираешь много заноз. Скверно то, что занозы эти входят в кожу в вертикальном направлении и при извлечении крошатся.

К полудню мы достигли маленькой зверовой фанзочки, расположенной у слияния 3 горных ручьев. По среднему лежал наш путь.

Вечером я измерил высоту

места. Барометр показал 620 м над уровнем моря.

Все эти дни стояла хорошая и тихая погода. Было настолько тепло, что мы шли в летних рубашках и только к вечеру одевались потеплее. Я восторгался погодой, но Дерсу не соглашался со мной.

– Посмотри, капитан, – говорил он, – как птицы торопятся кушать. Его хорошо понимай, будет худо.

Барометр стоял высоко. Я стал посмеиваться над гольдом, но он на это только возразил:

– Птица сейчас понимай, моя понимай после.

От упомянутой фанзы до перевала через Сихотэ-Алинь будет 8

км. Хотя котомки и давали себя чувствовать, но тем не менее мы шли бодро и редко делали привалы. К 4 часам пополудни мы добрались до Сихотэ-Алиня, оставалось только подняться на его гребень. Я хотел было идти дальше, но Дерсу удержал меня за рукав.

— Погоди, капитан, — сказал он. — Моя думай, здесь надо ночевать.

— Почему? — спросил я его.

— Утром птицы торопились кушать, а сейчас, посмотри сам, ни одной нету.

Действительно, перед закатом солнца птицы всегда проявляют особую живость, а теперь в лесу стояла мертвая тишина. Точно по

приказу, они все сразу куда-то спрятались.

Дерсу советовал крепче ставить палатки и, главное, приготовить как можно больше дров не только на ночь, но и на весь завтрашний день. Я не стал с ним больше спорить и пошел в лес за дровами. Через 2 часа начало смеркаться. Стрелки натаскали много дров, казалось, больше чем нужно, но гольд не унимался, и я слышал, как он говорил китайцам:

— Лоца [\[149\]](#) понимай нету, наша надо сам работай.

Они вновь принялись за дело. На помощь им я послал обоих казаков. И только когда на небе

угасли последние отблески вечерней зари, мы прекратили работу.

Взошла луна. Ясная ночь глядела с неба на землю. Свет месяца пробирался в глубину темного леса и ложился по сухой траве длинными полосами. На земле, на небе и всюду кругом было спокойно, и ничто не предвещало непогоды. Сидя у огня, мы попивали горячий чай и подтрунивали над гольдом.

— На этот раз ты соврал, — говорили казаки.

Дерсу не ответил и молча продолжал укреплять свою палатку. Он забился под скалу, с одной стороны приворотил большой пень и обложил его камнями, а дыры между

ними заткнул мхом. Сверху он еще натянул свою палатку, а впереди разложил костер. Мне так показалось у него уютно, что я немедленно перебрался к нему со своими вещами.

Время шло, а кругом было по-прежнему тихо. Я тоже начал думать, что Дерсу ошибся, как вдруг около месяца появилось матовое пятно с радужной окраской по наружному краю. Мало-помалу диск луны стал тускнеть, контуры его сделались расплывчатыми, неясными. Матовое пятно расширялось и поглотило наружное кольцо. Какая-то мгла быстро застилала небо, но откуда она взялась и куда двигалась, этого

сказать было нельзя.

Я полагал, что дело окончится небольшим дождем, и, убаюканный этой мыслью, заснул. Сколько я спал, не помню. Проснулся я оттого, что кто-то меня будил. Я открыл глаза, передо мной стоял Мурзин.

– Снег идет, – доложил он мне.

Я сбросил с себя одеяло. Кругом была темная ночь.

Луна совершенно исчезла. С неба сыпался мелкий снег. Огонь горел ярко и освещал палатки, спящих людей и сложенные в стороне дрова. Я разбудил Дерсу. Он испугался спросонья, посмотрел по сторонам, на небо и стал закуривать свою трубку.

Кругом было тихо, но в этой тишине чувствовалось что-то угрожающее. Через несколько минут снег пошел сильнее, он падал на землю с каким-то особенным шуршанием. Проснулись остальные люди и стали убирать свои вещи.

Вдруг снег начал кружиться.

— Начинай есть, — сказал Дерсу.

И точно в ответ на его слова в горах послышался шум, потом налетел сильный порыв ветра с той стороны, откуда мы его не ожидали. Дрова разгорелись ярким пламенем. Вслед за первым порывом налетел второй, потом третий, пятый, десятый, и каждый порыв был продолжительнее предыдущего.

Хорошо, что палатки наши были крепко привязаны, иначе их сорвало бы ветром.

Я взглянул на Дерсу. Он спокойно курил трубку и равнодушно посматривал на огонь. Начавшаяся пурга его не пугала. Он так много их видел на своем веку, что эта не была для него новинкой.

Дерсу как бы понял мои мысли и сказал:

— Дрова много есть, палатка хорошо ставили. Ничего.

Через час начало светать.

Пурга — это снежный ураган, во время которого температура понижается до 15° . И ветер бывает так силен, что снимает с домов

крыши и вырывает с корнями деревья. Идти во время пурги положительно нельзя: единственное спасение — оставаться на месте. Обыкновенно всякая снежная буря сопровождается человеческими жертвами.

Кругом нас творилось что-то невероятное. Ветер бушевал неистово, ломал сучья деревьев и переносил их по воздуху, словно легкие пушинки. Огромные старые кедры раскачивались из стороны в сторону, как тонкоствольный молодняк. Теперь уже ни гор, ни неба, ни земли — ничего не было видно. Все кружилось в снежном вихре. Порой сквозь снежную завесу

чуть-чуть виднелись силуэты ближайших деревьев, но только на мгновение. Новый порыв ветра – и туманная картина пропадала.

Мы забились в свои палатки и в страхе притихли. Дерсу посматривал на небо и что-то говорил сам с собой. Я напомнил ему пургу, которая захватила нас около озера Ханка в 1902 году.

После полудня пурга разыгралась со всей силой. Хотя мы были и защищены утесами и палаткой, однако это была ненадежная защита. То становилось жарко и дымно, как на пожаре, когда ветер дул нам в лицо, то холодно, когда пламя отклонялось в

противоположную сторону.

Мы уже не ходили за водой, а набивали чайники снегом, благо в нем не было недостатка. К сумеркам пурга достигла своей наибольшей силы, и, по мере того как становилось темнее, страшнее казалась буря.

Мало кто спал в эту ночь. Вся забота была только о том, чтобы согреться.

21-го мы еще отстаивались от пурги. Теперь ветер переменился и дул с северо-востока, зато порывы его сделались сильнее. Даже вблизи бивака ничего нельзя было рассмотреть.

— Чего его сердится? — говорил в

досаде и со страхом Дерсу. — Неужели наша чего-нибудь худо делал?

— Кто? — спросили казаки.

— Моя не знаю, как по-русски говори, — отвечал гольд. — Его мало-мало бог, мало-мало люди, сопка постоянно живи, ветер могу гоняй, дерево ломай. Наша говори — Каньгу.

«Горный или лесной дух», — подумал я.

Больших трудов стоило нам поддерживать костер. Скверно то, что каждый порыв ветра выносил из него уголья и засыпал их снегом. Около палатки намело большие сугробы, после полудня появились вихри необычной силы. Они

вздымали с земли тучи снега и вдруг рассыпались белой пылью, потом зарождались снова и с воём носились по лесу. Каждый такой вихрь оставлял после себя след из множества поваленных деревьев. Иногда на мгновение наступала короткая пауза, и тотчас вслед за ней опять начиналась пляска снежных привидений.

После полудня небо стало понемногу расчищаться, но вместе с тем стала понижаться температура. Сквозь густую завесу туч в виде неясного пятна чуть-чуть проглянуло солнце.

Надо было позаботиться о дровах. Мы побежали и стали

собирать тот бурелом, который находился поблизости. Работали мы долго, пока Дерсу не скомандовал «довольно».

Никого не надо было уговаривать. Все разом бросились к палаткам и стали греть у огня руки. Та к мы промаялись еще одну ночь.

К утру погода мало изменилась к лучшему. Ветер был резкий и порывистый. На совете решено было попытаться перевалить через Сихотэ-Алинь, в надежде, что на западной стороне его будет тише. Решающее значение имел голос Дерсу.

— Моя думай, его скоро кончай, — сказал он и начал первый собираться в дорогу.

Сборы наши были недолги. Через 20 минут мы с котомками за плечами уже лезли в гору.

От бивака сразу начинался крутой подъем. За эти два дня выпало много снега. Местами он был глубиной до метра. На гребне мы остановились передохнуть. По барометрическим измерениям высота перевала оказалась равной 910 м. Мы назвали его перевалом Терпения.

Жуткая картина представилась нам на Сихотэ-Алине. Здесь ветром были повалены целые полосы леса. Пришлось обходить их далеко стороной. Я уже говорил, что корни деревьев, растущих в горах,

распространяются по поверхности земли: сверху они едва только прикрыты мхами. Некоторые из них были оторваны. Деревья качались и подымали всю корневую систему. Черные расщелины то открывались, то закрывались среди снежного покрова, словно гигантские пасти. На одном из корней вздумал было качаться Кожевников. В это время налетел сильный шквал, дерево наклонилось, и едва казак успел отскочить в сторону, как оно со страшным шумом рухнуло на землю, разбрасывая во все стороны комья мерзлой земли.

Глава 27

К Иману

*Дерсу разбирается в следах. –
Птицы. – Доставка продовольствия
соболевщиками. – В верховьях
Имана. – Корейцы. – Кабарожья
лудева. – Удэгейцы. – Ночевка в
юрте. – Река Кулумбе. – Река Иман. –
Удэгейская лодка. – Охотничий
поселок Сидатун и его обитатели. –
Рабство*

Спуск с Сихотэ-Алиня к западу
был пологий, заваленный глыбами
камней и поросший густым лесом.
Небольшой ручей, которым мы

спустились, привел нас к реке Нанце. Она течет с северо-востока вдоль хребта Сихотэ-Алинь и постепенно склоняется к северо-западу.

Долина Нанцы широкая, болотистая и покрыта густым хвойно-смешанным лесом.

Охотничья тропа проложена здесь частью по краю долины, частью по горам, которые имеют в этих местах вид размытых холмов.

По пути нам попалась юрта, сложенная из кедрового корья, с двускатной крышей, приспособленная под фанзу. Утомленные двумя предшествующими ночами, мы стали около нее биваком и, как только

поужинали, тотчас легли спать.

23-го октября мы продолжали путь вниз по реке Нанце. На свежавыпавшем снегу был виден отчетливо каждый след. Тут были отпечатки ног лосей, кабарги, соболей, хорьков и т.д. Дерсу шел впереди и внимательно их рассматривал.

Вдруг он остановился, посмотрел во все стороны и проговорил:

— Кого она боялась?

— Кто? — спросил я его.

— Кабарга, — ответил он.

Я посмотрел на следы и ничего особенного в них не заметил. Следы как следы, маленькие, частые...

Дерсу удивительно внимательно разбирался в приметах. Он угадывал даже душевное состояние животных. Достаточно было небольшой неровности в следах, чтобы он усмотрел, что животное волновалось.

Я просил Дерсу указать мне данные, на основании которых он заключил, что кабарга боялась. То, что рассказал он мне, было опять так просто и ясно. Кабарга шла ровным шагом, затем остановилась и пошла осторожней, потом шарахнулась в сторону и побежала прыжками. На свежавыпавшем снегу все это видно как на ладони. Я хотел идти дальше, но Дерсу остановил меня.

— Погоди, капитан, — сказал он. —

Наша надо посмотри, какой люди пугай кабаргу.

Через минуту он крикнул мне, что кабарга боялась соболя. Я подошел к нему. На большом поваленном дереве, занесенном снегом, действительно виднелись его следы. Видно было, что маленький хищник крался тихонько, прятался за сук, затем бросился на кабаргу. Потом Дерсу нашел место, где кабарга валялась на земле. Капли крови указывали на то, что соболь прокусил ей кожу около затылка. Далее следы доказывали, что кабарге удалось сбросить с себя соболя. Она побежала дальше, а соболь погнался было за ней, но отстал, затем свернул

в сторону и полез на дерево.

Чувствую, что, если бы я подольше походил с Дерсу и если бы он был общительнее, вероятно, я научился бы разбираться в следах если и не так хорошо, как он, то все же лучше, чем другие охотники.

Многое Дерсу видел и молчал. Молчал потому, что не хотел останавливаться, как ему казалось, на всяких мелочах. Только в исключительных случаях, когда на глаза ему попадалось что-нибудь особенно интересное, он рассуждал вслух, сам с собой.

В 25 км от Сихотэ-Алиня Нанца сливается с рекой Бейцой, текущей с севера. Отсюда собственно и

начинается Кулумбе, которая должна была привести нас к Иману. Вода в реке стала уже замерзать, появились широкие забереги.

Без труда мы переправились на другую ее сторону и пошли дальше.

Река Кулумбе течет по широкой заболоченной долине в направлении с востока на запад. Тропа все время придерживается правой стороны долины. Лес, растущий в горах, исключительно хвойный, с большим процентом кедра, в болотистых низинах много замшистого сухостоя.

После полудня ветер стих окончательно. На небе не было ни единого облачка, яркие солнечные лучи отражались от снега, и от этого

день казался еще светлее. Хвойные деревья оделись в зимний наряд, отяжелевшие от снега ветви пригнулись к земле. Кругом было тихо, безмолвно. Казалось, будто природа находилась в том дремотном состоянии, которое, как реакция, всегда наступает после пережитых треволнений.

Из царства пернатых я видел здесь большеклювых ворон, красноголовых желн, пестрых дятлов и поползней. 2 раза мы вспугивали белых крохалей, с черной головой и с красным носом. Птицы эти остаются на зимовку в Уссурийском крае и приобретают белую защитную окраску. Сплошь и рядом мы

замечали их только тогда, когда подходили к ним вплотную.

Следует еще упомянуть об одной симпатичной птичке, которая за свой игривый нрав заслужила у казаков название «веселушка». Это оляпка. Она величиной с дрозда и всегда держится около воды. Одна из них подпустила меня очень близко. Я остановился и стал за ней наблюдать. Оляпка была настороже, часто поворачивалась, кричала и в такт голоса покачивала своим хвостиком, но затем вдруг бросилась в воду и нырнула. Туземцы говорят, что она свободно ходит по дну реки, не обращая внимания на быстроту течения. Вынырнув на поверхность и

увидев людей, оляпка с криком полетела к другой полынье, потом к третьей. Я следовал за ней до тех пор, пока река не отошла в сторону.

В другом месте мы спугнули даурского бекаса. Он держался около воды, там, где еще не было снега. Я думал, что это отсталая птица, но вид у него был веселый и бодрый. Впоследствии я часто встречал их по берегам незамерзших протоков. Из этого я заключаю, что бекасы держатся в Уссурийском крае до половины зимы и только после декабря перекочевывают к югу.

В этот день мы прошли 12 км и остановились у фанзочки Сиуфу. Высота этого места определяется в

560 м над уровнем моря. Обитатели фанзы, китайцы, занимались ловлей лосей ямами.

Утром китайцы проснулись рано и стали собираться на охоту, а мы – в дорогу. Взятые с собой запасы продовольствия приходили к концу. Надо было пополнить их. Я купил у китайцев немного буды и заплатил за это 8 рублей. По их словам, в этих местах пуд муки стоит 16 рублей, а чумиза 12 рублей. Ценятся не столько сами продукты, сколько их доставка.

За ночь река Кулумбе замерзла настолько, что явилась возможность идти по льду. Это очень облегчило наше путешествие. Сильным ветром

снег с реки смело. Лед крепчал с каждым днем. Тем не менее на реке было много еще проталин. От них подымался густой туман.

Через каких-нибудь 5 км мы подошли к двум корейским фанзам. Хозяева их — два старика и два молодых корейца — занимались охотой и звероловством. Фанзочки были новенькие, чистенькие, они так мне понравились, что я решил сделать здесь дневку.

После полудня 2 корейца стали собираться в тайгу для осмотра кабарожьей лудевы.

Я пошел вместе с ними.

Лудева была недалеко от фанзы. Это была изгородь высотой 1,2 м,

сложенная из буреломного леса. Чтобы деревья нельзя было растащить, корейцы закрепляли их кольями.

Такие лудевы ставятся всегда в горах на кабарожьих тропах. В изгороди местами оставляются проходы, а в них настораживаются веревочные петли. Попадая головой в петлю, испуганная кабарга начинает метаться, и чем сильнее бьется, тем больше себя затягивает.

В осматриваемой лудеве было 22 петли. В 4 из них корейцы нашли мертвых животных — 3 самок и 1 самца. Корейцы оттащили самок в сторону и бросили на съедение воронам. На вопрос, почему они

бросили пойманных животных, корейцы ответили, что только одни самцы дают ценный мускус, который китайские купцы скупают у них по рублю за штуку. Что же касается до мяса, то и одного самца с них довольно, а завтра они поймают еще столько же. По словам корейцев, в зимний сезон они убивают до 125 кабарожек, из которых 75 процентов приходится на маток.

Грустное впечатление вынес я из этой экскурсии. Куда ни взглянешь, всюду наталкиваешься на хищничество. В недалеком будущем богатый зверем и лесами Уссурийский край должен превратиться в пустыню.

На следующий день мы нарочно выступили пораньше, чтобы наверстать то, что потеряли на дневке. Одну из кабарожек, брошенных корейцами, мы взяли с собой.

От корейских фанз река Кулумбе течет в широтном направлении с небольшим отклонением к югу. Тотчас за фанзами начинается гарь, которая распространяется далеко по долине и по горам. Заметно, что горы стали выше и склоны их круче.

Сплошные хвойные лесонасаждения теперь остались позади, а на смену им стали выступать тополь, ильм, береза, осина, дуб, осокорь, клен и т.д. В

горах замшистая ель и пихта
сменились великолепными
кедровыми лесами.

За день нам удалось пройти
около 15 км. В сумерки стрелки
заметили в стороне на протоке
одинокую юрту. Дым, выходящий из
отверстия на крыше, указывал, что в
ней есть люди. Около нее на стойках
сушилось множество рыбы. Юрта
была сложена из кедрового корья и
прикрыта сухой травой. Она имела 3
м в длину и 1,5 м в высоту. Вход в нее
был завешен берестяным пологом.
На берегу лежали 2 опрокинутые
вверх дном лодки: одна большого
размера, с каким-то странным носом
вроде ковша, другая — легонькая, с

заостренными концами спереди и сзади. Русские называют ее оморочкой.

Когда мы подошли поближе, 2 собаки подняли лай. Из юрты вышло какое-то человекоподобное существо, которое я сперва принял было за мальчишку, но серьга в носу изобличала в нем женщину. Она была очень маленького роста, как двенадцатилетняя девочка, и одета в кожаную рубашку длиной до колен, штаны, сшитые из выделанной изюбриной кожи, наколенники, разукрашенные цветными вышивками, такие же расшитые унты и красивые цветистые нарукавники. На голове у нее было белое

покрывало.

Карие глаза, расположенные горизонтально, прикрывались сильно развитой монгольской складкой век, выдающиеся скулы, широкое переносье, вдавленный нос и узкие губы – все это придавало ее лицу выражение, чуждое европейцу: оно казалось плоским, пятиугольным, и в действительности было шире черепа.

Женщина с удивлением посмотрела на нас, и вдруг на лице ее изобразилась тревога. Какие русские могут прийти сюда? Порядочные люди не пойдут. «Это – чолдоны^[150]», – подумала она и спряталась обратно в юрту. Чтобы рассеять ее подозрения, Дерсу

заговорил с ней по-удэгейски и представил меня как начальника экспедиции. Тогда она успокоилась.

Этикет требовал, чтобы женщина не проявляла шумно своего любопытства. Она сдерживала себя и рассматривала нас тихонько, украдкой.

Юрта, маленькая снаружи, внутри была еще меньше. В ней можно было только сидеть или лежать. Я распорядился, чтобы казаки ставили палатки.

Переход от окитаенных тазов на берегу моря к тазам, у которых еще сохранилось так много первобытного, был очень резок.

Женщина молча принялась

готовить ужин. Она повесила над огнем котел, налила воды и положила в него две большие рыбыны, затем достала свою трубку, набила ее табаком и принялась курить, время от времени задавая Дерсу вопросы.

Когда ужин был готов, пришел сам хозяин. Это был мужчина 30 лет, сухощавый, среднего роста. Одет он был тоже в длинную рубашку, подвязанную пояском так, что получался напуск в талии. По всему правому борту рубашки, вокруг шеи и по подолу тянулась широкая полоса, покрытая узорными вышивками. На ногах у него были надеты штаны, наколенники и унты из рыбьей кожи,

а на голове белое покрывало и поверх него маленькая шапочка из козьего меха с торчащим кверху беличьим хвостиком. Красное, загорелое лицо, пестрота костюма, беличий хвостик на головном уборе, кольца и браслеты на руках делали этого дикаря похожим на краснокожего. Впечатление это еще более усилилось, когда он, почти не обращая на нас внимания, сел у огня и молча стал курить свою трубку.

Этикет требовал, чтобы гости первыми нарушили молчание. Дерсу знал это и потому спросил его о дороге и о глубине выпавшего снега. Разговор завязался. Узнав, кто мы и откуда идем, удэгеец сказал, что ему

известно было, что мы должны спуститься по Иману, — об этом он услышал от своих сородичей, живущих ниже по реке, — и что там, внизу, нас давно уже ожидают. Это известие очень меня удивило.

Вечером жена его осмотрела нашу одежду, починила ее, где надо, и взамен изношенных унтов дала новые. Хозяин дал мне для подстилки медвежью шкуру, сверху я укрылся одеялом и скоро уснул.

Ночью я проснулся от страшного холода. Сбросив с головы одеяло, я увидел, что огня в юрте нет. В очаге тлело только несколько угольков. Через отверстие в крыше виднелось темное небо, усеянное звездами. С

другой стороны юрты раздавался храп. Очевидно, ложась спать, удэгейцы, во избежание пожара, нарочно погасили огонь. Я попробовал было плотнее завернуться в одеяло, но ничто не помогло — холод проникал под каждую складку. Я поднялся, зажег спичку и посмотрел на термометр, он показывал -17°C . Тогда я оторвал часть своей берестяной подстилки, положил ее на огонь и стал раздувать уголья. Через минуту вспыхнуло пламя. Собрав разбросанные головешки к огню, я оделся и вышел из юрты. В стороне под покровом палатки спали мои стрелки, около них горел костер. Я погрелся у огня и

хотел уже было пойти назад в юрту, но в это время увидел в стороне, около реки, отсвет другого костра. Здесь, внизу, под яром, я нашел Дерсу. Водой подмыло берег, сверху нависла большая дерновина, под ней образовалось нечто вроде ниши. В этом углублении он устроил себе ложе из травы, а впереди разложил огонь. Во рту у Дерсу была трубка, а рядом лежало ружье. Я разбудил его. Гольд вскочил и, думая, что проспал, начал спешно собирать свою котомку.

Узнав, в чем дело, он тотчас же уступил мне свое место и сам поместился рядом. Через несколько минут здесь, под яром, я находился в

большем тепле и спал гораздо лучше, чем в юрте на шкуре медведя.

Проснулся я тогда, когда все были уже на ногах. Бочкарев варил кабарожье мясо. Когда мы стали собираться, удэгеец тоже оделся и заявил, что пойдет с нами до Сидатуна.

За утранным чаем Г.И. Гранатман заспорил с Кожевниковым по вопросу, с какой стороны ночью дул ветер. Кожевников указывал на восток, Гранатман — на юг, а мне казалось, что ветер дул с севера. Мы не могли столкнуться и потому обратились к Дерсу. Гольд сказал, что направление ветра ночью было с запада. При этом он указал на листья

тростника. Утром с восходом солнца ветер стих, а листья так и остались загнутыми в ту сторону, куда их направил ветер.

От юрты тропа стала забирать к правому краю долины и пошла косогороми на север, потом свернула к юго-западу.

Через 10 км мы опять подошли к реке Кулумбе, которая здесь разбивается на протоки и достигает ширины до 2,4 и глубины по фарватеру до 1,8 м.

В этот день мы прошли немного. По мере того как уменьшались взятые с собой запасы продовольствия, котомки делались легче, а нести их становилось

труднее: лямки сильно резали плечи, и я заметил, что не я один, а все чувствовали это.

От холодного ветра снег стал сухим и рассыпчатым, что в значительной степени затрудняло движение. В особенности трудно было подниматься в гору: люди часто падали и съезжали книзу. Силы были уже не те, стала появляться усталость, чувствовалась потребность в более продолжительном отдыхе, чем обыкновенная дневка.

Около реки мы нашли еще одну пустую юрту. Казаки и Бочкарев устроились в ней, а китайцам пришлось спать снаружи, около огня.

Дерсу сначала хотел было поместиться вместе с ними, но, увидев, что они заготавливали дрова, не разбирая, какие попадались под руку, решил спать отдельно.

— Понимай нету, — говорил он. — Моя не хочу рубашка гори. Надо хорошие дрова искать.

Пустая юрта, видимо, часто служила охотникам для ночевки. Кругом нее весь сухой лес давно уже был вырублен и пожжен. Дерсу это не смутило. Он ушел поглубже в тайгу и издалека приволок сухой яшень. До самых сумерек он таскал дрова, и я помогал ему, сколько мог. Зато всю ночь мы спали хорошо, не опасаясь за палатку и за одежду.

Багровая заря вечером и мгла на горизонте перед рассветом были верными признаками того, что утром будет мороз. Та к оно и случилось. Солнце взошло мутное, деформированное. Оно давало свет, но не тепло. От диска его кверху и книзу шли яркие лучи, а по сторонам были светящиеся радужные пятна, которые на языке полярных народов называются «ушами солнца».

Удэгеец, сопровождавший нас, хорошо знал эти места. Он находил тропы там, где надо было сократить дорогу. Не доходя 2 км до устья Кулумбе, тропа свернула в лес, которым мы шли еще около часа. Вдруг лес сразу кончился и тропа

оборвалась. Перед нами была река Иман.

Теперь бросим беглый взгляд назад, на реку Кулумбе. Длина ее около 60 км. Направление течения строго широтное. Вверху она складывается из трех рек: Бейцы, Нанцы и Санцазы^[151]. По Бейце в 2 дня можно достигнуть перевала на Арму, а по Санцазе – в 3 дня до Санхобе. С правой стороны Кулумбе принимает в себя реку Ян-ху^[152], а с левой – Дананцу с 6 зверовыми фанзами. По этой последней в 3 дня китайцы выходят к истокам реки Санхобе. Еще ниже слева будет река Дабейца («большой северный приток») с перевалом на реку Нэйкуля (приток

Арму).

Этот путь измеряется двумя переходами. Последними кулумбейскими притоками в нижнем течении будут реки Сяобейца^[153] и Сяонанца^[154].

По всей долине Кулумбе развиты глинистые сланцы, которые продолжаются и дальше по Иману. Все древне-речные террасы состоят именно из этой породы. Весьма возможно, что сланцы эти придется отнести к архейским.

Леса по реке Кулумбе такие же, как и в верховьях Имана: в горах растет кедр с большой примесью ели, а по долине — лиственница, белая береза, осина, ива, ольха, клен,

пихта, липа, ясень, тополь, ильм и черемуха, встречается и тис, но одиночными деревьями.

На старинных картах, составленных в 1854 году, река эта значится под именем Нимана. Слово это маньчжурское и означает «горный козел». Отсюда легко могло получиться и другое слово – «Иман». Удэгейцы называют ее сокращенно Има, а китайцы к этому названию прибавляют еще слово «хе» (река) – «Има-хе».

Кулумбе встречает Иман уже большой рекой, шириной в 100 м, глубиной в 3 м, при быстроте течения 8 км в час в малую воду. Долина Имана слагается из участков

денудационных и тектонических, чередующихся между собою. Первые имеют широтное направление, вторые — меридиональное. Продолжением иманских денудационных долин будут долины притоков Тхетибе, Арму и Кулумбе.

Иман еще не замерз и только по краям имел забереги. На другом берегу, как раз против того места, где мы стояли, копошились какие-то маленькие люди. Это оказались удэгейские дети. Немного дальше, в тальниках, виднелась юрта и около нее амбар на сваях. Дерсу крикнул ребятишкам, чтобы они подали лодку. Мальчики испуганно посмотрели в нашу сторону и убежали. Вслед за

тем из юрты вышел мужчина с ружьем в руках. Он перекинулся с Дерсу несколькими словами и затем переехал в лодке на нашу сторону.

Удэгейская лодка — длинный плоскодонный челнок, настолько легкий, что один человек может без труда вытащить ее на берег. Передняя часть его тупая, но дно выдается вперед, оно расширено и загнуто кверху, так что получается нечто вроде ковша или лопаты, вследствие чего вся лодка кажется несуразной. Благодаря такой конструкции она не разрезает воду, а, так сказать, взбирается на нее. Имея центр тяжести высоко поднятый, она кажется очень валкой. Когда мы

вошли в лодку, она так закачалась, что я невольно ухватился руками за борта. Но как только мы успокоились и отчалили от берега, я убедился, насколько она была устойчива. Удэгеец управлял ею при помощи длинного шеста, стоя на ногах. Сильными толчками он продвигал лодку против воды, течение относило ее в сторону и постепенно прибывало к противоположному берегу.

Наконец мы пристали к тому месту, где была юрта, и высадились на лед. Навстречу нам вышли женщина и 3 ребятишек. Они испуганно прятались за свою мать. Пропустив нас, женщина тоже вошла в юрту, села на корточки у огня и

закурила трубку, а дети остались на улице и принялись укладывать рыбу в амбар. В юрте было множество щелей. В них свистел ветер. Посредине помещения горел огонь. Время от времени ребятишки забегали в юрту и грели у огня свои озябшие ручонки. Я удивлялся, как легко они были одеты: с открытой грудью, без рукавиц и без головного убора, они работали и, казалось, нимало не страдали от стужи. Если который-нибудь из них дольше других засиживался у огня, отец прикрикивал на него и выгонял вон.

— Он озяб, — сказал я Дерсу и просил его перевести слова мои удэгейцу.

– Пусть привыкает, – отвечал тот, – иначе умрет с голоду.

С этим нельзя было не согласиться. Кому приходится иметь дело с природой и пользоваться дарами ее в сыром виде, надо быть в общении с ней даже тогда, когда она не ласкает.

Я принялся расспрашивать удэгейца об Имане и узнал, что в верхнем течении река имеет направление течения параллельно Сихотэ-Алиню, причем истоки ее находятся на высоте истоков Тютихе. Странное явление! Вода сбегает с водораздела в каких-нибудь 60 км от моря, течет на запад, совершает длинный кружной путь для того,

чтобы в конце концов попасть в то же море.

Верховья Имана покрыты густыми смешанными лесами. Трудно себе представить местность более пустынную и дикую. Только в начале зимы она немного оживает. Сюда перекочевывают прибрежные китайцы для соболевания, но долго не остаются: они боятся быть застигнутыми глубокими снегами и потому рано уходят обратно.

Расспросив удэгейцев о дороге, мы отправились дальше и очень скоро дошли до того места, где Иман поворачивает на северо-запад. Здесь в углу с левой стороны примыкает к реке большая поляна. Она длиной 5

км и шириной около 2 км. В конце ее находятся четыре фанзы.

Это и есть китайский охотничий поселок Сидатун^[155]. На другой стороне Имана живут удэгейцы (5 семейств) в 3 юртах. У них я и остановился.

На Сидатуне мы простояли с 27 по 30 октября. За это время я успел осмотреть поселок и ознакомиться со всеми его обитателями. Это были большею частью различные преступники, беглые, уклоняющиеся от суда, и искатели приключений, бурные страсти которых не знали пределов. Они ничего не делали, курили опий, пили водку, играли в кости, ссорились и ругались между

собой. Обитатели каждой фанзы делились на 3 группы: хозяев, работников и бездельников, живущих на средства, добытые грабежами и убийствами. Я вспомнил Чжан Бао. Он предупреждал меня не доверяться китайцам на Сидатуне.

Как и везде, местное туземное население находилось в полном порабощении. Не имея никакого понятия о письменности, удэгейцы совершенно не знали, кто из них сколько должен китайцам. Тут можно было видеть рабство в буквальном смысле этого слова. Так, например, удэгеец Си Ба-юн за то, что к указанному сроку не доставил определенного числа соболей, был

так избит палками, что на всю жизнь остался калекой. Жену и дочь у него отобрали, а самого его продали за 400 рублей в качестве бесплатного работника другому китайцу.

Наблюдая все это, я горел негодованием. Но что могли сделать мы вшестером, находясь среди хорошо вооруженных людей? Я обещал помочь удэгейцам тотчас, как только возвращусь в Хабаровск.

31-го числа морозы заметно усилились, по реке плыл лед. Несмотря на это, удэгейцы решили везти нас на лодке, сколько это будет возможно.

Глава 28

Тяжелое положение

*Плавание по Иману. – Пороги. –
Ледоход. – Крушение лодки. – Река
Арму. – Река Синанца. – Голодовка. –
Остатки медвежьей трапезы. –
Лапша из кожи. – Утомление. – Ли
Танкуй. – Ночное приключение в
Сянь-ши-хеза. – Волнение
удэгейцев. – Стойбище Вагунбе. –
Восстание инородцев. – Пение
шамана*

1-го ноября рано утром мы
покинули Сидатун и поплыли вниз
по Иману.

К плаванию по горным рекам туземцы привыкают с детства. Надо далеко смотреть вперед, надо знать, где следует придержать лодку, где повернуть ее носом против воды или, наоборот, разогнать елико возможно и проскочить опасное место. Все это надо учитывать и быстро принимать соответствующие меры. Малейший промах — и лодка, подхваченная быстрым течением, в один миг будет разбита о камни. На порогах вода находится в волнении, лодка качается, и потому сохранять равновесие в ней еще труднее. Для нас трудность плавания увеличилась еще тем, что по реке плыл лед и фарватер ее был стеснен заберегами.

Льды заставляли плыть не там, где нам хотелось, а там, где это было возможно. Особенно это было заметно в тех случаях, когда порог находился на месте поворота. Чем больше увеличивались забереги, тем быстрее становилось течение посредине реки.

От Сидатуна долина Имана носит резко выраженный денудационный характер. Из мелких притоков ее в этом месте замечательны: с правой стороны Дандагоу^[156] (с перевалом на Арму), потом – Хуангзегоу^[157] и Юпигоу^[158], далее – Могеудзгоу^[159] и Туфангоу^[160].

Немного ниже Сидатуна можно

наблюдать высокие древнеречные террасы, слагающиеся из сильно перемятых глинистых сланцев, среди которых попадаются слои красновато-бурых песчаников с прожилками кварца. За террасами в 10 км от реки высится гора Яммудинзцы^[161]. По рассказам удэгейцев, китайцы тайком моют там золото.

По пути около устьев рек Мацангоу^[162], Сыфангоу^[163] и Гадала виднелись пустые удэгейские летники. В некоторых местах рыба еще не была убрана. Для укарауливания ее от ворон туземцы оставили собак. Последние несли сторожевую службу очень исправно.

Каждый раз, как только показывались пернатые воровки, они бросались на них с лаем и отгоняли прочь.

Леса, растущие по Иману, превосходного качества. В горах преимущественно кедровики и пихтачи, в долине преобладают лиственные породы.

На Имане, как на всех горных речках, много порогов. Один из них, тот самый, который находится на половине пути между Сидатуном и Арму, считается самым опасным. Здесь шум воды слышен еще издали, уклон дна реки заметен прямо на глаз. С противоположного берега нависла скала. Вода с пеной бьет под

нее. От брызг она вся обмерзла.

Удэгейцы задержали лодку и посоветовались между собой, затем поставили ее поперек воды и тихонько стали спускать по течению. В тот момент, когда сильная струя воды понесла лодку к скале, они ловким толчком вывели ее в новом направлении. По глазам удэгейцев я увидел, что мы подверглись большой опасности. Спокойнее всех был Дерсу. Я поделился с ним своими впечатлениями.

— Ничего, капитан, — отвечал он мне. — Удэгей все равно рыба. Шибко хорошо понимай в лодке ходи. Наша так не могу.

Чем дальше, тем плыть было

труднее. Льдов становилось больше, забереги делались шире.

Вся эта часть Имана покрыта хвойно-смешанным лесом, на островах преобладают лиственные породы с примесью строевого кедра, а по берегам реки и по галечниковым отмелям — заросли тальника, дающего неисчерпаемый материал туземцам для лыж, юрт, острог, нарт и т.д.

На лодках нам удалось проехать немного. Начавшая с утра хмуриться погода опять разразилась пургой. Удэгейцы очень искусно лавировали между льдами, отталкивая их в сторону шестами.

За рекой Гадала Иман делает

крутой поворот. Здесь скопилось много плавучего льда. Посередине шел узкий проход. Был ли он сквозной или замыкался — этого не знали наши проводники. Удэгейцы задержали лодку и обратились ко мне с вопросом, рисковать или нет. Путешествие с котомкой на плечах до того надоело, что я решил попытать счастья. Дерсу начал было меня отговаривать, но я не согласился с ним, думая, что в случае неудачи нам все же удастся выбраться на берег. Стоять на одном месте долго было нельзя. Мы тронулись вперед, но не успели сделать и 40 м, как увидели, что проход был закрыт. Дальше шел сплошной лед.

Подходить к нему вплотную было опасно. Если нашу тяжело нагруженную лодку течение прижало бы ко льду, она сразу наполнилась бы водой. Надо было спешно выходить назад, но это оказалось не так просто. Повернуть лодку в узком проходе тоже было нельзя. Пришлось двигаться кормой против воды. Как на грех, мы находились на самом фарватере, и шесты едва доставали дно. С большими усилиями мы прошли половину. Вдруг один удэгеец что-то закричал. По тревожному тону его голоса я понял, что нам грозит опасность, и оглянулся назад. Навстречу нам неслась огромная льдина. Она

должна была закупорить проход раньше, чем мы успеем из него выйти. Удэгейцы напрягли все свои силы, но льдина не ждала. Она с шумом ударилась об один край прохода и затем о другой. В это время случилось еще худшее – то, чего мы вовсе не ожидали. От сильных толчков все льды пришли в движение. Проход начал суживаться.

– Лед скоро лодку ломай! – закричал Дерсу не своим голосом. – Скорей надо ходи!

Он выскочил из лодки и по плавучему льду побежал к берегу, таща за собой веревку. 2 раза он проваливался, но скоро опять взбирался на лед. К счастью, до

берега было недалеко. Следуя его примеру, выскочили и казаки. Кожевников и Бочкарев достигли берега благополучно, но Мурзин провалился. Он начал карабкаться на льдину, но она перевернулась. Чем больше он карабкался, тем глубже погружался в воду. Еще минута, и он опустился бы на дно. Тогда на выручку ему бросился Дерсу. Был момент, когда он сам мог погибнуть. В это время я вместе с орочами перебирался с одной льдины на другую. Мы тащили лодку и в то же время держались за нее. К счастью, нос лодки скоро оказался вблизи Дерсу и Мурзина, и это спасло их обоих. Лодка опять загрузла. Она

стала поперек реки, и ее повлекло по течению вместе со льдом. Тогда мы стали бросать на берег наши котомки и затем вылезли сами. Через несколько минут лодку прижало к утесу. Словно живое существо, она некоторое время еще сопротивлялась льдам и вздрагивала, потом вдруг треснула и сломалась пополам. Раздался еще один хруст, из воды показался один обломок, и затем все исчезло.

Выбравшись на берег, первое, что мы сделали, — разложили костер. Надо было обсушиться. Кто-то подал мысль, что следует согреть чай и поесть. Начали искать мешок с продовольствием, но его не

оказалось. Не досчитались также одной винтовки. Нечего делать, мы закусили тем, что было у каждого в кармане, и пошли дальше. Удэгейцы говорили, что к вечеру мы дойдем до фанзы Сехозегоуза. Там в амбаре они надеялись найти мороженую рыбу.

В сумерки мы действительно дошли до фанзы. Она оказалась пустой. В амбаре ее казаки нашли 2 сухие рыбины. Пришлось довольствоваться этим скудным ужином.

От горного ключа Таухомиору [\[164\]](#) Иман поворачивает на северо-запад и делает большую петлю. Здесь он принимает в себя с правой стороны один из самых

больших своих притоков – Арму. Река эта длиной более 160 км, имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, на широте мыса Арак. В верховьях она складывается из 3 речек, каждая длиной по 30 км. От места слияния их Арму направляется на запад, потом круто поворачивает на север, затем склоняется к юго-западу и наконец в нижнем течении снова принимает широтное направление. Уже из этой схемы видно, что долина Арму состоит из ряда продольных и поперечных долин. Последние являются наиболее извилистыми. Некоторые извилины описывают почти полную окружность. При знании местности зимой можно

пользоваться перешейками и значительно сокращать дорогу.

Ширина Арму в нижнем течении около 80 м, глубина от 2 до 3 м, быстрота течения 10 км в час. В долине Арму сильно развиты речные террасы. Особенно их много в среднем течении реки, преимущественно с левой стороны. Террасы эти высотой до 10 м; основание их массивное и состоит из плотных глинистых сланцев, поверх которых лежит мощный слой наносного обломочного материала.

В 2 км от устья ее с правой стороны издавна живут удэгейцы. Стойбище их состоит из 4 фанз. В 1906 году их тут было только 15

человек обоего пола. В одном переходе от Арму, ниже по Иману, есть другое удэгейское стойбище, Лаолю, с населением в восемь человек. Лаолю представляет собой поляну с правой стороны реки длиной 4 км и шириной 1,5 км.

После принятия в себя Арму Иман вдруг суживается и течет без протоков в виде одного русла шириной от 80 до 100 м, отчего быстрота течения его значительно увеличивается. Здесь горы подходят вплотную к реке и теснят ее то с одной, то с другой стороны. На всем этом протяжении преобладающая горная порода — все те же глинистые сланцы.

От места нашей стоянки до Арму, по словам проводников, было 3 дня хода. Но можно сократить расстояние, если пересечь иманскую петлю напрямик горами. Тогда можно выйти прямо к местности Сянь-ши-хеза, находящейся ниже Арму по течению на 50 км. Ввиду недостатка продовольствия сокращение пути теперь было особенно важно. Удэгейцы обещали проводить нас до того места, где нужно было свернуть с Имана.

На следующий день к полудню, 2 ноября, мы дошли до реки Хутадо, текущей по кривой от запада к югу. По ней нам надлежало подняться до перевала через горный хребет,

являющийся причиной петли Имана. Эта речка длиной 3,5 км. Подъем на хребет и спуск с него – одинаковой крутизны, приблизительно в 30 градусов, а высота перевала относительно Имана равна 350 м.

Теперь перед нами было 2 ключа: один шел к северу, другой – к западу. Нам, вероятно, следовало идти по правому, но я по ошибке взял северное направление. Сейчас же за перевалом мы стали на биваке, как только нашли дрова и более или менее ровное место.

Утром 3 ноября мы съели последнюю юколу и пошли в путь с легкими котомками. Теперь единственная надежда осталась на

охоту. Поэтому было решено, что Дерсу пойдет вперед, а мы, чтобы не пугать зверя, пойдем сзади в 300 шагах от него. Наш путь лежал по неизвестной нам речке, которая, насколько это можно было видеть с перевала, текла на запад.

Мы все надеялись, что Дерсу убьет что-нибудь, но напрасно. Выстрелов не было слышно. После полудня долина расширилась. Здесь мы нашли маленькую, едва заметную тропинку. Она шла влево на север, пересекая кочковатое болото. Голод давал себя чувствовать. Все шли молча, никто не хотел разговаривать. Вдруг я увидел Дерсу: он тихонько переходил с места на место,

нагибался и что-то подбирал с земли. Я окликнул его. Он махнул мне рукой.

— Ты что нашел? — спросил его Г.И. Гранатман.

— Медведь кушай рыбу, — отвечал он, — голова бросай, моя подбирай.

В самом деле, на снегу валялось много рыбьих голов. Видно было, что медведи приходили сюда уже после того, как выпал снег.

«На безрыбье и рак рыба». Во время голодухи можно покормиться и медвежьими обедками. Все дружно принялись за работу, и через четверть часа у людей все карманы были набиты рыбьими головами.

Увлеченные работой, мы не

заметили, что маленькая долина привела нас к довольно большой реке. Это была Синанца с притоками Даягоу^[165], Маягоу^[166] и Пилигоу^[167]. Если верить удэгейцам, то завтра к полудню мы должны будем дойти до Имана.

Перейдя на другую сторону реки, мы устроили бивак в густом хвойном лесу. Какими вкусными нам показались рыбы головы! Около некоторых голов было еще много мяса, такие головы были счастливыми находками. Мы разделили их поровну между собой и поужинали вкусно, но несытно.

Ночью температура сильно понизилась, но так как в дровах не

было недостатка, то мы спали хорошо.

Утром 4 ноября мы встали голодными.

Теперь путь наш лежал вниз по реке Синанце. Она течет по широкой межскладчатой долине в меридиональном направлении с некоторым склонением на восток. Река эта очень извилиста. Она часто разбивается на протоки и образует многочисленные острова, поросшие тальниками. Ширина ее 40–50 м и глубина 3,6–4,5 м. Леса, растущие по обеим сторонам реки, смешанные, со значительным преобладанием хвой.

Я заметил, что в этих местах снега было гораздо больше, чем на

реке Кулумбе. Глубина его местами доходила почти до колен. Идти по такому снегу было трудно. В течение часа удавалось сделать 2 км, не больше.

Расчет на охоту не оправдался, не оправдались также надежды найти опять рыбы головы. Казак Кожевников один раз видел кабаргу и стрелял в нее, но промахнулся.

Судя по времени, мы уже должны были дойти до Имана. За каждым поворотом я рассчитывал увидеть устье Синанцы, но дальше шел лес, потом опять поворот, опять лес и т.д.

В сумерки мы достигли маленького балагана, сложенного из

корья. Я обрадовался этой находке, но Дерсу остался ею недоволен. Он обратил мое внимание на то, что вокруг балагана были следы костров. Эти костры и полное отсутствие каких бы то ни было предметов таежного обихода свидетельствовали о том, что балаган этот служит путникам только местом ночевки и, следовательно, до реки Иман было еще не менее перехода.

Голод сильно мучил людей. Тоскливо сидели казаки у огня, вздыхали и мало говорили между собой. Я несколько раз принимался расспрашивать Дерсу о том, не заблудились ли мы, правильно ли мы идем. Но он сам был в этих местах

первый раз, и все его соображения основывались лишь на догадках. Чтобы как-нибудь утолить голод, казаки легли раньше спать. Я тоже лег, но мне не спалось. Беспокойство и сомнения мучили меня всю ночь.

Утром Дерсу проснулся раньше всех и разбудил меня. Снова появились опасения за предстоящий путь. Надо идти, пока еще есть возможность, пока еще двигаются ноги. Но едва мы тронулись в путь, как я почувствовал, что силы уже не те: котомка показалась мне вдвое тяжелее, чем вчера, через каждые полкилометра мы садились и отдыхали. Хотелось лежать и ничего не делать. Плохой признак. Так

пробились мы до полудня и прошли очень мало. Не было сомнения, что при таких условиях дойти до Имана нам не удастся и сегодня. По пути мы 2 раза стреляли мелких птиц и убили 3 поползней и 1 дятла, но что значили эти птицы для 5 человек!

Между тем погода начала хмуриться, небо опять заволочло тучами. Резкие порывы ветра подымали снег с земли. Воздух был наполнен снежной пылью, по реке кружились вихри. В одних местах ветром совершенно сдуло снег со льда, в других, наоборот, намело большие сугробы. За день все сильно прозябли. Наша одежда изнасилась и уже не защищала от холода.

С левой стороны высилась скалистая сопка. К реке она подходила отвесными обрывами. Здесь мы нашли небольшое углубление вроде пещеры и развели в нем костер. Дерсу повесил над огнем котелок и вскипятил воду. Затем он достал из своей котомки кусок изюбровой кожи, опалил ее на огне и стал ножом мелко крошить, как лапшу. Когда кожа была изрезана, он высыпал ее в котелок и долго варил. Затем он обратился ко всем со следующими словами:

— Каждый люди надо кушай. Брюхо обмани. Силы мало-мало прибавляй. Потом надо скоро ходи. Отдыхать не могу. Тогда сегодня,

солнце кончай, наша Иман найди есть.

Уговаривать никого не нужно было. Каждый готов был глотать все, что угодно. Хотя кожа варилась долго, но она была все же настолько тверда, что не поддавалась зубам. Дерсу не советовал есть много и останавливал жадных, говоря:

— Не надо много есть — худо!

Через полчаса мы снялись с привала. Действительно, съеденная кожа хотя и не утолила голода, но дала желудку механическую работу. Каждый раз, как кто-нибудь отставал, Дерсу начинал ругаться.

День уже кончился, а мы все шли. Казалось, что реке Синанце и

конца не будет. За каждым поворотом открывались все новые и новые плесы. Мы еле волочили ноги, шли, как пьяные, и если бы не уговоры Дерсу, то давно стали бы на бивак.

Часов в 6 вечера появились первые признаки близости жилья: следы лыж и нарт, свежие порубки, пиленные дрова и т.д.

— Иман далеко нету, — сказал Дерсу довольным голосом.

Все почувствовали прилив энергии и пошли бодрее. Как бы в ответ на его слова впереди послышался отдаленный собачий лай. Еще один поворот, и мы увидели огоньки. Это было китайское селение Сянь-ши-хеза [\[168\]](#).

Через четверть часа мы подходили к поселку. Я никогда не уставал так, как в этот день. Дойдя до первой фанзы, мы вошли в нее и не раздеваясь легли на кан.

Естественно, что наше появление вызвало среди китайцев тревогу. Хозяин фанзы волновался больше всех. Он тайком послал куда-то рабочих. Спустя некоторое время в фанзу пришел еще один китаец. На вид ему было 35 лет. Он был среднего роста, коренастого сложения и с типично выраженными монгольскими чертами лица. Наш новый знакомый был одет заметно лучше других. Держал он себя очень развязно и имел голос крикливый.

Он обратился к нам на русском языке и стал расспрашивать, кто мы такие и куда идем.

Речь его была чистая, правильная, нековерканная, слова свои он часто пересыпал русскими пословицами. Затем он стал уговаривать нас перейти к нему в фанзу, назвал себя Ли Тан-куем, сыном Лу Чин-фу, говорил, что его дом лучший во всем поселке, а фанза, в которой мы остановились, принадлежит бедняку и т.д. Затем он вышел на улицу и о чем-то долго шептался с хозяином фанзы. Последний подошел ко мне и тоже стал просить, чтобы мы перешли к Ли Тан-кую. Нечего делать,

пришлось уступить. Откуда-то
взялись рабочие, которые успели уже
перенести наши вещи. Когда мы шли
по тропе, Дерсу вдруг тихонько
дернул меня за рукав и сказал:

– Его шибко хитрый люди. Моя
думай, его обмани хочу. Сегодня моя
спи не буду.

Мне самому китаец этот казался
подозрительным и очень не
нравились его заискивания и
фамильярность.

Селение Сянь-ши-хеза
расположено на правом берегу
Имана. На другом конце поляны
около леса находилось брошенное
удэгейское стойбище, состоявшее из
восьми юрт. Все удэгейцы в числе 65

человек (21 мужчина, 12 женщин и 32 детей) бросили свои жилища и ушли на Вагунбе.

Через 5 минут мы подошли к дому Ли Тан-куя. Вокруг него стояло несколько фанз для рабочих и охотников, а за ними виднелись амбары, кузница, сарай, конюшня и т.д. Мы вошли. Хозяин хотел было меня и Гранатмана поместить в своей комнате, но я настоял на том, чтобы казаки и Дерсу ночевали вместе со мной. После этого Ли Тан-куй принялся нас угощать. Каким вкусным показался нам чай с лепешками, испеченными на бобовом масле! На время мы даже забыли свои подозрения. Когда я

утолил первые признаки голода, опасения появились вновь. Ли Тан-куй хотя и угощал нас, но в этом угощении не было радушия: в каждом движении его сквозила какая-то задняя мысль. Дерсу все время осторожно следил за ним. Я решил тоже не спать, но не в силах был преодолеть усталость. После ужина я почувствовал, что веки мои слипаются сами собой; незаметно для себя я погрузился в глубокий сон.

Ночью я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Я быстро вскочил на ноги. Рядом со мной сидел Дерсу. Он сделал мне знак, чтобы я не шумел, и затем рассказал, что Ли Тан-куй давал ему деньги и

просил его уговорить меня не ходить к удэгейцам на Вагунбе, а обойти юрты их стороной, для чего обещал дать специальных проводников и носильщиков. Дерсу отвечал ему, что это не от него зависит. После этого он, Дерсу, лег на кан и притворился спящим. Ли Тан-куй выждал, когда, по его мнению, Дерсу уснул, тихонько вышел из фанзы и куда-то уехал верхом на лошади.

— Надо наша завтра на Вагунбе ходи. Моя думай, там что-то худо есть, — закончил он свой рассказ.

В это время снаружи слышался конский топот. Мы сунулись на свои места и притворились спящими. Вошел Ли

Тан-куй. Он остановился в дверях, прислушался и, убедившись, что все спят, тихонько разделся и лег на свое место. Вскоре я опять заснул и проснулся уже тогда, когда солнце было высоко на небе.

Проснулся я от какого-то шума и спросил, что случилось. Казаки доложили мне, что к фанзе пришло несколько человек удэгейцев. Я оделся и вышел к ним на улицу. Меня поразила та неприязнь, с какой они на меня смотрели.

После чая я объявил, что пойду дальше. Ли Тан-куй стал уговаривать меня, чтобы я остался еще на один день, обещал заколоть чушку и т.д. Дерсу в это время подмигнул мне,

чтобы я не соглашался. Тогда Ли Тан-куй начал навязывать своего проводника, но я отказался и от этих услуг. Как ни хитрил Ли Тан-куй, но обмануть ему нас так и не удалось.

От Сянь-ши-хезы тропа идет по правому берегу реки у подножия высоких гор. Через 2 км она опять выходит на поляну, которую местные китайцы называют Хозенгоу^[169]. Поляна эта длиной 5 км и шириной от 1 до 3 км.

Все иманские китайцы хорошо вооружены и живут очень зажиточно. Они относились к нам крайне враждебно. На мои вопросы о дороге и о численности населения они отвечали грубо: «Бу чжи дао» (не

знаю), а некоторые говорили прямо: «Знаю, да не скажу».

Немного дальше и несколько в стороне было удэгейское стойбище Вагунбе, состоящее из 4 фанз и юрт. По сведениям, здесь обитали 85 удэгейцев (29 мужчин, 19 женщин и 37 детей).

Когда мы подходили к их жилищам, они все высыпали нам навстречу. Удэгейцы встретили меня далеко не дружелюбно и не пригласили даже к себе в юрты.

Первый вопрос, который они задали мне, был такой: почему я ночевал в доме Ли Тан-куя? Я ответил им и в свою очередь спросил их, почему они так враждебно ко мне

относятся. Удэгейцы ответил и, что давно ждали меня и вдруг узнали, что я пришел и остановился у китайцев на Сянь-ши-хеза.

Скоро все объяснилось: оказалось, что здесь произошла целая трагедия. Китаец Ли Тан-куй нещадно эксплуатировал туземцев долины Имана и жестоко наказывал их, если они к назначенному времени не доставляли определенного числа мехов. Многие семьи он разорил совершенно, женщин насиловал, детей отбирал и продавал за долги. Наконец два из удэгейцев, Масенда и Сомо, из рода Кялондига, выведенные из терпения, поехали в Хабаровск с жалобой к

генерал-губернатору. Последний обещал им помочь и между прочим сказал, что я должен прийти на Иман со стороны моря. Он велел им обратиться ко мне, полагая, что на месте я легко разберусь с этим вопросом. Удэгейцы вернулись, сообщили сородичам о результатах своей поездки и терпеливо стали ждать моего прихода. О поездке Сомо и Масенды узнал Ли Тан-куй. Тогда для примера другим он приказал избить жалобщиков палками. Один из них умер во время наказания, а другой хотя и выжил, но остался калекой на всю жизнь. Тогда в Хабаровск поехал брат убитого Гулунга. Ли Тан-куй велел его

схватить и заморозить в реке. Узнав об этом, удэгейцы решили с оружием в руках защищать товарища. Создалось осадное положение. Уже 2 недели туземцы сидели на месте, не ходили на охоту и, за недостатком продовольствия, терпели нужду. Вдруг до них дошла весть, что я пришел на Сянь-ши-хеца и остановился в доме Ли Тан-куя. Я объяснил им, что мне ничего не было известно из того, что случилось на Имане, и что, придя в Сянь-ши-хеца, я до того был утомлен и голоден, что не разбирая воспользовался первой попавшейся мне фанзой.

Вечером все старики собрались в одну юрту. На совете решено было,

что по прибытии в Хабаровск я обо всем доложу начальству, буду просить оказать помощь туземцам.

Когда старики разошлись, я оделся и вышел из юрты. Кругом было темно, так темно, что в 2 шагах нельзя было рассмотреть человека. О местонахождении удэгейских жилищ можно было только узнать по искрам и клубам дыма, которые вырывались из отверстия в крышах. Вдруг в тихом вечернем воздухе пронеслись странные звуки: то были удары в бубен, и вслед за тем слышалось пение, похожее на стон и плач. В этих звуках было что-то жуткое и тоскливое. Как волны, они неслись в стороны и таяли в холодном ночном

воздухе. Я окликнул Дерсу. Он вышел и сказал мне, что в самой крайней юрте шаман лечит больного ребенка. Я отправился туда, но у самого входа в юрту натолкнулся на старуху, она загородила мне дорогу. Я понял, что присутствие мое нежелательно, и пошел назад по тропе.

В той стороне, где находились китайские фанзы, виднелись огоньки. Я почувствовал, что прозяб, вернулся в юрту и стал греться у костра.

Глава 29

От Вагунбе до Паровози

*Проводы. – Река Тайцзибери. –
Картун. – Враждебное настроение
китайцев. – Отказ в ночлеге. –
Ориентировка при помощи
обоняния. – Лофанза. – Мяолин. –
Буйный хозяин. – Паровози. – Река
Нэйцухе. – Село Котельное. –
Колесная дорога. – Угощение в
деревне Гоголевке. – Нижнее
течение Имана. – Услуга
попутчика. – Расставание с Дерсу. –
Станция Иман. – Возвращение в*

Хабаровск

На следующий день утром, 8 ноября, мы продолжали наш путь.

Все удэгейцы пошли нас провожать. Эта толпа людей, пестро одетых, с загорелыми лицами и с беличьими хвостиками на головных уборах, производила странное впечатление. Во всех движениях ее было что-то дикое и наивное.

Мы шли в середине, старики рядом, а молодежь бежала по сторонам, увлекаясь следами выдр, лисиц и зайцев. На конце поляны инородцы остановились и пропустили меня вперед.

Из толпы вышел седой старик.

Он подал мне коготь рыси и велел положить его в карман, для того чтобы я не забыл просьбы их относительно Ли Тан-куя. После этого мы расстались: удэгейцы вернулись назад, а мы пошли своей дорогой.

От устья Синанцы Иман изменяет свое направление и течет на север до тех пор, пока не достигнет Тхетибе. Приток этот имеет 3 названия: гольды называют его Текибира, удэгейцы – Тэгибяза, русские – Тайцзибери. Отсюда Иман опять поворачивает на запад, какое направление и сохраняет уже до впадения своего в Уссури. Эта часть долины Имана тоже слагается из

ряда денудационных и тектонических участков, чередующихся между собой. Такого рода долины особенно часто встречаются в Приамурском крае.

Между реками Синанцей и Тхетибе Иман принимает в себя с левой стороны в последовательном порядке следующие притоки: Ташидохе^[170] (длиной в 50 км) и Хейсынгоу^[171] (10 км). Между их устьями есть гора Ломаза-Цзун^[172], далее будут речки Мыдагауза^[173] (6 км) и гора того же имени и наконец речка Сяо-Шибaxe^[174] (25 км). С правой стороны в том же последовательном порядке будут: Вагунбе (40 км) с притоком

Тайнгоу^[175] (6 км) и Цуцувайза (15 км).

Река Тайцзибери длиной 100 км; она очень порожиста, завалена буреломом; в верхней части течет с востока на запад и только вблизи устья склоняется к югу. Вся долина покрыта густыми хвойно-смешанными лесами. В нижнем течении Тайцзибери имеет следующие притоки: с правой стороны Цологоузу^[176] (12 км), Чанцзуйзу^[177], с горой того же имени, и Сибичу^[178]; потом следуют: Ханихеза^[179], Бэйлаза^[180] и Дунанца. Сибича образуется из слияния Сяо-Сибичи^[181] и Санчазы^[182] и имеет

течение в среднем 9 км/ч, глубину около 1,5 м и ширину близ устья 50 м.

Если идти вверх по правой речке, то можно в 2 дня выйти на реку Бейцухе^[183], по второй – в 4 дня на Шитохе^[184] (верхний приток Бикина). С левой стороны в Тайцзибери впадают Нанца (25 км), Тяпогоу^[185] (20 км), Цамцагоуза^[186] (30 км), Поумазыгоу^[187] (12 км) и Талинго-уза^[188] (40 км). Между устьями третьей и четвертой рек находится довольно высокая гора, которую называют Логозуйза.

После принятия в себя Тайцзибери Иман поворачивает на запад. Здесь он шириною около 140

м, глубиной 3–4 м. Дальше с левой стороны в него впадают две маленькие реки: Шаньдапоуза^[189] (8 км) и Кауланьтунь^[190] (15 км). Последнюю китайцы называют Динзахе (Золотая река).

Летом, когда идешь по лесу, надо внимательно смотреть, чтобы не потерять тропу. Зимой, покрытая снегом, она хорошо видна среди кустарников. Это в значительной степени облегчило мне съемку.

Иман мало где течет одним руслом, чаще он разбивается на протоки. Некоторые из них имеют значительную длину и далеко отходят в сторону. Из них наиболее замечательны Тагоуза^[191], Наллю и

Картунская.

За эти дни мы очень утомились. Хотелось остановиться и отдохнуть. По рассказам удэгейцев, впереди было большое китайское селение Картун. Там мы думали продневать, собраться с силами и, если возможно, нанять лошадей. Но нашим мечтам не суждено было сбыться.

В промежутке между реками Динзахе и Картуном Иман принимает в себя много больших и малых притоков, которые имеют следующие названия: с правой стороны – Яумуга (25 км), Логозуйза^[192] (20 км) и Вамбалаза, то есть Черепашья скала (25 км).

Скалистые горы около Картуна носят то же название. Если смотреть на них в профиль со стороны Имана, то контуры их действительно напоминают черепаху. По рассказам удэгейцев, в горах между Логозуйза и Вамбалаза есть золото. С левой стороны в Иман впадают Каулентун (10 км), Сядопоуза (15 км), Чулагоу (40 км), Тундагоу (50 км), Тазыгоу^[193] (15 км) и Хоамихеза^[194] (12 км).

Картун собственно представляет собою большую котловину в 6 км длиной и 3 км шириной. Здесь насчитывается сорок две китайские фанзы.

Местность Картун можно считать границей, где кончаются

смешанные и начинаются широколиственные леса. Горы в стороне от реки покрыты кедровым лесом, который зимой резко выделяется своей темной хвоей.

День кончился, когда мы подошли к Картуну. Солнце только что успело скрыться за горизонтом. Лучи его играли еще в облаках и этим отраженным сиянием напоследок освещали землю.

В стороне около речки виднелись китайские фанзы.

Слово «картун», вероятно «гао-ли-тунь», означает «корейский поселок». Рассказывают, что здесь в протоках раньше добывали много жемчуга. По другому толкованию

«картун» означает «ворота». Действительно, на западе за Картуном долина опять суживается. С левой стороны к реке подходят горы Хынхуто^[195], а справа длинный отрог Вамбалазы.

Более зажиточных фанз, чем на Картуне, я нигде не видывал. Они были расположены на правом берегу реки и походили скорее на заводы, чем на жилые постройки.

Я зашел в одну из них. Китайцы встретили меня враждебно. До них уже долетели вести о том, кто мы и почему удэгейцы нас сопровождают. Неприятно быть в доме, когда хозяева нелюбезны. Я перешел в другую фанзу. Там нас встретили еще хуже, в

третьей мы не могли достучаться, в четвертой, пятой, десятой нам был оказан такой же прием. Против рожна не пойдешь. Я ругался, ругались казаки, ругался Дерсу, но делать было нечего. Оставалось только покориться. Ночевать около фанз мне не хотелось. Поэтому я решил идти дальше, пока не найду место, подходящее для бивака.

Настал вечер. Красивое сияние на небе стало блекнуть. Кое-где зажглись звезды.

Китайские фанзы остались далеко позади, а мы все шли. Вдруг Дерсу остановился и, закинув назад голову, стал нюхать воздух.

— Погоди, капитан, — сказал он. —

Моя запах дыма найди есть. Это удэге, — сказал он через минуту.

— Почему ты знаешь? — спросил его Кожевников. — Может быть, китайская фанза?

— Нет, — говорил Дерсу, — это удэге. Китайская фанза большой труба есть: дым высоко ходи. Из юрты дым низко ходи. Удэге рыбу жарят.

Сказав это, он уверенно пошел вперед. Порой он останавливался и усиленно нюхал воздух. Та к прошли мы 50 шагов, потом сто, двести, а обещанной юрты все еще не было видно. Усталые люди начали смеяться над стариком. Дерсу обиделся.

– Ваша хочу тут спи, а моя хочу юрта ходи, рыбу кушай, – отвечал он спокойно.

Я последовал за ним, а следом за мной пошли и казаки. Минуты через три мы действительно подошли к удэгейскому стойбищу. Тут были три юрты. В них жили 9 мужчин и 3 женщины с 4 детьми.

Через несколько минут мы сидели у огня, ели рыбу и пили чай. За этот день я так устал, что едва мог сделать в дневнике необходимые записи. Я просил удэгейцев не гасить ночью огня. Они обещали по очереди не спать и тотчас принялись колоть дрова.

Ночью был туманный мороз.

Откровенно говоря, я был бы очень рад, если бы к утру разразилась непогода. По крайней мере мы отдохнули бы и выспались как следует, но едва взошло солнце, как туман сразу рассеялся. Прибрежные кусты и деревья около протоков заиндевели и сделались похожими на кораллы. На гладком льду иней осел розетками. Лучи солнца играли в них, и от этого казалось, будто по реке рассыпаны бриллианты.

Я видел, что казаки торопятся домой, и пошел навстречу их желанию. Один из удэгейцев вызвался проводить нас до Мяолина. Та к называется большой ханшинный завод, находящийся на правом берегу

Имана, в 7 км от Картуна, ниже по течению.

Сегодня дорога мне показалась еще более тяжелой.

За Картунскими воротами долина опять расширилась. Я поднялся на одну из сопок. Интересное зрелище представилось моим глазам. На восток шла долина Имана: она терялась где-то в горах. Но на запад, север и юг, насколько хватал глаз, передо мной развертывалась огромная, слабо всхолмленная низина, покрытая небольшими группами редкого лиственного леса, а за ними на бесконечном пространстве тянулись белоснежные поля, поросшие травой

и кустарниками. Эту огромную низину китайцы называют Лофанза^[196]. Она длиной 80 км и в ширину по крайней мере 50 км. Места эти казались весьма удобными для земледелия. Однако нигде фанз не было видно. Китайцы избегают их, и, вероятно, не без основания: или земля здесь плохая, или она затопляется водой во время разливов Имана. По слухам, в местности Чингуйза есть еще одна юрта, в которой проживают 2 одиноких удэгейца.

В 2 часа мы дошли до Мяолина — то была одна из самых старых фанз в Иманском районе. В ней проживали 16 китайцев и 1 гольдячка. Хозяин ее

поселился здесь 50 лет тому назад, еще юношей, а теперь он насчитывал себе уже 70 лет. Вопреки ожиданиям он встретил нас хотя и не очень любезно, но все же распорядился накормить и позволил ночевать у себя в фанзе. Вечером он напился пьян. Начал о чем-то меня просить, но затем перешел к более резкому тону и стал шуметь.

— Мяолин не вчерашний и не сегодняшний, — говорил он. — Мяолин такой же старый, как и я, а вы пришли меня прогонять. Я вам Мяолин не отдам. Если мне придется уходить отсюда, я его сожгу.

Затем он объявил, что сейчас зажжет фанзу, пошел на двор и

притащил оттуда большую охапку соломы.

Все это кончилось тем, что Дерсу напоил его до потери сознания и уложил спать на той же соломе.

Утром мы рано ушли, оставив старика спать в его фанзе, которую он не хотел нам уступить и которую мы не собирались у него отнимать.

Странное дело, чем ближе мы подходили к Уссури, тем самочувствие становилось хуже. Котомки наши были почти пустые, но нести их было тяжелее, чем наполненные в начале дороги. Лямки до того нарезали плечи, что дотронуться до них было больно. От напряжения болела голова,

появилась слабость.

Чем ближе мы приближались к железной дороге, тем хуже относилось к нам население. Одежда наша изорвалась, обувь изнасилась, крестьяне смотрели на нас как на бродяг.

От Мяолина тропа пошла по кочковатому лугу в обход болот и проток. Через 2 часа она привела нас к невысоким сопкам, поросшим дубовым редколесьем. Эти сопки представляют собой отдельный массив, выдвинувшийся посредине Лофанзы, носящей название Коу-цзы-шань^[197]. Это остатки каких-то больших гор, частью размытых, частью потопленных в толщах

потретичных образований. У подножия их протекает маленькая речка Хаунихеза.

Стрелки шли лениво и часто отдыхали. Незадолго до сумерек мы добрались до участка, носящего странное название Паровози. Откуда произошло это название, так я и не мог добиться. Здесь жил старшина удэгейцев Сарл Кимунка со своей семьей, состоящей из 7 мужчин и 4 женщин. В 1901 году он с сотрудником Переселенческого управления Михайловым ходил вверх по Иману до Сихотэ-Алиня. В награду за это ему был отведен хуторской участок.

Вечером я узнал от него, что на

4 км ниже в Иман впадает еще одна большая река – Нэйцухе^[198]. Почти половина ее протекает по низине Лофанзы среди кочковатых болот, покрытых высокой травой и чахлой кустарниковой порослью. По его словам, Нэйцухе очень извилиста. Густые смешанные леса начинаются в 40 км от Имана. Потом идут гари и лесные болота. Из притоков Нэйцухе река Хайнето^[199] славится как местность, богатая женьшенем.

На следующий день мы встали поздно, закусили немного рыбой и пошли дальше. Сарл Кимунка проводил нас до корейцев, недавно поселившихся около Паровози. Внизу Иман еще не замерз – надо было

переправиться на лодке. Мы обошли все фанзы и нигде не нашли ни одного мужчины. Женщины испуганно смотрели на нас, молчали и прятали своих детей. Видя, что ничего добиться нельзя, я махнул рукой и велел стрелкам идти к реке. Удэгеец где-то нашел спрятанную в кустах плоскодонку. В ней он перевез нас через реку поодиночке и затем возвратился назад.

На левом берегу Имана, у подножия отдельно стоящей сопки, расположилось 4 землянки: это было русское селение Котельное. Переселенцы только что прибыли из России и еще не успели обстроиться как следует. Мы зашли в одну

мазанку и попросились переночевать. Хозяева избушки оказались очень радушными. Они стали расспрашивать нас, кто мы такие и куда идем, а потом принялись пенять на свою судьбу.

С каким удовольствием я поел крестьянского хлеба! Вечером в избу собрались все крестьяне. Они рассказывали про свое житье-бытье на новом месте и часто вздыхали. Должно быть, несладко им досталось переселение. Если бы не кета, они все погибли бы от голода, только рыба их и поддержала.

От села Котельного начиналась дорога, отмеченная верстовыми столбами. Около деревни на столбе

значилась цифра 74. Нанять лошадей не было денег. Мне непременно хотелось довести съемки до конца, что было возможно только при условии, если идти пешком. Кроме того, ветхая одежонка заставляла нас согреваться движением.

Мы выступили рано утром, почти на рассвете.

Тотчас же за Нэйцухе дорога подымается на перевал и на протяжении 9 км идет косогорами, имея с левой стороны болотистую низину Имана, а справа — возвышенности, поросшие старым и редким дубовым лесом дровяного характера. Дорога идет сначала на север, а потом у столба с цифрой 57

опять поворачивает на запад.

Следующая деревня была Гончаровка. Она больше Котельной, но состояние ее тоже было незавидное. Бедность проглядывала в каждом окне, ее можно было прочесть и на лицах крестьян, в глазах баб и в одежде ребятишек.

После полудня мы дошли до корейской деревушки Лукьяновки, состоящей из 52 фанз, разбросанных на значительном расстоянии друг от друга. Здесь мы отдохнули немного и пошли дальше. Сумерки застали нас в дороге. Мы все сильно устали, прозябли, и хотелось есть. Скоро я перестал разбирать цифры на инструменте, но дорога была видна.

Тогда я стал работать с огнем. По сигналу один из казаков подносил зажженную спичку к инструменту. При минутном освещении я замечал цифру нониуса, отмечал ее на планшете и шел дальше. Наконец впереди мелькнул огонек.

— Деревня! — воскликнули все в один голос.

— Ночью огонь постоянно обмани, — сказал на это Дерсу.

Действительно в темноте огонь виден далеко. Иногда он кажется дальше, чем есть на самом деле, иногда совсем близко, почти рядом. Мы шли, и, казалось, огонь тоже уходил от нас. Я уже хотел было сделать привал, но огонь вдруг сразу

появился совсем близко. В темноте мы разглядели избу, другую, третью — всего восемь домов. Это была деревня Вербовка. Многих крестьян не было дома, они ушли на заработки в город. Испуганные женщины приняли нас за хунхузов и не хотели отворять дверей. Пришлось прибегнуть к помощи старосты. Он приютил меня, Дерсу и Бочкарева у себя, а Г.И. Гранатмана, Мурзина и Кожевникова — соседи.

За этот день мы прошли 35 км и страшно устали.

До железной дороги оставалось еще 43 км. Посоветовавшись с моими спутниками, я решил попытаться пройти это расстояние в один

переход. Для исполнения этого плана мы выступили очень рано. Около часа я работал опять с огнем. Когда взошло солнце, мы подходили уже к Гоголевке.

Утро было морозное. Вся деревня курилась; из труб столбами поднимался белый дым. Он расстился по воздуху и принимал золотисто-розовую окраску.

Я не хотел здесь останавливаться, но один из местных жителей узнал, кто мы такие, и просил зайти к нему напиться чаю. От хлеба-соли отказываться нельзя. Хозяин оказался человеком весьма любезным. Он угощал нас молоком, белым хлебом, медом и маслом.

Фамилии его я не помню, но от души благодарю его за радушие и гостеприимство.

Деревня Гоголевка расположена на левом берегу Имана, в полукилометре от реки. Противоположный берег – нагорный. Горы эти носят следующие названия: Шаньгуачин^[200], Хоуши^[201], Вамбабоза и Сяошаньцунзы^[202]. Около первой горы (Шаньгуачин) в Иман впадает большая река Бэйцухе, текущая параллельно ему и только в низовьях склоняющаяся немного к югу. Длина реки около 150 км, ширина 40 м, глубина 2 м и скорость течения 3 км в час. В истоках она имеет перевал на Ситухе (приток

Бикина). Бэйцухе чрезвычайно извилиста, особенно в нижнем течении. За последние годы здесь производились большие лесные порубки. Из притоков Бэйцухе заслуживают внимания с левой стороны (от истоков книзу) – Дунанца, Хайке^[203], Сатохе^[204] и Сиксинда, справа – Сяухеза^[205], Ханихеза, Ушанка и Малая Бэйцухе. Между устьем и Иманом приютилась небольшая корейская деревушка Саровка, а еще ниже, там, где начинаются горы, 2 корейские деревни – Омбор и Самбор.

Чай с хлебом подкрепили наши силы. Поблагодарив гостеприимного хозяина, мы отправились дальше и

вскоре подошли к деревне Звенигородке. До железной дороги оставалось теперь только 23 км. Но что значит это расстояние после сытного завтрака, когда знаешь, что сегодня можно совсем закончить путь?!

День был ясный, солнечный, но холодный. Мне страшно надоела съемка, и только упорное желание довести ее до конца не позволяло бросить работу. Каждый раз, взяв азимут, я спешно зарисовывал ближайший рельеф, а затем согревал руки дыханием. Через час пути мы догнали какого-то мужика. Он вез на станцию рыбу.

— Как же вы так работаете? —

спросил он у меня. — Неужели вам не холодно?

Я ответил ему, что за дорогу мои перчатки изнасились.

— Та к возьмите же мои, — сказал попутчик. — У меня есть запасная пара.

Говоря это, он достал с воза теплые вязаные перчатки и подал их мне. Я взял перчатки и продолжал работать. 2 км мы шли вместе, я чертил, а крестьянин рассказывал мне про свое житье и ругательски ругал всех и каждого. Изругал он своих односельчан, изругал жену, соседа, досталось учителю и священнику. Надоела мне эта ругань. Лошаденка его шла медленно, и я

видел, что при таком движении к вечеру мне не удастся дойти до Имана. Я снял перчатки, отдал их возчику, поблагодарил его и, пожелав успеха, прибавил шаг.

— Как, — закричал он вслед, — неужто вы мне не заплатите?

— За что? — спросил я.

— А за перчатки!

— Да ведь ты получил их обратно, — ответил я ему.

— Вот тебе раз! — протянул с недовольством мой благодетель. — Я вас пожалел, а вы не хотите денег платить?!

— Хороша у тебя жалость, — вмешались казаки.

Больше всех рассердился Дерсу.

Он шел, плевался и все время ругал возчика разными словами.

– Вредный люди, – говорил он, – мой такой не хочу посмотреть. У него лица нету.

Выражение гольда «потерять лицо» значило – потерять совесть. И нельзя было не согласиться, что у человека этого действительно не было совести.

История эта на целый день испортила мне настроение.

– Как такой люди живи? – не унимался Дерсу. – Моя думай, его живи не могу – его скоро сам пропади.

После полудня мы подошли к реке Ваку и сделали привал на

дороге.

По прямой линии до железной дороги оставалось не более 2 км, но на верстовом столбе стояла цифра 6. Это потому, что дорога здесь огибает большое болото. Ветром доносило свистки паровозов, и уже можно было рассмотреть станционные постройки.

Я втайне лелеял мысль, что на этот раз Дерсу поедет со мной в Хабаровск. Мне очень жаль было с ним расставаться. Я заметил, что последние дни он был ко мне как-то особенно внимателен, что-то хотел сказать, о чем-то спросить и, видимо, не решался. Наконец, преодолев свое смущение, он

попросил патронов. Из этого я понял, что он решил уйти.

– Дерсу, не уходи, – сказал я ему.

Он вздохнул и стал говорить, что боится города и что делать ему там нечего. Тогда я предложил ему дойти со мной до станции железной дороги, где я мог бы снабдить его на дорогу деньгами и продовольствием.

– Не надо, капитан, – ответил гольд. – Моя соболь найди – его все равно деньги.

Напрасно я уговаривал его, он стоял на своем. Дерсу говорил, что он отправится по реке Ваку и в истоках ее будет гонять соболей, а затем, когда станут таять снега, перейдет на Даубихе. Там около

урочища Анучина жил знакомый ему старик гольд. У него он и решил провести два весенних месяца. Мы условились, что в начале лета, когда я пойду в новую экспедицию, пришлю за ним казака или приеду сам. Дерсу согласился и обещал ждать. После этого я отдал ему все имевшиеся у меня патроны. Мы сидели и говорили все об одном и том же. Я уже 3 раза условливался с ним, где нам опять встретиться, и всячески старался оттянуть время. Мне тяжело было с ним расставаться.

— Ну, надо ходи, — сказал Дерсу и стал надевать свою котомку.

— Прощай, Дерсу, — сказал я, крепко пожимая ему руку. — Спасибо

за то, что ты помогал мне. Прощай! Я никогда не забуду то многое, что ты для меня сделал!...

Большое красное солнце только что зашло, оставив за собой на горизонте тусклое сияние. Первая, как всегда, зажглась Венера, за ней – Юпитер и другие крупные звезды. Дерсу хотел было еще что-то сказать, но смутился и стал рукавом обтирать приклад своей винтовки. С минуту мы простояли молча, затем еще раз пожали друг другу руки и разошлись. Он свернул на протоку, влево, а мы пошли прямо по дороге. Отойдя немного, я оглянулся и увидел гольда. Он вышел на галечниковую отмель и рассматривал на снегу чьи-то

следы... Я окликнул его и стал махать головным убором. Дерсу отвечал мне рукой.

«Прощай, Дерсу», – подумал я про себя и пошел дальше. Казаки потянулись за мной.

Теперь перед нами расстилалась равнина, покрытая сухой буро-желтой травой и занесенная снегом. Ветер гулял по ней, трепал сухие былинки. За туманными горами на западе догорала вечерняя заря, а со стороны востока уже надвигалась холодная темная ночь. На станции зажглись белые, красные и зеленые огоньки.

За этот день мы так устали, как не уставали за все время

путешествия. Люди растянулись и шли вразброд. До железной дороги оставалось 2 км, но это небольшое расстояние далось нам хуже 20 в начале путешествия. Собрав последние остатки сил, мы потащились к станции, но, не дойдя до нее каких-нибудь 200–300 шагов, сели отдыхать на шпалы. Проходившие мимо рабочие удивились тому, что мы отдыхаем так близко от станции. Один мастеровой даже пошутил.

– Должно быть, до станции далеко, – сказал он товарищу со смехом.

Нам было не до шуток. Жандармы тоже поглядывали

подозрительно и, вероятно, принимали нас за бродяг. Наконец мы добрались до поселка и остановились в первой попавшейся гостинице. Городской житель, наверное, возмущался бы ее обстановкой, дороговизной и грязью, но мне она показалась раем. Мы заняли 2 номера и расположились с большим комфортом.

Все трудности и все лишения остались позади. Сразу появился интерес к газетам. Я все время вспоминал Дерсу. «Где-то он теперь? — думал я. — Вероятно, устроил себе бивак где-нибудь под берегом, натаскал дров, разложил костер и дремлет с трубкой во рту».

С этими мыслями я уснул.

Утром я проснулся рано. Первая мысль, которая мне доставила наслаждение, было сознание, что более нести котомку не надо. Я долго нежился в кровати. Затем оделся и пошел к начальнику Иманского участка Уссурийского казачьего войска Г.Ф. Февралеву. Он принял меня очень любезно и выручил деньгами.

Вечером мы ходили в баню. За время путешествия я так сжился с казаками, что мне не хотелось от них отделяться. После бани мы все вместе пили чай. Это было в последний раз. Вскоре пришел поезд, и мы разошлись по вагонам.

17-го ноября мы прибыли в
Хабаровск.

notes

Примечания

Да-цзянь-шань — большие
остроконечные горы. (Здесь и далее
все примечания принадлежат В.К.
Арсеньеву. Редакция сочла
возможным сохранить
транскрипцию, предложенную
автором.)

Дао-бин-хэ – река, где было много сражений.

Су-чан – площадь, засеваемая растением су-цзы, из которого добывают так называемое травяное масло.

Тан-гоу-цзы – болотистая падь.

Сан – разлившееся озеро.

Эр-цзо-цзы – вторая заповедь.

Майхе – река, где сеют много
пшеницы.

Д.Н. Мушкетов. Геологическое
описание района Сучанской ж. д.,
1910 г.

Н.М.

Пржевальский.

Путешествие по Уссурийскому краю,
1869 г., стр. 135–136.

В 1902 г. в селении
насчитывалось 88 семейств.

Решетчатые окна в китайских фанзах оклеиваются тонкой бумагой.

Сан – разлившееся озеро.

У-ла-хэ – река, где растёт много
травы у-ла, которую вкладывают в
охотничью обувь.

Обувь, сшитая из сохатиной или изюбровой кожи, выделанной под замшу.

Туземцы Восточной Сибири всех государственных служащих в обращении называли капитанами.

Местное название узкой
долины.

Прочная синяя материя, из которой китайцы шьют одежду.

Ле-фу-хэ — река счастливой
ОХОТЫ.

Ту-дин-цзы – земляная вершина.

Употребляется китайцами как
лекарство от трахомы.

Плоды стельных маток идут на
изготовление лекарств.

Основание селения относится к 1883 году.

Село Казакевичево основано в
1872 году.

Основана в 1885 году.

Сань-дао-ган — увал, по которому проходит третья дорога, или третий увал на пути.

Ху-ни-хэ-цзы – грязная речка.

Чай-дин-цзы – вершина, где есть дрова.

Сяо-хэ-цзы – маленькая речка.

Сяо-цзы-гау – долина семьи Сяо.

Бай-мин-хэ – речка ста имен, то
есть река, на которой живут многие.

Сунчжа-Ачан — вероятно, название маньчжурское, означающее пять связей — пять сходящихся лучей, пять отрогов и т.д.

А. Мичи. Путешествие по
Восточной Сибири, 1868 г., стр. 339.
Автор реку Сунгачу называет
Зунгачан.

Суйфунь – маньчжурское слово,
означающее «шило».

Так гольды называют Сихотэ-Алинь.

Так сибиряки называют комаров
и мошек.

Большая часть была дана из
Военно-топографического отдела.

Изгибы реки.

Самые низкие места, по которым сбегает вода.

Хань-дэ-динь-цзы-сы – вершина с кумирней Хань-дэ («китайской добродетели»).

Ди-эр-динь-цзы — вторая
вершина.

Релка — сухая, несколько
возвышающаяся местность,
окруженная болотистой равниной.
(Прим. ред.)

Хоу-дяиз – второй (задний)
постоялый двор.

Ши-тоу-хе – каменистая речка.

Тоу-да-гоу – первая большая
долина.

Эр-да-гоу — вторая большая
долина.

Сань-да-гоу — третья большая
долина.

Сы-да-гоу – четвертая большая
долина.

Хань-ни-хэ-цзы — речка с
засохшей грязью.

Янь-цзы-гоу — долина с
прогалинами.

ЧАО-ТАН-ГОУ-ЦЗЫ – ПАДЬ, ДОЛИНА,
ОБРАЩЕННАЯ К СОЛНЦУ.

Ха-ма-хэ-цзы – жабья речка.

Дао-био-хэ-цзы — малая Дао-бин-хэ.

Угэ-дин-цзы – пятая вершина.

Короткая и широкая долина с маленьким ручьем.

Чжун-тай-цзы – горный ручей.

Дяо-пи-гоу – соболиная долина.

Ното-хэ – енотовая река.

Вам-ба-хэ-цзы – черепастья река.

Фу-цзинь – маньчжурское слово
«фукэжин» – начало.

Хуан-ни-хэ-цзы – речка желтой
грязи.

Ван-гоу – извилистая долина.

Тайфун – искаженное китайское слово «тайфынь» – большой ветер, как называют тихоокеанские циклоны.

Ваи – листообразные ветви папоротника. (*Прим. ред.*)

Се-бу-ча-эр – косогор, где нужно
ногу ставить вкось.

Та-ба-хэ-за – тройной поток.

Ян-му-гоу-цзы — тополевая
долина.

Маньчжурское название
водораздельного горного хребта.

По-корейски водка называется
«сули».

Корзины, сплетенные из прутьев и оклеенные материей, похожей на бумагу, но настолько прочной, что она не пропускает даже спирт.

Местное выражение,
означающее сухую погоду при
облачном небе.

Две последние буквы
произносятся чуть слышно.

Цай-дун – владелец капитала.

Ли-фу-цзинь – внутренний Фу-цзинь.

Чао-су – черная сосна.

Мелкая ночная мошка.

И-да-фоу-цзы — долина первой
дороги.

Чжу-цзя-ма-гоу — долина семьи
Чжу, где растет конопля.

Вай-чу-цзинь – внешний Фу-цзинь, текущий в сторону, обращенную к морю.

Син-гуань-да-гоу — пыльная,
большая, голая долина.

От слова «денудация» – процесс разрушения и сноса горных пород под влиянием воздуха, воды, ледников. (*Прим. ред.*)

Тан-ню-гоу-цзы – долина, где в
топи завязла корова.

Хэй-му-да-гоу – большая долина
с черными деревьями.

Куань-дин-цзы — широкая
долина.

Сянь-ян-ла-цзы — скала,
обращенная к солнцу.

Ча-ми-гоу-цзы — долина, в которой легко заблудиться.

Ли-ся-гоу — нижняя грушевая
долина.

Ши-мынь — каменные ворота.

Сухостой, оставшийся после
пожара.

Пу-сун – обширный кедровник.

Местное выражение,
означающее сырой, влажный на
ощупь, но не мокрый предмет.

Рыба, похожая на горную форель.

Да-дун-гоу – большая восточная
долина.

Чен-цзы-гоу – долина с городком
(валом).

Сяо-пао-цзы — малая заводь.

Охота за оленями в начале лета
ради добычи пантов.

Дун-гоу-восточная долина.

Гань-хэ-цзы – сухая речка.

Ли-ба-гоу-цзы — долина с
изгородью для ловли зверей.

Ди-та-гоу-цзы — долина с
обвалившейся почвой.

Гуан-да-гоу — большая голая
долина.

Сяо-ли-ся-гоу — малая нижняя
грушевая долина.

Да-ли-ся-гоу – большая нижняя
грушевая долина.

Ю-шан-гоу — правая верхняя
долина.

Си-бей-гоу — северо-западная
долина.

Хай-ся-цзы-гоу — медвежья
долина.

Цы-мынь-со-гоу – долина семи
разбросанных.

Ди-та-шань — невысокая гора в виде башни.

Цинь-гоу-цзы — чистая долина.

Водочный, винокуренный.

Сяо-ин-цзы – малый лагерь.

Вань-гоу – извилистая долина.

Янь-тун-ла-цзы — скала в виде печной трубы.

Цинь-гоу-цзы – чистая долина.

Ча-эр-гоу-дзы
разветвляющаяся долина.

—

Люй-дянь-цзы-ян-гоу — зеленое
козье пастбище.

Ша-тянь-гоу — долина с
песчаными полями.

Са-лин-гоу – долина, идущая с
рассыпного хребта.

Дун-бей-ца — северо-восточный распадок.

Елань (*сиб.*) – возвышенная, голая и открытая равнина; лысина, плешина. (*Толковый словарь В. Даля*)

Цун-жун-гоу — поляна в лесу
около реки.

Да-бей-ча – большой северный распадок.

Да-нан-ча — большой южный распадок.

Место, где сливаются 2 реки.

Цао-цао-гоу-цзы — долина Цао-Цао.

Дун-ча — восточное
разветвление.

Сяо-ча – малое разветвление.

Сяо-ван-гоу-эр — малая
извилистая долина.

Да-си-ча — большое западное
разветвление.

Сяо-си-ча — малое западное
разветвление.

Да-ла-цзы-гоу – долина большой скалы.

Цзинь-цзы-хэ — золотая река.

У-да-гоу — пятая большая
долина.

Си-ча – западное разветвление.

Да-ма-ча-цзы-гоу — долина, где
растет высокая конопля.

Пань-чан-гоу — долина,
извилистая, как кишка.

Хэй-ба-тоу – черный лодочник.

Да-дянь-цзы — обширное
пастбище.

Вань-да-гоу — извилистая
большая долина.

Цзю-цзи-хэ — девятая быстрая
река.

Сы-сянь-дунь-эр — пещера
четырех духов.

Си-бей-гоу — северо-западная
долина.

Узкие места долины со скалистыми обрывами.

Помост на ветвях дерева, на котором охотники подкарауливают зверя.

Или «река, по которой много
леса».

Хун-та-ми – гора в виде большой буддийской пагоды.

Сян-ян-гоу — долина,
обращенная к солнцу.

Нан-ча – южное разветвление.

Левый приток реки Санхобе.

Так все маньчжурские народности называют русских.

Так удэгейцы называют
разбойников.

Сан-га-цзы – тройной распадок.

Ян-ху – переполненное озеро.

Сяо-бей-ча — малое северное разветвление.

Сяо-нан-ча — малое южное
разветвление.

Си-цзя-тунь – военный поселок
Си-цзя.

Дунь-да-гоу – большая восточная
долина.

Хуа-цзянь-гоу — долина, в
которой много цветов.

Ю-пи-гоу – долина рыбьей кожи.

Мо-чу-цзы-гоу — долина, где
растет много грибов.

Ту-фан-гоу – долина с домами из земли.

Ян-му-дин-цзы — тополевая
вершина.

Ма-чан-гоу — долина с
пастбищами для лошадей.

Сы-фан-гоу — четырехугольная
долина.

Да-у-хэ-ми-гоу — заросшая
долина на пятой большой реке.

Да-я-гоу — большая утиная
долина.

Ма-и-гоу – муравьиная долина.

Пи-ли-гоу – долина груш.

Сянь-ши-хэ-цзы — ароматная
речка.

Ло-цзы-гоу — долина, имеющая форму лемеха плуга.

Да-ши-тоу-хэ — большая
каменистая река.

Хэй-шань-гоу – долина черных
гор.

Лао-ма-цзы-гоу – тигровый след.

Май-да-гоу-цзы — большая
каменноугольная долина.

Сяо-си-бей-хэ — малая северо-западная река.

Дя-янь-гоу — долина, засеянная
маком для сбора опия.

Цао-ло-гоу-цзы — долина с
завядшей травой.

Чан-цзун-цзы — длинный клюв.

Си-бэй-ча — северо-западная
развилина.

Хань-хэ-цзы — пересыхающая
река.

Бэй-ла-цзы – северная скала.

Сяо-си-бэй-ча — малое северо-западное разветвление.

Сан-ча-цзы – тройной распадок.

Бэй-чу-хэ — река, текущая с севера.

Ши-тоу-хэ – каменистая речка.

Дяо-пи-гоу – соболиная долина.

Чи-му-ча-гоу-цзы — долина и
речка с мостом на козлах.

Бао-ма-цзы-гоу – долина барсов.

Да-минь-го-цзы — долина
большого хребта.

Сань-да-пао-цзы — третья
большая заводь.

Као-лян-тун – снежный поселок.

Да-гоу-цзы — большая долина.

Лао-гуа-цзуй-цзы — вороний
КЛЮВ.

Да-цзы-гоу – долина, где живут
«да-цзы».

Хуан-ми-хэ-цзы — речка, по которой растет липкое просо.

Хен-ху-дао – обычный тигровый
путь.

Лао-фан-цзы – старый дом.

Гао-цзы-шань – гора со рвом.

Нэй-чу-хэ – река, вытекающая
изнутри.

Хэй-ни-дао – дорога с черной
грязью.

Шань-гао-чэн — горный вал.

Хоу-ши – толстый камень.

Сяо-шань-цун-цзы — маленькая
остроконечная гора, похожая на
долото.

Хэй-хэ – черная речка.

Ша-тоу-хэ – песчаная речка.

Сяо-хэ-цзы – маленькая речка.